Ассоциация исследователей российского общества
(АИРО-XXI)

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

Международный совет научных проектов
и издательских программ АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Андрей МАКАРОВ	Генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	Арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ	МГУ им. М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ	Рурский университет в Бохуме
Ричард БУРГЕР	INTAS, Брюссель
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Московская школа экономики МГУ
Ричард ДЭВИС	Бирмингемский университет
Алан КАСАЕВ	МГЛУ
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-йоркский университеты
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Василий МОЛОДЯКОВ	Университет Такусеку, Токио
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины, Чапел Хилл
Борис СОКОЛОВ	Русский Пен-центр
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Российский исторический журнал «Родина»
Ютта ШЕРРЕР	Высшая школа по социальным наукам, Париж

РУССКИЙ МИР В XX ВЕКЕ

В 6-ти томах

Под редакцией
Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева

Предисловие
А.М. Рыбакова

Издание осуществлено благодаря партнерству
с Торгово-промышленной палатой РФ,
Департаментом по работе
с территориальными палатами

при содействии

торгово-промышленной палаты
Республики Башкортостан,

Брянской торгово-промышленной палаты,

Волгоградской торгово-промышленной палаты,

торгово-промышленной палаты
Воронежской области,

Липецкой торгово-промышленной палаты

М.Н. Мосейкина

Том 1

У ИСТОКОВ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОГО МИРА XIX — начало XX века

Москва
2014

Координатор проекта – *И.В. Зубков*

Дизайн и вёрстка – *Сергей Щербина*

Мосейкина М.Н.

У истоков формирования Русского мира. XIX – начало XX века. Том 1 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 392 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-236-0.

Монография посвящена становлению в XIX – начале XX в. Русского мира как культурно-цивилизационного феномена; выявлены причины и особенности его возникновения; представлены важнейшие направления миграционных потоков из России, показан их социальный, национально-конфессиональный, политический состав. Значительное место отводится анализу опыта политического, экономического и духовного потенциала Русского мира в Европе, Америке, Африке, странах Азиатско-Тихоокеанского региона, раскрываются связи и формы его взаимодействия с Россией.

Монография «У истоков формирования Русского мира. XIX – начало XX века» стала итогом завершения многолетней исследовательской работы автора в рамках коллективного проекта «Русский мир и Россия: модели и факторы единства и разъединения в XX веке», осуществленного под эгидой фонда «Русский мир».

ISBN 978-5-91022-236-0

© Мосейкина М.Н. , 2014
© АИРО-XXI, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 8

О ПРОЕКТЕ «РУССКИЙ МИР В XX ВЕКЕ» 10

ВВЕДЕНИЕ 13

Глава 1
РУССКИЙ МИР И ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Состояние эмиграционного вопроса в дореволюционной России и зарубежных странах 19

География складывания Русского мира за рубежом 33

Глава 2
КОНСТИТУИРОВАНИЕ ВНЕШНЕГО НАЦИОНАЛЬНОГО МИРА

Русская политическая эмиграция 64

Трудовая эмиграция из России 100

Национальная эмиграция 116

Религиозная эмиграция 132

Глава 3
КУЛЬТУРА РУССКОГО МИРА ЗА РУБЕЖОМ

Русское «академическое зарубежье» 151

Транскультурные диалоги Русского мира 178

Русская печать и библиотеки зарубежья 209

Путешествия за границу как новая культурная практика 232

Глава 4
РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ПОВСЕДНЕВНОСТИ РУССКОГО МИРА 262

Глава 5
РОССИЯ И РУССКИЙ МИР: СОЛИДАРНЫЕ СВЯЗИ 308

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 348

БИБЛИОГРАФИЯ 353

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 379

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русский мир, российское зарубежье существуют на протяжении почти 150 лет и являются примером не только межкультурного взаимодействия, но и важным элементом лучшего понимания истории самой России, ее современного потенциала в экономике, науке и образовании. Соотечественники в разных странах мира, их жизнь и заботы – одно из основных направлений внешней политики Российской Федерации. За сравнительно короткое время в свыше 40 странах мира открыто 90 центров «Русского мира». Практически каждое федеральное министерство и ведомство имеет сегодня нормативно-правовые документы и ежегодные планы по конкретным направлениям поддержки выходцев из России, а стержневым в течение 15 лет является Федеральный закон «О государственной политике в отношении соотечественников за рубежом».

В свою очередь, исторической миссией многомиллионной диаспоры стала причастность к проблемам нашей страны, её ценностям и традициям. На Ассамблеи Русского мира, проводимые с 2007 года и традиционно приуроченные к празднованию Дня народного единства, ежегодно собираются тысячи представителей различных общественных, некоммерческих, волонтерских организаций из 80 стран мира. Со многими из них поддерживает связи Торгово-промышленная палата РФ, которая активно содействует интегрированию отечественной экономики в мировую хозяйственную систему. Неслучайно, как сможет убедиться читатель, в представляемом издании прослеживается и такой аспект Русского мира, как эмигрантское предпринимательство. Его основу в начале прошлого века составляли наследники крупных состояний (к примеру, Елисеевы, Путиловы), а позднее – «новая» элита, сколотившая капитал на русской экзотике или благодаря торговле с Россией. И в наши дни современные российские бизнесмены за рубежом пусть и не находятся в истеблишменте, но занимают прочные позиции в бизнес-сообществах многих стран.

Торгово-промышленная палата в течение десяти лет поддерживает различные инициативы Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI), но данный проект является, пожалуй, самым значительным и масштабным. Представляемое издание в шести томах посвящено истории Русского мира в XX веке. Однако хочется выразить уверенность, оно не станет для читателя лишь воспоминанием о прошлом, а будет стимулировать к лучшему будущему, к миру со всем миром.

А.М. Рыбаков
Вице-президент
Торгово-промышленной
палаты РФ,
кандидат исторических наук

О ПРОЕКТЕ «РУССКИЙ МИР В XX ВЕКЕ»

Понятие *Русский мир* и проблематика Русского мира ворвались в общественный и научный лексикон буквально за одно последнее десятилетие. До этого Русский мир имел скорее религиозное либо художественное наполнение: «живущие в единстве веры, обрядов и обычаев» (Александр Островский), «первобытный русский мир», когда «вся Русь говорила одним и тем же языком» (Пантелеймон Кулиш) и др. Теперь же Русский мир имеет довольно основательное концептуальное и категориальное оснащение, обосновывается как международное «трансгосударственное и трансконтинентальное сообщество, объединённое причастностью к России и лояльностью к русскому языку и культуре» (В.А. Тишков), обозначается также как «цивилизационное, социокультурное и наднациональное пространство, охватывающее около трети миллиарда русскоязычных людей или почти каждого двадцатого жителя планеты, которые обладают духовными и ментальными признаками русскости и неравнодушны к судьбе и месту России в мире» (О.Н. Батанова). Разработаны геополитическая и геоэкономическая трактовки Русского мира (В.Л. Цымбурский и П.Г. Щедровицкий), выделены его главные опоры: православие; русская культура и русский язык; общая историческая память и общие взгляды на общественное развитие (Г.В. Друзенко).

Созданный в 2007 году Фонд «Русский мир» также довольно отчетливо сформулировал исходные идеологические постулаты своей разнообразной деятельности. Русский мир – это не только русские, не только россияне, не только наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты, выходцы из России и их потомки, но и иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, все те, кто искренне интересуется Россией, кого волнует её будущее. Все пласты Русского мира – полиэтнического, многоконфессионального, социально и идеологи-

чески неоднородного, мульти-культурного, географически сегментированного – объединяются через осознание причастности к России. Формируя Русский мир как глобальный проект, Россия обретает новую идентичность, новые возможности эффективного сотрудничества с остальным миром и дополнительные импульсы собственного развития.

Историки имеют все возможности внести свой вклад в осмысление природы Русского мира и перспектив его бытования. Современное историческое знание, обращаясь на протяжении многих десятилетий к таким темам, как Русское зарубежье (зарубежная Россия, Россия в изгнании), Российская эмиграция и Российская диаспора, имеет колоссальный документальный и исследовательский потенциал, без которого крайне сложно понять и структурировать Русский мир во всех его социально-экономических, политических, культурных и коммуникационных аспектах.

Наше издание в шести томах завершает проект, важнейшим этапом которого стало составление в 2008–2009 гг. уникальной и доступной всем Базы Данных[*]. Её авторы стремились раскрыть смысл и основные факторы единства или разъединения Русского мира, включая отношение к Российской империи, СССР, РФ и их восприятия на протяжении всего XX века. Учитывались различные проявления изменений – привязанность к государству или нации, исторической памяти, культуре вообще или религии, рассмотрение влияния русского сегмента современных коммуникаций, русской музыки и литературы, других «эмоциональных факторов». Для этого понадобилось новое прочтение корпуса известной научной, мемуарной и художественной литературы о русском зарубежье и эмиграции под углом зрения главной цели проекта. В Базу вошли также опубликованные документальные источники, а также хранящиеся в центральных архивах, в частности, Государственном архиве РФ (ГА РФ), включая «Пражский архив», Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), Российском архиве социально-политической истории (РГАСПИ), материалы массовой и специализированной

[*] См.: http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/analytics/research/news0005.html; http://www.airo-xxi.ru/-xx-

эмигрантской прессы – «День», «Социалистический вестник», «Новое русское слово». «Русская мысль», «Новый журнал», «Континент», «Политический дневник» и др. Каждый раздел Базы посвящен определённому периоду XX века: конец XIX в. – начало XX в.; 1917–1927; 1928–1938; 1939–1953; 1953–1985; 1986–2000.

Эта хронология легла и в основу настоящего шеститомного издания, канву которого в той или иной мере составляют следующие сюжеты: общая оценка периода, включая характеристику понятия Русский мир для каждого периода; отношение России к эмигрантам и эмиграции, юридическое оформление явления и разных его проявлений; география размещения эмигрантов по миру, примерная численность, сфера занятий; законы и нормы, определяющие статус эмигрантов в разных странах и их права; степень связанности представителей Русского мира в разных странах – общественные организации, центры, клубы, печать, праздники, акции и т. д.; меры по поддержанию русского языка, образования, развитию русской культуры и приобщения к ней; роль Русской православной церкви в объединении эмигрантов; роль посольств России / СССР; отношение представителей Русского мира к России / СССР, событиям, происходившим на родине, организации акций помощи и др.

Авторы выражают благодарность Фонду «Русский мир», поддержавшего первый этап проекта, и особенно В.А. Никонову. Благодарим также заместителя председателя Российского комитета по делам ЮНЕСКО А.С. Дзасохова. Незаменимое содействие в публикации результатов наших исследований оказала нам Торгово-промышленная палата РФ, Департамент по работе с территориальными палатами и лично С.Н. Катырин, А.М. Рыбаков и И.В. Зубков, которым мы выражаем искреннюю признательность.

Г.А. Бордюгов *А.Ч. Касаев*

ВВЕДЕНИЕ

Русский мир на геополитическом пространстве формировался длительное время, в том числе вследствие различных эмигрантских волн и исторических переломов в судьбе России. Феномен Русского мира дореволюционной эпохи представлял собой сообщество покинувших пределы Российской империи людей, различавшихся по политическим взглядам, социальному статусу, конфессиональной и национальной принадлежности, но продолжавших идентифицировать себя с русской культурой и русским языком и при этом объединенных духовными и ментальными признаками русскости, осознанием причастности к России как материнскому государству, лояльностью к ней и неравнодушием к ее судьбе[1]. В этот период появляются и первые элементы институционализации Русского мира в виде политических, профессиональных, творческих организаций и объединений, периодических изданий, школ, библиотек, архивов, православных храмов. Именно в этот период главную, консолидирующую роль, наряду с языком и культурой, играла духовная связь с исторической родиной, прервавшаяся (хотя не полностью) после 1917 г.

История контактов и связей России с народами мира насчитывает уже много веков. В разные исторические периоды выходцы из России проживали компактно и дисперсно в Европе, Америке, Африке, Австралии, и везде, где им приходилось останавливаться или оставаться подолгу жить, они не только умело адаптировались к инокультурной среде, но и приспосабливали окружающий мир к условиям, близким к исторической родине. Так, например, было с самыми первыми «беженцами от раскола» – старообрядцами, которые создавали старообрядческие села, где сохранялась вместе с верой и национальная традиция, образ жизни, язык. Еще более древнюю историю, берущую начало с XII в., имеют посещения русскими паломниками Святой земли. Такое явление, как Русская Палестина, возникшее в конце XIX – начале XX вв., включало в себя

десятки храмов, монастырей, подворий, гостиниц, школ и больниц, построенных русскими на Святой земле как для паломников из России, число которых достигало 15 тысяч в год, так и для местных арабов, учившихся в русских школах и лечившихся у русских врачей.

Решающую роль в расширении русского ареала за границей в дореволюционный период сыграла эмиграция как коллективная, так и дисперсная, когда решение покинуть страну принималось индивидуально, исходя из стремления как-то улучшить условия личного существования. Хотя в большинстве случаев переселений XIX – начала XX в. имелось сложное переплетение всевозможных мотивов и поводов, в том числе, политические и национально-религиозные преследования, стремление получить образование или повысить научную квалификацию, материальная необходимость и семейные обстоятельства, состояние здоровья и природно-климатические условия и т.д. Люди выезжали за границу на отдых, с туристической целью и для культурного обмена. Кроме того, присутствие за границей выходцев из Российской империи обусловливалось профессиональными обязанностями, гражданской и церковной службой, участием в морских и научных экспедициях, в военных походах и прочее. В целом, к началу XX в. Российское зарубежье представляло собой совокупность множества диаспор и социально-культурных групп, оказавших столь же многогранное и дифференцированное воздействие на социум принимающих стран[2].

В связи с тем, что Русский мир как модель консолидации наших соотечественников имеет серьезные перспективы развития в глобальном масштабе, особенно актуальным становится научное осмысление проблем его формирования как культурно-цивилизационного феномена, с выявлением особенностей положения русскоязычного населения за рубежом в разные периоды истории, анализом опыта политического, экономического и духовного потенциала Русского мира, его связей и форм взаимодействия с материнским государством.

В монографии специальное внимание уделяется состоянию эмиграционного вопроса в России в дореволюционный период, проблемам соблюдения прав эмигрантов и всех тех, кто покидал родину на неопределенное время. В ней представлены важнейшие направления миграционных потоков из России

в XIX – начале XX в., раскрыты причины отъезда людей из страны, показан социальный, национальный, политический состав эмиграции.

Значительное место в работе отводится анализу иммиграционного законодательства стран расселения, повседневной жизни русских за рубежом, процессам их адаптации, включая различные аспекты институционализации русской диаспоры, ее взаимодействия с инокультурной средой. При этом показаны степень открытости русских к межкультурному диалогу и «умение жить» (savor vivre, как говорили французы)[3] в обществе, которое демонстрировали представители образованной аристократии, академического зарубежья, деятели культуры, а также часть политической эмиграции, устанавливавшей международные связи с общественностью принимающих стран. Очагом русскости за рубежом являлись также великосветские салоны, русские хозяйки которых во Франции, Италии, Германии умели организовать цивилизованный досуг, устанавливали контакты и заводили знакомства с представителями политической и культурной элиты стран проживания. Одновременно подобные салоны и русские клубы становились местом встречи соотечественников – русских писателей, поэтов, художников, музыкантов, меценатов, пенсионариев, олицетворявших собой своеобразную русскую культурную идентичность в зарубежье.

Данная работа не ставит своей целью показать исчерпывающую картину истории формирования Русского мира за рубежом в дореволюционный период; за страницами издания остались отдельные фамилии и судьбы людей, чья жизнь заслуживает специального исследования. Тем не менее, в ней решалась задача, опираясь как на опубликованные источники и научные издания, так и на впервые вводимые в научный оборот архивные материалы, раскрыть феномен Русского мира, процесс его становления и институционализации; показать, с одной стороны, степень его включенности в зарубежное историческое пространство, с другой – подчеркнуть не прерывавшуюся связь с метрополией, которая осуществлялась через язык, культурный контекст, религиозно-духовное соприкосновение, участие в гуманитарных акциях и кампаниях.

Процессы, в которых участвовали за рубежом выходцы из Российской империи в своем различном статусе, предваряли

ту гуманитарную составляющую современной жизни, которая выступает дополнительным ресурсом по сопровождению внешнеполитических интересов нашей страны на международной арене и которая определяется в научной литературе как трансгуманитарное измерение политики[4].

Работа включает в себя в виде приложения подробную библиографию и корпус источников по изучаемой проблеме.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Тишков В.А.* Русский мир // Стратегия России. – 2007. – № 6. // valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii.html

[2] *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. – М., 2008. С. 446.

[3] *Гречаная Е.П.* Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII – первая половина XIX века). – М., 2010. С. 8.

[4] *Сухарев А.* Трансгуманитарное измерение политики: Опыт исследования институционализации НПО-сети в международных отношениях. – М., 2009.

<…> Когда видишь, как эта огромная империя с большим или меньшим блеском в течение двух веков выступала на мировой сцене, когда видишь как она по многим второстепенным вопросам приняла европейскую цивилизацию, упорно отбрасывая ее по другим более важным, сохраняя, таким образом оригинальность, которая хоть и является чисто отрицательной, но не лишена тем не менее своеобразного величия, когда видишь этот великий исторический факт, то спрашиваешь себя: какова же та мысль, которую он скрывает за собою или открывает нам; каков идеальный принцип, одушевляющий это огромное тело, какое новое слово этот новый народ скажет человечеству; что желает он сделать в истории мира? <…>

Вл. Соловьев. Русская идея

1

РУССКИЙ МИР И ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Состояние эмиграционного вопроса в дореволюционной России и зарубежных странах

Зарождение феномена «русского мира» за рубежом непосредственно связано с историей российской эмиграции, которая как массовое явление начинает проявлять себя с середины XIX в., хотя история переселения наших соотечественников насчитывает несколько столетий.

С установлением постоянных границ Российской империи фактически существовал запрет на свободный выезд из России без ведома государя, и вплоть до середины XIX в. эмиграция была явлением редким. Со становлением капитализма, связавшим мир в единое целое, эмиграция в современном смысле слова начала приобретать глобальный, общемировой масштаб на фоне усиления остроты религиозных, этнических, политических конфликтов, провоцировавших миграционные процессы.

Правящие круги России длительное время резко отрицательно относились к эмиграции, квалифицируя ее как явление в высшей степени вредное и нежелательное. На протяжении XIX в. (вплоть до 1905 г.) отсутствовало какое-либо эмиграционное законодательство и системный учет такого немаловажного фактора в общественно-экономической жизни страны, как массовая эмиграция[1]. В российском законодательстве отсутствовало само понятие «эмиграция». Российскому праву, писал в начале XX в. исследователь этой проблемы Ю.Д. Филиппов, «понятие эмиграция неизвестно, ибо оно не

определяет нормального выхода из российского подданства и не признает бессрочного пребывания российских подданных за границей»[2]. Принятое в 1885 г. Уложение о наказаниях содержало отдельную главу «О недозволенном оставлении отечества»[3]. Закон предусматривал несколько преступных деяний, входивших в само понятие «недозволенное оставление отечества», в том числе – вступление за границей в иностранную службу без разрешения правительства; вступление в подданство иностранной державы; неявка из-за границы на родину по вызову правительства; пребывание за границей дольше определенного законами срока без достаточных на то причин.

Уголовная санкция состояла в лишении всех прав состояния и вечном изгнании из пределов государства. Таким образом, переселение или эмиграция оценивались российскими властями как «недозволенное оставление отечества» сверх установленного срока, последствия которого определялись указом «Об ограничении пребывания русских подданных в иностранных землях» от 17 апреля 1834 г.[4] За государством устанавливалось право в любой момент прекратить пребывание подданного за границей. Соответственно при таком отношении к эмиграции исключалось, как пишет С.Я. Яновский, и всякое содействие кому-либо в совершении этого «недозволенного деяния», и более того, всякое участие в этом деле подпадало под действие уголовного закона[5].

Не допуская выхода из российского подданства, действовавшее законодательство не признавало и бессрочного пребывания россиян за границей. В 1903 г. появился Устав о паспортах, устанавливавший пятилетний срок пребывания за рубежом и обязательную плату каждые полгода за паспорт. Продление допускалось лишь с разрешения губернского начальства. В том случае, если срок пребывания за границей не продлевался и эмигрант не возвращался, то он считался потерявшим гражданство, а его имущество переходило под опекунское правление. В случае возвращения в Россию, данное лицо подлежало вечной ссылке. И, хотя на практике давались отсрочки, тем не менее общее правило о пятилетнем сроке имело полную силу и обеспечивалось Уложением о наказаниях (ст. 327). Исключением из общего правила стало разрешение евреям с 8 мая 1892 г. официально уезжать из страны, но без права на возвращение.

Необоснованно большие сроки выдачи и дороговизна паспортов (15 руб. за полгода, плюс 25 руб.– налог на выезд) заставляли подавляющую часть россиян отказываться от попытки их приобретения и искать другие пути для эмиграции, наиболее верным из которых был тайный переход западной сухопутной границы России. Так, нелегальный ночной переход границы с Австро-Венгрией стоил обычно 3–5 рублей с человека, а за паспортом надо было ехать в губернский город, ходить по канцеляриям, платить 15 рублей за документ и не меньше – в виде взяток чиновникам. При возвращении на родину людям приходилось снова «красть границу», чтобы не платить теперь уже от 100 до 200 рублей штрафа[6]. В 1910 г. беспаспортные, нелегально переходившие российскую границу, составляли до 80 % (по некоторым данным – до 90 %) от общего числа выезжавших за пределы отечества.

Большое количество препятствий, с которыми сталкивались люди при получении заграничного паспорта, вызвали к жизни в западной и южной России особый тип посредников – агентов, бравших на себя все хлопоты, связанные с переходом границы. Однако и в этом случае дело нередко доходило до стрельбы в случае встречи с пограничниками. «Ежегодно десятки эмигрантов гибнут под пулями пограничной охраны…, – писал С.Я. Яновский, – Уезжают, конечно же, не от хорошей жизни. Иные гибнут в пути, не достигая заветных берегов. Большая же часть претерпевает в пути такие страдания и мытарства, что немало эмигрантов отказалось бы от своих намерений, если бы остановки в пути им были заранее известны»[7].

В случае отсутствия какого-либо удостоверяющего документа агент брал на себя обязательства перевозки эмигранта через границу без паспорта с помощью подкупа солдат пограничной службы, а также путем использования так называемых легитимационных билетов, выдававшихся жителям пограничных местностей на случай их отъезда за границу на короткий срок. Эмигранты вписывались в местные книги и становились постоянными пограничными жителями, автоматически приобретая право на получение свидетельства (легитимационного билета) для перехода через границу.

Нередко агенты пароходных компаний заманивали доверчивых крестьян обещаниями вывезти их из России на заработки бесплатно. В этом случае людей собирали в группы и отправ-

ляли в один из русских портовых городов с одним общим паспортом. Получая плату за каждого эмигранта в отдельности, агенты старались набирать как можно большее количество человек вне зависимости от возможности размещения их на пароходах. В результате люди ожидали отправки от нескольких дней до нескольких недель. Пароходные общества при этом отказывались брать на себя заботу о содержании эмигрантов, а агенты, отбиравшие у людей деньги на проезд, также не собирались платить за переселенцев во время ожидания парохода и нередко скрывались. В случаях, когда российским консулам удавалось получить сведения о недобросовестных агентах, Министерство иностранных дел передавало эти данные органам внутренних дел для возбуждения уголовного дела[8]. Подобный агентский промысел относили в те годы к темным и мрачным сторонам эмиграционного дела. Действия аналогичных контор санкционировались либо правительством страны, заинтересованной в иммиграции, либо пароходными компаниями, получавшими от столь массовой перевозки людей немалую прибыль. В России деятельность иммиграционных агентств официально была разрешена лишь в начале XX в.

В свою очередь, человек, оказавшийся в чужой стране без заграничного паспорта, лишался государственной поддержки и права на защиту со стороны российских консульств и миссий за рубежом. И как следствие – эмигранты претерпевали много лишений и невзгод. В результате в Министерстве иностранных дел были вынуждены признать в те годы, что «наш переселенец совершенно беззащитен и делается жертвой эмиграционных агентов», а в силу свойственных ему доверчивости и низкой степени развития, он не в «состоянии был сознательно отнестись к переселенческой пропаганде»[9]. В результате нередки были просьбы о возвращении на родину, которые, по признанию официальных лиц, «доставляли правительству немало затруднений», поскольку несостоявшиеся эмигранты, истратив свои сбережения на дорогу и обустройство, приходили обратно «обнищавшими». Министерство внутренних дел вначале не признавало целесообразным выделять денежные пособия возвращавшимся на родину, указывая на то, что большинство эмигрантов оставляли российскую территорию тайно. Однако в дальнейшем власти согласились разрешить заграничным представителям оказывать в крайних

случаях и при настоятельной необходимости денежную помощь возвращавшимся на родину неимущим переселенцам из крестьянского сословия, выдавая им «виды на въезд в Россию»[10].

Вскоре стала известна и еще одна негативная сторона эмиграционного процесса. Как оказалось, в начале 1890-х годов российский генеральный консул в Буэнос-Айресе не раз обращал внимание Министерства иностранных дел на такой факт (который с каждым годом принимал все большие масштабы), как систематическая организация вербовки русских женщин «для разврата» в странах Южной Америки, главным образом в дома терпимости Буэнос-Айреса. В 1895 г. в аргентинской столицы насчитывалось до 4 тыс. европейских проституток (более половины из которых были русские и польки). Если в конце 1880-х годов это явление носило случайный характер, то к концу 90-х, как отмечалось в отчетах МИДа, подобная вербовка под прикрытием эмиграционного флага достигла широкого распространения и превратилась в «выгодный промысел». В Юго-Западных губерниях, Царстве Польском были обнаружены многочисленные разветвленные преступные группировки, которые нередко действовали под видом благотворительных ассоциаций взаимной помощи[11].

В 1902 г. в Париже была созвана международная конференция для обсуждения мер по борьбе с торгом женщинами, по окончании которой были одобрены совместные международные акты, включая соглашение об административных мерах для международной борьбы с указанным социальным злом и конвенцию об оказании договаривающимися государствами взаимной судебной помощи в том же направлении. Первый из этих актов был подписан 18 мая 1904 г. представителями 12 государств, включая Россию. 4 мая 1910 г. была заключена конвенция (также подписанная российской стороной), устанавливавшая обязательство для договаривающихся государств преследовать в судебном порядке совращение в разврат несовершеннолетних женщин и девушек, а также и совершеннолетних, в случае, если для того было употреблено насилие, угрозы, обман или деяния, являющиеся отдельными частями подобного преступления, совершенного за границей. Конвенция устанавливала порядок обмена судебных поручений по делам подобного рода, справками о судимости и проч.[12]

Однако, несмотря на усилия, предпринимавшиеся разными государствами, неконтролируемая проституция сохранялась, принося огромные барыши дельцам подобного бизнеса.

Таким образом, вплоть до начала XX в. пропаганда эмиграции в России была уголовно наказуема. Законом от 26 апреля 1906 г. устанавливалось наказание за распространение «заведомо ложных слухов о выгодах переселения за границу». Игнорируя эмиграцию как правовое явление, власти не считали нужным определять свои обязанности в отношении граждан, которые были вынуждены покидать страну, то есть государство, как справедливо пишет С.Я. Яновский, «не знало эмигранта» ни в тот момент, когда «он тайно или явно (как путешественник)» переходил границу, ни тогда, когда он поселялся в новой стране[13].

Как свидетельствуют официальные документы, в обязанности российских миссий и консульств за рубежом никогда не входило предоставление отчетов о деятельности по охране и защите интересов русских подданных, находившихся за границей. Консульский устав предписывал дипломатическим службам лишь в конце года составлять ежегодные обзоры о торговле и мореплавании во вверенном им округе, при этом внутренняя жизнь консульства, отношение консулов к русским подданным, временно посещавшим или постоянно пребывавшим в консульском округе, оставались незатронутыми, хотя в отчетах Министерства иностранных дел фиксировались динамика и направление выезда подданных из Российской империи. Следует признать также, что при тогдашнем состоянии дел консулы были просто бессильны оказывать какую-либо помощь эмигрантам, не имея возможности часто и надолго оставлять свои посты с тем, чтобы посещать места, где жили и работали русские переселенцы. В результате, они не владели информацией о соотечественниках, находившихся за границей, о роде их занятий, сношениях с дипломатическими представителями. И даже после появления специального циркуляра на этот счет в адрес посольств, миссий, генеральных консульств и нештатных вице-консульств сведения, поступавшие от российских дипломатов, оставались неполными или обрывочными, поскольку связь между ними и русскими подданными за границей оказывалась в большинстве случаев весьма слабой, а во многих местностях ее и вовсе не существовало[14].

Тем временем в странах Западной и Центральной Европы, которые раньше, чем Россия стали поставщиками эмигрантов в страны Нового Света, к концу XIX в. уже существовало детально разработанное законодательство об эмиграции. Признавая свободу эмиграции, западноевропейские законы устанавливали некоторые ограничения для отдельных категорий граждан, определяли права и обязанности предприятий, занимавшихся перевозкой эмигрантов, порядок заключения ими договора о перевозке, а также права и обязанности посредников при заключении этого договора (так называемых «агентов»). Центральное место в соответствующих законодательных актах занимали нормы, направленные на защиту эмигрантов в пути, особенно во время морского плавания. Наконец, в некоторых странах (в частности, в Италии, Венгрии) закон подробно определял юридические последствия эмиграции, стараясь примирить внешнюю отчужденность эмигрантов от родины и невозможность выполнения ими всех государственных повинностей со стремлением к поддержанию связей между государством иммиграции и его бывшими гражданами[15].

К началу XX в. в связи с ростом эмиграционного потока из России для отечественных дипломатов и чиновников также становилась очевидной необходимость регламентировать вопрос об эмиграции, который совершенно не затрагивался «действующим законом», и привести его в соответствие с аналогичными законодательствами европейских стран[16]. Известное влияние на решение правительства приняться за эмиграционный вопрос оказало также и то обстоятельство, что движение выезда из страны стало принимать грандиозные масштабы, и параллельно с этим стало усиливаться участие в эмиграции наряду с инородцами лиц русской национальности, главным образом крестьян (в 1906/07 гг. только в США выехало 16 085 человек). Постоянно увеличивавшееся в этот период эмиграционное движение из России свидетельствовало о том, что причины переселения лежали прежде всего в сложившихся в стране социальных и экономических условиях, поэтому становилось ясно, что запретительные меры были не в силах остановить подобное движение.

С другой стороны, отмечались и некоторые положительные стороны в процессах эмиграции в связи с тем, что часть

русских, пробыв за границей, возвращалась на родину. Склонность к окончательному обоснованию в чужих краях, по признанию дипломатов, проявляли главным образом финны, шведы, немцы и евреи. Пребывание переселенцев за границей, в особенности в США, способствовало, как отмечалось, приобретению «культурных привычек и технических познаний», которые они с пользой применяли по возвращении на родину[17]. Немаловажным был и тот факт, что эмигранты высылали на родину и привозили с собой сбережения, представлявшие в общей сложности значительную сумму.

Все эти причины привели к необходимости созыва в России в 1906 г. межведомственного совещания по вопросам защиты эмигрантов с участием представителей Министерств торговли и промышленности, внутренних дел, иностранных дел, финансов, военного, морского и путей сообщения, представителей русских пароходных предприятий и общественных организаций. Представители Министерства иностранных дел на этом совещании заняли достаточно прагматичную позицию. В частности, в отношении южноамериканского направления, где русские переселенцы занимались преимущественно сельскохозяйственными работами, признавалось, что, едва ли справедливо и полезно было для государства ставить искусственные преграды для «выселения за границу эмигранту, не находящему на родине применения своим силам» в то время, как не получило правильного направления дело о переселении внутри самой империи[18].

На совещании был принят проект документа, близкого к германскому закону об эмиграции 1897 г., на основании которого за всяким гражданином признавалось право «переселяться на неопределенное время в иностранное государство». В свою очередь, государство должно было взять на себя обязательства защиты интересов эмигрантов, сочетая заботу о благе широких масс, переселявшихся в чужие страны, с охраной интересов и поощрением отечественных мореходных предприятий. Проект предусматривал также отправку по возможности всех эмигрантов к русским портам и на суда, плававшие под российскими флагами. Однако данный проект так и не был превращен в законодательную норму. Исключением стала лишь попытка российских мореходных компаний организовать прямую перевозку эмигрантов и грузов из России на русских

судах и под русским флагом, которая завершились созданием «Добровольного флота» и «Русско-Восточно-Азиатского пароходства», а также открытием в 1908 г. русско-американской линии «Либава – Нью-Йорк» (которая тем не менее не выдержала конкуренции с международными линиями).

В то время, как Россия только пыталась приступить к правовому регулированию эмигрантского вопроса, европейские страны и государства Нового Света в рассматриваемый период уже имели свои иммиграционные законодательства. Так, вплоть до начала Первой мировой войны для въезда в Германию не требовалось визы, а предъявление паспорта спрашивалось только от въезжавших из России. Данное требование, не соответствовавшее закону от 12 октября 1867 г., применялось скорее как мера репрессивного характера вследствие особых паспортных формальностей, существовавших в самой России[19].

Тем не менее Первая мировая война, совершенно прекратившая въезд в пределы Германии российских граждан, вызвала одновременно со стороны немецкого правительства ряд мер ограничительного характера для подданных нейтральных стран (появились законы от 16 декабря 1914 г., 21 июня 1916 г.). Особое разрешение в те годы требовалось для въезда в Баварию. Законом от 21 августа 1914 г. министру внутренних дел было предоставлено право запрещать въезд в Баварию иностранцам по соображениям общественной безопасности, а также высылать их из Баварии и вводить для них ограничения в отношении прав на жительство[20].

До издания специальных паспортных правил (от 24 июня 1916 г.) приказом берлинской полиции от 1 марта 1915 г. было разъяснено, что «иностранцы, не имеющие определенного подданства… как лица не могущие иметь паспорта имеют право на получение Personal Ausweis и что такое же право имеют иностранцы, оказавшиеся без паспорта по условиям военного времени». Если они «не возбуждали подозрения и не встречалось препятствий для разрешения проживать в Берлине», то им выдавался Personalausweis на основании донесения «о благонадежности иностранца с приложением удостоверения личности и фотографии»[21].

На широкий прием иммигрантов вплоть до конца XIX в. была рассчитана также иммиграционная политика США, поскольку Новый Свет остро нуждался в рабочей силе для про-

мышленного и аграрного секторов экономики. Этому способствовало принятие в 1862 г. Закона о гомстедах, по которому бесплатно предоставлялись земельные наделы как американцам, так и прибывавшим из Европы будущим фермерам. Другой важной чертой этого периода, как пишет В.А. Тен, был идеологический, точнее националистический, импульс: необходимость определить идентичностъ новой нации, описать особую индивидуальность новых граждан относительно к Старому Свету. Логическим обоснованием возникающей нации стало представление о США «как о приюте для угнетенных, как республиканском убежище для тех, кем помыкают в монархической и упадочной Европе»[22]. В 1864 г. в США был принят Закон о поощрении иммиграции, который разрешал ввозить рабочих по контракту, предусматривавшему, что наниматель оплачивал проезд до Америки и гарантировал работу на определенный срок, в течение которого иммигрант был обязан работать у этого предпринимателя.

Вводимые в течение последующих двадцати лет меры представляли собой переход от учета иммигрантов к регулированию их потока и ограничению иммиграции в целом. В 1882 г. Конгресс принял первый всеобъемлющий федеральный закон об иммиграции, который учреждал новое иммиграционное бюро в составе Министерства финансов США. Социальное обеспечение иммигрантов оплачивалось из федерального фонда, пополнявшегося за счет взимания 50-центового сбора с каждого прибывающего иностранца.

В США при этом были определены показатели минимума здоровья иммигрантов, что стало эффективным средством недопущения в страну и легальным основанием для депортации иммигрантов, отклоненных американскими инспекторами. Иностранцы, которые высадились в Америке нелегально или в течение года оказались на социальном попечении, также подлежали депортации. В 1903 г., спустя два года после убийства польским анархистом президента Уильяма Маккинли, конгресс запретил въезд в страну анархистам и саботажникам (наряду с эпилептиками и профессиональными нищими). К тому же, чтобы частично предупредить въезд бедняков, был поднят подушный налог до 4 долларов. Принятие в 1917 г. закона, увеличивавшего число категорий иностранцев, не допускавшихся в США, ознаменовало переход к принципиально новой имми-

грационной политике – рестрикционизму или политике «почти закрытых дверей», которая при последующих пересмотрах и некоторых изменениях иммиграционного законодательства сохраняла свою силу.

Канадские власти также в рассматриваемый период объявляли о потребности своего государства в миллионах иммигрантов для занятия все еще пустых земель и для горнопромышленного дела. Но более всего экономика Канады нуждалась в крестьянской иммиграции. Речь прежде всего шла о землеробах северных стран Европы, в том числе из России, поскольку, как отмечалось, географическое положение Канады и северной европейской земледельческой России в значительной степени оказались схожи: «одна и та же почва, одни и те же климатические условия, поэтому нужны были одни и те же фермерские приемы»[23]. Правительство Канады предоставляло поселенцу на земле различные льготы и привилегии, в соответствии с которыми за 10 долларов возможно было приобрести в собственность целый гомстэд в 160 акров. Кроме того, в качестве положительного момента для переселения в Канаду называлось наличие в этой стране различных свобод – совести, слова и печати, о которых, как отмечалось, «в России только лишь мечтают»[24].

Одной из специфических черт исторического развития стран Нового Света являлось колонизационное движение в страны Латинской Америки, которое обусловливало разработку этими государствами соответствующей иммиграционной политики (закон «Об иммиграции и колонизации» от 6 октября 1876 г. Аргентины, закон от 15 декабря 1889 г. «О полной натурализации иностранцев в Бразилии», закон 1903 г. «О привлечении иммигрантов-земледельцев в Парагвай»), направленной на содействие земледельческой колонизации европейцами, что, в свою очередь, создавало соответствующую юридическую базу для укоренения переселенцев в районах латиноамериканской сельвы[25].

Основной переселенческий поток из Европы направлялся в Аргентину, Бразилию, Уругвай, чьи правительства обратились к политике поощрения иммиграции, гарантируя при этом иностранцам достаточные права и привилегии. Так, Основной закон Аргентины (Конституция) гласил:

«Все жители республики пользуются… правами: работать и заниматься, каким угодно делом; плавать и торговать; подавать петиции властям; прибыть, оставаться, передвигаться и выбыть из аргентинской территории. Печатать свои мысли путем прессы без предварительной цензуры. Пользоваться и располагать своею собственностью. Собираться для полезных целей. Исповедовать свободно свою религию; обучать и учиться…» (§ 14).

«Аргентинская нация не признает никаких преимуществ крови и рождения; не признает никаких титулов; все жители равны перед законом…» (§ 16).

«Иностранцы пользуются всеми правами гражданина и могут натурализоваться через два года по прибытии в страну, хотя власти могут допустить натурализацию и раньше…» (§ 20)[26].

Как отмечал изучавший проблемы колонизации в странах Латинской Америки Е. Лапин, «хотя действительная жизнь в Аргентине часто идет в разрез с законами, тем не менее свободу труда и передвижения и свободу совести, можно считать вполне обеспеченной за каждым обитателем»[27].

В Бразилии в декабре 1889 г., через месяц после провозглашения республики, в целях стимулирования иммиграции был принят закон о натурализации, по которому все иностранцы, проживавшие на территории страны к 15 ноября 1889 г., признавались бразильскими гражданами с соответствующими им гражданскими и политическими правами, за исключением права занимать пост главы государства. На основании декрета № 904 от 12 ноября 1902 г. «О натурализации иностранцев» бразильское гражданство в соответствии со ст. 69. Конституции предоставлялось среди прочего иностранцам, владевшим в Бразилии недвижимостью и женатым на бразильянках, если у них имелись дети, родившиеся в Бразилии, с тем, однако, условием, чтобы они прожили в Бразилии больше двух лет. Натурализованные иностранцы пользовались всеми гражданскими и политическими правами и могли занимать всякого рода посты и должности на государственной службе, исключая посты Президента и Вице-Президента Республики, сенатора и депутата (первого до истечения шести, а второго – четырех лет со дня натурализации). От иммигранта требовалось добропорядочное поведение в нравственном и гражданском отношении, подтвержденное официальными документами. Не раз-

решалась натурализация иностранцев, которые в Бразилии или за границей были преданы суду или осуждены «за убийство, кражу, грабеж, злостную несостоятельность, подлог, контрабанду, мошенничество, подделку монеты и сводничество»[28].

По Конституции 1870 г. еще одной латиноамериканской страны – Парагвая иностранцы, прибывавшие туда, освобождались от всех налогов и обязательной воинской службы. Но в отличие, например, от соседней Аргентины, парагвайское правительство было не в состоянии оказывать иммигрантам действенную помощь сельхозорудиями, денежными ссудами и т. п. Наоборот, обязательным условием для всех прибывавших в Парагвай эмигрантов было наличие первоначального капитала, что не способствовало массовой иммиграции[29].

В Чили первый иммиграционный закон был принят еще 10 апреля 1824 г. В 1843 г. здесь была создана специальная комиссия для рассмотрения проектов колонизации юга Чили. Результатом их изучения стал новый закон, принятый в ноябре 1845 г. и разрешавший «на 6 тысячах десятин невозделанных земель, основать колонии местных уроженцев и иностранцев, прибывших в страну с целью поселиться здесь и создать полезные предприятия; наделить их необходимым для их деятельности количеством земель, оказать им помощь инвентарем, семенами и прочим, что требуется для обработки земли, чтобы поддержать их в первый год»[30]. Важным пунктом закона была легализация иммигрантов в Чили, что положило начало легальному иммиграционному процессу в этой стране.

В 1888 г. декретом чилийского правительства национальное Аграрное общество было заменено Главной инспекцией по колонизации, ставшей координирующим миграционным органом внутри страны. В Европе его представляла Служба колонизации. В 1889 г. к этой правительственной организации прибавилось созданное в Сантьяго Бюро иммиграции, которое занималось устройством стихийно прибывавших иммигрантов, которых оказалось намного больше, чем организованных. В том же году право получить статус колониста было предоставлено всем прибывшим в Чили без предварительного контракта при условии, что они обратились за ним в первый год своего пребывания в стране.

В соответствии с новым положением об иммиграции от 24 июня 1905 г., свободным иммигрантом в Чили считался «лю-

бой иностранец – выходец из Европы и США, земледелец, шахтер или человек, способный работать по иной профессии в торговле или промышленности, возрастом не старше 50 лет, который в состоянии доказать свою нравственность и работоспособность и приехавший в республику через Службу иммиграции, чтобы наняться на уже существующие или создающиеся в стране предприятия». От кандидатов в иммигранты для въезда в Чили среди прочего требовалось выполнение ряда условий: предоставить свидетельства о рождении, о состоянии здоровья, нравственности, выполняемой работе[31].

По декрету-закону «Положение о свободной эмиграции» от 26 сентября 1907 г. в Европе была создана чилийская Главная служба иммиграции с резиденцией в Генуе. В новом Положении сохранялись все прежние гарантии, включая предоставление транспорта для переезда, размещение и содержание в течение 8 дней после прибытия на государственных постоялых дворах для всех, кто сможет подтвердить свои индустриальные умения, особенно в горном деле. 14 октября 1907 г. был принят очередной декрет, который упразднял Главную службу иммиграции, заменив ее Главной инспекцией по колонизации и иммиграции, включавшей два подразделения: колонизации (которое занималось предоставлением статуса колониста местным жителям и иностранцам; контролем за выполнением контрактов и соглашений об иностранной колонизации) и иммиграции (выполнявшего функции службы иммиграции внутри страны)[32].

К концу XIX в. находившаяся на периферии мировых миграционных движений Мексика также пытается предпринимать усилия на привлечение эмигрантов и колонистов в свою страну, в том числе из России. Однако попытки правительства генерала Порфирио Диаса (1884–1911) содействовать крупным колонизационным предприятиям и эмиграции в эту страну не имели большого успеха. Существовавшие в Мексике экономические условия, в частности, низкие заработки рабочих, не позволяли надеяться на значительный приток эмигрантов. Однако, мексиканские дипломаты в Петербурге обращали внимание на выгоды от переселения в Мексику поволжских немцев, финнов, ратовали за временный выезд на железнодорожное строительство русских рабочих с Дальнего Востока. К 1910-м гг. стали известны проекты широкой аграрной коло-

низации на севере Мексики усилиями немцев-меннонитов из России[33].

В начале XX в. у латиноамериканских властей появляется повод для ужесточения законодательной базы в отношении радикально настроенной части эмиграции. Так, Национальный конгресс Боливии принял закон (от 18 января 1911 г.) в отношении иностранцев, согласно которому исполнительная власть имела право экстрадировать с территории страны любого иностранного гражданина, осужденного или подозреваемого в преступлениях, а также того, чье поведение угрожало национальной безопасности или вызывало нарушение общественного правопорядка. Согласно ст. III закона, власти могли воспрепятствовать въезду на территорию страны любого иностранца, чье прежнее поведение подпадало под две вышеназванные статьи. При этом иностранец, подвергнутый высылке, обязан был в течение трех дней покинуть страну; при необходимости в течение этих дней власти в целях национальной безопасности могли издать приказ о его задержании до момента выезда из страны[34].

Таким образом, ко времени появления русских за рубежом в странах их расселения в отличие от России уже сформировалась законодательная база иммиграционной политики, которая с разной степенью правовой защищенности способствовала процессам постепенной адаптации русской эмиграции.

География складывания русского мира за рубежом

В XIX в. основными странами, куда выезжали немногочисленные выходцы из России, были соседние европейские государства. В Европе русская эмигрантская колония формируется в Англии. По признанию П.Д. Боборыкина, «Лондон в истории русской эмиграции сыграл исключительную роль: там был водружен первый по времени “вольный станок”, там раздавался могучий голос Герцена; туда в течение нескольких лет совершалось и тайное и явное паломничество русских – не одних врагов царизма, а и простых обывателей: чиновников, литераторов, помещиков, военных, более образованных купцов»[35].

Ivy House Анны Павловой. Лондон

Если в 1871 г. в Англии и Уэльсе насчитывалось 2517 русских, в 1881 г. – 3789, то к 1922 г. их было уже более 15 тыс. человек[36]. В Лондоне с 1912 г. и до своей смерти в 1931 г. жила в Ivy House, расположенном на Норт-Энд-роуд, великая русская балерина Анна Павлова. Она приезжала отдыхать в этот дом летом 1911 г., а год спустя купила его. В переводе название означает «Дом плюща», поскольку это растение обвивало каменную стену вокруг строения. Анна Павлова устроила в этом доме свою студию. Во дворе было озеро с лебедями; эти птицы считаются главным источником вдохновения балерины, прославившейся благодаря хореографической миниатюре «Умирающий лебедь».

После 1861 г. наряду с Англией, русские колонии складываются в Германии, Франции, Швейцарии, Италии, странах Юго-Восточной Европы. Одна из самых заметных колоний русского зарубежья располагалась во Франции. По данным официальной статистики, в 1851 г. здесь проживали 9,3 тыс. русских подданных. В 1866 г. эта цифра возросла до 12,2 тыс., в 1901 г. – до 16,1 тыс. человек[37]. Ссылаясь на данные Парижской префектуры полиции, российский исследователь Д.А. Гутнов приводит несколько иные данные по составу русской

эмиграции во Франции: в 1913 г. только в столице Франции проживало 65 тыс. русских, из которых лишь 25 тыс. прибыло в страну легально и было зарегистрировано в полиции. Из этого числа около двух третей составляла учащаяся молодежь – художники и студенты[38].

При этом Париж оставался центром русской колонии. Как отмечал С.Г. Сватиков, здесь в 1870-е гг. можно было встретить немногочисленных политических эмигрантов, которые «жили довольно тесной семьей, встречаясь на собраниях “русской колонии”; которые по существу были лишь собраниями учащейся молодежи, заброшенной в Париж интеллигенции и, в особенности, русской эмиграции»[39]. Помимо этой колонии, существовала и другая – «официально-бюрократическая», аристократическая и, отчасти, просто обывательская русская колония в Париже, группировавшаяся вокруг посольства и русской церкви на rue Daru. Кроме того, С.Г. Сватиков называет еще два центра «русской колонии» – на Монмартре и в квартале Сен-Поля, где жило большое количество эмигрировавшего из России русского еврейства[40]. Во французских курортных городах проводили летние месяцы русские туристы, в Ницце проживали представители русской аристократии. Первым из Романовых, приехавших в Ниццу еще в 1830-е годы, был Великий князь Михаил, младший брат Александра I и Николая I, однако регулярно наведываться в Ниццу начала императрица Александра Федоровна, вдова Николая I, начиная с 1856 г. Вслед за ней сюда приехал и весь цвет русской знати.

Важными центрами русского рассеяния в эти годы становятся Германия и Швейцария. В Германии, в Гейдельбергском и ряде других университетов, располагалась значительная колония русских студентов; здесь проживало немало деятелей науки и культуры, предпринимателей, всего, по некоторым данным к 1914 г. – до 60–80 тыс. человек[41].

Швейцария в XIX в. была местом, где любили останавливаться представители русской аристократической элиты, деятели культуры. На берегу Женевского озера местами литературных поклонений стали Веве (где была построена вторая после Женевы русская православная церковь) и Кларан. В этих местах останавливались Н.М. Карамзин, Н.И. Жуковский, Н.В. Гоголь, Ф.И. Тютчев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой,

Императрица Александра Федоровна зимой 1856–1857 годов. Литография, около 1860 г.

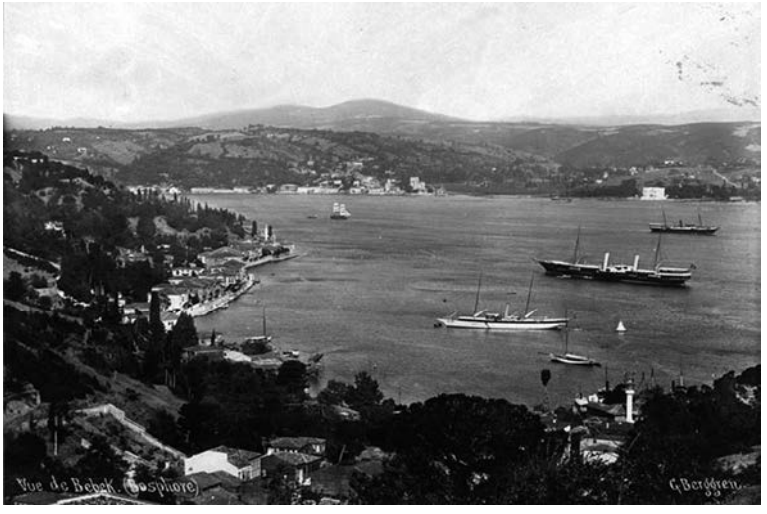
Кристина Робертсон. Вилла Авигдор, где жила императрица Александра Федоровна

П.И. Чайковской. В Женеве подолгу жили Нарышкины, Голицыны; в курортных местах Швейцарии селились представители аристократических семей Мещерских, Галаховых и др.[42] С середины 1860-х гг. Швейцария все больше привлекала представителей русской политической эмиграции, поскольку жизнь здесь обходилась несравненно дешевле и связь с Россией была намного легче. В 1860-х годах сюда перебрался из Лондона А.И. Герцен с семьей, который поселился в поместье Boissière в Женеве. Особняк был окружён большим тенистым садом, а перед парадным входом простирался зелёный газон, окаймленный дорожками, которые спускались к огороду. Ранее,

Поместье «Буасьер» в Женеве

с 1838 по 1860 годы, в Boissière жила великая княгиня Анна Федоровна, вдова Константина, несостоявшаяся императрица России.

Во второй половине XIX в. русские колонии складываются в Австрии и Италии. В 1869 г. в Австро-Венгрии проживали 4,1 тыс. российских подданных; в 1880 г. их уже было 11,7 тыс. человек. В 1900 г. количество проживавших в стране российско-подданных насчитывало 21 тыс. человек (из них в столице – 1703 человека, в 1910 г. – 4101 человек). Поток прибывавших из России был столь значительным, что в 1904 г. российское правительство официально предложило Австро-Венгрии ввести безвизовый режим пересечения границ для подданных обеих стран. Однако эта идея была отвергнута, поскольку габсбургское правительство боялось утратить контроль над миграционными процессами. На протяжении всего XIX в. тысячи людей посещали Вену и австрийские курорты (Карслбад, Мариенбад и др.); в австрийских вузах обучались студенты из России, здесь работали ученые, прибывали на заработки крестьяне-отходники и рабочие. Довольно значительной была также колония русской аристократии, представители которой приобретали в столице особняки, экипажи, принимали активное участие в светской жизни; при этом нередко поражали



Вид на Босфор. Вторая половина XIX в.

местных жителей неслыханной роскошью и часто вызывающим поведением[43].

Немало русских в течение XIX в. осело на берегах Босфора. Несмотря на войны между Россией и Османской империей, продолжали развиваться русско-турецкие торговые связи, в которых Стамбул играл весьма важную роль. На рынках столицы, равно как и ряда крупных городов империи, во второй половине XIX в. русские купцы торговали пшеницей, рожью, ячменем, маслом, рыбой и икрой и т. д., сюда поступали лесоматериалы, крупный и мелкий рогатый скот, продукты нефтепереработки. В Стамбуле одним из главных предметов русского импорта традиционно была пшеничная мука, которой русские купцы торговали в условиях острой конкуренции с продукцией французских мукомолов. В начале 90-х гг. XIX в. спрос на импортную муку в столице империи на 20–25 % удовлетворялся за счет муки из России.

В Стамбул прибывали и подолгу жили русские купцы, занимавшиеся торговлей нефтепродуктами (особенно керосином, который в те годы успешно конкурировал с американским аналогом). Вместе с тем посещавшие Стамбул путешественники из России признавали:

«Нужно побывать на базарах Константинополя, Смирны, Бейрута, нужно ознакомиться с огромными универсальными магазинами в этих и других торговых центрах, чтобы понять, сколь невелико на Ближнем Востоке значение русской торговли»[44]. Как оказалось, русские купцы плохо знали реальные условия турецкого рынка, не знали языка и традиций, местных обычаев и особенностей быта, а роль посредников в торговле играли местные греки, армяне и евреи, многие из которых формально был подданными России.

В 1856 г. было создано «Русское общество пароходства и торговли» (РОПиТ), на кораблях которого в Стамбул прибывали русские дипломаты, ученые, купцы и путешественники. Но даже после открытия в столице отделения Русского для внешней торговли банка в 1909 г. и появления «Конторы русского экспортного товарищества» количество и объем деятельности русских коммерсантов в Стамбуле, равно как и во всей Османской империи, оставались весьма незначительными[45]. Накануне Первой мировой войны здесь открылись отделения таких крупнейших русских промышленных фирм, как «Нобель» и «Треугольник». В столице подолгу жили собственные корреспонденты ряда русских газет и журналов, в т. ч. «Биржевых ведомостей», «Вестника Европы», газеты «Речь». Всего на начало XX в. в Стамбуле было зарегистрировано 400 человек, имевших российское подданство. Деловые интересы русских людей в Турции защищали сотрудники русского посольства и генеральных консульств.

В начале XIX в. первые русские появились и на африканском континенте. Они, наряду с переселившимися сюда из России евреями, проживали в Южной Африке, в Трансваале. Есть сведения, что еще в 1697 г. в Капстаде поселился коренной москвич Иоханнес Свелленгребель, отец которого – голландский купец, вел дела в Москве, где и скончался в 1699 г. Иоханнес поступил на службу в Ост-Индскую компанию и затем оказался в Южной Африке. Его старший сын Хендрик Свелленгребель впоследствии стал губернатором Капской колонии. На этой земле находили убежище русские беглые моряки и ссыльные. Когда в 1808 г. первый российский корабль бросил якорь у мыса Доброй Надежды, его встретили два соотечественника. В судовых записях капитана шлюпа «Диана» об одном из них говорилось, что он – «уроженец Риги, служит

сержантом в английском гарнизоне». Второго звали Иван Степанович Сезиомов – уроженец Нижнего Новгорода, которого местные называли Ганц-Рус. В свое время он отслужил семь лет на корабле голландской Ост-Индской компании, ходил в плавание, затем осел в Капской колонии, где работал у кузнеца. Здесь женился, обзавелся тремя детьми, и вскоре стал промышлять продажей кур, изюма, картофеля и разной огородной зелени[46].

В 1853 г. мыс Доброй Надежды на фрегате «Паллада» посетил писатель И.А. Гончаров, который также встретился здесь с выходцами из России – крестьянином Орловской губернии, который в 1814 г. был взят французами в плен, завезен в Южную Африку, где женился на черной и имел на момент встречи с русским писателем шестерых детей. Всего, по переписи 1875 г., в Кейптауне числилось 82 выходца из России. К началу Первой мировой войны в Кейптауне, Йоханнесбурге, Претории и Порт-Элизабете работали российские консульства, просуществовавшие до 1917 г.

Говоря о жизни местных русских, прибывшие на континент в период англо-бурской войны соотечественники отмечали, что все они «недурно устроились» в Йоханнесбурге, выписав даже жен из далекой России. Некоторые работали на золотых приисках, у других были свои мастерские, колбасные, булочные. Начавшаяся в 1899 г. англо-бурская война, вызвавшая всеобщий застой в делах, заставила многих из них вступить в ряды буров[47].

Во второй половине XIX в. более тесными становятся связи России со странами Северной и Северо-Восточной Африки: Египтом, Марокко, Эфиопией.

Так, в Египте в 1830 г., по данным российского консульства, проживали 26 русских подданных. К 1881 г. их число в Александрии составило 52 человека, в Каире – 36, в других городах и провинциях – 20[48]. Среди них были и те, кто прибывал поклониться ко святым местам Синая, занимался торговлей или имел собственное дело. В 1897 г., согласно египетской статистике, численность русской общины уже превысила 3 тыс. человек, что связывается напрямую с событиями и процессами тех лет, происходившими в России. До прибытия в 1920 г. в Египет русских беженцев эта колония состояла из коммерсантов-евреев, застрявших из-за войны туристов

Египет. XIX в.

и палестинских паломников, больных, находившихся на излечении в легочном санатории в Хелуане, а также из дипломатических сотрудников и торговцев.

К началу XX в. в Каире были учреждены Российское Императорское дипломатическое Агентство и Генеральное консульство, в Александрии и Порт-Саиде были открыты консульства, в других городах страны – вице-консульства. Свои представительства здесь имели также страховые общества, торговые компании, русские торговые дома. В 1905 г. в Каире открылся корпункт Санкт-Петербургского телеграфного агентства[49].

В условиях, когда Россия претендовала на роль покровительницы всего восточного христианства, Русская православная церковь была заинтересована в сближении с православными эфиопами. Инициатором этого процесса выступил архимандрит Порфирий (Успенский), глава русской духовной миссии в Палестине (с 1848 по 1853 гг.), который указывал на необходимость политического союза с Эфиопией. В 1897 г. между Россией и Эфиопией устанавливаются дипломатические отношения и в страну прибывает в том же году первая

императорская миссия во главе с П.М. Власовым. Начальником казачьего конвоя, сопровождавшего миссию, был П.Н. Краснов (будущий белогвардейский атаман, который был известен и как исследователь Сибири, Маньчжурии, Китая и т. д.). По словам Краснова, в конвой шел строгий отбор: «Каждый человек, помимо красивой внешности, представительного роста должен был обладать известным развитием и характером, чтобы импонировать туземному населению, кроме того, он должен был быть не обузой, не мертвым грузом в походе, но полезным сочленом экспедиции»[50]. Конвой состоял из 19 казаков – представителей Донского и Уральского войска. По прибытии в конечный пункт морского путешествия в Джибути произошло формирование каравана для похода через Сомалийскую пустыню. При этом, признавал П. Краснов, казакам было «трудно привыкнуть к этому черному телу сомалей, трудно смотреть на них спокойно», и особенно на то, как жестоко сомалийцы-погонщики относились к мулам и лошадям, в результате чего, уступая настоятельным требованиям казаков, начальник конвоя разрешил им самим ухаживать за животными[51]. И казаки оправдали все ожидания в несении службы. «Это испытание еще раз подтвердило, – писал П. Краснов, – выносливость и верность долгу казаков»[52]. По прибытии в Адис-Абебу казаки по приказу главы миссии готовили показательные выезды перед императором Менеликом II, хотя абиссинцы не верили в то, что «казаки – солдаты, а не наездники из цирка». Несколько раз миссия и конвой посещали эфиопские церкви. После отъезда в Петербург Краснова казачий конвой остался при миссии и занялся обучением императорской гвардии приемам джигитовки и формированием конных военных отрядов.

Еще раньше, в 1879 г., те же казаки по просьбе персидского шаха Наср-эд-Дина сформировали в Тегеране Казачью (Персидскую) бригаду и приняли участие в реформировании местной кавалерии.

После установления дипломатических отношений по просьбе эфиопского императора Менелика II в страну были командированы русские советники – офицеры А.К. Булатович, Л.К. Артамонов, оказавшие местным жителям неоценимую помощь в изучении западных, пограничных с англо-египетским Суданом рубежей государства. Булатович представил также Менелику II подробный план военной реформы эфиопской армии[53].

Портрет Григория Ивановича Шелихова. Гравер В. Иванов (Семенов). Нач. XIX в.

С середины XIX в. и началом массового оттока населения (преимущественно из западных окраинных районов Российской империи) меняется география направления его расселения: из соседних государств Старого света в сторону Нового света, где усилиями различных социальных и политических групп также формировался ареал Русского мира.

Еще в конце XVIII в. русские одними из первых внесли свой вклад в «открытие Америки с Востока», т. е. в изучение и освоение Аляски и Алеутских островов, территории, которая именовалась «Русской Америкой».

Основателем первых русских поселений был уроженец г. Рыльска Курской губернии купец Григорий Иванович Шелихов (1748–1795), который вел торговлю с местными жителями, обучал их промыслу, грамоте, и в отсутствии священника

Портрет А.А. Баранова. Рис. Смирнова

крестил. Шелихов устанавливал большие деревянные кресты как символы того, что честь первого посещения и освоения данных мест принадлежит русским православным людям.

В 1799 г. была создана единая Российско-Американская компания, которая получила от Павла I монополию на торгово-промысловую деятельность в Северо-Западной Америке. Преемником Шелихова в Русской Америке стал первый Главный правитель российских владений в Америке каргопольский купец А.А. Баранов. В 1804 г. административным центром русских владений стал г. Ново-Архангельск на о. Ситка.

На Аляске было построено 47 школ: одни (миссионерские) с именами Иннокентьевская на Ситке и Вениаминовская в Уналашке; 14 – одноклассные, приходские; существовали также школы при церквях, которые посещались детьми местных

прихожан (на островах это были школы Св. Георгия, Св. Павла и Св. Арх. Михаила). 6 школ носили характер воскресных и 25 школ – при часовнях, нечто вроде школ грамоты. При школах в Ситке, Уналашке, Кадьяке и Нучек существовали приюты для бедных детей – из них четыре для мальчиков и один (в Кадьяке) – для девочек. На 1905 г. в этих школах насчитывалось 910 учащихся, из которых 80 детей помещались в приютах.

В миссионерских, воскресных и церковно-приходских школах преподавали Катехизис, Священную историю, Церковный устав, русский, славянский, английский языки, а также арифметику, географию, гражданскую историю, пение и письмо. К этому в Уналашкинской школе добавились медицина, гигиена и алеутское наречие; в Ситхе была введена педагогика, дидактика, а также была открыта особая колошинская школа. Тем временем в школах не хватало учебных пособий: глобусов, карт, учебников, книг для внеклассного чтения. Не хватало также и учителей в школе. Подобное положение вызывало озабоченность у миссии. Говорили: «жалование несоразмерно с работой», «хороший человек не поедет», в результате эту работу были вынуждены выполнять священники и псаломщики. Месячное жалование составляло от 15 до 37 долл. при дороговизне тамошней жизни, тогда, как рядом американские учителя, занятые только школой получали от 75 до 150 долл. в месяц. Особенно положение школ осложнилось после продажи в 1867 г. Аляски, когда оно стало «печальное и убогое» [54].

В 1890-е гг. в Новый свет выбыло примерно 1,1 млн. человек (в том числе, в США – 964 тыс., в Канаду – 17,5 тыс., в Аргентину – 22,4 тыс., в Бразилию – 52,7 тыс., в Уругвай – 2,9 тыс., в Африку – 6,4 тыс., в Австралию и Новую Зеландию – 0,3 тыс. человек)[55]. К 1914 г., по данным российского генерального консула в Австралии А.Н. Абазы, во вверенном ему округе насчитывалось уже до 12 тыс. выходцев из Российской империи, из которых 1 тыс. человек приходилась на Новую Зеландию**,** а остальные распределялись следующим образом: Квинсленд – 5 тыс., Новый Южный Уэльс – 2 тыс., Виктория – 1,5 тыс., Южная Австралия – 1100 чел., Западная Австралия – 1200 чел., Тасмания – 100 чел., Северная Территория – 50 чел., Новая Гвинея и острова Тихого океана – 50 чел., то есть выходцы из России составляли от 0,2 до 0,4 % всего населения Австралии, насчитывавшего тогда около 2,5 млн. человек[56].

Мигранты, прибывающие в Австралию. Нач. XX в.

К 1917 г. наибольшее количество русских (до 56 % в 1909 – 1913 гг.) выехало из России именно в заокеанские страны, где наряду с США и Канадой реципиентами являлись государства Центральной и Южной Америки. Основными странами расселения иммиграции в регионе стали Аргентина, Бразилия, Уругвай. К концу XIX в. выходцы из России начали появляться также в зонах аграрной колонизации на юге Чили, в также в отвоеванной у индейцев мапуче области Араукании.

Первыми российскими подданными, появившимися в Чили, также были в основном евреи, немцы, поляки, финны. Самой большой профессиональной группой среди них были моряки, поскольку русские корабли заходили в южные порты страны для ремонта и пополнения запасов продовольствия и топлива. Именно в портовом городе Вальпараисо проживала самая большая в тот период группа (21 человек) русских иммигрантов.

Среди упоминаемых в переписях фамилий есть фамилия русского фельдшера Варфоломеевского – единственного медика, поселившегося в 1861 г. на острове Чилоэ и открывшего здесь свою аптеку и медицинский пункт под названием «Доктор Бартоломео, врач-хирург». Другой доктор, Шредер, выпускник Медико-хирургической академии Санкт-Петербурга,

жил в Чили примерно с середины 70-х годов XIX в., где как профессионал добился популярности и даже основал курорт с морскими ваннами в Винья-дель-Мар[57].

В те же годы в Чили из России вместе со своей семьей прибыл еврей-иммигрант Илья (Элиас) Браун. Здесь он начал свою предпринимательскую деятельность с розничной торговли и открытия гостиницы, затем занялся добычей угля и животноводством. Его сын Мориц (Маурисио) и дочь Сара, приехавшие в Чили в раннем возрасте, были записаны в переписи 1875 г. в качестве первых русских детей. Брауны создали своеобразную экономическую империю в чилийской и аргентинской Патагонии, а породнившись с другими семьями, как пишут чилийские исследователи О. Ульянова и К. Норамбуэна, в течение десятилетий практически держали под контролем экономику этой территории. В сегодняшнем г. Пунта-Аренасе с именем семьи Браунов связаны лучшие архитектурные памятники города, включая дворец самой Сары Браун на центральной площади Пласа-де-Армас. Маурисио Браун стал основателем Общества эксплуатации Огненной земли. Кроме того, он много лет являлся консулом России в Чили[58].

Первым этническим русским в чилийском г. Вальпараисо считается врач Алексей (Алехо) Щербаков, астраханский казак и политэмигрант-народник, который после побега из ссылки в Европу в 1875 г. заключил контракт с чилийским правительством на пять лет. В этот период он работал врачом-хирургом на фрегате «Бланко Энкалада», участвовал в Тихоокеанской войне, во время которой был назначен главным армейским хирургом боевой чилийской эскадры. В Чили оказался в те годы еще один народоволец – Борис Дмитриевич Оржих, бежавший из ссылки и оказавшийся вместе с женой и тремя детьми сначала в Японии, а затем в 1910 г. в Чили. Вся дальнейшая судьба Б. Оржиха была связана с чилийской компартией и Народным Фронтом, в которых он участвовал уже как чилийский гражданин[59].

Спустя некоторое время выходцы из России начали появляться в зонах аграрной колонизации на юге Чили, в также в отвоеванной у индейцев мапуче области Араукании. Ко времени окончания проекта направленной аграрной иммиграции в 1890 г. в Чили по этому каналу прибыло почти двести российских подданных. Всего, по данным переписи 1895 г., рус-

ское население в стране составило 234 человека. Впервые в качестве колонистов в Чили русские упоминаются в материалах Службы колонизации в Европе в 1896 г. К 1907 г., по официальным чилийским документам, относится начало русско-еврейской эмиграции в Чили. Перепись этого года зафиксировала значительный рост числа российских иммигрантов по сравнению с предыдущими десятилетиями с 234 до 660. Впервые в переписи было отдельно учтено городское и сельское население: в городах проживало 590 русских (главным образом в Сантьяго), в сельской местности – 70 человек[60]. В 1920 г. по переписи было зафиксировано максимальное число русских (132 тыс. чел.) и славян (1354 чел.) за всю историю чилийских переписей[61].

Еще одну латиноамериканскую страну – Мексику первыми «открывали» для русских представители дипломатического корпуса Российской империи, в их числе первый русский дипломат Р.Р. Розен, прибывший сюда в 1890 г., а также Ф.К. Ганзен, К.И. Вебе, Г.А. Де-Воллан. К 1900 г., согласно мексиканским официальным данным, в стране были зарегистрировано в качестве иммигрантов 36 русских подданных[62]. После заключения 19 сентября 1909 г. Конвенции о торговле и мореплавании между Российской империей и Мексиканскими Соединенными Штатами в страну начали прибывать российские промышленники и коммерсанты, часть из которых поселилась здесь навсегда. Это были выходцы главным образом из прибалтийских губерний, как, например, бароны Ф.А. Штакельберг и Ф.Г. Фиркс, которые занимались выращиванием кофе на продажу, барон Р. Лоудон, владевший табачной плантацией, русский подданный Л. Расст, занимавшийся ростовщичеством и торговлей шкурами и т. д. Хорошо было известно имя миллионера князя Альберто Радзивилла, который имел крупное банковское дело в Монтеррее (финансовом центре Мексики), большие земельные владения на севере страны. С 1909 г. Радзивилл выполнял обязанности российского консула в Монтеррее[63].

Кроме предпринимателей, в Мексике работали русские технические специалисты, преимущественно инженеры-химики (в их числе В.Л. Вендгаузен, Е.Г. Клейнберг, Р.О. Гардер, Э.А. Шмидт). В годы русско-японской и Первой мировой войн с их стороны поступало предложение помощи родине деньгами

или знаниями, а также готовностью послужить в составе Красного Креста. Но основную массу эмигрантов, направлявшихся в Мексику из Европы, составляли немцы Поволжья и юга России и прибывшие в страну в 1906 г. молокане (сектанты протестантского толка).

В 1880 г. в Сальвадор прибыл титулярный советник, выходец из семьи бывшего екатеринославского вице-губернатора С.В. Луцкой (брат известного деятеля революционного движения В.В. Луцкого). Обосновавшись в Сан-Сальвадоре, Луцкой преподавал здесь историю и географию, а затем стал директором одного из банков страны. Он обладал значительным имуществом, включая земельную собственность, дома. В Латинской Америке у него родилось пятеро детей, как писал его брат, «более испанцев чем русских»[64].

К концу XIX в. центр русского рассеяния появляется также на Дальнем Востоке. После установления дипломатических отношений с Японией в 1856 г. в г. Нагасаки, удобной незамерзающей бухте, можно было встретить немало представителей российского флота. Русские моряки становились основными посетителями ресторанов русской кухни с таким названиями, как «Волга», «Весна» и др. Благодаря князю А.А. Гагарину, служившему в течение трех лет консулом в Нагасаки, для русских моряков на добровольные пожертвования (инициаторами которых выступили председатель Попечительского Совета контр-адмирал Н.А. Гаупт и владыка Николай) был создан Морской дом. В нем располагалась столовая, библиотека с преимущественно российскими газетами (книг заметно не хватало), которые высылались сюда бесплатно, иностранные газеты поступали от консула[65]. Часто из Владивостока в Нагасаки русские приезжали на отдых на термальные источники. В 1902 г. в Японии Н.В. Машкевичем была открыта первая русская школа, где местные жители могли изучать русский язык, который был одним из первых иностранных языков, с которым познакомились японцы. По данным консула З.М. Полянского, в 1906 г. в Нагасаки (когда возобновился заход сюда российских кораблей) проживало около 350 русских, при этом количество собственно эмигрантов до революции не превышало нескольких сотен человек[66].

После получения Россией в 1896 г. концессии от Китая на строительство и эксплуатацию в Маньчжурии Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), сюда хлынуло российское

население. С прибытием весной 1898 г. на берег реки Сунгари обоза инженера Адама Шидловского с партией из 25 рабочих, фельдшером, метеорологом и с полсотней кубанских казаков охраны, началась история будущего города Харбина.

Единственной связью с остальным миром долгое время была цепочка постов летучей казачьей почты. Газеты и журналы приходили с оказией, книг было мало. Общественная и культурная жизнь в городе начала проявляться только после соединения Харбина путями сообщения. Уже в 1899 г. в поселке Сунгари было открыто первое железнодорожное собрание с бильярдом, картами, буфетом и даже любительской труппой[67].

Место первых построек назвали «Старым городом», а «Новый город», который возводился на самом высоком месте района, было решено сделать центром и перевести сюда все административные учреждения и квартиры служащих. Для традиционной жизни русского населения, прибывавшего в эти годы в Китай, «с чистого листа» создавалась новая архитектурная среда, которая в большой степени способствовала преобразованию «чужого культурного пространства в “свое” и адаптации населения»[68]. При этом в архитектурном отношении Харбин и второй главный русский город Дальний, как пишет С.С. Левошко, олицетворяли собой, с одной стороны, один градостроительный подход, но, вместе с тем, были сугубо индивидуальны. При возведении Дальнего ставилась цель создать «европейский в полном смысле город». В нем в 1904 г. имелись электричество, водопровод, ходили трамваи, были разбиты парки. Кроме того, европейская часть города отличалась небольшими, но по-европейски добротными домами с оранжереями и питомниками. В то же время при основании Харбина С.Ю. Витте во всеподданейшем докладе за 1902 г. давал указание «обеспечить правильное развитие этого важного коммерческого центра, сохраняя за ним характер исключительно русского поселения»[69]. Имелись в виду не только система городского управления, административно-хозяйственного устройства, но и архитектурный образ города.

Одновременно строители пытались оставить русский след и в названиях новых станций и улиц. Разъезд в нескольких верстах от Харбина был назван в память первого главного инженера строительства А.И. Юговича, соответственно разъезды

Здание железнодорожного вокзала в г. Харбин. Нач. XX в. ГА РФ

Верахедцзы, Лидахецзы, Сарахецзы получили название в память о трех маленьких дочерях дорожного мастера Радченко. Имелись также станции Яблоня, разъезды Груша, Косогор, Тигровая падь. Алексеевкой в честь наместника на Дальнем Востоке адмирала Е.И. Алексеева был назван пригород Харбина. «Вот почему, – пишет в своих воспоминаниях Г.К. Пешкова (Горас), – всем, кому довелось приехать значительно позднее, казалось, что Маньчжурия – просто продолжение России»[70].

Говоря о Харбине, В.А. Водопьянов вспоминал: «Жители говорили о городе: “Восточный Петербург”. Улицы, как в Петербурге, Большой проспект… Но все это, конечно, было слабым подобием того, что было дорого любому русскому сердцу… Внешне он более всего напоминал тихий и патриархальный губернский город с 2–3 этажными особняками и мощеными центральными кварталами, где размещались учреждения, конторы, магазины, банки…»[71].

С 1903–1920 гг. Управляющим КВЖД был генерал Д.Л. Хорват. Администрация КВЖД под его руководством направляла большие средства на социальную сферу – строительство жилья,

Вид города Харбина. Нач. XX в. ГА РФ.

школ, больниц, культурных и спортивных учреждений для местных жителей. За эти годы для рабочих и служащих было построено жилых домов общей площадью 280 тыс. кв. м. В целом, жизнь до Первой мировой войны здесь была относительно дешевой, а труд оплачивался сравнительно высоко (например, оклад рядового счетовода составлял 1, 2–1,3 тыс. руб. при стоимости фунта хлеба в 4–5 коп., мяса – 10–15 коп., драпового пальто – 25 коп.). Местные жители, пишет Н.Е. Аблова, в шутку называли свой город «счастливой Хорватией», связывая свое материальное благополучие, в первую очередь, с личностью Д.Л. Хорвата[72].

Менее чем за десятилетие на безлюдной и суровой территории возникла так называемая «полоса отчуждения»». Население Харбина к 1917 г. превысило 100 тыс. человек, из них русских было свыше 40 тыс., в их числе были многие известные впоследствии военные и государственные деятели России. В созданном в 1901 г. Заамурском округе Пограничной стражи, несшим службу по охране станций и линии КВЖД, проходили службу А.И. Деникин, Л.Г. Корнилов, А.И. Гучков[73]. С учетом того, что жизнь российского населения в Харбине и во всех городах и поселках на линии, как пишет Н.Е. Аблова,

Д.Л. Хорват. Фото. ГА РФ

шла по тем же законам, что и в Российской империи (в части административного управления, судопроизводства, местного самоуправления и проч.), поэтому до 1917 г. и некоторое время после революции для русских жителей Маньчжурии понятие российско-китайской границы было в достаточной мере условным[74].

Еще одним городом в Поднебесной, где оказались русские, стал Шанхай. По мере образования в Ханькоу русских чайных факторий он начал уже в 60-е гг. XIX в. служить перегрузочным пунктом для отправки чаев в Россию, в связи с чем в 1865 г. здесь было открыто нештатное консульство, во главе которого был поставлен английский подданный Ш.Б. Диксвель (с 1880 г. консульство возглавил российский подданный, бывший инструктор в китайских войсках и впоследствии представитель английской страховой компании Ю.А. Рединг). Тогда же в городе открылись мелкие предприятия – «Губкин-Кузнецов и Ко», «Молчанов-Печатнов и Ко», «С.В. Литвинов и Ко», занимавшиеся закупкой чая в Китае[75]. В начале XX в. в Шанхае насчитывалось уже несколько русских чайных домов (предприятия К.С. Попова, Д.И. Наквасина и др.)[76].

Разгром Китая Японией и последовавшая вслед за тем уступка им Порт-Артура и аренда Россией Квантунского полуострова несколько приблизили Шанхай к сфере русского влияния, вслед за чем здесь начали все чаще появляться представители военного и морского ведомств, инженеры, подрядчики. В 1896 г. в Шанхае было учреждено штатное Русское генеральное консульство и отделение Русско-Азиатского банка. В 1898 г. здесь открылась Русская Почтовая Контора. В период между боксерским восстанием (1898–1901) и началом русско-японской войны численность русской колонии в Шанхае возросла до нескольких десятков человек, хотя ограничивалась почти исключительно представителями официального мира.

После окончания русско-японской войны, когда нормальная деятельность Сибирской магистрали была восстановлена, интерес к Шанхаю начали проявлять российские страховые общества, открывшие в Шанхае свои представительства. Здесь основывались различные предприятия и компании: магазины тканей Л.И. Лугового, польских тканей и материала С.С. Геймана, первый русский магазин продуктов Шейнина и т. д.[77] Кроме того, до Первой мировой войны русский военный флот,

как писал Г.Г. Сюннерберг, часто имел в Шанхае своих представителей, сюда неоднократно заходили наши крейсеры, миноносцы и канонерки, внося оживление в жизнь русской колонии, поддерживая среди нее ощущение близости отечества и служа постоянным напоминанием о России и живой связью с ней[78]. В результате, численность русских в Шанхае начала увеличиваться и к 1914 г. достигла нескольких сот человек. Однако, по признанию того же Г.Г. Сюннерберга, колония эта все еще была настолько мала, а главное – так разнохарактерна по своему составу, что речь все еще не могла идти о создании в Шанхае каких-либо русских общественных организаций, клуба или школы, для которых не имелось ни средств, ни людей. Из частных русских организаций существовала только одна – Русский Благотворительный Кружок, оказывавший помощь нуждающимся соотечественникам.

В 1914 г. начался новый этап в развитии русского предпринимательства в Шанхае, откуда экспортировались кофе, каучук, чай, кокосовое молоко, воск и т. д. Наметившееся оживление торговых отношений с Россией, хотя и носившее в силу сложившейся обстановки односторонний характер, своим результатом имело увеличение в Шанхае представителей русского торгово-промышленного класса[79]. Сюда прибывало значительное количество торговцев, коммерсантов, агентов по закупкам товаров, уполномоченных различных общественных организаций и поставщиков российского правительства.

В далекой Австралии первые переселенцы из России появились в первой половине XIX столетия. Тогда еще не было массовой эмиграции, но уже существовало несколько проектов создания русских колоний на континенте, хотя поддержки официальных российских властей эти планы так никогда и не получили. Из русских, посетивших Австралию в конце XIX в., наиболее выдающейся личностью был знаменитый путешественник и этнограф Н.Н. Миклухо-Маклай, который в 1871 г. поднял на берегу Новой Гвинеи, в непосредственной близости от берегов Австралии, российский флаг. Эта территория стала называться Берегом Маклая. В Австралию знаменитый исследователь прибыл в 1878 г. и поселился на целых пять лет в Сиднее. В местном зоологическом музее он работал над систематизацией материалов, с австралийских берегов отправлялся в экспедиции на острова Океании[80]. Миклухо-Маклай

был фигурой авторитетной и влиятельной (он был женат на дочери премьер-министра Нового Южного Уэльса Джона Робертсона).

За время пребывания в Австралии Н.Н. Миклухо-Маклай предпринял несколько попыток организовать русские колонии в Новой Гвинее и Австралии. Когда в 1884 г. Новая Гвинея была поделена между Англией и Германией, Миклухо-Маклай приступил к реализации проекта (который отчасти был утопическим) о введении формальной зависимости Берега Маклая и островов Океании от России. По мысли автора, его проект должен был защищать территории от посягательств колониальных держав, но при этом там не должно было быть полицейско-государственного аппарата. Колония должна была пользоваться широкой автономией и демонстрировать всему миру образец идеального человеческого общежития. По приезде на родину и после встречи с Александром III автор проекта дал в газетах объявление с приглашением всем желающих отправиться в Новую Гвинею, на которое откликнулось до 1,4 тыс. человек[81]. Проект вызвал живой отклик в российском обществе. В частности, в петербургской газете «Новости» появилась статья под заголовком «Русская колонизация Австралии». Был организован специальный комитет, занимавшийся этим вопросом. Однако в декабре 1886 г. план Миклухо-Маклая был окончательно отвергнут.

Тем не менее Австралия стала еще одним континентом, где оказались русские, хотя на общем фоне эмиграция в Австралию выглядела незначительной: по переписи 1891 г. число выходцев из России в этой стране составило 2881 человек.

В 90-е гг. XIX в., во многом благодаря усилиям русского консула А.Д. Путяты происходило развитие российско-австралийских, в первую очередь, экономических отношений. Тогда же из России сюда начали прибывать рабочие, которых использовали в основном как малоквалифицированную дешевую рабочую силу на строительстве железных дорог, лесозаготовках, медных рудниках, золотых приисках и проч. Но в целом доброжелательный прием, как отмечает Г.Н. Каневская, оказанный представителям русской трудовой иммиграции в Австралии, способствовал быстрой адаптации и довольно прочному укоренению большинства из них в новой демографической и культурной среде[82]. Основным центром российской

Н.Н. Миклухо-Маклай

иммиграции стал северо-восточный австралийский штат Квинсленд и его столица г. Брисбен, которые отличались обширностью территории и малозаселенностью.

Что касается общей численности выезжавших за рубеж, то до 70-х гг. XIX в. эмиграция из России численно уступала иммиграции (то есть приток иностранцев превышал отток населения из страны), а затем баланс миграций устойчиво становился отрицательным (в 1860–90-е гг., по данным российского исследователя В.М. Кабузана, он составил внушительную отрицательную величину – 1,7 млн. человек) и потом постоянно увеличивался в абсолютных цифрах до начала Первой мировой войны[83]. Дело в том, что вплоть до 1870-х гг. энергично осваивались окраины России, которые либо уже были включены в состав государства, либо находились на стадии включения. Поэтому эмиграция как таковая не получила тогда сколько-нибудь значительного распространения. Лишь позднее, когда границы России уже не претерпевали существенных изменений, а заселение и освоение наиболее благоприятных для земледелия районов вступило в свою завершающую стадию, эмиграция начала выступать как самостоятельный фактор миграционного движения населения страны в целом.

В первые полтора десятилетия XX в., вплоть до Первой мировой войны, миграционные процессы в России продолжали усиливаться. За это время страну покинуло 2,575 млн. человек, въехало – 1, 250 млн. Всего с начала массовых внешних миграций Россию покинуло 4,5 млн. человек (прибыло 4,15 млн.). Из них – 88,9 % (почти 4 млн.) переехало в Америку; 4,7 % – Канаду; 4,1 % – Аргентину; 2,7 % – Бразилию.

Что касается национального состава, то до революции 1917 г. 38 % убывших составляли евреи, 22–29 % – поляки; от 7–13 % – финны, 10 % – выходцы из Прибалтики; 5,2–7 % – немцы (составлявшие 1,4 % населения страны). Что касается эмиграции этнических русских, то она уступала миграциям других народов Российской империи и составляла к 1900 г. всего лишь – 2 % уехавших, но вместе с тем в численном выражении она постоянно возрастала: если до 1907 г. в год выезжало около 2,6 тыс. русских, то в 1913 г. – 49 тыс., в 1914 г. – 40 тыс. человек. Всего за пределами страны в границах Российской империи к 1917 г. расселилось около 200 тыс. русских (еще 300 тыс. проживало в Царстве Польском).

Таким образом, на протяжении огромного географического пространства в течение XIX – начала XX в. силами различных социальных, национальных, политических групп складывался многоконфессиональный, полиэтничный мир русскоязычного населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Тизенко П.* Эмиграционный вопрос в России 1820–1910. – Либава, 1909. С. 16; *Яновский С.Я.* Русское законодательство и эмиграция // Журнал Министерства юстиции 1909, № 4. С. 86; *Оболенский (Осинский) В.В.* Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. – М., 1928. С. 6–8.

[2] *Филиппов Ю.Д.* Эмиграция. – СПб., 1906. С. 83.

[3] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 1885 г. Ст. 326. – СПб., 1909. С. 384–386.

[4] Там же. С. 387.

[5] *Яновский С.*Я Русское законодательство и эмиграция // Журнал Министерства юстиции. – СПб., –1909. – № 4. – С. 106.

[6] *Окунцов И.К.* Российская эмиграция в Северную и Южную Америку. – Буэнос-Айрес, 1967. С. 220.

[7] *Яновский С.Я.* Указ. соч. С. 90.

[8] Архив внешней политики Российской империи (далее – АВП РИ). Ф. 137. Оп.475. Д. 141. (1909). Л. 10.

[9] Там же. Д. 120. (1895). Л. 220.

[10] Там же. Д. 104. (1890). Л. 81–89(об).

[11] Там же. Д. 120. (1895). Л. 225–227.

[12] Там же. Д.141. (1909). Л. 19.

[13] *Яновский С.Я.* Указ. соч. С. 105.

[14] АВП РИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 100. (1887). Л. 137–138.

[15] *Яновский С.Я.* Указ. соч. С. 98–99.

[16] АВП РИ. Ф. 137. Оп.475. Д. 141. (1909). Л. 11(об).

[17] Там же. Л. 13.

[18] Там же.

[19] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 5804. Оп. 1. Д. 344. Л. 107.

[20] Там же. Л. 112.

[21] Там же. Л. 113–115.

[22] *Тен В.А.* Иммиграционная политика США в XVII–XX вв. Краткий исторический очерк. – М., 1998. С. 26–67.

[23] Русское слово. Нью-Йорк. 1915, 28 мая.

[24] Там же.

[25] ГА РФ. Ф. 6378. Оп.2. Д. 3. Л. 17.

[26] *Лапин Е.* Настоящее и будущее еврейской колонизации в Аргентине. – СПб., 1894. С. 15.

[27] Там же.

[28] ГА РФ. Ф. 5680. Оп.1. Д. 40. Л. 1–8.

[29] Этнические процессы в странах Южной Америки. – М., 1981. С. 371.

[30] *Ульянова О.* и *Норамбуэна К.* Русские в Чили. – Santiago. 2009. С. 18–20.

[31] Там же. С. 34, 36.

[32] Reglamento de Inmigracion Libre, 26 de septiembre de 1907. Memoria de la Inspeccion General de Colonizacion e Inmigracion. 1908. P. 30–37. LXXV. P. 802 // Цит. по: *Ульянова О.* и *Норамбуэна К.* Русские в Чили. – Santiago. 2009. С. 37.

[33] *Дик Е.Н.* Русские в Мексике: эмиграция и адаптация // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XX–XX веках / под ред. акад. Ю.А. Полякова. – М., 1996. С. 163.

[34] Российский государственный военный архив (далее – РГВА.). Ф. 501. Оп. 3. Д. 304/1. Л. 20 (пер. с испан. яз.).

[35] *Боборыкин П.Д.* Воспоминания: в 2 т. Т. 1. – М., 1965. С. 576.

[36] *Шестаков В.* Русские в британских университетах. Опыт интеллектуальной истории и культурного обмена. – СПб., 2009. С. 191.

[37] *Нечаев С.Ю.* Русская Ницца. – М., 2008. С. 4.

[38] *Гутнов Д.А.* Русская высшая школа общественных наук в Париже (1901–1906 гг.). – М., 2004. С. 40.

[39] *Сватиков С.Г.* Русская Общественная библиотека имени И.С. Тургенева в Париже. Исторический очерк за первые 50 лет существования Русской Общественной Библиотеки в Париже (1875–1925). [Оттиск из журнала «Голос минувшего на чужой стороне». Париж. 1926. № 2] // Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ (далее –НИОР РГБ). Ф. 878. Картон № 4. Ед. хр. 1. Т. (1886–1936). Л. 7.

[40] Там же.

[41] *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен… С. 111.

[42] *Шишкин М.* Русская Швейцария. Литературно-исторический путеводитель. – М., 2006. С. 558–559.

[43] *Птицын А.Н.* Российская эмиграция в Австро-Венгрии в конце 18 - начале 20 в. // Вопросы истории. – 2010. – № 7. – С. 147.

[44] *Петросян Ю.А.* Русские на берегах Босфора: (Исторические очерки). – СПб., 1998. С. 148–149.

[45] Там же. С. 151.

[46] http://ricolor.org/rz/afrika/ua/ar/1/

[47] Там же.

[48] *Беляков В.В.* «К берегам священным Нила…»: Русские в Египте. – М., 2003. С. 98–99.

[49] Там же. С. 99.

[50] *Краснов П.Н.* Казаки в Африке: Дневник начальника конвоя Российской императорской миссии в Абиссинии в 1897/98 г. – СПб., 1900. С. 13.

[51] Там же. С. 97.
[52] Там же. С. 82.
[53] *Хренков А.В.* Очерк истории российско-эфиопских отношений (до 1917 г.) // Российско-эфиопские отношения в XX–XX в. Сб. док-ов. – М., 1998. С. 19–20.
[54] Там же. С. 108–109.
[55] *Кабузан В.М.* Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. – М., 1998. С. 153.
[56] Там же. С. 153.
[57] *Ульянова О.* и *Норамбуэна К.* Указ. соч. С. 96, 99.
[58] Там же. С. 96–97.
[59] Там же. С. 120.
[60] Censo de la Republica de Chile de 1907. – Santiago: Sociedad Imprenta y Litigrafia Universo, 1908 // Цит. по: *Ульянова О.* и *Норамбуэна К.* Указ. соч. С. 105, 110.
[61] Там же. С. 110.
[62] *Дик Е.Н.* Указ. соч // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX вв. – М., 1996. С. 163.
[63] Там же. С. 163.
[64] *Дридзо А.Д.* Три россиянина в Сальвадоре // Латинская Америка. – 2000. № 1. С. 108.
[65] *Хисамутдинов А.А.* Русская Япония. – М., 2010. С. 175–181.
[66] Там же. С. 215, 221.
[67] *Пешкова (Горас) Г.К.* Это было недавно, это было давно… Отрывки и повести // Русская Атлантида. Челябинск. 2006. № 20. С. 29.
[68] Там же. С. 11.
[69] *Левошко С.С.* Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX – первая половина XX века. – Хабаровск, 2003. С. 42–45.
[70] *Пешкова (Горас) Г.К.* Указ. соч. // Русская Атлантида. – Челябинск. 2006. № 20. С. 30.
[71] *Водопьянов В.А.* Харбин: русский город на чужой земле // Русская Атлантида. – Челябинск. 2004. № 13. С. 16–17.
[72] *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае. Международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). – М., 2005. С. 56, 65.
[73] Там же. С. 66, 70, 77.
[74] Там же. С. 69.
[75] *Ванг Чжицен.* История русских в Шанхае. – Шанхай, 1992. С. 698 / Кит. яз.
[76] *Жиганов В.Д.* Русские в Шанхае. – Шанхай, 1936. С. 35.
[77] Там же. С. 56.
[78] www.russianshanghai.com/hi-story/newspaper/post356 [Сюннерберг Г.Г. (1880 –1957) – финн, после окончания Пажеского корпуса (1902) служил в Лейб-гвардии Семеновском полку, капитан. Окончил Николаевскую академию генерального штаба (1910). Агент министерства торговли и промышленности в Российском генеральном консульстве в Шанхае

(с 1912). Консул Финляндии (1922–1925), затем представитель крупной шведской компании «Moberg & Co». Автор справочника «Путеводитель по Шанхаю» и краткого исторического очерка в альбоме «Русские в Шанхае». С 1947 г. жил в США].

[79] Там же.

[80] См.: *Миклухо-Маклай Н.Н.* Путешествие на берег Маклая. – М., 2008. С. 341–390.

[81] http://ricolor.org/rz/avstralia/2/4

[82] *Каневская Г.И.* Очерк русской иммиграции в Австралии (1923–1947 гг.). – Мельбурн: Университет Мельбурна, 1998 // http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=1490

[83] *Кабузан В.М.* Указ. соч. С. 153.

2

КОНСТИТУИРОВАНИЕ ВНЕШНЕГО НАЦИОНАЛЬНОГО МИРА

Русская политическая эмиграция

Подданные Российской империи по разным причинам в отдельные исторические периоды покидали страну. Но, как отмечает В.А. Тишков, «без массовой эмиграции невозможно возникновение культурно родственного населения за пределами государства»[1]. На структуре и направленности российских эмиграционных потоков непосредственно отразились особенности национального исторического процесса. Основной причиной, вызывавшей дореволюционную эмиграцию, был характер политического режима самодержавия, следствием которого стало появление политической оппозиции, движения религиозных и национальных меньшинств, а также в целом тяжелое социально-экономическое положение населения, что и определило в конечном итоге характер и особенности миграционных потоков из России.

Исторически первой в ряду политической эмиграции была антицаристская эмиграция начала XIX в., вызванная особенностями внутренней политики России, негативным отношением ее властей к радикальным политическим силам дворянского сословия, разночинской интеллигенции, представителям национальных движений. Жесткая реакция царизма на русское освободительное движение в стране и различные формы его проявления, начиная с восстания декабристов и кончая Первой русской революцией, заставляла россиян прибегать к «невозвращенчеству». Преследуемые режимом, под угрозой тюрьмы и каторги, люди были вынуждены покидать отечество и создавать свой, «русский мир» за его пределами.

Некоторое время после подавления восстания декабристов центром проживания революционной эмиграции из России, представленной на тот момент отечественным дворянством, была Франция, затем, после революции 1848 г. и вплоть до 1861 г., им стала Англия. Но еще раньше, в течение семи лет (с 1826–1833 гг.) в Англии жил связанный с декабристами Н.И. Тургенев, которого П.Н. Милюков называл «первым политическим эмигрантом XIX в.».[2] В Англии он был вынужден вращаться исключительно в иностранной среде, для чего, как отмечалось, был прекрасно подготовлен своим предыдущим образованием в Геттингене.

В Англию Тургенев прибыл как состоятельный дворянин и как ученый, автор первого русского специального исследования по финансам («Теория налогов», 1818), в котором зарекомендовал себя последователем Адама Смита. Позднее он стал автором не менее известной книги «Россия и русские»(1847). Н.И. Тургенев имел, таким образом, все данные для того, чтобы не затеряться в соответствующей зарубежной социальной и интеллигентной среде, в которую доступ иностранцу был вообще затруднен. Даже Герцену, как считал П.Н. Милюков, вне круга международной эмиграции, не удалось отчасти, может быть, и вследствие его нежелания – проломить этот лед[3]. Тургенев же успел стать persona grata у английской оппозиции, у которой, по словам Николая I, он пользовался симпатией и защитой «в качестве страдающего русского патриота», что спасло его от выдачи царскому правительству как государственного преступника[4]. В 1833 г. Тургенев получил возможность переселиться во Францию.

В 1836 г. Россию как политический эмигрант покинул профессор Московского университета В.С. Печерин, который после принятия католичества стал известным просветителем в Ирландии.

С 1843 г. в Европе, а затем в Америке жил бывший чиновник Министерства иностранных дел, публицист И.Г. Головин, известный рядом сочинений о России на французском и немецком языках (в том числе «La Russie sous Nicolas» (1845), автор первой революционной эмигрантской брошюры «Катехизис русского народа»). В документе III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии под названием «Нравственно-политический отчет за 1846 год» сообщалось по поводу Головина следующее:

Н.И. Тургенев

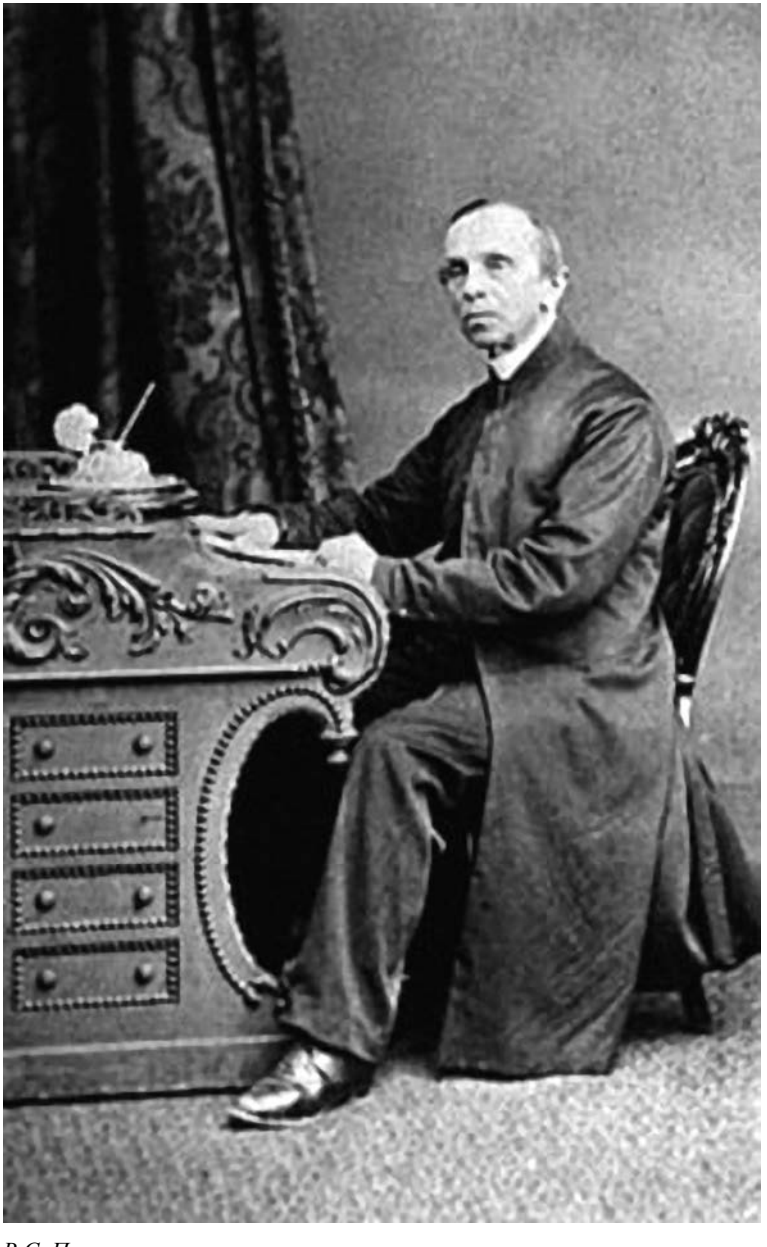
«Находящийся во Франции наш Головин, несмотря на то, что напечатанная им в 1845 году книга о России не обратила на себя никакого внимания, приготовляется издать новое сочинение с клеветами на свое отечество. Кроме недостатка в таланте, Головин и по нравственным качествам не пользуется хорошим о себе мнением. Он настоятельно просил о принятии его сначала в английское, а потом во французское подданство, но правительство отказало ему в этом более по невыгодным сведениям о его характере и нравственности. Непринимаемый ни в чье подданство и находясь почти без всяких средств к существованию, он сделался отверженцем всех наций и терпит жалкую, заслуженную им участь»[5]. В связи с выходом в 1847 г. очередного сочинения Головина под названием «Русские типы и характеры» в аналогичном отчете III Отделения отмечалось, что данная книга «есть сбор грубых вымыслов с намеками на известных лиц, доказывающий только дурные качества самого сочинителя; он не пощадил ничего священного в России и излил на все оскорбительные ругательства» и «коснулся даже некоторых государственных лиц Франции»[6]. Как предполагали официальные российские власти, подобные действия Головина в эмиграции должны были послужить «если не к совершенному его изгнанию оттуда, то, по крайней мере к строгому за ним наблюдению». И уже в следующем, 1948 г., как отмечалось, «русские изгнанники: Головин и Бакунин перед самою революциею во Франции удалены были оттуда влиянием российского посольства; но при перемене обстоятельств они немедленно возвратились в Париж, где оба вместе с Н. Тургеневым и П. Лавровым участвовали в “депутации” поляков, в которой после свержения монархии во Франции приветствовалось Временное правительство с выражением готовности «составить особый легион народной гвардии»[7].

В самой Франции первое время не было постоянно проживавших русских революционеров. В Париже, в Латинском квартале, по сведениям П.Д. Боборыкина, поселилась немногочисленная группа молодежи, не больше дюжины, – все «беженцы», имевшие счеты с полицией. Говоря об их политической принадлежности, автор отмечал, что в этой кучке трудно было распознать что-нибудь вполне определенное в смысле «платформы». Было тут всего понемножку – от коммунизма

до революционного народничества. Эта парижская эмиграция была только первой ласточкой того наплыва русских нелегальных эмигрантов, которые наводнили Латинский квартал в Третью республику, в особенности с конца 1880-х гг., а потом – после взрыва революционного движения 1905 года в России[8].

Складывание русской революционной эмиграции как политического течения известный исследователь этой проблемы В.Я. Гросул относит к периоду между 1856 и 1861 гг., когда появляются руководители, движущие силы, а движение формулирует задачи и создает свои органы печати[9]. Олицетворением этой волны политической эмиграции стали проживавшие в Англии с 1852 г. А.И. Герцен и Н.П. Огарев, с которыми были связаны оказавшиеся в политической эмиграции представители аристократической фронды – князья И.С. Гагарин, П.В. Долгоруков, Ю.Н. Голицын, Н.П. Трубецкой, за которыми также велось наблюдение со стороны представителей III Отделения. В частности, в отчетах признавалось, что «в 1860 году число русских, оставивших Отечество и явно присоединившихся к оппозиции законного правительства, увеличилось несколькими лицами», в числе которых назывались вышеупомянутые аристократы. Изданная в Париже князем Петром Долгоруковым книга под названием «La verite sur la Russie» («Истинная правда о России», *пер. с франц. яз.*) была названа «злостным помрачением всего существующего в России порядка, ее истории и царствующей в ней Династии»[10]. Сообщалось также об издании Долгоруковым в Лейпциге с осени 1859 г. русского журнала «Будущность», номера которого по примеру «Колокола» «тайным образом» переправлялись в Россию.

По поводу характеристики князя Ю.Н. Голицына, в отчете III Отделения с долей уничижения говорилось: «По ограниченности его умственных способностей, Голицын, прибыв в Лондон, не мог подвизаться на литературном поприще, и, нуждаясь в средствах к жизни, он извлекает таковые из музыкального его таланта, давая концерты в Лондоне и в разных городах внутри Англии… Герцену было посвящено одно из петых на концертах сочинений Голицына»[11]. Российскими службами отмечалось, что все упомянутые выходцы примкнули к обществу Герцена и Огарева, кроме того, «по секретным сведениям», было установлено, что за границей находятся и другие русские подданные, которые, «не огласив враждебных



В.С. Печерин

чувств своих к законному правительству, тем не менее тайно участвуют в революционных замыслах и издании вредных сочинений». В их числе были названы фамилии «отставного офицера» Дитмарса и «отставного чиновника» Мечникова, сражавшихся в рядах Гарибальди[12].

С Герценом в Лондоне контактировали революционер А.А. Серно-Соловьевич, публицист Н.В. Шелгунов, поэт М.Л. Михайлов, один из основателей первой «Земли и воли» А.А. Слепцов, Н.Г. Чернышевский и др.

Вместе с тем, характеризуя политическую жизнь русской эмиграции в Лондоне, П.Д. Боборыкин отмечал:

«… Лондон долго не делался главным центром нашего политического изгнанничества. Герцен привлекал всех, но вокруг него сгруппировалась кучка больше западных изгнанников: итальянцев, мадьяр, поляков, немцев, французов. Из эмигрантов с именем были ведь только двое: Огарев и Бакунин. Остальные русские писатели, как Чернышевский или Михайлов, только наезжали. И с оставлением Герценом Лондона он потерял для русской свободной интеллигенции прежнюю притягательную силу»[13].

Говоря о Герцене-эмигранте, Боборыкин вспоминал также, что на всем его долгом веку он «не встречал русского эмигранта, который по прошествии более двадцати лет жизни на чужбине (и так полной всяких испытаний и воздействий окружающей среды) остался бы столь ярким образцом московской интеллигенции 30-х годов на барско-бытовой почве»[14]. При этом, хотя он по-французски говорил также бойко, как и писал, но и тогда окружающие находили, что «он все-таки остался в своем произношении и манере говорить москвичом 40-х годов, другими словами: он произносил по-французски, а думал по-русски»[15].

«…Житье за границей, – продолжает свой рассказ о Герцене П.Д. Боборыкин, – больше всего отличало в его стиле в виде частого употребления не совсем русских оборотов и иностранных слов, которые он переделывал на свой лад. В этом он был более “эмигрант”, чем многие наши писатели, начиная с Тургенева; а ведь тот, хоть и не кончил дни свои в политическом изгнании, но умер также на чужбине и, в общем, жил за границей еще дольше Герцена, да еще притом в тесном общении с семьей, где не было уже ничего русского. И в его печатном

А.И. Герцен

языке не видно того налета, какой Герцен стал приобретать после нескольких лет пребывания за границей с конца 40-х годов, что мы находим и в такой вещи, как “С того берега” – в книге, написанной вдохновенным русским языком, с не превзойденным никем жанром, блеском, силой, мастерством диалектики. Но и тут вы уже наталкиваетесь на следы влияний жизни среди иностранцев»[16].

В отчете III Отделения на тему «Нравственно-политическое обозрение за 1862 год» в подразделе «О русских выходцах и о их сношениях в России и за границею» говорилось, что заметно оживило деятельность русской пропаганды прибытие в Лондон М. Бакунина. Кроме того открывавшаяся в том же году в Лондоне Всемирная выставка также представляла для эмиграции, по мнению властей, «удобный случай сближаться с отправлявшимися туда многими русскими». Поэтому властями ставилась задача установить самое пристальное секретное наблюдение в Лондоне как за политическими выходцами, так и за их посетителями, что и было с большой тщательностью сделано. В частности, установлена слежка за квартирой Герцена: велся строгий учет (в т. ч. количественный) всех посещавших его на дому, из которых были выделены те, кто участвовал, «более или менее, в преступных его намерениях», в их числе назывались «приезжие лица, большей частию мелкие журнальные писатели» – Альбертини, Достоевский, Писемский, Стасов, Ковалевский и др. Было установлено также, что «Колокол» Герцена посылался к подписчикам по почте в виде «писем в обыкновенных обертках», а более объемистые посылки доставлялись по назначению через так называемых «контрабандиров». Одного из них – Ветошникова (оказавшегося купеческим приказчиком торгового дома Фрума в Англии) задержали на границе с перевозимыми революционными сочинениями и письмами от Герцена, Бакунина и Кельсиева. Благодаря установленному секретному наблюдению за перепиской Герцена и Бакунина в Париже, были дополнительно «открыты» многие другие корреспонденты и участники революционной эмиграции в Париже, Флоренции и Гейдельберге, связанные с «лондонскими пропагандистами»[17].

Говоря о социальном составе политической эмиграции, следует отметить, что, если на начальном этапе она включала в себя главным образом представителей дворянства, то во второй

половине 1860-х гг. в Западную Европу прибывает революционная разночинская молодежь**.** Всего, по данным В.Я. Гросула, с 1861–1895 гг. в эмиграции оказалось более 1100 участников российского революционного движения, что составляло около 5 % от ее общего состава (в 25 тыс. участников разночинского этапа русского освободительного движения)[18].

С прибытием разночинской интеллигенции за границу начинался период истории так называемой «молодой эмиграции». В отличие от «старой», лидером которой был признан А.И. Герцен, эта часть эмиграции к моменту своего выезда из России прошла школу революционных выступлений и находилась под влиянием идей Н.Г. Чернышевского, сторонника более радикальных методов ведения политической борьбы. Кроме того, между «старой» и «молодой» эмиграцией были социальные различия, вследствие чего у молодежи постоянно стояла проблема пропитания и борьбы за кусок хлеба[19].

После реформы 1861 г. и особенно польского восстания 1863–1864 гг. русские революционные колонии появляются также в Германии, Швейцарии, Италии, Юго-Восточной Европе, отдельные революционеры – выходцы из России оказались в США, Японии, Аргентине, Бразилии.

К середине 60-х гг. главные силы революционной эмиграции концентрируются в Швейцарии, немецкая часть которой после перемещения сюда из Лондона Вольной русской типографии Герцена превратилась в крупный регион расселения политических беженцев. Сюда прибыл и М.А. Бакунин, говоря о котором, П.Д. Боборыкин в своих воспоминаниях писал:

«…Создатель европейского анархического Интернационала, когда-то гвардейский офицер и тверской помещик, обладал прирожденным красноречием. По-русски он при мне не произносил речей, но по-французски выражался красиво, а главное – сочно и звучно своим протодьяконским басом… Тогда его влияние было еще сильно в группах анархистов во Франции, Италии и даже Испании. Но он под конец жизни превратился в бездомного скитальца, проживая больше в итальянской Швейцарии, окруженный кучкой русских и поляков, к которым он всегда относился очень благосклонно… »[20].

Первое время после приезда Бакунина в Швейцарию вокруг него собираются Н.И. Утин, Н.И. Жуковский и другие представители нового эмигрантского поколения, по инициативе которых

М.А. Бакунин

в 1868 г. выходит первый номер «Народного дела». В 1870 г. группой эмигрантов во главе с Утиным в Женеве была создана русская секция Интернационала. Участником всех швейцарских эмигрантских начинаний являлся также находившийся с 1862 г. за границей Н.И. Жуковский (он сотрудничал в «Колоколе» Герцена как представитель молодой эмиграции, в издании народнических революционных печатных изданий)[21].

В Женеве в те годы проживал брат известного физиолога Лев Мечников, который в период издания «Колокола» сотрудничал с Герценом, а после разрыва с ним стал членом русской женевской секции Интернационала, близким соратником Бакунина. М.М. Ковалевский писал о нем так: «Сам Мечников не только не дорожит богатством, но наоборот необыкновенно щедр в оказании другим всякого рода помощи, в том числе и денежной. Я знаю, что высокий гонорар им получаемый за газетные и журнальные статьи, идет у него на дела благотворительности»[22].

В эмиграции в те годы оказались и такие профессиональные революционеры, как П.Л. Лавров, П.Н. Ткачев, П.А. Кропоткин, С.М. Степняк-Кравчинский. В 1887 г. политическими эмигрантами для издания произведений социально-революционного характера в Цюрихе был организован «Социалистический литературный фонд», руководителем которого был П.Л. Лавров, издавший здесь свои «Исторические письма», опубликовавший работы Г.В. Плеханова и др. Активные усилия политэмигрантов направляются в эти годы на установление контактов с российскими студентами, обучавшимися в европейских университетах, а также представителями отечественной культуры, которые проживали за рубежом.

Большая часть разночинской эмиграции, как уже отмечалось, была лишена состояния, в результате была вынуждена изыскивать средства к существованию, продолжая заниматься научной работой. Так, П.Л. Лавров, по воспоминаниям Боборыкина, много работал «как теоретик по истории идей и эволюции общества, брал на себя обширные труды, переводные и оригинальные; писал постоянно и в русские журналы анонимно, и под псевдонимами», в чем ему помогали, оказывая материальную поддержку, его друзья и в России и за границей, хотя собственно «лавровцев» было мало и в Париже, и в русских столицах. В конце жизни Лавров поселился в Швейцарии, где

сделался своеобразным «старостой» тогдашней русской колонии, поддерживал себя материально, давая уроки и по общим русским предметам, и по игре на фортепиано[23].

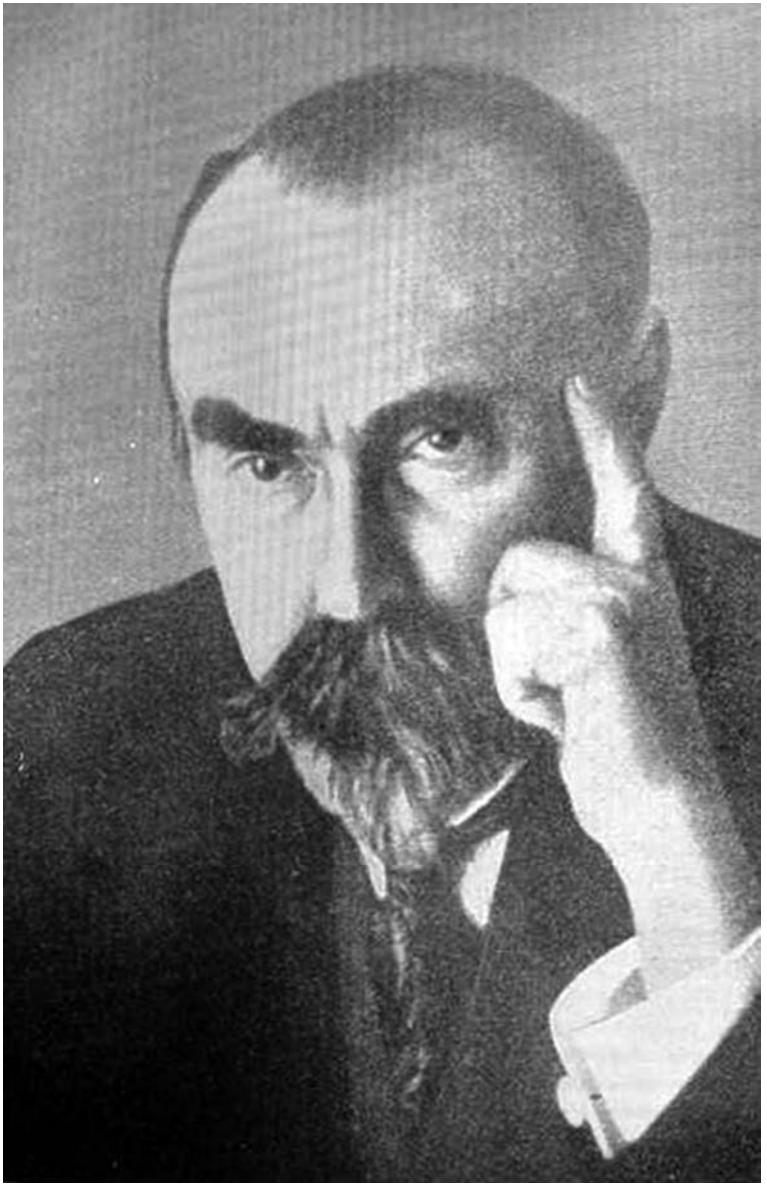
Параллельно за рубежом формируются и другие течения русской политической эмиграции, самыми заметными из которых и действенными были социал-демократы, социалисты-революционеры и либералы, имевшие за границей свои издательства, типографии, библиотеки, кассы.

Начало истории российских социал-демократов было положено опять же в Швейцарии в сентябре 1883 г. созданием группы «Освобождение труда» (в составе Г.В. Плеханова, П.Б. Аксельрода, В.И. Засулич и др.). В ряде русских эмигрантских колоний начали складываться кружки содействия группе «Освобождение труда», в пропаганде идей которой огромную роль сыграл лично Г.В. Плеханов. В 1895 г. по инициативе группы «Освобождение труда» был создан зарубежный «Союз русских социал-демократов», который состоял из Берлинской, Цюрихской, Парижской и других групп.

Женевский центр РСДРП, в свою очередь, прилагал усилия для устройства групп содействия в других швейцарских городах. В Берне во главе такой группы стояли студенты Бернского университета – Радомысленский (Зиновьев) и Казаков (Свиягин). Группы содействия РСДРП возникли также в Берлине, Дармштадте, Митвейде, Мюнхене, Льеже, Брюсселе, Париже, США, Аргентине[24].

Одним из центров социалистов-революционеров в Швейцарии стала квартира Е.К. Брешко-Брешковской. Сама Брешко-Брешковская, разъезжая между Женевой, Берном и Цюрихом, агитировала обучавшихся там русских студентов. В Женеве эсеры осваивали опыт осуществления террористической деятельности, создав свою базу для террористов (где готовились и испытывались бомбы), а также несколько динамитных школ, в которых «работали» химики по образованию. Один из них – А.Н. Бах, бывший народоволец, секретарь Заграничного комитета партии эсеров (и будущий советский академик), работавший на протяжении двадцати трех лет (начиная с 1894 г.) в собственной лаборатории в Женеве и снабжавший террористов боевыми материалами[25].

В свою очередь, царские власти не прекращали борьбу против революционной эмиграции, опираясь на правительственные круги Франции, Германии, Австрии, получая от них



Г.В. Плеханов

содействие в деле политического сыска, организации политической агентуры по борьбе с русскими революционерами за рубежом. Достаточно мощная заграничная агентура была создана царским правительством во Франции. В.Л. Бурцев, говоря о роли одного из начальников русского заграничного сыска во Франции – П.И. Рачковского (руководившего агентурой с 1885–1903 гг.*)* отмечал, что тот мог играть значительную роль заграницей благодаря тому, что «французское правительство стремилось во что бы то ни стало заключить союз с Россией и очень дорожило связями с русским правительством»[26]. Со своей стороны, русское правительство в общей политике готово было многое делать для французского, чтобы оно взамен помогало в борьбе с эмигрантами-революционерами. Более всего в те годы парижская полиция опасалась участия в политической деятельности нелегальных эмигрантов. По приблизительным подсчетам полиции, в 1906 г. в Париже единовременно находилось до 1500 активистов различных политических организаций и движений, которые рассматривались в качестве «источника постоянной революционной пропаганды»[27].

А после убийства президента М. Карно в 1894 г. и сближения с царской Россией, Франция, по воспоминаниям соратницы Плеханова Н.К. Гернет, стала принимать драконовские меры против революционеров, особенно против русских, которых всех без различия относили к анархистам[28]. Все «анархисты» подлежали немедленной высылке из Франции, при этом не все могли выбрать будущую страну проживания. Так, отправка в Германию означала выдачу через нее царским властям. Италия и Швейцария, наоборот, предоставляли убежище «политическим», однако последняя также к тому времени начала кампанию против «террористов-анархистов».

В результате под угрозу высылки попала в тот период В.И. Засулич, проживавшая, как и Г.В. Плеханов, на французской территории (куда она бежала после оправдания ее судом за известное покушение на генерала Трепова) и имевшая право въезда на территорию Женевской республики, но только по специальному, каждый раз данному разрешению[29]. В Морне некоторые считали Засулич грозной анархисткой и даже как-то раз, видя ее на балконе мирно ставящей самовар (которых тогда во Франции почти не знали), один крестьянин воскликнул: «О, это верно “машина” Равашоля [французский

В.И. Засулич

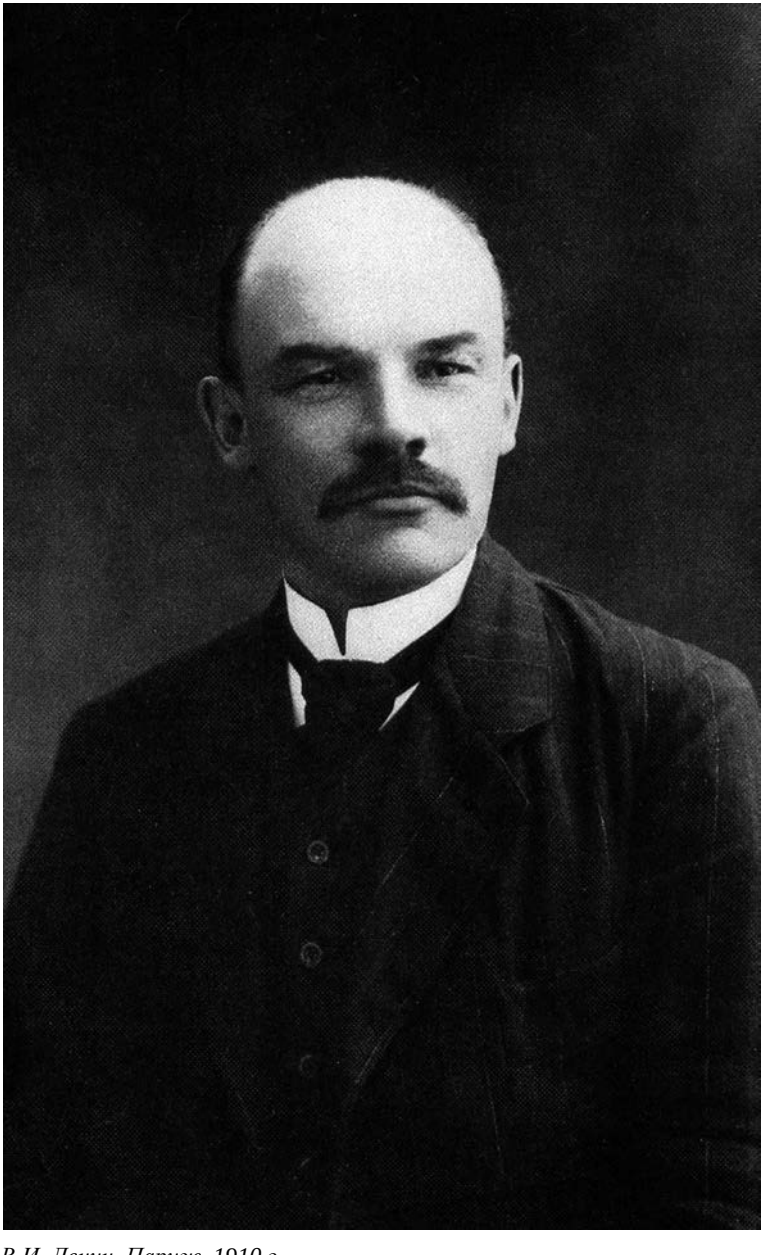
Л.Д. Троцкий. Период второй эмиграции

анархист, прославившийся актами индивидуального террора. – *М.М.*]».

«…После долгих лет вдали от родины, в непрерывной борьбе с идеями и препятствиями, – пишет Н.К. Гернет, – живя среди маленькой группы друзей и очень большого стана “чужих”, она, конечно, не выдержала бы высылки в Германию, т. е. выдачи России и неизбежной за ней ссылки в далекую глушь Сибири…»[30]. Поэтому соратники переправили В.И. Засулич в Англию, откуда позже она вернулась опять в Швейцарию, но не в Женеву, а в Цюрих. Спустя десять лет стало возможным ее возвращение в Россию, где Вера Ивановна и окончила свой жизненный путь.

Помимо Франции заграничные агентуры были созданы в Швейцарии, Германии, на Балканах, в Австрии, США. Известны примеры того, как зарубежные правительства арестовывали и иногда передавали в руки царских властей революционеров (так было с М. Бакуниным, С. Нечаевым, Л. Дейчем, В. Луцким); много было случаев высылки русских революционеров из Швейцарии, Франции, Германии, Австрии, Румынии, Болгарии и других стран. Одновременно были известны и примеры поддержки эмигрантов-революционеров, прежде всего со стороны оппозиции – либеральной, радикальной или социал-демократической европейских стран[31].

Но в целом, для русских политических эмигрантов в европейских странах складывалась достаточно благоприятная ситуация. Л. Троцкий, повествующий в своих дневниках о периоде первой (1902–1905) и второй (1907–1917) эмиграции, отмечал, что он в эти годы, до начала Первой мировой войны, свободно разъезжал по Европе и беспрепятственно читал доклады о близости социальной революции. Только в Пруссии нужны были меры предосторожности: в остальной Германии царило полицейское благодушие, не говоря о других странах Европы, включая Балканы. Троцкий называет этот период «блаженными временами», когда, например, в Париже на открытых митингах разные фракции русской эмиграции «сражались до полуночи и заполночь по вопросу о терроре и вооруженном восстании»[32]. В этой ситуации французские полицейские обычно стояли на улице, в зал никогда не входили и входящих никогда не проверяли. «Только хозяин café, – пишет Л. Троцкий, – после полуночи тушил иногда электричество,



В.И. Ленин. Париж, 1910 г.

чтоб унять разошедшиеся страсти, – иного контроля разрушительная деятельность эмиграции не знала»[33].

Известный биограф Троцкого И. Дейчер, говоря об эмигрантском периоде будущего большевика, отмечал, что Троцкий больше любого другого эмигранта имел право зваться «европейцем». Если большинство эмигрантов жили в замкнутых кружках, погруженные в российские дела, изолированные от окружающей жизни в странах проживания, то Троцкий «с приспособляемостью и восприимчивостью странствующего еврея… чувствовал себя как дома в большинстве европейских стран, страстно отдавался местным делам, говорил и писал на местных языках и участвовал в местных рабочих движениях»[34].

Лондонский период русской социал-демократической эмиграции или «период старой Искры» (1900–1903 гг.) стал тем временем, когда по образному выражению Троцкого, «Ленин становится Лениным»[35]. Являясь политическим руководителем «Искры», он также проводил много времени в библиотеке Британского музея. И при этом, вспоминал Л. Троцкий, если Засулич и Мартов жили совершенно в стороне от английского рабочего движения, целиком поглощенные «Искрой» и тем, что ее окружало, то Ленин был в курсе международных событий, совершая «время от времени самостоятельные разведки в область английского рабочего движения»[36].

После поражения в Первой русской революции еще одним центром русской политической эмиграции становится Италия и, в первую очередь, приморские города – Неаполь, Генуя и небольшие курортные городки Лигурийского побережья – Сестри, Барди, Нерви и Кави ди Лаванья, где образовались русские колонии и где в русских пансионатах с практиковавшими русскими врачами могли получить лечение прошедшие через тюрьмы и ссылки в России политэмигранты. Важным центром русской эмиграции был также Милан. Всего, по данным итальянской статистики, в 1911 г. в Италии проживало около 2300 политических эмигрантов из России; среди них – социалисты-революционеры, социал-демократы, анархисты, имевшие прочные связи с итальянским социалистическим движением, в котором были сильны анархо-синдикалистское и реформистское течения[37]. В Италии по году и дольше жили такие известные революционеры, как А.А. Богданов, П.А. Кро-

поткин, Г.А. Лопатин, Г.В. Плеханов, В.М. Чернов, В. Бурцев, Б.В. Савинков.

Активную роль в организации политической жизни русской колонии в Италии, в смычке политэмигрантов с проживавшими там соотечественниками сыграл прибывший в эту страну эсер М.А. Осоргин, ставший корреспондентом легальных периодических изданий, выходивших в России, организатором просветительских поездок учителей в Италию. Осоргин содействовал созыву в марте 1913 г. в Риме Первого съезда русских политических и экономических организаций, в ходе которого была высказана идея создания в Италии Музея русского освободительного движения и совместного русско-итальянского издательства, чему помешала начавшаяся Первая мировая война[38].

В свою очередь, социал-демократы организовали в стране две рабочие школы: в 1909 г. – на Капри и в 1910–1911 гг. – в Болонье. На Капри партийная школа для подготовки профессиональных революционеров из числа рабочих, которые приезжали сюда из разных городов России, была создана по инициативе А.А. Богданова и его сторонников А.А. Базарова и А.В. Луначарского при поддержке М. Горького. Лекции в школе, помимо А.А. Богданова и А.В. Луначарского, читали историк М.Н. Покровский, философ Г.А. Алексинский и др. Дважды (в 1908 и 1910 гг.) на Капри приезжал Ленин. Школа стала фактически центром фракции Богданова, который, находясь в оппозиции к В. Ульянову (Ленину), полагал, что путь к социализму лежит не через захват власти, а через просвещение рабочего класса. В этой связи через свой печатный орган, газету «Вперед», группа вела полемику с ленинской газетой «Пролетарий».

В целом, как отмечает Н.П. Комолова, политическая атмосфера Италии в 1906–1914 гг. также была для российской эмиграции благоприятной, несмотря на полицейский надзор. Власти, как правило, политэмигрантов не преследовали, в результате они пользовались определенной свободой: проводили собрания, создавали кассы взаимопомощи, библиотеки, издавали печатные бюллетени, устанавливали контакты с местными социалистическими организациями и профсоюзами[39]. Одновременно находившиеся здесь русские политэмигранты поддерживали связи с центрами русской эмиграции в Швейцарии,

М. Горький, А Богданов, В. Ленин за игрой в шахматы на Капри. Между 1908–1910 гг.

Франции, а через них – с Россией, откуда приходили книги, журналы, денежные переводы.

Вместе с тем, проблемы выживания, адаптации для революционных эмигрантов в те годы были чрезвычайно сложными как по причине дороговизны жизни за рубежом, так и из-за отсутствия постоянного источника доходов, ведь большинство приезжало за границу без материальных средств к существованию. Для многих в те годы, включая лидеров, были свойственны скромность жилища, сдержанность в еде и одежде.

Как известно, значительные материальные трудности в середине 1880-х гг. испытывали члены группы «Освобождения труда». У одного из ее лидеров – Г.В. Плеханова в 1886 г. опасно заболела жена, а вслед за ней и оба ребенка. Тогда глава семьи отправился на заработки в г. Кларан, где останавливались богатые русские туристы и где можно было найти уроки. В конечном итоге, нужда подорвала и без того расстроенное здоровье лидера социал-демократов. Во время одной из поездок он простудился, и вскоре врачи обнаружили у него скоротечную чахотку, предрекая летальный исход. Плеханова немедленно перевезли в горную деревушку Морне на щвейцарско-фран-

цузской границе, где за ним начала ухаживать В.И. Засулич, благодаря чему он выздоровел и вернулся к работе, в то время, как сама Вера Ивановна вскоре заболела туберкулезом. О Вере Засулич Троцкий писал, что она жила, одевалась и питалась, «как скромнейшая из студенток». В области материальных ценностей ее высшими радостями были табак и горчица. Она потребляла и то и другое в огромном количестве, а когда смазывала тончайший ломтик ветчины толстым слоем горчицы, все говорили: «Вера Ивановна кутит»[40].

Известно, что и находившиеся в то же самое время в Лондоне В. Ульянов (Ленин) с женой Н.Д. Крупской и ее матерью жили также достаточно скромно и имели небольшую квартиру из двух комнат с маленькой кухней-столовой. И дом Троцкого на рабочей окраине в Вене в 1912 г. больше напоминал многим дом бедняка, где в трех комнатах не хватало скудной мебели для удобства. Как пишет И. Дейчер, и одевался Троцкий «слишком дешево, чтобы иметь вид “приличного” человека в глазах венского мещанина», хотя, признает историк, Троцкие жили лучше большинства эмигрантов (зажиточные родители революционера, наверняка, иногда помогали ему деньгами)[41]. Собственно финансирование политической деятельности русской эмиграции велось за счет денег из партийных касс и из средств, присылаемых соратниками из России. Но некоторые суммы, направлявшиеся на революционную борьбу, были получены от богатых меценатов и предпринимателей, в частности, средства поступали из благотворительных фондов Ротштильда, от английского барона Морица де Гирша и других сочувствовавших и оказывавших помощь политическим эмигрантам из России[42].

После начала Первой русской революции происходит изменение социального состава эмиграции за счет появления в ее рядах рабочих, крестьян, солдат. Эту эмиграцию З. Гиппиус называла «новой», «какой не было ни прежде, ни потом», имея в виду, что «1905 год, неудавшаяся революция выкинули толпу рабочих, солдат, матросов, совершенно не способных к жизни вне России», которые «работы не искали и ничего не понимали», в свою очередь, «эмиграция, настоящая, политическая, партийная, о них мало заботилась, мало и знала их»[43].

Тем не менее, кое-что в рядах старых эмигрантов делалось для оказания помощи вновь прибывавшим соотечественникам,

пострадавшим от царского режима и оказавшимся в тяжелых условиях за рубежом. С этой целью создавались специальные организации помощи эмигрантам. Самой известной из них была Эмигрантская касса в Париже (Парижская эмигрантская касса), созданная в 1905 г. первыми русскими анархистами во Франции (в дальнейшем к ней примкнули представители других русских революционных партий). Известно, что в ее состав входили Ракитников, Шейнис, Стеклов, Залевский, Овсянников, Морозов, Сталинский, Агафонов, Луначарский и другие – всего 19 человек, часть из которых являлась членами Союза социалистических организаций в Париже[44].

Поскольку реакция, усилившаяся в России после поражения революции, привела к росту числа политических изгнанников, к которым прибавились отбывшие срок каторги и бежавшие с мест поселения каторжане, то перед Эмигрантской кассой встала задача оказания помощи «этим товарищам, изнуренным тяжелыми условиями жизни в каторжных тюрьмах и в Сибирской ссылке». В обращении Эмигрантской кассы с призывом о помощи ко всем членам русской колонии в Париже говорилось: «Пусть не забывают они, что бок-о-бок с ними бьются в тяжкой, безысходной нужде сотни и тысячи политических изгнанников, которых даже незначительная, но во время оказанная помощь может спасти от отчаянья и поставить на ноги»[45].

Суммы, собираемые Эмигрантской кассой, составлялись как от случайных пожертвований, так и от постоянных источников дохода. Значительная часть средств поступала от организации праздников, балов и конференций, организуемых с целью сбора средств на общее дело. Например, в 1912 г. крупные пожертвования выразились в сумме 1600 франков, в 1913 г. они уже составили 4052 франка. Чрезвычайно важным был и значительный рост мелких пожертвований: с 341 фр. в 1912 г. (включая, членские взносы) до 2272 фр. в 1913 г. Как отмечалось в отчете за 1913 год, «с учетом поступивших в истекшем же году членских взносов в сумме 1078 фр., было получено увеличение по сравнению с предыдущим годом почти в 10 раз»[46].

Самым надежным источником дохода признавалось «самообложение более или менее обеспеченной части местной русской колонии». Постепенно Эмигрантская касса отказывалась

от мелкой благотворительности и, насколько позволяли средства, стремилась оказывать нуждающимся эмигрантам серьезную помощь. Если в самом начале приходилось тратить все средства на пособия в 2–3 фр., то уже в 1913 г. минимальная выдача исчислялась в 5 фр., средняя – в 11 фр., а максимальная – в 35 фр. Наблюдались также многочисленные случаи экстренных выдач в 25, 50 и 75 франков. В среднем к концу 1913 г. эмигрант в критические моменты своего существования получал пять франков и семь обедов в неделю, т. е. общая помощь предоставлялась на сумму около 48 фр. в месяц[47]. При всей своей незначительности, как говорилось в отчете, такая помощь все же давала эмигранту «возможность пережить черные дни до приискания какой-либо работы»[48].

Многие из прибывавших в то время в Париж эмигрантов прошли уже через Швейцарию, Германию, Бельгию и другие страны и потому более или менее были знакомы с условиями зарубежной жизни и нуждались в кратковременной, но существенной поддержке только в первое время, до первых заработков. В целом, в ходе борьбы с материальной нуждой Эмигрантская касса выделяла из своего бюджета средства на трудовую помощь как отдельным лицам, так и учреждениям, например, Бюро Труда, кооперативу портных, в фонд для обучающихся ремеслу и проч.[49] Вместе с тем, как пишет Д.А. Гутнов, в отношении этой организации у французской полиции было обоснованное подозрение в том, что Касса спонсировала некоторые экспроприации и террористические акты как на территории России, так и во Франции[50].

В среде русской революционной эмиграции развернулась также деятельность по оказанию помощи соратникам в тюрьмах и ссылках в России. С этой целью в Лондоне в 1908 г. был основан Комитет для помощи русским анархистам в тюрьмах и в ссылке, в обращении которого говорилось: «Большинство из вас, товарищи, сами пережили тяжелые времена, или в тюрьме, или в ссылке, а иные и то и другое; и все поймете, что чувствует ваш товарищ, когда он узнает, что о нем помнят его прежние товарищи… Ваша денежная помощь не только уменьшит их материальную нужду, но тот теплый привет с воли, с которым она приходит, согреет их изболевшую душу и поможет им пережить многое такое, что и сильные люди, не согретые любовью, часто не в силах пережить.

…Хорошо было бы, если бы наша касса могла послать каждому товарищу, идущему в ссылку, несколько фунтов, чтобы он мог добраться до места с меньшим мучением и не оказаться там на первое время без копейки… Но у многих из вас и своя жизнь нелегкая, и в повседневной борьбе за жизнь не успеваешь подумать обо всем…»[51].

Аналогичная деятельность русской революционной эмиграции развернулась и за океаном, в частности, в США, Аргентине, а также в Японии и Австралии, хотя численно здесь она заметно уступала массовой трудовой и религиозной иммиграции конца 1880-х – начала 1900-х гг.

В США в числе первых политических эмигрантов был полковник генерального штаба И.В. Турчанинов, эмигрировавший сюда в еще 1856 г. Впоследствии он вошел в историю Америки как один из героев войны между Севером и Югом, в которой принимал участие на стороне северян, командуя полком[52].

В 1870-х гг. в Америке были созданы первые русские революционные кружки в форме земледельческих коммун, которые одновременно занимались и производственной деятельностью: коммуна Фрея (псевдоним Н.К. Гейнса), община «богочеловека» (А.К. Маликов, К.С. Пругавин, Н.В. Чайковский)[53]. Со второй половины 1880-х гг. в США появляются первые организационно оформленные группы российских политэмигрантов. Созданная в 1887 г. в Нью-Йорке «Русско-американская национальная лига» ставила своей главной целью агитацию среди американцев против выдачи т. н. «государственных преступников», а также сбор средств в пользу ссыльных революционеров и политкаторжан[54]. Однако наличие финансовых трудностей, фактическая оторванность от России, нерегулярность связей с более многочисленной русской эмиграцией в Западной Европе, а также отсутствие собственной печати делали малоэффективной работу Лиги.

Важным событием в жизни русской политической эмиграции США, способствовавшим популяризации народнических идей в ее среде, стала поездка по стране в 1890–1891 гг. с лекциями революционного народника С.М. Степняка-Кравчинского. Одним из ее результатов явилось создание Общества друзей русской свободы в США, члены которого в дальнейшем активно сотрудничала с партией эсеров. Аналогичное Общество

С.М. Степняк-Кравчинский

было организовано Кравчинским еще в конце 1889 г. в Лондоне, где в его состав вошли известные литераторы, юристы, общественные деятели.

В 80-е – начале 90-х гг. XIX вв. многие из участников революционной эмиграции в американских условиях проделали эволюцию от народничества к социал-демократизму. В 1891 г. по инициативе бежавшего из России члена группы «Освобождение труда» С.М. Ингермана в США было создано Русское рабочее общество самообразования (преобразованное позднее в Русское социал-демократическое общество в Нью-Йорке), которое приняло программу группы и оказывало ей серьезную политическую и финансовую поддержку[55]. Ингерманом устраивались регулярные открытые лекции о социализме, ежегодные новогодние балы, сборы от которых поступали в кассу группы и шли также на помощь остро нуждавшемуся в материальных средствах лидеру группы Г.В. Плеханову и его семье. Ингерман выступил также одним из основателей Американской социалистической партии. В 1890-е гг. аналогичная группа русских социал-демократов появилась в Чикаго, которая в начале XX в. установила связи с Заграничной лигой русской революционной социал-демократии.

В Нью-Йорке хорошо был известен Русский рабочий Клуб, деятельность которого, как писала газета «Прогресс», служила «лучшим доказательством того, что существует потребность в таком учреждении, где могли бы встречаться представители разных оттенков русского движения для обмена мыслей»[56]. Клуб имел свою библиотеку с подборкой важнейших русских журналов и газет. В октябре 1910 г. здесь была организована Русская рабочая группа, которая в городе и окрестностях устраивала популярные чтения и беседы, в том числе по русской истории, привлекавшие много слушателей[57]. В стране действовали также социалистические землячества (минское, харьковское, кавказское и т. д.)[58].

В феврале 1893 г. департаменту США удалось, хотя и с рядом поправок, провести через конгресс заключенную в 1887 г. с царским правительством конвенцию о взаимной выдаче государственных преступников. В результате ожиданиям революционеров найти в заокеанской стране надежное убежище от преследований охранки был нанесен ощутимый удар, подтолкнувший некоторых из них к окончательному решению покинуть берега Нового Света[59].

Тем не менее, к началу Первой российской революции в стране существовало уже около сорока русских отделов Американской социалистической партии (АСП), значительное число которых находилось в штатах Нью-Йорк, Пенсильвания, Массачусетс, где они играли заметную роль в местном социалистическом движении**.** Один из членов АСП С.Е. Шевич был избран в состав Национального комитета Социалистической рабочей партии США. Активист американского социал-демократического и профсоюзного движения И.А. Гурвич преподавал в те годы философию и статистику в Нью-Йоркском и Чикагском университетах. Активными участниками социалистического движения США были и другие представители российской революционной эмиграции – В. Володарский, А. Коллонтай, А. Стоклицкий, Н. Гуревич, Л. Мартенс[60].

Одновременно в рассматриваемый период в различных городах США образовалась обширная сеть эсеровских групп, не входивших в Заграничную федерацию. Американские организации партии социалистов-революционеров (ПСР) возглавлял Нью-йоркский федеративный комитет, во главе которого стоял Х.О. Житловский. Наиболее представительное нью-йоркское отделение эсеров делилось по земляческому признаку: житомирская, витебская, минская, одесская и другие организации. Относительно благополучное состояние американских организаций ПСР объяснялось наличием в США многочисленной еврейской диаспоры, сочувствовавшей идеям партии. Это позволяло американским группам социалистов-революционеров делать значительные взносы в партийную кассу, направлявшиеся также в фонд Красного Креста и на помощь политкаторжанам на родине. Они регулярно субсидировали руководящие органы и европейские организации партии вплоть до 1909–1910 гг., когда временно связь была прервана, а после ее восстановления наблюдалось падение доверия к партии. Тем не менее, деятельность Американского федеративного комитета (позднее преобразованного в Американскую делегацию) ПСР, в отличие от европейских организаций, не прекращалась вплоть до начала Первой мировой войны. Во многом под его влиянием в начале 1914 г. прошла конференция эсеров в Канаде, на которой был образован Областной комитет[61].

В США существовали также и другие политические организации – Общество друзей русской демократии (Чикаго), Лига

защиты русских граждан (Бостон), Союз Единства (Нью-Йорк), которые занимались информационно-пропагандистской работой внутри русской иммигрантской колонии[62]. Здесь также действовали организации помощи политэмигрантам, как, например, Общество помощи политическим ссыльно-поселенцам в Сибири, Нью-Йоркский революционный Красный Крест, Лига защиты русской революции (Балтимор) и др.

На южноамериканском континенте к концу XIX в. также активно шел процесс развития организованного рабочего движения, который сопровождался распространением марксистских и анархистских идей, проникавших на континент вместе с политической эмиграцией. Особая роль в этом принадлежала иммигрантам из Европы, прежде всего французам, итальянцам, испанцам и иммигрантам из США, значительная часть которых к моменту прибытия на континент имела определенный опыт классовой борьбы. С 1890-х гг. в Латинской Америке все более заметным становится влияние анархо-синдикализма, что нашло отражение в деятельности групп анархо-коммунистов и анархо-социалистов[63]. Одновременно в латиноамериканских странах интенсивно формировались марксистские группы и печать. В результате к началу XX в. на континенте развернулась борьба между анархистами и марксистами за контроль над рабочим движением, которая продолжалась несколько десятилетий и участие в которой приняли выходцы из России.

После революции 1905–1907 гг. в Аргентину приехали и стали участниками местного профсоюзного и социалистического движения некоторые члены партии эсеры. Одним из них был Борис Владимирович Герман (первый муж Н.К. Крупской).

Тогда же в Аргентине оказались участники революционных событий с броненосца «Потемкин». После подавления восстания большинство их них (651 человек) перебралось в Румынию, сложные условия адаптации в которой заставили многих в дальнейшем покинуть эту страну и направиться на американский континент. Первые участники восстания появились здесь в 1906 г. и продолжали прибывать, в том числе в США и Канаду вплоть до 1912 г. (всего на континенте собралось более 50 потемкинцев). После того, как в 1908 г. канадскими властями был введен новый иммиграционный закон

(требовавший «в целях воспрепятствования наплыва в Канаду несостоятельных выходцев из Европы, представления иммигрантами достаточного денежного обеспечения» – 25 долларов на каждого взрослого и 12 долларов – на малолетних), не имевшие средств потемкинцы были вынуждены отказаться от своего первоначального плана осесть в Канаде и направиться в Аргентину. Первая большая группа потемкинцев состояла из 32 матросов и 13 жен. В их числе были П.А. Дымченко, П.И. Подзолкин, Н.И. Иванов, А.С. Сиротин и другие, пополнившие ряды участников революционного движения в стране. Часть эмигрантов поселилась в столице – г. Буэнос-Айрес, другая – близ г. Карлос-Касарес, третья – в г. Гастона[64].

В это же время в Аргентине оказались и другие участники русской революции – социал-демократы большевистского толка – М.А. Комин-Александровский, Б.З. Шумяцкий, А.С. Гордеев и др., которые сразу же включились в политическую деятельность в новой стране. В 1910 г. в Буэнос-Айресе ими была создана социал-демократическая организация «Авангард», поддерживавшая связи с Парижской группой РСДРП и входившая до 1911 г. в качестве секции в Социалистическую партию Аргентины. В 1911 г. была создана Аргентинская группа содействия РСДРП, которая своей задачей видела поддержку РСДРП путем развития агитации и пропаганды среди российского пролетариата в Аргентине[65]. Руководителем Группы стал М.А. Комин-Александровский (член РСДРП с 1900 г., участник Первой российской революции, осужденный на вечное поселение в Сибирь и бежавший оттуда в 1909 г. в Аргентину). В дальнейшем Комин-Александровский стал одним из организаторов Федерации рабочих южных железных дорог (1912); участвовал в деятельности таких политических организациий русских эмигрантов, как Комитет помощи политическим ссыльным и каторжанам (1916–1917), Союз русских социалистических рабочих (1917–1920), Российская коммунистическая группа, вошедшая в 1920 г. в состав Компартии Аргентины. В августе 1917 г. представители социал-демократического крыла русской политической эмиграции или максималисты, как их называли в Латинской Америке, основали Союз российских социалистов и рабочих в Аргентине (СРСРА), который в 1921 г. также присоединился к Компартии Аргентины[66].

Некоторые из участников Первой российской революции оказались к тому времени в Бразилии, где уже действовала небольшая группа русских анархистов, поддерживавшая связь с революционным движенем в России, что было предметом постоянного беспокойства российской дипмиссии в этой стране.

Часть эмигрантов, спасавшихся от царского произвола, к концу XIX в. нашла политическое убежище в странах Северной Африки, в частности, в Египте. Этот фактор был использован представителями радикальных политических сил русской эмиграции для пересылки из Европы в Россию через Александрию марксистской литературы и печати (в том числе газеты «Искра»). В начале августа 1901 г. Ленин и Крупская в письме Л.Е. Гальперину в Баку впервые упомянули о плане пересылки «Искры» через Александрию. Российский исследователь В.В. Беляков приводит строки из письма (от 30 марта 1902 г.) Крупской Г.М. Кржижановскому с указанием на то, что «путь через Египет работает и что его устроили херсонцы»[67]. Однако из-за действий царской охранки «египетский путь» пересылки искровских материалов в Россию просуществовал недолго, всего полгода, и не входил в число основных.

Как и в других странах, русские, поселившиеся в Египте и имевшие к тому времени опыт участия в рабочем движении у себя на родине, становились наставниками египетских рабочих в революционном и профсоюзном движении. Так, первый профсоюз табачников в Египте был основан в 1899 г. выходцем из России – Иосифом Розенталем, который являлся также создателем Общества социальных исследований в Александрии. В Египет эмигрировали некоторые участники революционных событий 1905–1907 гг., в большинстве своем моряки. В 1911 г., после поражения очередной забастовки моряков-черноморцев, в Константинополь было перенесено руководство Союза торговых моряков Черного моря. Дело в том, что сюда часто заходили русские суда, и здесь формируется новый состав Заграничного комитета Союза черноморских моряков, одним из руководителей которого стал социал-демократ М. Адамович. С 1912 г. в Константинополе начала выходить ежемесячная газета «Моряк». Затем из-за балканской войны Заграничный комитет и редакция газеты переехали в Александрию, куда приходили русские суда линии Одесса – Александрия и русские торговые корабли, благодаря чему связь руководства

Л.И. Мечников

Союза с Россией и черноморскими моряками не прерывалась и была регулярной. Наряду с Александрией центром революционной агитации в Египте являлся Хелуан, где также была сосредоточена русская неоседлая колония[68]. Российские консульские власти при помощи местных полицейских чинов осуществляли аресты и высылку революционно настроенных эмигрантов обратно в Россию.

Еще одним центром сосредоточения русской политической и прежде всего революционной эмиграции в зарубежье становится Австралия, где проживало около полутысячи человек и среди них – большевики, левые эсеры, анархисты, включая участников революционных событий 1905–1907 гг., большинство из которых бежали с сибирской каторги и поселений[69]. В 1910 г. политические эмигранты создали здесь Союз русских эмигрантов. Одним из его активистов был большевик Ф.А. Сергеев (кличка Артем), который в 1911 г. вместе со своими сторонниками захватили руководство в Союзе русских эмигрантов (с 1914 г. – Союз русских рабочих) с целью превратить его в общественно-политическую организацию российских рабочих. Членами Союза были созданы также Австралийское общество помощи политическим ссыльным и каторжникам, передвижная библиотека; налажены связи с Комитетом заграничных организаций РСДРП. 27 июня 1912 г. в Брисбене – центре русской политической иммиграции, вышел первый номер газеты «Эхо» (под редакцией Артема) – органа Союза русских эмигрантов, которая одновременно стала первой русской газетой на пятом континенте. После Ленского расстрела в мае 1912 г. в Брисбен приехало еще несколько десятков русских рабочих с Ленских приисков во главе с членом Центрального забастовочного комитета П.И. Подзаходниковым. На 1913–1914 гг. приходился наибольший приток русских революционеров на пятый континент.

В конце XIX в. вместе с политическими эмигрантами из России идеи народнического социализма проникали также в Японию. Сюда переехало несколько видных русских революционеров, в числе которых был Л.И. Мечников, оказавший определенное влияние на распространение в Японии социалистических идей.

После Первой российской революции здесь появляется новая волна эмигрантов, по инициативе которых создается Нага-

сакская группа Союза помощи народному освобождению и Клуб русских политических эмигрантов в г. Нагасаки, целью которого было «оказывать материальное и духовное товарищеское содействие русским политическим эмигрантам, проживающим в Японии»[70]. Членами Клуба могли быть как политические эмигранты, так и все сочувствующие русскому освободительному движению. Принадлежность к политическим эмигрантам удостоверялась «партийными явками, копиями судебных решений и обвинительными актами, а также показаниями товарищей»[71]. При Клубе имелась библиотека и читальня, книги и журналы из которых не членам клуба выдавались за определенную плату. Здесь же устраивались чтения, лекции, спектакли, вокально-музыкальные и литературные вечера (как платные, так и бесплатные). Все доходы от устраиваемых Клубом мероприятий направлялись в пользу нуждающихся русских политических эмигрантов. Было принято также решение открыть подписку среди сочувствующих для образования специального фонда на издание общедемократической еженедельной иллюстрированной газеты «Власть народа» в г. Нагасаки.

Материальное состояние дел в Клубе русских политических эмигрантов раскрывает письмо одного из его членов П.И. Кларка в адрес общего собрания Клуба. «…Только постановка спектаклей, – пишет он, – дает возможность нашему клубу не только окупать стоимость расхода по найму помещения для него, отопления и освещения его, но и для выполнения главнейших целей клуба: дает возможность отправлять товарищей в Россию и содержать здесь тех товарищей, которые совершенно не имеют ровно никаких средств для существования. В виду этого клубом и было решено устраивать два спектакля в месяц. Еще не было примера, чтобы устраиваемый в Нагасаках спектакль давал бы менее 50 рублей чистой прибыли. Следовательно, постановка здесь 2-х спектаклей в месяц давала бы ежемесячно не менее 100 руб. дохода…»[72].

В начале XX в. в самом центре растущего освободительного движения оказались представители русской либеральной общественно-политической мысли. Одним из лидеров либерального движения стал П.Б. Струве, находившийся с 1901 г. в эмиграции. В 1902 г. он становится редактором журнала «Освобождение» – одного из влиятельных нелегальных журналов либеральной направленности, который издавался

Группа основателей «Союза освобождения» в Германии. 1903 г.

первоначально в Штутгарте, потом в Париже. В июле 1903 г. на встрече в Шаффхаузене (Швейцария) впервые возник замысел создания Союза освобождения, сыгравшего важную роль в конституировании либеральных политических партий в России. Перед конференцией П.Б. Струве собрал в Штутгарте группу единомышленников, в которую вошли С.Л. Франк, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Б.А. Кистяковский, Е.Д. Кускова и С.Н. Прокопович. В целях конспирации собравшиеся каждый

день проводили в разных горных городках неподалеку, а задачей их совещания была подготовка почвы для предстоящей встречи.

На самой конференции в Шаффхаузене к ним присоединились земские радикалы, такие как Н.Н. Львов, И.И. Петрункевич, В.И. Вернадский, а также представители академических либерально-конституционных кругов, в их числе П.И. Новгородцев, И.М. Гревс, С.А. Котляревский и др. На конференции победила точка зрения П.Б. Струве о создании широкого коалиционного объединения для борьбы легальными средствами за достижение политической свободы. Такой организацией стал Союз освобождения. Конференция приняла также решение о создании аналогичных Союзов в различных российских городах, которые должны были выступать с требованиями всеобщего избирательного права и земельной реформы. Главной их целью должна была стать мобилизация общественного мнения на борьбу с самодержавием.

Таким образом, как видно из рассмотренного материала, за рубежом сложились многочисленные колонии российских политических эмигрантов, произошло расширение их социального состава за счет мещан, разночинцев, интеллигенции. Центры российской политической эмиграции сложились как в странах Западной Европы, так и в Америке, Северной Африке, Австралии, Японии. Ее представители в наибольшей степени были связаны с Россией через деятельность кружков, политических организаций и партий, оппозиционные издательства. Благодаря эмиграции значительному числу деятелей российского освободительного движения удалось избежать арестов и ссылок и пройти школу политической борьбы.

Трудовая эмиграция из России

С конца XIX в., параллельно с политической эмиграцией формируется новый, наиболее массовый эмиграционный поток из России, представленный трудовыми мигрантами. Среди причин трудовой эмиграции преобладающими были социально-экономические, а именно, нерешенность аграрного вопроса, малоземелье, избыток рабочей силы, налоговое бремя, низкая

Промышленная революция в Америке. 1870-е гг.

техническая оснащенность, ухудшавшие экономическую ситуацию в русской деревне на рубеже веков. Выделялись два основных направления миграции с целью заработка – в европейские страны (Германию, Данию) и наибольший – в заокеанские (США, Канаду, Аргентину, Бразилию, Австралию, Новую Зеландию). В Европу ехали в основном холостые, главным образом представители более бедных слоев населения; в Америку часто выезжали семьями. 99,9 % выезжавших были трудоспособного возраста (от 14 до 44 лет).

Почти 77 % всех российских переселенцев, мигрировавших в страны Нового Света, выезжали в те годы в США, переживавших на рубеже 1870–80-х гг. полосу экономического подъема (для сравнения: в 1870-е гг. в США из России прибыло 52,4 тыс. человек, в Канаду – 6,5 тыс., в Бразилию – 8,5 тыс., в Аргентину – 0,4 тыс., в Африку – 0,2 тыс. человек)[73]. Большой спрос на рабочие руки и высокая заработная плата притягивали сюда многих переселенцев, вынужденных искать лучшей доли на чужбине. Хотя иммигранты из Северной и Западной Европы по-прежнему составляли большинство, число иностранцев, прибывавших из Южной и Восточной Европы, также быстро возрастало. Именно этих переселенцев стали называть

в США «новыми иммигрантами». Этот ярлык скоро приобрел обидный и даже оскорбительный смысл. В 1890-х гг. «новые иммигранты» стали большинством среди переселенцев, которое в последующие годы выросло еще более значительно: в 1900–1909 гг. переселенцы только из трех стран – Италии, России и Греции – составляли 44,7 %, а в 1910–1919 гг. – 40,6 % всех иммигрантов.

Причиной отъезда за океан, как справедливо отмечает Н.Л. Пушкарева, являлись не столько «относительное перенаселение», сколько различия в заработной плате за одни и те же виды труда в России и за рубежом[74]. В США минимальная заработная плата составляла два доллара; сверхурочные оплачивались вдвое больше. Наиболее оплачиваемыми являлись работы на рудниках и земельные работы. В среднем заработок американского рабочего в два-три раза превышал зарплату европейского рабочего, о чем свидетельствует нижеследующая таблица.

Таблица № 1

Средний заработок в России и США
в конце XIX – начале XX вв.[75]

Профессия	**Средний месячный заработок**	
	Россия	**США**
чернорабочий	15 руб. (7,5 дол.)	60–80 руб.(30–40 дол.)
каменщик и столяр	50 (25)	150–200 (75–100)
шахтер	50 (25)	200–300 (100–150)
городовой (полисмен)	30 (15)	160 (80)
учитель	50 (25)	125 (65)

Другое преимущество США для представителей трудовой эмиграции состояло в наименьшей продолжительности рабочего дня. В большинстве штатов Америки в те годы уже был введен 8-часовой рабочий день, в то время, как в России он составлял 11,5 часов.

Основными районами исхода русских трудовых эмигрантов в США с 90-х годов XIX в. по 1917 г. были Полтавская (13,540 чел.), Черниговская (12,170), Харьковская (5,962), Ки-

евская (5,549), Могилевская (8,726), Витебская (7,021), Курская (6,827), Воронежская (6,436), Тамбовская (5,760) и Орловская (5,538) губернии[76].

Ведущую роль в вербовке и перевозке эмигрантов через океан играли германские компании «Гамбург Америк линия» и «Северогерманский Ллойд», которые занимались доставкой людей сначала в портовые города: Бремен или Гамбург, а оттуда – на пароходах в Америку. Перевозя на самом большом корабле до двух тысяч пассажиров, которые в среднем платили по 30 долларов за человека, пароходная компания за поездку в один конец зарабатывала до 60 тыс. долларов[77]. Получая высокие прибыли, подобные компании для привлечения пассажиров нанимали целую армию специальных агентов, которые с посощью листовок и брошюр зазывали людей из Европы в Америку. Важность такой рекламной акции была отмечена в докладе Главного комиссара по вопросам иммиграции в США, где сообщалось, что «более половины эмиграции из России обусловлена активностью агентов по продаже билетов на пароходы»[78]. И, если в 1870-е гг. число эмигрантов из России в США было весьма невелико, то уже в последующие десятилетия миграция из царской России в Северную Америку возрастает в три раза, что видно из приводимой ниже таблицы.

Таблица № 2

Иммиграционное движение из Российской империи и оседание в США в 1891–1915 гг. по данным американских цензов[79]

Годы	**Чистый отлив из Российской империи**	**Оседание в США**	**Процент оседания в США к чистому отливу**
1891–1901	724,7	444,0	61,2 %
1901–1910	1,559,1	1,300,0	83,4 %
1910–1915	1,014,9	730,0	71,9 %

По национальному составу около 96 % всех российских эмигрантов в США составляли евреи, поляки, финны, литовцы, немцы и только приблизительно 2 % были русскими. Среди выходцев из Российской империи в США большую часть составляли мужчины, которым легче было перенести трудности

Русские эмигранты в Америке. Начало XX в.

дальнего пути и устройства на новом месте. На данную тенденцию указывал в своих работах С. Патканов, отмечавший, что на 1909 г. около 2/3 общей массы иммигрантов из евреев, финнов, поляков, литовцев, русских являются мужчинами, причем особенно велик их процент у русских (85 %). Соответственно у них на каждых 100 мужчин приходилось всего 17,6 женщин. Наименьших размеров этот показатель достигал у евреев, выселявшихся за океан преимущественно семьями «для прочного там водворения». Этим объяснялся высокий удельный вес детей, стариков и женщин среди уезжавших евреев, которые, по сути, пытались обрести в Америке вторую родину[80].

Процесс обустройства переселенцев из России в Северной Америке вызывал самые разные комментарии. Вот один их них: «Прибыв в свободную Америку из страны, где вся окружающая его среда оказывает на него враждебное давление: правительство непомерными налогами и повинностями, суды всякими проволоками и кривдами, школа, которую он сам должен выстроить и содержать вместе с учителем, безумным мадьярением и поляниченьем, по природе добрый русский народ… зачастую сбивается с правильного пути на свободной

Русские фабричные работницы из Филадельфии. Начало XX в.

американской почве, понимая эту свободу так, что теперь ему все свободно. Не находясь теперь в непосредственной зависимости от бдительных родителей, жен, родственников, общественного мнения и точного исполнения церковных обрядов, постов и общенародных молитвословий – он при своей христианской неразвитости, неграмотности 42,8 %… подчиняется всяким вредным влияниям разнузданной заводско-промышленной жизни американцев. Легкомыслие, расточительность, буйность, пьянство, внебрачная жизнь, своеволие и т. п. пороки подтачивают нравственные и телесные силы восприимчивой природы русского переселенца»[81].

В США трудовые иммигранты в основном оседали в промышленных городах, где работали в угольной, рудодобывающей, строительной, железнодорожной промышленности и в сельском хозяйстве. И везде условия труда были чрезвычайно тяжелыми. Так, на литейном заводе работали в две смены: дневная длилась с 7 утра до 5 вечера, а ночная – с 5 вечера до 7 утра, составляя в общей сложности 14 часов. Соответственно ночная работа оплачивалось вдвое выше: чернорабочий за день получал от 1,5 до 2 долларов (3–4 рубля), а за ночь – 3,5 доллара (7 рублей)[82].

Многие покидали родные места с надеждой через некоторое время вернуться домой и с помощью заработанных денег поднять на ноги семью и свое пошатнувшееся хозяйство. По данным Б.О. Курчевского, с 1900 по 1906 гг. в Россию ими было переведено 47 млн. долларов, в 1907 г. – 25 млн., в 1913–22 млн. рублей[83]. Обычно деньги посылались на текущие расходы родителям или женам с детьми, а иногда, чтобы оплатить проезд выписанных семей к себе в США. Свидетельства о благосостоянии иммигрантов являлись дополнительным стимулом для односельчан к поиску счастья на чужбине.

В составе дореволюционной волны русских переселенцев, осевших в США, было немало профессионалов с высшим образованием, а также научных работников. Так, в 80-х гг. XIX в. у Томаса А. Эдисона работал русский инженер-электрик, создатель лампы накаливания А.Н. Ладыгин. Особо следует отметить полученные им в этот период патенты на лампы с нитями из тугоплавких металлов, проданные в 1906 г. «Дженерал электрик компани». В 1906 г. в США по его инициативе был построен и пущен в ход завод по электрохимическому получению вольфрама, хрома, титана. В 1880-х г гг. начинал за океаном свою карьеру строителя железной дороги и основателя г. Санкт-Петербург во Флориде будущий бизнесмен и сенатор штата Калифорния П.А. Дементьев. В начале XX в. здесь работал известный энтомолог А.И. Гетрункевич.

Среди профессиональных объединений, созданных представителями трудовой эмиграции в США, наиболее крупными являлись «Союз русских доковых рабочих», «Юнион по разборке домов» и др. В 1913–1914 гг. в Нью-Йорке был создан «Социалистический кооператив русских механиков», целью которого было обеспечение работой прибывавших в США российских эмигрантов-металлистов. Каждый член кооператива обязательно должен был состоять при этом в социалистической партии[84]. Кроме того, существовало еще примерно около полутора десятка профессиональных объединений русских столяров, шахтеров и проч. Достаточно влиятельными и хорошо организованными в США были профсоюзы портных, в которых выходцы из России играли не последнюю роль в руководстве[85].

В начале 1900-х гг. несколько десятков крестьянских семей из России преимущественно галицких червонно-руссов, рус-

ских, поляков, проживало в тропических лесах в колонии на Гавайях, где каждый владел по 50–100 акров земли (25–50 десятин лучшей сахарно-тростниковой земли, на которой после расчистки высаживались огороды, где росли бананы, ананасы, апельсиновые и лимонные деревья). Специально по распоряжению правительства в колонии была построена школа. Мужчины в основном работали на сахарной плантации (с Гавайских островов ежегодно отправлялось в США $^{1}/_{10}$ всего потребляемого американцами сахара)[86].

Еще одним направлением трудового эмиграционного потока из России в Новый Свет стал латиноамериканский континент, в пользу которого развернули пропаганду агенты различных колонизационных обществ. Аргентина и Бразилия привлекали переселенцев прежде всего своей обширной территорией и возможностью получить землю. Такие страны, как Уругвай, Парагвай, Перу, Чили, с помощью иммигрантов стремились решить не только проблемы экономического развития, но и роста численности населения, «улучшения расы», укрепления своих внешних границ.

Наиболее активными в миграционном вопросе в те годы являлись Аргентина и Бразилия, которые с целью вербовки переселенцев направляли своих агентов в различные страны мира, включая Россию. Наибольшее количество выезжавших составляли поляки, украинцы, немцы.

Уместно привести некоторые положения аргентинского иммиграционного законодательства 1876 г., касавшиеся статуса переселенческих агентов за границей, в обязанности которых входило: «вести… неустанную пропаганду в пользу иммиграции в Аргентинскую республику; проверять контракты о перевозке, заключенные между капитанами судов и переселенцев, с целью удостоверить их подлинность и законность и препятствовать совершению злоупотреблений; за каждую четверть года давать переселенческому Управлению отчет о расходовании сумм, представляемых в их распоряжение; заключать контракт о перевозке иммигрантов в колонии Республики; содержать книгу для записи в порядке времени всех действий агентуры: фамилии, имя, отчества, религии, пола и т. д. переселенца»[87].

В 1889 г. в целях форсирования процесса переселения в Аргентину была организована обширная система негласных

Начало эмиграции в Аргентину. Конец XIX в.

агентур по вербовке эмигрантов в европейских странах. Аргентинское правительство при этом ассигновало значительные средства на выдачу пароходным компаниям премий за каждого взрослого переселенца, привезенного из Европы на аргентинскую территорию. Меры эти в скором времени сделались предметом спекуляции со стороны эмигрантских агентств и привлекли в Бразилию и Аргентину множество эмигрантов, совершенно не соответствовавших требованиям местных властей. В результате, бедственное положение, в котором оказалось большое количество переселенцев, заставило многих их них покинуть эти страны.

Российские власти всячески старались пресекать незаконную деятельность агентов на своей территории, выявляя их и привлекая к уголовной ответственности за подстрекательство. Объектом спекуляции были также поддельные документы, которыми мог воспользоваться любой желающий. По сообщениям российского Министерства иностранных дел, на 1890 г. из 74 тыс. российских эмигрантов, выехавших в Аргентину, 29 тыс. вернулись в Европу (т. е. почти 40 %). И лишь у 10 % пожелавших покинуть страну пребывания обнаруживались необходимые документы[88].

Анализируя иммиграционную политику латиноамериканских стран, В.М. Кабузан и А.С. Брук указали на ограниченные возможности в Аргентине для получения занятий в сельском хозяйстве, поскольку здесь господствовала система крупного землевладения, что делало сложной перспективу стать собственником земли, вследствие чего большинство иммигрантов порывало с сельским хозяйством, переселяясь в города либо возвращаясь на родину или уезжая в другие страны. В свою очередь в Бразилии монокультурная специализация страны, прежде всего на кофе, вызывала недостаток рабочих рук и потому способствовала притоку иммигрантов, состоявших главным образом из сельскохозяйственных рабочих и крестьян. Распределение и закрепление завербованных иммигрантов получило название в литературе «организованной иммиграции»[89].

При этом выезд за океан, по мнению Е.Н. Дика, был связан с частнопредпринимательской независимой инициативой. С этой точки зрения, в конце XIX столетия крестьянский выезд из России на континент носил характер «отхожего промысла», ориентированного на быстрое извлечение финансовых выгод для организации собственного хозяйства в России. С другой стороны, крестьянская эмиграция из России в Аргентину и Бразилию оказывала известное влияние на экономику страны исхода, в частности, через денежные переводы (по некоторым данным из Аргентины ежегодно они составляли не менее 20 млн руб.), вела к росту цен на рабочие руки в сельском хозяйстве России[90].

Для борьбы с оттоком эмигрантов в Бразилию или Аргентину российские власти ужесточили цензуру в отношении публикации рекламных объявлений, указав на необходимость предать гласности «истинное положение дел в Южной Америке, где у властей одно желание – эксплуатировать поселенцев». Однако, кто должен был «предаватъ» данные факты «гласности», не было ясно[91]. В этих условиях самым простым средством оставалось ужесточение контроля за перемещением эмигрантов путем установления более эффективного надзора за границами империи, чего однако властям так и не удалось сделать.

Тем временем число направлявшихся в страны Южной Америки к началу XX в. продолжало расти, прежде всего за

счет крестьянства, отправлявшегося на временные заработки за океан. В частности, как отмечает Л.С. Шейнбаум, в пользу сезонной эмиграции российских крестьян в Аргентину был прежде всего природно-хозяйственный фактор. Период летней уборки зерновых и повышенной поденной платы здесь приходился как раз на зимний, «мертвый» сезон в России. Также иммигранты, прибывавшие с октября по декабрь, использовали дешевизну пароходных билетов[92].

Одновременно после 1905 г. в среде иммигрантов, прибывших из России, усиливается «чисто русский элемент». В Аргентину крестьяне приезжают целыми семьями на постоянное жительство (т. к. сезонная эмиграция или «система ласточек» не подходила русским крестьянам из-за высоких расходов на дорогу). Летом крестьяне работали на полях, зимой – на фабриках и железных дорогах, многие устраивались работать на мясохладобойнях, некоторые занимались мелким бизнесом. Если в 1904–1905 гг. на строительстве железных дорог в Аргентине были заняты всего 3–4 сотни выходцев из России, то только за четыре месяца 1912 г. сюда прибыли 4101 человек. Эмигрировали преимущественно малоземельные крестьяне, отправлявшиеся за океан в надежде получить землю[93].

При этом эмигранты стремились заработать как можно больше, с тем, чтобы вернуться на родину. Однако заработка за четыре-пять месяцев часто оказывалось недостаточно для накопления желаемой суммы и отправки домой, и потому многим приходилось оставаться на всю зиму. Но и тогда едва покрывались расходы на приезд и обратную дорогу. Обычно выезжавшие в Аргентину крестьяне возвращались домой через три-четыре года. За это время многие успевали завести семью и оседали в Аргентине навсегда[94].

Для выходцев из России серьезным препятствием в первый период пребывания в Южной Америке были языковой барьер и невозможность сразу же найти работу. Кроме того, существовала юридическая незащищенность российских иммигрантов, а отсутствие в русском представительстве помещения для временного размещения вновь прибывших нередко превращало переселенцев в бездомных. Следует учитывать и тот факт, что Россия никогда не имела постоянной императорской миссии в Аргентине, в результате чего представительство российских интересов вверялось иностранцам. На то, что в стране

(а применительно к тому времени можно говорить и в целом о континенте) не было «нормальной миссии для защиты национальных интересов», указывал накануне Первой мировой войны отец Константин Изразцов – глава Русской православной церкви в Аргентине. Тем не менее, по свидетельству издававшейся в Буэнос-Айресе газеты «Русский голос», русские смогли адаптироваться к непривычным условиям, создав только в Аргентине к 1913 г. 19 различных благотворительных и религиозных обществ и союзов иммигрантов[95].

Таким образом, в начале XX в. Аргентина превратилась во вторую после США страну, куда направлялся основной поток трудовой эмиграции из России. К 1913 г. ее численность составила, по различным данным, от 100 до 120 тыс. человек. Выходцы из России в этой латиноамериканской стране занимали третье место после итальянцев и испанцев[96].

Наряду с Аргентиной, Бразилия также с конца XIX в. была в числе стран, активно способствовавших притоку трудовых эмигрантов из России. Первые группы стали прибывать сюда еще с начала 70-х годов XIX в., когда бразильское правительство заключило ряд контрактов с корабельными компаниями и отдельными предпринимателями на поставку в страну рабочей силы из Европы.

Усиление эмиграции в страну наблюдалось с 1890 г., после издания новым республиканским правительством Бразилии закона о льготах по заселению пустующих земель иностранными колонистами и о крупных правительственных премиях пароходным кампаниям, занимавшимся перевозкой эмигрантов в Южную Америку.

Эмигрантская пропаганда особое распространение получила на западных окраинах Российской империи. К лету 1890 г. пограничные власти столкнулись с целыми толпами переселенцев, желавших тайно перебраться через границу. В сообщении российского консула в Бремене от 1890 г. говорилось, что 3,5 тыс. российских подданных, в основном польских рабочих, отправились через местный порт в Бразилию. К концу года в Бразилию выехало более 10 тыс. русских подданных, по большей части крестьян-земледельцев Привислинского и Прибалтийского краев. Через некоторое время чиновники российского консульства в Бремене сообщали, что многие из эмигрировавших были разочарованы и пожелали вернуться

обратно, вследствие чего возникало множество проблем технического характера, а также разногласий между Министерствами внутренних и иностранных дел по вопросу, следует ли помогать таким эмигрантам[97].

Тем временем в 1891 г. южноамериканские республики Аргентина и Бразилия, стесненные в своих денежных средствах, отказались продолжить выдачу субсидий Гамбургским и Бременским пароходным обществам за перевозку эмигрантов, так как эти общества стали принимать на суда только лиц, способных оплатить свой переезд от Европы до Америки. Однако переселенцы во вмногом под влиянием пропаганды продолжали прибывать в порты в надежде отправиться за казенный счет. Значительная их часть к тому времени скопилась в приюте г. Берлина и послужила предметом особой дипломатической переписки между МИД России и прусским правительством. Антисанитарные условия, в которых проживали подданные Российской империи, стали причиной распространения инфекционных заболеваний. Многие из переселенцев отказывались участвовать в общественных работах для оплаты проживания и своими поступками нередко вызывали беспорядки, которые доходили до открытого столкновения с полицией. Но и это не могло остановить, как отмечалось в официальных донесениях, «охватившее западные окраины стремление к эмиграции вообще»[98]. В 1893 г. бразильское правительство вновь возобновило выдачу субсидий пароходным компаниям и эмиграционным агентствам, выдавая за взрослого переселенца до 6 фунтов 15 шиллингов[99].

Изучив деятельность подобных контор и агентов, русские журналисты приходили к выводу о том, что чаще всего мигранты становились их жертвами. Один из авторов утверждал, что конторы рассылали письма, объявления, брошюры и находили на местах лиц, которые помогали им. В результате, эмигранты, прибывавшие при содействии агитаторов, например, в Бразилию, были брошены на произвол судьбы. Не имея средств к существованию, они часто вынуждены были наниматься в поденщики к плантаторам[100]. При этом, по дипломатическим донесениям, в Бразилии эмигрантов ожидали «убийственный для европейцев климат, страшная смертность от господствовавшей в некоторых провинциях желтой лихорадки, непомерно тяжелый труд, напоминающий времена бывшего

там невольничества»[101]. Особо тяжело приходилось тем, кто попадал в тропические провинции страны, что чаще всего становилось определяющим для возвращения переселенцев на родину.

Тем не менее, уже за первые девять лет начала XX в. количество эмигрантов из России в Бразилию увеличилось вдвое. В 1907 г. в Европу была направлена специальная Комиссия пропаганды и экономического развития Бразилии за границей во главе с депутатом Национального конгресса П. Рамосом, и в том же году был принят иммиграционный закон, который предоставлял правительству исключительное право, опираясь на значительные финансовые средства, решать все вопросы, связанные с привлечением трудовых ресурсов из-за границы. По данным В.М. Кабузана, с 1871 по 1920 гг. в Бразилию из России выехало почти 106 млн человек (2,9 % общей численности прибывших в страну иммигрантов)[102]. По национальной принадлежности большинство традиционно составляли украинцы, белорусы, затем шли евреи, русские, армяне. Главными местами проживания переселенцев являлись штаты Риу-Гранди-ду-Сул, Парана, Сан-Паулу, Минас-Жерайс, Мату-Гросу. Основная доля трудовой эмиграции была задействована на сельскохозяйственных работах, а также в качестве рабочих железнодорожного строительства в штате Сан-Паулу.

В начале XX в. в связи с ухудшением экономической ситуации в России и на фоне ужесточения иммиграционного законодательства США активизировалась трудовая эмиграция с территории Дальнего Востока в Мексику, направлявшаяся главным образом на строительство железных дорог (почти исключительно русскими рабочими, привезенными из Приморья, была, например, построена железная дорога от границы США до Гвадалахары протяженностью в 1500 миль), на нефтеперерабатывающие предприятия, на сельскохозяйственные работы, на кофейные, ванильные, каучуковые плантации. Этому способствовали в то время упрощение паспортных формальностей при выезде из Владивостока за рубеж, покровительственная политика мексиканских властей в отношении переселенцев (предоставление права на бесплатный проезд к месту поселения и провоза имущества, освобождение от военной службы, от налогов в течение 10 лет и др.).

В силу земледельческого характера переселенческой политики латиноамериканских стран в большинстве из них основной формой организации эмигрантов из России стали колонии, куда были перенесены некоторые общинные традиции российского крестьянства, облегчавшие путь прохождения адаптации к новым условиям жизни. В ряде случаев колонии имели общинно-кооперационный принцип организации хозяйства, когда внутри создавались кооперативы по реализации готовой продукции, снабжению машинами, скотом, постройке мельниц, мясобоен, мастерских и т. д. Однако аграрный характер кооперации ставил ее членов в зависимость от конъюнктуры мирового рынка зерна, подвергал значительному риску в связи с мировыми земледельческими кризисами, падением цен на сельхозпродукты, отсутствием кредита и слабым развитием кооперации, дороговизной железнодорожного транспорта, зависимостью от скупщиков и, наконец, от природных условий.

В Бразилии наиболее благоприятная обстановка сложилась в то время в провинции Сан-Паулу, так как это была самая развитая провинция с благоприятным климатом и кофейными плантациями, которая к началу 90-х годов XIX в. вышла на первое место по числу иммигрантов. Именно здесь по примеру Аргентины появились земледельческие колонии на артельных началах, созданные выходцами из России – «Новая Одесса», «Новая Европа», «Новая Венеция» и др. Структура колоний фиксировалась специальными правительственными решениями, своего рода уставами для колонистов, которые регулировали земельные отношения, в том числе условия приобретения и оплаты. После получения удостоверения о праве собственности на землю всеми членами колонии она объявлялась «независимой» (вслед за чем правительство прекращало осуществлять собственный контроль и отзывало своих чиновников)[103].

В Уругвае в разные годы также были основаны колонии переселенцев из России – «Офир», «Белья Виста», «Рейносо», «Парада», «Эстанья Юнг». Последняя была самой большой хозяйственной колонией, отдельные члены которой наряду с землей (средние хозяйства – 40–80 га) владели разнообразной сельскохозяйственной техникой. Через Ипотечный банк государство выделяло колонистам ссуду на семена, мелкий ремонт

машин, технику и т. д. Расплата шла деньгами либо урожаем (особо ценилось зерно, за которое банк давал наивысшую цену)[104].

Хотя страны Латинской Америки не располагали необходимыми финансовыми ресурсами для оказания действенной помощи иммигрантам, а потому государственная политика была в высшей степени избирательна и противоречива, тем не менее, оценивая вклад российской трудовой иммиграции в экономическое развитие стран Южной Америки, исследователи отмечают, что ими был выполнен значительный объем работ по освоению сельскохозяйственных районов, развитию огородничества, культивированию ряда сельскохозяйственных культур. Еще в конце XIX столетия они стали широко практиковать способы накопления и сбережения органических удобрений, использование которых значительно повышало урожаи. Выходцы из России привнесли с собой на эти земли культуры, которые ранее в ряде стран не были известны (например, гречиху, сою). Разведение иммигрантами приусадебных огородов вблизи своих домов, также было явлением новым и не характерным ранее для заселенных ими районов, но вскоре получившим там широкое распространение. Трудолюбие, общительный характер русских переселенцев вызывали уважение местного населения. В целом, иммигранты хорошо адаптировались в новой среде. Вместе с тем «новые» аргентинцы или бразильцы не забывали о России, и, перенеся на новое место старые привычки, быт, манеры, старались сохранить национальную самобытность, создавая различные самодеятельные организации, помогавшие процессу адаптации в иной культуре.

В целом, эмиграция для России отрицательно отражалась на уровне ее трудовых ресурсов. Поэтому для российских властей было важно, чтобы ее подданные возвращались назад, и освоив передовые методы производства, могли бы принести немалую пользу своему отечеству. По подсчетам Л.А. Баграмова, за 1908–1909 гг. на каждые 100 эмигрантов, прибывших в США из России, приходился 41 реэмигрант[105]. Но к 1913 г. доля реэмиграции из-за океана составила лишь 16,4 %[106]. Причинами сравнительно небольших ее масштабов следует считать бедность большей части эмигрантов, неурегулированность

вопроса о заграничных паспортах, дороговизну оформления документов для возвращения. Только в 1911–1912 гг. это положение было несколько упорядочено.

Национальная эмиграция

Параллельно с потоками политической и трудовой эмиграции оформляется национальная эмиграция из Российской империи, которая была вызвана как характером национальной и религиозной политики царских властей, так и трудностями социально-экономического положения населения, сталкивавшегося с проблемами малоземелья и прямого обезземеливания. Показательны в этом смысле примеры эмиграции калмыков, ногайцев, крымских татар.

Калмыки, которые были приняты в состав Российского государства в середине XVII в., были в числе первых среди народов Российской империи, кто проявил тенденцию к эмиграции. В правление Екатерины II вмешательство царской администрации во внутренние дела Калмыцкого ханства усилилось, активизировался процесс христианизации калмыков, вызывавший резкие протесты со стороны, главным образом, знати. К эмиграции калмыков подталкивали и внешнеполитические события (разгром Джунгарского ханства, русско-турецкая война 1768–1774 гг.). Количество эмигрировавших калмыков в рассматриваемый период в современной историографии определяется в пределах 200 тыс. человек[107].

Эмиграция представителей еще одного народа – ногайцев в поисках более благоприятных условий существования начинается вскоре после того, как они превратились в «разменную монету» в противоборстве крымских и калмыцких ханов, а также в геополитическом противостоянии Российской и Османской империй[108]. Приблизительная численность эмигрировавших в Турецкую империю ногаев составляла почти 100 тыс. человек[109].

Еще один из национальных миграционных потоков составила в те годы татарская эмиграция, численность которой определяется также в пределах 100 тыс. человек[110]. В XIX в. причины их выезда были связаны с тем, что татарам не были

полностью возмещены убытки, понесенные ими в годы Крымской войны, в ходе которой произошло выселение татар вглубь Крымского полуострова без права возвратиться обратно. Свою роль играла и активная турецкая агитация в пользу выезда мусульман в Османскую империю.

В ходе Кавказской войны произошло переселение в Османскую империю, на Малоазиатский полуостров, адыгских народов, чеченцев, ингушей, абхазов и ряда других, которых стали называть черкесами. По официальным данным Российской пограничной службы, Кавказ покинуло около 500 тыс. человек (больше всего в 1864 г.), встречаются цифры и в 1–2,5 млн, из которых не менее двух третей составляли различные группы адыгов[111]. За этим еще в течение почти полувека следовали новые, менее значительные волны миграции, затронувшие в различной степени практически все кавказские этносы. В порядке убывания численности следовали абхазцы и абазины, убыхи, вайнахи, дагестанские народы, осетины, карачаевцы и балкарцы. Значительная часть переселенцев была рассредоточена по областям империи, прилегавшим или находившимся вблизи от балканского и закавказского участков российско-турецкой границы, что было продиктовано стремлением султанского правительства держать в зоне потенциального военного конфликта силу, обладавшую солидным боевым опытом и к тому же негативно настроенную по отношению к России.

В 1850–60-х гг. около половины переселенцев с Северного Кавказа (преимущественно адыги и абазины) первоначально было размещены на территории балканских владений Порты – в Болгарии, Сербии, Македонии, Северной Греции, где власти рассчитывали использовать их также для подавления национально-освободительных движений этих стран против турецкого господства. После поражения Османской империи в войне 1878–1879 гг. и подписания Сан-Стефанского мирного договора Порта обязалась переселить черкесов с Балкан в Сирию и Иорданию. В результате началась вторичная волна вынужденной миграции северокавказцев, хотя первые чеченцы и дагестанцы появились здесь еще в 1860 г., после пленения Шамиля.

На востоке страны, в Турецком Курдистане и Турецкой Армении, было размещено большинство переселившихся вайнахов и осетин, а также немалая часть адыгов, дагестанцев, на

Групповой портрет черкесских мужчин в военной форме. Стамбул. Вторая половина XIX в.

которых также была возложена задача обороны османских границ в случае обострения отношений с Россией и выполнения жандармских функций в отношении местного армянского населения[112].

К 80-м гг. XIX в. в основном завершилось «распределение» северокавказского элемента по территории все еще обширного османского государства. Большая часть черкесов жила этническими микроанклавами, объединявшими от одного-двух до нескольких десятков сел, расселившимися в четырех регионах империи: Западной, Центральной, Восточной Анатолии и арабских провинциях (Сирии, Палестине и Заиорданье). В результате, как пишет Г. Чочиев, с одной стороны, создавались условия для консервации в них элементов традиционного хозяйственного уклада, культуры и языка, с другой, сохранялась еще большая, чем на Кавказе, изоляция переселенческих групп от центров мировой цивилизации и как следствие – их социальная и культурная стагнация, сохранение патриархального мировоззрения[113].

В результате младотурецкой революции положение черкесов кардинально изменилось, когда с приходом к власти младотурков было провозглашено равноправие всех османских подданных независимо от национальной и религиозной принадлежности и меньшинствам была предоставлена определенная свобода в сфере культурной и отчасти политической деятельности. Основываясь на доктрине пантюркизма и претендуя на роль покровителя кавказских народов, младотурецкий режим всячески стремился продемонстрировать свою заботу о проживающих в стране северокавказцах в расчете на их собственный вклад в распространение османского влияния на Северном Кавказе в будущем.

В 1908 г. в Стамбуле представителями интеллигенции северокавказской диаспоры было создано Черкесское общество взаимопомощи (ЧОВ), ставившее перед собой культурно-просветительские задачи, включая задачу сохранения этнокультурной идентичности соотечественников до появления возможности репатриации. Первым председателем Общества стал Ахмед Джавид-паша (1840–1916) – создатель первого в Турции адыгского алфавита (1897 г.). Общество занималось также историческими, этнографическими, фольклорными и лингвистическими исследованиями, включая разработку алфавитов для родных языков на арабской, латинской и русской графических основах[114]. Помогая становлению национальной системы просвещения, общество отправило из Турции на Кавказ десятки преподавателей-добровольцев, а также учебные материалы и литературу на родных языках. В целом, северокавказский поток, по мнению Е.И. Пивовара, явился одним из первых примеров «диаспоры катаклизма», возникшей в результате движения границ страны[115].

Одной из самых высоких в Европе с конца XIX в. была миграционная активность немецкого населения России. Ликвидация Саратовской Контры опекунства иностранных поселенцев – главного защитника колонистов, прекращение практики выделения государством немецким колонистам земельных участков и усиление «земельного голода» рассматриваются исследователями в качестве главных причин отъезда немцев из России[116]. Негативную реакцию среди немцев Поволжья вызвало также изъятие правительством так называемого переселенческого капитала, помогавшего колонистам в трудные неурожайные годы.

Немецкие колонисты на Волге. Открытка. 1913 г.

Выделяют несколько этапов эмиграции немцев Поволжья: 1)1871–1881 гг. – начало эмиграции, вызванной ухудшением экономической ситуации в немецких колониях на Волге (когда произошла ликвидация привилегий российских немцев) и проведением реформ Александра II; 2) конец 1880–1890-х гг. – массовая эмиграция колонистов из Поволжья, связанная с опасением русификации, неурожаями 80– 90-х гг. и голодом 1890 г.; 3) начало XX в. – 1914 г. – расширение масштабов эмиграции в период проведения столыпинской аграрной реформы[117].

Часть немцев, проживавших на берегах Волги и на юге России, направлялась прежде всего в США, Канаду, другие – в Аргентину и Бразилию. Провозглашенная указом Александра II в 1871 г. национальная политика под девизом «один царь, один язык, одна религия и обязательная военная служба» вызвала эмиграцию 40 тыс. российских немцев-меннонитов в США, где они осели в Канзасе, Северной Дакоте, Миннесоте, Оклахоме и Небраске, став одной из самых преуспевающих групп фермерства этих штатов[118]. В отличие от немцев Поволжья меннониты юга России иммигрировали в США при всесторонней поддержке Меннонитского попечительского комитета и Меннонитского исполнительного комитета помощи, которые решали вопросы питания, проживания и предоставления работы меннонитам. К концу XIX в. немецкая иммиграция в США была незначительна (ее численность не превышала 50 тыс. человек). Но в течение 1899–1920 гг. из России прибыло почти 150 тыс. лиц немецкой национальности. В результате к 1915 г. доля немцев в составе российских иммигрантов в США достигла 5,6 %[119].

Активно зазывало к себе земледельцев из России правительство Бразилии, которое гарантировало приезжавшим в страну колонистам выделение земли в общее пользование, оплату расходов на проезд и т. д. В 1876 г., после ознакомительной поездки поволжской депутации в Бразилию, был создан специальный орган содействия поволжским немцам в эмиграции, который назывался «Комитет доверия». Первая группа в составе 24 семей и нескольких холостяков выехала осенью 1877 г. Однако через год переселение немцев в Бразилию было приостановлено[120]. На Волгу из Бразилии стали возвращаться сотни поволжских немцев, измученных непривычными

климатическими условиями, разорением и голодом. Несмотря на то, что в соответствии с российским законодательством прием оставивших русское подданство был запрещен, власти разрешили реэмигрантам вернуться в села, где они до этого проживали.

Российский посланник в Бразилии А.С. Ионин писал о ситуации с миграцией немцев следующее:

«…В начале семидесятых годов часть наших немецких колонистов по Волге и в Екатеринославской губернии, принадлежащая к вероисповеданию гернегутеров*, меннониты*, взбудоражилась введением общей воинской повинности… Гамбургские агенты воспользовались этим обстоятельством и предложили свои услуги бразильскому правительству, которое именно в это время занято было мыслью колонизовать провинцию Парана. Эмигранты из России казались самыми лучшими для нагорных плоскостей этой провинции, где зимой бывают даже и небольшие морозы… Правительство взялось за это дело и вызвало из России меннонитов в количестве до 6000 душ… Эмигрантов привезли и отправили в Коретибу, но тут на поверку оказалось, что земли найти трудно… Капитал, выданный правительством, таял как воск, ибо около него старались не одни колонисты, которых нужно было пока кормить, но и множество чиновников, и наконец растаял совсем… После двух почти лет такой жизни большая часть из них наконец вырвалась из Бразилии и уехала в Аргентинскую республику. Осталось их в провинции небольшое относительно количество, около тысячи душ, которые или окончательно разорились при описанных выше мытарствах, или позволили себя соблазнить блестящими обещаниями; им отвели наконец землю около города Лапа, но и эти 1000 душ остались недолго, не больше года. Земля оказалась невозможною, обещанных домов не построили, деньги, вновь ассигнованные, опять разошлись по карманам всех, только не эмигрантов. Через год и эти легковерные последовали за своим собратьями в Аргентинскую республику.

Эта так называемая русская колонизация стоила правительству больших денег и большого срама, и действительно на долгие годы совсем охладила к Бразилии особенно немецких эмигрантов; главное же дискредитировала собственно правительственные мероприятия в этом смысле; но для меннонитов

эта история послужила только в пользу: в Аргентинской республике они нашли гораздо более земли, несравненно более удобств и менее чиновников. Там они устроились тотчас же и находятся теперь в блестящем положении…»[121].

Российский консул в Бразилии обращался к правительству и властям на местах предостеречь население от возможной эмиграции в эту страну, где большинство местных жителей находятся в бедственном положении. Владея подобной информацией, к тому времени власти Франции, Англии, Германии, Италии приняли решительные меры против переселения своих подданных в Бразилию. Российские власти также пытались приостановить отъезд немцев из страны. В мае 1877 г. большим тиражом были отпечатаны для распространения в колониях «Предостережения» со ссылкой на чрезвычайного посланника России в Бразилии графа Коскуля о «жалком и безвыходном» положении переселенцев из Европы, в основном немцев Поволжья. Распространялись также открытые письма колонистов с описанием бедственного положения переселенцев.

Однако, несмотря на предпринимавшиеся меры, эмиграция за океан принимала все большие масштабы. Нехватка средств для выезда в США обращала взоры части колонистов к Южной Америке. В свою очередь, бразильский посланник в Петербурге барон фон Александер в специальном письме заявлял о готовности правительства принять немецких переселенцев. Это письмо было распространено по уездам и вызвало очередное волнение, особенно среди католиков, которые изъявили желание целыми селами переселиться в Южную Америку. К тому же, осенью по колониям стала распространяться газета «Германия» с информацией о принятии теперь уже сенатом Аргентинской республики закона, на основании которого правительство страны брало на себя обязательство предоставления переселенцам из Европы путевых издержек, много земли и освобождало от налогов на шесть лет. В это же время на Волге появились агитаторы из Перу, которые, правда, быстро были изолированы полицейскими органами[122].

С 1870-х гг. одним из основных (наряду с переселением в США и Канаду) становится аргентинское направление эмиграции немцев Поволжья[123]. К этому времени аргентинские власти специальными законами гарантировали переселенцам

предоставление кредитов, освобождение от прямых налогов на 10 лет, свободу вероисповедания и самоуправление колоний. В результате, к 1910 г., здесь, по данным русского консульства, оказалось не менее 45 тыс. немцев из России, продолжавших при этом поддерживать с ней тесную связь[124]. Немецкие колонии появились в провинции Буэнос-Айрес недалеко от г. Олаварриа (колония Инохо), в провинции Энтре-Риос, близ г. Дьяманте. Шесть поселений вошли в состав колонии Альвеар в провинции Санта-Фе[125]. В дальнейшем эмиграция немцев из России в Южную Америку осуществлялась, хотя и волнообразно, вплоть до начала Первой мировой войны.

В последнюю четверть XIX в. наблюдался значительный рост еврейской эмиграции из России, направлявшейся главным образом в США, в Канаду, некоторые европейские страны (например, Англию, Германию, Францию), а также в Аргентину, Египет, Палестину, Южную Африку.

Первые указы, направленные на притеснение еврейского населения в России, были приняты еще в первой четверти XVIII в. Указ Именной Верховного Тайного Совета от 26 апреля 1727 г. гласил: «Жидов, как мужеска, так и женска пола, которые обретаются на Украине и в других Российских городах, тех всех выслать вон из России за рубеж немедленно, и впредь их ни под какими образы в Россию не впускать и того предостерегать во всех местах накрепко; а при отпуске их смотреть накрепко ж, чтобы они из России за рубеж червонных золотых и ни каких Российских серебряных монет и ефимков отнюдь не вывезли; а буде у них червонные и ефимки или какая Российская монета явится и за оные дать им медными деньгами»[126]. Указ Именной от 2 декабря 1742 г. закреплял положение о «О высылке как из Великороссийских, так и из Малороссийских городов, сел и деревень, всех Жидов, какого бы кто звания и достоинства ни был, со всем их имением за границу и о невпускании оных на будущее время в Россию, кроме желающих принять Христианскую веру Греческого вероисповедания…»[127].

О.В. Будницкий справедливо называет массовую эмиграцию евреев объективным индикатором кризисных периодов в жизни российского еврейства[128]. Вступление в полосу кризисов относится к 1881 г., когда после убийства Александра II последовала полоса еврейских погромов в юго-западных

Еврейские беженцы из России в английском порту Ливерпуля. 1882 г.

губерниях, а спустя десять лет началось выселение евреев из Москвы. В 1903 г. произошел Кишиневский погром, что отражалось прежде всего психологически на всех соплеменниках евреев по всей России. Наряду с этим, среди причин еврейской эмиграции называются попытки избежать военной службы, а также экономические факторы, в том числе отсутствие работы в России, нужда и слухи, доходившие через друзей и родственников, о том, какие колоссальные возможности открываются в Америке. В свою очередь, российское государство пыталось положить конец контрабандному ввозу товаров через границу, который осуществлялся евреями, и законодательным актом запретило проживание лиц еврейской национальности ближе, чем за 50 верст от границы империи[129]. Пропаганду в пользу эмиграции, как уже отмечалось, целенаправленно осуществляли крупные германские судоходные компании, распространявшие в западных губерниях объявления на всех языках с рекламой своих услуги и экономических преимуществ Нового Света.

Постепенно переселенческое движение евреев стало принимать массовый масштаб (в 1890-е гг. – до 100 тыс. человек в год). Это было связано в том числе с созданием в 1891 г. железнодорожным магнатом и филантропом бароном Морицем фон Гиршем в Лондоне Еврейского колонизационного общества (Jewish Colonization Association, далее – ЕКО) с капиталом в 50 млн франков. Общество было призвано содействовать выезду евреев из России и устройству ими землевладельческих колоний в аргентинских провинциях, где на эти цели было приобретено в собственность более 3,5 млн га земли.

Разрешение на деятельность ЕКО в России было дано Александром III 8 мая 1892 г. Накануне, в 1891 г., директор Департамента полиции П.Н. Дурново, вступая в переговоры, которые должны были привести к созданию Еврейского колонизационного общества в России, заявил, что «любые меры, направленные на сокращение еврейского населения в России, заслуживают особого внимания и сочувствия», и тот факт, что большинство эмигрантов – евреи, «несколько снижает значимость ущерба»[130].

Выезжавшим евреям местными губернаторами выдавались бесплатные выходные свидетельства, на основании которых они признавались «покинувшими навсегда пределы России», а, освобождаясь при этом от воинской и иных повинностей, они исключались и из призывных списков. Хотя ЕКО сумело выторговать у российского правительства условие, которое фактически разрешало эмигрантам возвращаться в Россию (для чего М. фон Гирш дал гарантию Государственному банку, предоставив ему сумму в размере 100 тыс. рублей), тем не менее на практике, это было невозможно сделать[131].

Правилами разрешалась эмиграция лишь целыми семьями или же круглым сиротам, тем самым не допускалось раздробления семейства из-за опасения властей, что уехавшие члены семьи, устроившись на новом месте, забудут об оставшихся в России родных, и таким образом последние, без поддержки их кормильцев, могут «пасть бременем на общественную благотворительность». Правительство признавало также за еврейскими эмигрантами право на переход в иностранное подданство, тем самым с них снимался запрет, лежавший на всех русских подданных[132].

Созданное в России Еврейское колонизационное общество развернуло свою деятельность прежде всего в Северо-Западном, Юго-Западном, Южном краях, Царстве Польском. В 1892 г. в Санкт-Петербурге был создан Центральный комитет ЕКО во главе с бароном Горацием Гинцбургом и Информационное бюро для эмигрантов, а в губерниях появились местные отделения Общества[133].

Задачей Информационного бюро ЕКО было снабдить всех желавших выехать из России сведениями об имевшихся льготах, земельных наделах колоний в странах расселения, о вероятной материальной поддержке и проч. Переселенцев интересовали также сведения о портах, описание всех пароходов и их устройства, включая время отхода, скорость совершаемых каждым из них рейсов, планы устройства кают на пароходах, описание «заезжих домов», магазинов, правил для пассажиров во время плавания, равно как и обязанностей пароходной администрации перед пассажирами и т. п. В письмах к своим родным эмигранты довольно часто выражали недовольство пароходными компаниями, обижаясь на плохое обращение при переезде, на игнорирование их нужд и потребностей. Особенно эмигранты были недовольны переездом через Либаву: дорога занимала слишком много времени, плохо были устроены пароходы, где они терпели всяческие лишения и неудобства. Через Гамбург также старались меньше ездить, поскольку там был строже осмотр и еще более грубое отношение к пассажирам[134]. Информационные службы ЕКО были призваны оказывать содействие иммигрантам в виде предоставления скидок на шифскарты (проездные документы. *–М.М.*), выдачу рекомендательных карточек и проч.

В отчете одного из таких информационных Бюро для эмигрантов, открывшегося в Минске в марте 1907 г., отмечалось, что за десять месяцев работы по имевшимся у них зарегистрированным записям, общее число лиц, желавших покинуть Россию, составляло 1881 человек: из них мужчин – 669 (35,6 %), женщин – 532 (28,3 %), детей – 680 (36,1 %). Общее число семейств – 333 (из них – 511 взрослых и 680 детей, остальные были одиночки). По возрасту это были люди от 15 до 45 лет – 1041 человек (87 %), свыше 45 лет – 160 человек (13 %), занятые главным образом ремесленной деятельностью и торговлей. Обратимся к анализу профессионального состава эмигрировавших.

Таблица 3

Профессиональный состав зарегистрированных Информационной службой ЕКО (по г. Минску, 1907 г.) [135]

Характер деятельности	**Численность**	**Доля в %**
разного рода ремесленники и ремесленницы	456	43,8 %
занимавшиеся торговлей	140	13,4 %
чернорабочие и прислуга	58	5,6 %
учителя	63	6
учащиеся	37	3,5
земледельцы	10	0,9
без определенных занятий	118	11,3
вовсе не указано занятий	158	15.2

Среди причин эмиграции были указаны следующие:

Причины	**Случаев**	**Доля в %**
экономические		
крайняя нужда и безработица	355	32,2
желание лучше устроиться	105	10
семейные обстоятельства		
переезд к мужьям	248	23,8
переезд к родителям, детям и близким родственникам	95	9,1
политические и для образования	44	4,2
вследствие возраста	26	2,5
не указано по нежеланию	187	18

Как видно из таблицы, в числе основных причин выезда из страны указывались прежде всего экономические. Из общего числа еврейских эмигрантов количество людей, обладавших определенным достатком, не превышало 10 % (некоторые указывали на состояние от 500 до 2 тыс. рублей). Около 70 % эмигрантов имели средства только на проезд. По линии ЕКО

люди отправлялись главным образом в США (более 70 %), а также в Англию, Канаду, Южную Африку, Палестину, Аргентину[136]. При выборе стран и городов эмигранты чаще всего руководствовались фактом наличия там родственников. Всего в течение XIX – начала XX в. в США из Европы мигрировало более 2,5 млн евреев, в том числе из России – 1,5 млн (более 60 %). Среди эмигрантов еврейской национальности в этой стране наблюдалось высокая доля лиц, имевших специальность и занимавшихся торговлей в еврейской эмиграционной среде, о чем свидетельствуют данные таблицы.

Таблица № 4

Сводная характеристика отдельных национальных групп, представленных в составе российской эмиграции в США с 1899 по 1910 гг. (в процентах)[137]

Национальность	**От 14 до 44 лет**	**Женщины**	**Имеющие специальность**	**Неквалиф. рабочие, крестьяне**	**Торговцы**
евреи	30,4	43,4	67,1	25,0	5,3
поляки	11,7	30,5	6,3	93,2	0,1
русские	9,7	15,0	9,1	88,1	0,9
финны	11,7	33,9	6,0	93,3	0,1

Географически подавляющее большинство переселенцев еврейской национальности (73,6 %) осело в Нью-Йорке и сравнительно небольшая их часть отправлялась в другие города и штаты Америки. Тяготение этой категории переселенцев к большим городам во многом обусловливалась тем обстоятельством, что по роду своего ремесла (портные, парикмахеры, фармацевты, мелкие торговцы и т. п.) только здесь, в условиях большого города, могли найти применение своим навыкам и заработать на жизнь. Что касается возрастного состава, то выезжали люди главным образом трудоспособного возраста, что также демонстрирует нижеследующая таблица.

Таблица № 5

Возрастной состав еврейской эмиграции (в процентах)[138]

Год	Детей, младше 14 лет	14–45 лет	45 лет и старше
1900	21	73	6
1903	25	70	5
1906	28	65	7
1909	26	67	7

Став гражданами США, евреи, бывшие подданные российского царя, добивались признания властями России их американских паспортов наравне с другими иностранцами, а также права пребывания и проживания в России. В этой связи с 70-х годов XIX в. американские евреи ежегодно поднимали вопрос о правовом и социально-экономическом положении российских евреев, предлагая американским властям осудить отсутствие в России нормального эмиграционного законодательства[139].

С 1898–1920 гг. еще 68,5 тыс. российских евреев переселилось в Канаду, что составляло 82,2 % всех въехавших сюда евреев и 40,5 % состава всех российских иммигрантов в этой стране. В Латинскую Америку, главным образом в Аргентину, переселилось к 1910 г. от 90 до 100 тыс. евреев. Наиболее многочисленная еврейская колония выходцев из России располагалась в аргентинских провинциях Энтре Риос, Санта Фе, Пампа, Буэнос-Айрес. В одном только городе Буэнос-Айрес проживало около 30 тыс. человек. Все они были здесь «русо» – русские, разместившиеся в 5–6 кварталах столицы и открывшие на оживленных улицах рестораны, лавки, парикмахерские. Вскоре, как пишет Э.Г. Путятова, не осталось ни одной сферы ремесленного труда в аргентинской столице, в которой не было бы представителей от русско-еврейской колонии[140].

Еврейские иммигранты, занимавшиеся хлебопашеством, скотоводством и молочным хозяйством, стали пионерами аграрного кооперативного движения в Аргентине. Здесь сложились крупные еврейские колонии: «Клара», «Люсьенвиль», «Сан-Антонио», «Сан-Исабель» – в провинции Энтре-Риос;

«Мозейсвиль» – в Санта-Фе, «Барон Гирш», «Маурисио» – в Буэнос-Айресе; «Бернаскони» – в Ла-Пампа. На 1 января 1909 г. общая площадь, занимаемая этими колониями, равнялась 51,7130 га. Колонисты выращивали пшеницу, лен, овес, маис, люцерну, рожь, занимались огородничеством, садоводством, птицеводством. Некоторое развитие в колониях получило скотоводство и молочное хозяйство. На сельскохозяйственной выставке в Бразилии в 1912 г. земледельцы из еврейских колоний в Аргентине получили медали за ведение образцового хозяйства. Дети в еврейских колониях получали образование с помощью общества «Альянс Израиль». К 1 января 1909 г. у еврейских колонистов в Аргентине насчитывалось 44 школы, в которых обучалось 3083 учащихся и имелось 18 библиотек[141].

Часть евреев переселилась в рассматриваемый период в Африку. Преимущественно еврейской по своему национальному составу была русская колония в Египте. Ее быстрый рост в конце XIX в. также во многом был результатом начавшейся эмиграции евреев из России. В годы Первой мировой войны доля евреев в составе русской общины в Египте значительно возросла за счет беженцев из Палестины. С воцарением Александра III началась также первая еврейская волна в Южную Африку, хлынувшая из Российской империи в основном из украинских губерний – Херсонской, Киевской, Екатеринославской, Черниговской, Волынской, Полтавской, Подольской. Из более, чем трех миллионов евреев, покинувших Россию с 80-х годов XIX в. до 1914 г., около сорока тысяч человек осели на юге африканского континента. Много евреев – выходцев из России оказалось в те годы в Претории, где хорошо была организована торговая жизнь, а также в Трансваале[142]. При этом многие не теряли связей с исторической родиной, благодаря развивавшимся в те годы экономическим отношениям между двумя странами.

Первую волну еврейской эмиграции на Австралийский континент в конце XIX в. также составляли преимущественно жители украинских и прибалтийских областей Российской империи. Заметной фигурой среди них был Сидней Майер, основавший в Мельбурне крупный торговый дом – «Майер Эмпориум». Примечательно, что Майер не забывал о своих российских корнях, и любой человек из России (не только

еврей), приезжавший в Мельбурн, неизменно мог рассчитывать на его помощь[143]. Среди выходцев из Российской империи в Австралии были также татары, к которым поначалу относились с подозрением в связи с введением «политики белой Австралии», призванной оградить страну от азиатской иммиграции. Однако в конце концов решили, что «хотя татаре и похожи на азиатов, но кожа их все-таки бела»[144].

Среди славянских народов самой значительной оказалась польская эмиграция из России в США, Канаду, страны Латинской Америки. В США в начале XX в. по своим размерам польская иммиграция уступала только еврейской. Всего в XIX – начале XX в. из Европы в Америку выехало почти 2 млн поляков, в том числе из России 874,6 тыс. человек (44,8 %). В Канаде к 1921 г. было учтено 53 тыс. поляков. Говоря о численности поляков, выехавших к началу XX в. в Бразилию и Аргентину, украинский исследователь А.А. Стрелко приводит следующие данные: число поляков в Бразилии достигало 180,3 тыс., а в Аргентине – 68,9 тыс. человек. Однако В.М. Кабузан подверг эти цифры сомнению, считая их завышенными. Поляков в Аргентине к 1920 г. могло быть, по мнению российского исследователя, примерно 70 тыс. человек, а в Бразилии – не более 80 тыс. Из них около трети, судя по данным о притоке иммигрантов из России, могло въехать из Российской империи[145].

Украинская национальная группа в Бразилии к началу 1920-х гг. составляла 47,31 тыс. человек (при этом, по мнению А.А. Стрелко, эта цифра отражала положение дел в сельскохозяйственных районах и не учитывала иммигрантов, занятых в промышленности). В Аргентине проживало 15 тыс. украинцев[146]. В провинции Чако они выращивали табак и чай, в степных районах сеяли хлеб. Большое количество украинцев и белорусов также оказало определенное влияние на развитие сельского хозяйства этого района.

Религиозная эмиграция

Среди факторов, вызывавших дореволюционную эмиграцию из страны, следует назвать религиозные притеснения в Российской империи. Хронологически эта эмиграция была самой

ранней. В конце XVII – первой половине XVIII в., вскоре после раскола Русской православной церкви и общества, начинается эмиграция старообрядцев – сторонников древлеправославного благочестия, подвергавшихся жестоким притеснениям со стороны светских и духовных властей.

Отношения верховной власти к инородцам и иноверцам находило отражение в царских указах уже в XVII в. Например, массовая эмиграция представителей старообрядческих согласий началась после введения так называемых «12 статей» царевны Софьи, поставивших старообрядцев на грань выживания в России. Массовой эмиграция ревнителей старой веры стала после разгрома царским правительством «хованщины» (Московское восстание 1682 г., названного по имени князя И.А. Хованского, руководителя стрелецкого движения, начальника Стрелецкого приказа) и указов 1684–1685 гг., вводивших смертную казнь за возвращение в старую веру после покаяния[147].

Раскол вовлек в противоборство не только церковных иерархов, бояр и царя, но и служивых людей и крестьян. Первоначальными регионами расселения старообрядцев стали земли Речи Посполитой, земли балканских владений Османской империи (княжества Валахия и Молдова) – Добруджа и Буковина, где они пользовались полной свободой вероисповедания.

В Речь Посполиту бежали старообрядцы-федосеевцы из новгородских и псковских областей. Основатель беспоповского, так называемого федосеевского согласия, Феодосий Васильев в 1699 г. эмигрировал на территорию Прибалтики, принадлежащую тогда Швеции, где основал несколько беспоповских общин близ деревни Русаново под Ревелем. Состав старообрядческих общин в Прибалтийском крае был первоначально крестьянский, с небольшим процентом посадского элемента. Однако благодаря трудолюбию и стабилизации хозяйственного положения российских старообрядцев некоторые из них перейдя из крестьянского в купеческое сословие, добиваются также серьезных успехов в торговле[148].

В первой половине XVIII в. северо-восточные окраины Речи Посполиты приняли также массу беженцев из России, которые спасались от крепостного гнета. Многие русские выходцы «новообрядческого вероисповедания», приходя в Польшу, принимали старообрядчество. Однако Российская империя вскоре включила польские земли в свои границы.

Старообрядцы Нижегородской губернии

В сентябре 1708 г., после поражения в Крестьянской войне Кондратия Булавина, казаки-старообрядцы во главе с атаманом И.Ф. Некрасовым ушли на Кубань (Турция); туда к ним бежало и несколько тысяч крестьян. В начале XIX в. на болгарских землях (в границах Османской империи) также поселились казаки-старообрядцы, чьи потомки и ныне живут компактными поселениями около городов Варна и Силистра[149]. Мотивы эмиграции казаков-некрасовцев и запорожцев также прослеживаются на основании указов, лишавших их прежних

сословных привилегий. В результате Россию полностью покинули представители этой зарождающейся этнокультурной общности. Эмиграция запорожцев, по мнению К.А. Мазина, к 1775 г. составила 10 тыс. из 13–14 тыс. сечевиков[150].

После присоединения Буковины к Габсбургской монархии (1777 г.) жившие там старообрядцы-липоване стали австрийскими подданным. По императорскому патенту от 9 октября 1783 г. липоване получили право свободного исполнения своих религиозных обрядов и были «навечно» освобождены от воинской обязанности, барщины и других повинностей, а также от уплаты налогов на 20 лет. В 1784 г. ими было основано село Белая Криница, ставшее центром старообрядческой колонии в Буковине, где на тот момент проживало около 400 человек, и число это росло за счет беглецов, которые прибывали сюда особенно в связи с очередной волной гонений против раскольников в эпоху Николая I. В результате, к 1847 г. здесь проживало уже около 2 тыс. старообрядцев, которые занимались не только сельским хозяйством, но и строительством дорог, дамб, а также лесозаготовками. Ими были открыты мужской и женский монастыри, типография, издававшая старообрядческую литературу[151].

В 1846 г. с разрешения австрийского правительства была образована Белокриницкая митрополия, ставшая центром церковного образования и религиозного воспитания. Вскоре после этого возникли и ее зарубежные епархии. Таким образом, сложился уникальный феномен «зарубежной Древлеправославной России» со своими монастырями, епархиями, иерархией, типографиями, привилегиями. Однако она не была отделена от России, а пребывала в состоянии постоянной сопряженности, взаимодействия с ней: русские общины за рубежом были прочно связаны с московскими центрами, шел постоянный обмен посланиями, полемическими сочинениями, книгами, наставниками, финансами и т. д.

С конца 1880-х гг. русские старообрядцы начали переселяться в США. Одними из первых в Новый Свет отправились поморские старообрядцы из Сувалок (Польша) и сельских районов вокруг Минска. Их эмиграция совпала с активным проведением на инородческих окраинах Российской империи политики русификации, культурной и конфессиональной унификации населения.

С гонением на национальности соединялись и гонения религиозные. Именно при Александре III начали отнимать детей у сектантов (духоборов, униатов и т. д.) и отсылать их подальше от родителей для воспитания в православной вере. Первое упоминание о переселении поморских старообрядцев (беспоповцев) в Пенсильванию относится к 1888 г. Здесь они работали на шахтах в юго-западной части Пенсильвании, а затем переселились в Эри. Часть старообрядцев проживала в Нью-Джерси и Мичигане. В начале XX в. русские старообрядцы появились также в Калифорнии, Орегоне и Нью-Йорке[152].

В Орегоне около 5 тыс. староверов оказались в прямом контакте со сторожилами-американцами и местной испаноязычной общиной, в отличие, например, от Китая и Южной Америки, где общины староверов находились чаще всего вне города, и где наиболее эффективным и авторитетным институтом их социальной жизни был «собор». Так, старообрядцы, прибывшие в Бразилию, поселились в провинциях ряда штатов, создав свои небольшие сельскохозяйственные коллективные поселения. В бразильском штате Мату-Гроссу староверы ведут такой образ жизни до сих пор.

После 1905 г., когда в России была объявлена свобода вероисповедания, эмиграция старообрядцев прекратилась и начался процесс их реэмиграции из Австрии, Румынии и Турции при поддержке Всероссийских съездов старообрядцев.

От политики российского правительства в те годы страдали также представители сект, отколовшихся от официальной православной церкви. К концу XIX в. в России насчитывалось до 2 млн раскольников и сектантов, не считая членов тайных сект, формально не порвавших с официальной церковью.

Большую часть русских иммигрантов в США и Канаду на начало XX в. составили именно приверженцы различных религиозных сект, а преобладающую долю среди них – великороссы. Среди иммигрантов-сектантов, в большинстве своем крестьян, наряду с зажиточными имелись и бедняки, средний уровень зажиточности сектантов почти всегда был выше, чем у остальных крестьян. Об этом свидетельствовал и повышенный размер наличных средств у русских иммигрантов, прибывавших до 1905 г., что объяснялось их особым трудолюбием, дисциплиной, более развитой взаимной поддержкой[153].

Особо вредными, по определению Святейшего синода, считались духоборы, молокане-прыгуны, штундисты, субботники. Своего рода крестьянскими протестантами, отвергавшими церковную обрядность, поклонение иконам и вообще официальное православие, являлись духоборы. Духоборы исповедовали идею пацифизма, отвергая войны, и потому категорически отказывались от военной службы, что сделало их объектом гонений со стороны православной церкви и репрессий со стороны властей. Начиная с Александра I, духоборов переселяли из Центральной России и с Украины в закавказские губернии и Терскую область. Тем не менее в последней трети XIX в. учение духоборов находило широкий отклик среди крестьянства ряда губерний Центральной России и Поволжья, а также Восточной Украины. В то же время в духоборческой среде в эти десятилетия росло социальное расслоение, а в Закавказье 90-х гг. – брожение, направленное против официальной церкви и местных властей. В результате к концу XIX в. часть духоборов была сослана на поселение в Якутию, а другие обратились к правительству с просьбой о разрешении на выезд в Америку.

При моральной и финансовой поддержке Л.Н. Толстого и содействии британских квакеров духобором удалось получить разрешение на выезд. В 1898–1902 гг. около 7,5 тыс. человек переселилось в Западную Канаду на средства, пожертвованные Толстым (на оплату переезда писатель отдал гонорар за роман «Воскресение»), идеи которого во многом были созвучны мировоззрению духоборов. В Канаду духоборов сопровождал один из сыновей Л.Н. Толстого Михаил[154]. Основная часть духоборов обосновалась в Канаде, небольшая группа позже переселилась в США, Уругвай.

К концу XIX в. в канадских городах Эдмонт, Альберт появились русские кружки, которые предлагали местной колонии брать правительственные гомстэды и заниматься землей. Прибывшие сюда духоборы, поселившись на целинных землях степной провинции Саскачеван, сохранили общинный образ жизни и коллективную собственность на средства производства. За это они вновь подверглись преследованиям, теперь уже со стороны местных властей, которые требовали отказа от коллективистских принципов и регистрации каждой семьей своей частной собственности. Поэтому в 1908 г. большая часть

Духоборы в Канаде

духоборов покинула уже освоенные ими земли Саскачевана и переселилась в горные долины самой западной провинции Канады – Британской Колумбии, где после многолетнего периода трений с местными властями духоборы были, наконец, оставлены в покое.

В Канаде духоборы пользовались следующими правами: каждый мужчина, достигший 17 лет (по канадским законам предельный низший возраст определяется 18 годами, но для духоборцев было сделано исключение, и правительство разрешило всем семнадцатилетним записать на себя гомстэд, мотивируя эту льготу тем, что пока духоборцы устроятся, после взятия участков пройдет не менее года), или вдова имели право занять свободный, принадлежащий правительству гомстэд (Homstead) (гомстэд равняется 160 акрам, т. е. около 53 десятин)[155].

Изучавший этот вопрос В. Бонч-Бруевич отмечал, что от занявших гомстэд требовалось выполнение ряда условий с целью последующего перевода его в собственность: 1) в течение трех лет работать на занятом участке не менее шести месяцев в году; 2) в течение трех лет фермер должен обработать не менее 30 акров земли или иметь не менее 40 штук крупного скота, или возвести постройки для какого-либо предприятия (сыроварня, маслобойня, мельница и пр.). Выполнив эти два необ-

ходимых условия занявший гомстэд поселенец обязан был сделать заявку, т. е. внести 10 долларов (20 руб.) для покрытия правительственных расходов по поземельному устройству (межевание, содержание иммигрантских домов и бюро, содержание land office и т. п.) и получить потом патент на участок для закрепления за собой права наследственного пользования[156].

Желающие могли сразу покупать землю в собственность. Правительство продавало земли обычно по 2–3 доллара за акр, но иногда много дешевле или много дороже, в зависимости от качества почвы, местоположения, рудных богатств и др. Точно также можно было приобретать землю у компаний железных дорог и у Hudson bay Campany. Но цены этих земель всегда оказывались значительно выше казенных.

Свою специфику имело и школьное законодательство Канады. Если поселенцы строили и содержали школы исключительно на свой счет, то правительство в этом случае не вмешивалось в устройство и систему школьного преподавания. Если же строители школы получали помощь от властей в размере до 70 % содержания учителя, то тогда правительство выдвигало свои условия, например, обязательный тот или другой диплом учителя; преподавание английского языка и т. п., и учебники в эту школу присылались также из министерства народного просвещения[157].

Таковы были общие условия занятия земель поселенцами в Канаде, с которыми приходилось считаться духоборам. Но для них правительство предоставило очень важную льготу. Так как духоборы в большинстве селились не фермами, а селениями, то по их просьбе, правительство вошло в соглашение с компанией железной дороги, по которому та уступила все свои земли духоборам по той же оценке, как и казенные, обменяв их на предложенное правительством в другом месте соответствующее число секций. Таким образом, духоборы северной и южной колонии избежали обязательную чересполосицу и получили земли в «цельных кусках на селение». Канадское правительство предоставило также духоборам свободу религиозных убеждений, полностью освободив их от воинской повинности.

С 1901 по 1913 гг. духоборы, состоявшие главным образом из крестьян, прибыли в США, где поселились в Калифорнии. В Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Сан-Диего, Чикаго, Детройте

Женщины из секты духоборов на сельскохозяйственных работах в Канаде

живут потомки отдельных семей и небольших группок, переселившихся туда в разное время из Канады духоборов[158].

Штундисты и молокане были самыми крупными группами религиозных эмигрантов, уехавших на рубеже XIX–XX в. из России в США. Молокане, отколовшихся в конце 60-х гг. XVIII в. от духоборов, подверглись принудительному переселению. В результате происходило широкое миграционное движение молокан в те места, где они могли приобрести более крупные участки земли – Северный Кавказ, Бессарабия, Сибирь, Дальний Восток. В конце XIX в. «прыгуны» Закавказья и Закаспийской области стали добиваться разрешения на выезд из России. Русско-японская война лишь укрепила их решимость эмигрировать в Америку. К началу Первой мировой войны в США прибыло из Закавказья около 4,5 тыс. молокан. Это были главным образом прыгуны, официально называвшие себя «духовными христианами», которые поселились в Лос-Анджелесе; немало было «постоянных молокан», называвших себя «духовными молоканами», которые осели в Сан-Франциско[159]. Вслед за молоканами в Америку эмигрировали несколько групп приверженцев секты субботников, ставших

своего рода приемниками «жидовствующих» – русских и украинцев, перешедших из православия в иудаизм.

В 1889–1893 гг. в Филадельфию, штат Пенсильвания, и Луисвиль, штат Кентукки, прибыли первые группы крестьян-штундистов, которые затем переселились в Виргинию на земельные участки, полученные в качестве гомстедов бесплатно. После того, как в 1894 г. в России штунда была объявлена особенно опасной «в церковном и государственном отношениях», в Виргинию прибыли другие группы штундистов. Полученные ими участки находились под лесом, который пришлось вырубать и корчевать. Многие переселенцы стали работать на лесопилках. С 1898 г. новые группы штундистов стали селиться в Южной и Северной Дакоте, где на первых порах им помогли российские немцы, но, спустя некоторое время, они сами превратились в зажиточных фермеров, владевших добротными домами, водокачками, автомобилями, крупным рогатым скотом, разнообразной сельскохозяйственной техникой[160].

Все эти люди и на чужбине были верны заветам предков в одежде, еде, образе жизни (они продолжали носить густые бороды, кумачовые рубахи, сапоги, суконные картузы, женщины одевали широкие длинные юбки и носили платки). В общине царила солидарность, исповедовался принцип «не убий»; молокане отвергали участие в любых боевых действиях, а поэтому избегали принятия американского гражданства. Когда весной 1917 г. США вступили в войну, молокане отказывались регистрироваться в солдаты и до конца войны им удавалось добиваться освобождения от призыва в армию[161].

Часть русских сектантов перебралась в страны Латинской Америки. В 1906 г. из Воронежской губернии в Мексику прибыли 82 семьи молокан, которые в результате религиозных преследований царских властей предприняли при поддержке Л.Н. Толстого переселение за океан, где приобрели в собственность земли бывшей миссии монахов-доминиканцев (13 000 акров) по реке Гуаделупе, в мексиканской Нижней Калифорнии, создав здесь сельскохозяйственную колонию, получившую название Ранчо Гуадалупе. Хотя формально земля была продана в частную собственность, хозяйственная деятельность колонии традиционно была построена на общинных принципах. Первые поселенцы также хранили обычаи предков, сами

пекли хлеб, готовили русские блюда, шили русскую одежду, дома говорили лишь по-русски, стремились не допустить браков с мексиканцами. Только с начала 1930-х гг. молокане начали принимать мексиканское гражданство. К 1920-м гг. колония Гуадалупе превратилась в крупный центр по производству винограда, цитрусовых и других фруктов и овощей[162].

Еще одной сектой, представители которой переселились в Латинскую Америку, была религиозная группа «Новый Израиль», по существу являвшаяся рационалистическим крылом старинного русского протестантского движения хлыстов или христоверов, родиной которого считается Воронежская губерния. Возглавил группу «Новый Израиль» житель воронежской губернии Василий Лубков, ставший вождем хлыстов в 24 года и остававшийся их духовным лидером почти 40 лет.

Непростые отношения с государством, Православной церковью и населением, не любившими сектантов, также заставляли хлыстов задуматься о переселении. Общиной первоначально было принято решение о переселении в Канаду, но затем – в Уругвай. С целью поближе познакомиться с ситуацией в общине «Новый Израиль» уругвайский консул посетил Кавказ и колонии, расположенные вблизи Тифлиса в Грузии.

Закончив свое обследование, он отправил из Ростова 5 сентября 1912 г. телеграмму уругвайскому правительству, в которой говорилось: «Возвращаюсь с Кавказа, поселенцы отличные. Хорошей расы, активные, честные, выращивают пшеницу, рожь, кукурузу, ячмень, овес, хлопок, свеклу, фрукты, зелень, получают молоко, разводят птицу». Консул отмечал, что «упомянутые крестьяне принадлежат к сильной и здоровой расе русско-немецкого типа, им запрещено принимать алкоголь и курить табак», а общинный тип хозяйства рассматривался консулом как «наиболее перспективный для современного сельского хозяйств»[163].

Вслед за посланцами (воронежцем Иваном Житковым и курянином Михаилом Забелиным) в 1913 г. в г. Монтевидео прибыли почти 1,3 тыс. русских крестьян во главе с В. Лубковым. Им были выделены земли местным землевладельцем Альберто Эспальтерой, с которым у переселенцев сложились теплые отношения. На них В. Лубковым был основан город Сан-Хавьер, названный так в честь погибшего сына А. Эспальтера – Хавьера. Одна из улиц города была названа в честь самого дона Альберто.

В. Лубков с супругой. Начало XX в.

Условия хозяйственной деятельности крестьян были достаточно тяжелыми, тем не менее вскоре были выстроены первые дома, внешне почти не отличавшиеся от крестьянских домов средней полосы России, но с русской печью во дворах, поскольку в стране был достаточно жаркий климат. Русские наладили собственное производство кирпича. В течение года общиной было разработано 25 тыс. гектаров целинных земель, на которых сеяли зерно, подсолнечник. Лубковцы познакомили местных жителей с подсолнечным маслом, культурами пчеловодства и мёдоварения. Они занимались овощеводством, культивировали лён и т. д.[164] По прошествии пяти лет, русские иммигранты, показавшие себя работящими и законопослушными людьми, стали полноправными гражданами республики Уругвай, при этом долгое время не переставали быть русскими[165].

Таким образом, уже во второй половине XIX в. российская эмиграция становится ощутимым фактором мировой истории, влияние которой имело многоаспектный характер– политический, экономический, этнонациональный. Русский мир оказался больше России в пространственном отношении. Он конституировался на основе русского языка как средства общения между людьми, религии и демонстрируемого отношения к Родине, которое проявлялось в желании влиять на ситуацию в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Русский мир: смысл и стратегия России. Мат-лы заседания круглого стола 28 мая 2007 г. – М., 2007. С. 5.

[2] *Милюков П.* Н.И. Тургенев в Лондоне // Оттиск из Временника Общества Друзей Русской Книги. Т. III. – Париж, 1932. С. 62.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Россия под надзором. Отчеты III отделения. 1827–1869 / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. – М., 2006. С. 380–381.

[6] Там же. С. 395.

[7] Там же. С. 414–415.

[8] *Боборыкин П.Д.* Воспоминания: В 2 т. Т. 1. – М., 1965. С. 530.

[9] *Гросул В.Я.* Международные связи российской политической эмиграции во 2-ой половине XIX века. – М., 2001. С. 41.

[10] Россия под надзором. Отчеты III отделения. 1827–1869… С. 508.
[11] Там же. С. 509.
[12] Там же.
[13] *Боборыкин П.Д.* Указ. соч. С. 531.
[14] Там же. С. 508.
[15] Там же. С. 510.
[16] Там же. С. 509.
[17] Россия под надзором. Отчеты III отделения. 1827–1869… С. 585–586.
[18] *Гросул В.Я.* Указ. соч. С. 66.
[19] Там же. С. 72.
[20] *Боборыкин П.Д.* Указ. соч. С. 516–517.
[21] *Шишкин М.* Русская Швейцария. Литературно-исторический путеводитель. – М., 2006. С. 91.
[22] *Ковалевский М.* Странички из воспоминаний. Русская колония в Париже // Возрождение. Лит-полит. тетради под ред. С.П. Мельгунова. Т. 15. Май–июнь 1895. – Paris, 1951. № 15. С. 76.
[23] *Боборыкин П.Д.* Указ. соч. С. 525.
[24] Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия. – М., 2009. С. 73.
[25] *Шишкин М.* Указ. соч. С. 13.
[26] *Бурцев В.Л.* В погоне за провокаторами. Репринтное издание. – М., 1989. С. 16.
[27] *Гутнов Д.А.* Русская высшая школа общественных наук в Париже (1901–1906 гг.). – М., 2004. С. 47.
[28] Бегство В.И. Засулич в Англию в 1894 г. Воспоминания Н.К. Гернет // Исторический архив. 2006. № 6. С. 45.
[29] Там же.
[30] Там же. С. 46.
[31] *Гросул В.Я.* Указ. соч. С. 286, 380.
[32] *Троцкий Л.* Дневники и письма. – М., 1994. С. 123.
[33] Там же. С. 124.
[34] *Дойчер И.* Троцкий. Вооруженный пророк. 1879–1921 гг. – М., 2006. С. 192.
[35] *Троцкий Л.Д.* Ленин и старая «Искра» // Силуэты: политические портреты А. Луначарский, К. Радек, Л. Троцкий. – М., 1991. С. 8.
[36] Там же. С. 18.
[37] *Комолова Н.П.* Италия в русской культуре Серебряного века: Времена и судьбы. – М., 2005. С 23.
[38] Русские в Италии. Культурное наследие эмиграции / Сост., науч. ред. М.Г. Талалая. – М., 2006. С. 46.
[39] *Комолова Н.П.* Указ. соч. С. 24–25.
[40] *Троцкий Л.* Указ. соч. // Силуэты: политические портреты А. Луначарский, К. Радек, Л. Троцкий. – М., 1991. С. 24.
[41] *Дойчер И.* Указ. соч. С. 194.
[42] *Гутнов Д.А.* Указ. соч. С. 47.

[43] *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский. Париж. 1906–1914 // Русский Париж. – М., 1998. С. 28.

[44] ГА РФ. Ф. Р-6224. Оп. 1. Д. 148. Л. 1–2.

[45] Там же. Л. 2–4.

[46] Там же. Л. 3.

[47] Там же.

[48] Там же.

[49] Там же. Л. 3(об.).

[50] *Гутнов Д.А.* Указ. соч. С. 47.

[51] В помощь. Издание Федерации Анархических Красных Крестов Европы и Америки. 1912. № 4 (ноябрь.). Л. 1.

[52] *Попов А.В.* Зарубежная Россия: русская дореволюционная эмиграция в XIX – начала XX вв.Ч. 2 // http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/rus-em1/

[53] *Гросул В.Я.* Российская политическая эмиграция в США в XIX веке // Новая и новейшая история. 994. № 2. С. 58. Члены этих кружков-коммун, столкнувшись с большими трудностями в Америке, вскоре вынуждены были вернуться в Россию.

[54] *Соколов А.С.* Америка и революционно-народническая эмиграция. 1880–1890 годов // Вестник Ленинградского государственного университета. Вып. 4. 1984. № 20. С. 26.

[55] Общественная мысль Русского зарубежья… С. 323.

[56] Прогресс. Чикаго–Нью-Йорк. 25 декабря 1893 г.

[57] Голос труда. Беспартийный орган русских рабочих в Америке, Нью-Йорк. 1 мая 1911 г. № 1.

[58] *Нитобург Э.Л.* У истоков русской диаспоры в США // США: Экономика. Политика. Идеология. Культура. 1996. № 7. С. 89–90.

[59] *Соколов А.С.* Указ. соч. С. 28.

[60] *Ручкин А.Б.* Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века. – М., 2006. С. 221–223.

[61] Общественная мысль Русского зарубежья…С. 95–96.

[62] *Ручкин А.Б.* Указ. соч. С. 222.

[63] *Сбруев В.В.* Журналистика Латинской Америки от первой газеты до начала концентрации и монополизации СМИ. – М., 2008. С. 171.

[64] *Черненко А.М.* Российская революционная эмиграция в Америке (конец XIX в. – 1917 г.). – Киев, 1983. С. 120.

[65] Там же. С. 122.

[66] *Хейфец Л.С.* Латинская Америка в орбите Коминтерна. – М., 2000. С. 65–66.

[67] *Беляков В.В.* «К берегам священным Нила…». Русские в Египте. – М., 2003. С. 105.

[68] Там же. С. 120.

[69] *Каневская Г.И.* Очерк русской иммиграции в Австралии (1923–1947 гг.). – Мельбурн: Университет Мельбурна, 1998 // http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=1490

[70] ГА РФ. Ф. 5800. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

[71] Там же.

[72] Там же. Л. 64.

[73] *Кабузан В.М.* Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. – М., 1998. С. 140.

[74] *Пушкарева Н.Л.* Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечественная история. 1996. № 1. С. 56.

[75] *Окунцов И.К.* Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. – Буэнос-Айрес, 1967. С. 219; *Govorchin G.* From Russia to America with love. – Pittsburgh, 1993. P. 33.

[76] *Окунцов И.К.* Указ. соч. С. 220.

[77] *Govorchin G.* Op. Cit. P. 30.

[78] Ibidem. P. 31.

[79] Цит. по: *Оболенский (Осинский) В.В.* Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. – М., 1928. С. 45–46.

[80] *Патканов С.К.* Итоги статистики иммиграции в Соединенные штаты Северной Америки из России за десятилетие 1900–1909. – СПб., 1911. С. 38.

[81] *Васильев Е.* Зарубежная Русь. – Петроград, 1905. С. 19–20.

[82] Там же. С. 150.

[83] *Курчевский Б.О.* О русской эмиграции в Америку. – Либава, 1914. С. 19.

[84] *Тарле Г.Я.* Российское зарубежье и родина. – М., 1993. С. 87. К маю 1917 г. около 2/3 членов кооператива пожелали вернуться в Россию.

[85] *Ручкин А.Б.* Указ. соч. С. 222.

[86] Восточное обозрение. Иркутск. 12 февраля 1904. № 49 // ГА РФ. Ф. 5825. Оп. 1. Д. 21. Л. 2.

[87] Известия Министерства иностранных дел. Книга П. – СПб., I913. С. 101–102.

[88] Еврейская эмиграция из России. 1881–2005 / Отв. ред. О.В. Будницкий. – М., 2008. С. 30.

[89] *Кабузан В.М, Брук А.С.* Миграционные процессы в России и СССР. Вып. I. – М., 1991. – С. 21, 26.

[90] *Дик Е.Н.* Российско-латиноамериканские отношения конца XIX - начала XX в. (1890-1914). Автореф. дисс… канд. и. наук. – М., 1994. – С. 17.

[91] Еврейская эмиграция из России. 1881–2005... С. 27.

[92] *Шейнбаум Л.С.* Русские в Аргентине // Латинская Америка. 1993. № 5. С. 115.

[93] *Путятова Э.Г.* Российские эмигранты в Аргентине конец XIX – начало XX в.) // Латинская Америка. 2005. № 7. С. 75.

[94] *Шейнбаум Л.С.* Аргентинский этнос. Этапы формирования и развития. – М., 1984. С. 112.

[95] *Путятова Э.Г.* Указ. соч. С. 80.

[96] *Антоколец Д.* Некоторые данные об Аргентинской республике. – СПб., 1917. С. 7.

[97] Еврейская эмиграция из России. 1881–2005 / Отв. ред. О.В. Будницкий. – М., 2008. С. 26.

[98] АВП РИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 108. 1891. Л. 195(об.).

[99] Там же. Д. 111. 1892. Л. 243 (об.).

[100] См., например: *Гутман И.А.* Жизнь колонистов в штате Сан-Паулo в Бразилии. – Рига, 1908; *Ребрин Р.А.* О переселении в Бразилию. – Харьков, 1909 и др.

[101] АВП РИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 104. 1890. Л. 81–89(об.)

[102] *Кабузан В.М.* Указ. соч. С. 249.

[103] *Королев Н.В.* Страны Латинской Америки и Россия (1890–1917). – Кишинев, 1972. С. 49–50.

[104] Юбилейный сборник. Календарь газеты «Русский в Аргентине». – Буэнос-Айрес, 1936. С. 21

[105] *Баграмов Л.А.* Иммигранты в США. – М., 1957. С. 32.

[106] *Тарле Г.Я.* Указ. соч. С. 11.

[107] *Колесник В.И.* Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. Автореф. дисс. … докт. ист. наук. – Волгоград, 2003. С. 29.

[108] *Мазин К.А.* Эмиграционные процессы… Автореф. дисс. д. ист. наук. – М., 2010. С. 34.

[109] *Кабузан В.М.* Указ. соч. С. 40.

[110] Там же. С. 47.

[111] *Чочиев Г.* Северокавказская диаспора в Турции (социально-политические аспекты этнической эволюции во второй половине XIX и в XX в.) // Диаспоры. – 2001. – № 1. – С. 163.

[112] Там же. С. 164.

[113] Там же. С. 166.

[114] Там же. С. 169–170.

[115] *Пивовар Е.И.* Указ. соч. С. 74.

[116] *Ананян Е.В.* Начало эмиграции немцев Поволжья в Латинскую Америку // Латинская Америка. 2004. № 4. С. 98.

[117] См. об этом: *Плеве И.Р.* Эмиграция немцев из Поволжья во второй половине XIX в. // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871–1941 гг. – М., 2002. С. 421–430; *Ананян Е.В.* Эмиграция немцев Поволжья в Америку в 70-е годы XIX в.: предпосылки, причины и результаты. Дис. … канд. ист. наук: Ист. науки: 07.00.02. – Волгоград, 2004 и др.

[118] *Нитобург Э.Л.* У истоков русской диаспоры в Америке//США: экономика, политика, идеология. 1996. № 7. С. 90.

[119] *Кабузан В.М.* Указ. соч. С. 182.

[120] *Ананян Е.В.* Указ. соч. // Латинская Америка. 2004. № 4. С. 99.

[121] *Ионин А.С.* По Южной Америке // Россия и Бразилия: 200 лет знакомства. Свидетельства русских путешественников, ученых, дипломатов, артистов и литераторов. – М., 2004. С. 289–291.

*гернгутеры – члены протестантской религиозной общины, основанной в 1727 г. в Гернгуте (Саксония); их устав предписывал строгое соблюдение требований Нагорной проповеди, в частности, непротивление злу насилием.

*меннониты – последователи голландского проповедника Менно Симмонса (1496–1561). Основы нравственного вероучения меннонитов составляют смирение, покорность, терпение, всепрощение, нравственное самосовершенствование.

[122] *Плеве И.Р.* Начало эмиграции поволжских немцев в Америку // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871–1941 гг. – М., 2002. С. 421–430.

[123] *Ананян Е.В.* Указ. соч. // Латинская Америка. 2004. № 4. С. 99–100.

[124] СССР (Россия) – Аргентина. Страницы истории 1885–1886. Документы и материалы. – М., 1990. С. 57.

[125] *Ананян Е.В.* Указ. соч. // Латинская Америка. 2004. № 4. С. 97–98.

[126] Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 7. 1723–1727. – СПб., 1830. С. 728

[127] Там же. С. 727–728.

[128] Еврейская эмиграция из России. 1881–2005. / Отв. ред. О.В. Будницкий. – М., 2008. С. 11.

[129] Там же. С. 24.

[130] Там же. С. 30.

[131] *Дик Е.Н.* Из истории российской эмиграции в Аргентину (конец XIX – начало XX века) // Латинская Америка. 1991. № 6. С. 81.

[132] *Яновский С.Я.* Указ. соч. С. 107–108.

[133] Научно-исследоватеьский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 97. Картон № 1. Кн. 1. Л. 21.

[134] Там же. Л. 75.

[135] Там же. Л. 70.

[136] Там же. Л. 76.

[137] *Оболенский (Осинский) В.В.* Указ. соч. С. 37.

[138] *Маневич И.А.* Эмиграция евреев. – М., 1916. С. 12.

[139] *Тудоряну Н.Л.* Отношения США и России в начале XX в. // Новая и новейшая история. 1998. № 2. С. 44.

[140] *Путятова Э.Г.* Указ. соч. С. 77.

[141] Там же.

[142] *Шубин Г.В.* Российские добровольцы в англо-бурской войне. 1899–1902 гг. (по материалам Российского государственного военно-исторического архива). – М., 2000. С. 112.

[143] *Фролов Д.* Русская Австралия. По материалам сайта «Соотечественники» // http://ricolor.org/rz/avstralia/2/4/

[144] Там же.

[145] *Кабузан В.М.* Указ. соч. С. 185.

[146] Этнические процессы в странах Южной Америки. – М., 1981. С. 515, 517.

[147] *Мазин К.А.* Эмиграционные процессы и формирование русского зарубежья в XVIII в. Автореф. дисс. … док-ра. ист. наук. – М., 2010. С. 19.

[148] Там же. С. 30.

[149] В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX – первая половина XX в.). – М., 2009. С. 51.

[150] *Мазин К.А.* Указ. соч. С. 21–22.

[151] *Птицын А.Н.* Российская эмиграция в Австро-Венгрии в конце 18 – начале 20 в. // Вопросы истории. 2010. № 7. С. 146.

[152] *Нитобург Э.Л.* Русские религиозные сектанты и староверы в США // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 47.

[153] Там же

[154] http://ricolor.org/rz/kanada/kr/1/

[155] *Бонч-Бруевич В.* Духоборцы в канадских прериях. Кн. 14. Ч. I. – Пг., 1918. С. 248.

[156] Там же. С. 248–250.

[157] Там же. С. 255.

[158] *Нитобург Э.Л.* Указ. соч. // США: экономика, политика, идеология. 1996. № 7. С. 91.

[159] Там же. С. 38.

[160] *Нитобург Э.Л.* Указ. соч. // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 37.

[161] Там же. С. 40.

[162] *Дик Е.Н.* Русские в Мексике: эмиграция и адаптация // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX вв. – М., 1996. С. 169–170.

[163] http://vrn.best-city.ru/forum/thread87473

[164] Русские в Уругвае: история и современность. – Монтевидео, 2009. С. 53.

[165] В середине 1920-х гг. по идеологическим соображениям, а также в связи с хозяйственными трудностями полторы сотни человек из русской колонии возвратились на родину, уже в СССР. Однако здесь их ждало разочарование, аресты. В ходе начавшейся коллективизации многие бывшие «уругвайцы», в том числе и сам Лубков, были репрессированы.

3

КУЛЬТУРА РУССКОГО МИРА ЗА РУБЕЖОМ

Русское «академическое зарубежье»

Еще в середине XVIII в. русская дворянская молодежь с целью получения образования направлялась в западно-европейские университеты Галле, Йена Лейпцига, Вюнцбурга, Лондона, Цюриха. Российские студенты были либо государственными стипендиатами либо отправлялись за границу, хотя и на собственные средства, но с санкции властей. Сюда ехали также деятели науки, стажировавшиеся в научных центрах и при университетах. Так появилось понятие «академическое зарубежье» – формировавшееся на территории иностранных государств в течение первой четверти XVIII – до начала XX вв. сообщество российских подданных, командированных коронной властью, или прибывших по собственной инициативе в целях получения высшего образования и совершенствования в науках[1].

Заметно выделялись в среде русского академического мира за рубежом пенсионеры Академии художеств, в устав которой было внесено положение об отправке за границу каждые три года двенадцати лучших художников для дальнейшего совершенствования их искусства. Первые русские пенсионеры были направлены во Францию, в их числе художник А.П. Лосенко, архитектор В.И. Баженов, скульптор Ф.И. Шубин. Спустя некоторое время главным местом стажировки русских художников становится Италия, где образовалась колония русских художников. Студенты из России посылались также в Британскую академию. Среди них – Г.И. Скородумов, М.И. Бельский

(оба по возвращении на родину стали членами Российской академии художеств). Здесь обучался выпускник Российской академии художеств Ф.И. Иордан (будущий президент Академии)[2].

Но именно Рим с середины XVIII в. стал самым посещаемым городом Италии. Первыми русскими пенсионерами в нем были архитекторы В.И. Баженов и И.Е. Старов. Оба до этого обучались в Париже, в Королевской Академии архитектуры. В Италии Баженов, благодаря русскому посланнику князю Д.А. Голицыну, продолжил профессиональное совершенствование в стенах Французской академии в Риме. В дальнейшем профессионалы Флоренции и Болоньи избрали его членом своих академий, а академия Св. Луки присвоила ему звание профессора[3].

Однако пенсионерам из России пришлось сталкиваться с пренебрежительным отношением российских чиновников к отечественным талантам, особенно после прихода в 1763 г. на пост главы Академии художеств И.И. Бецкого. В частности, пенсионерам постоянно задерживали отправку стипендий. Кроме того, зарубежные банкиры стремившиеся поживиться, выдавали пенсионерам не всю сумму сразу, а по частям, требуя всякий раз подарков[4].

Из-за сложного материального положения, несколько пенсионеров вынуждены были продать свои золотые медали (после чего Академия стала отбирать награды у отъезжавших вплоть до их возвращения). Лишь в последнее десятилетие XVIII в. и в XIX в. положение пенсионеров изменилось в лучшую сторону, так как в руководство Академии пришли ее бывшие воспитанники во главе с В.И. Баженовым, а затем – А.Д. Захаровым и рядом других зодчих, на собственном опыте познавших, что нужно пенсионеру для успешной стажировки в чужих краях. В 1802 г. в Италию был командирован Карло Росси, а в 1804 г. его сменил Василий Стасов.

После перерыва, вызванного наполеоновскими войнами, в Италию поехали пенсионеры не только от Академии художеств, но и от Общества поощрения художников. Среди последних выделяются Василий Глинка, Александр Брюллов, Константин Тон. Пенсионеры того времени уже не были так стеснены в средствах. Они могли свободно выбирать место стажировки, в результате многие объехали всю Италию, Сицилию, Германию, Францию.

Жизнь римской колонии русских художников в те годы была тесно связана с салоном З.А. Волконской, который представлял собой своеобразный литературно-художественный клуб. Здесь же русские художники заводили знакомства с состоятельными людьми, находили потенциальных заказчиков на собственные творения. Княгиня часто сама посещала мастерские художников, принимала живейшее участие в их судьбах, нередко приобретая произведения посещавших ее художников – Ф. Бруни, О. Кипренского, К. Брюллова и др.

Параллельно Русский мир за рубежом формируют русские студенты, прибывавшие на учебу в различные университеты Европы. При Екатерине II российская аристократия начинает посылать учиться своих детей в Англию. В Кэмбридже обучались дети знаменитых русских фамилий – Кукаркиных, Гагариных, Шереметьевых. Число университетов, в которые приезжали русские, постоянно расширялось: в частности, в Шотландии это были Эдинбургский, Абердинский, Глазго. В 1761 г. в числе студентов университета Глазго были лучшие студенты Московского университета Семен Десницкий и Иван Третьяков, которые прослушали здесь круг лекций, включая этику, право, медицину (основной курс они слушали у Адама Смита), где получили степени магистров, а затем докторов права. Среди студентов Эдинбургского университета был сын княгини Екатерины Дашковой. В XVIII в. русские студенты обучались также в Эдинбургской медицинской школы, двое выпускников которой (А.Я. Италинский и Ю. Бахметев) спустя некоторое время после ее окончания были избраны членами Королевского общества врачей[5].

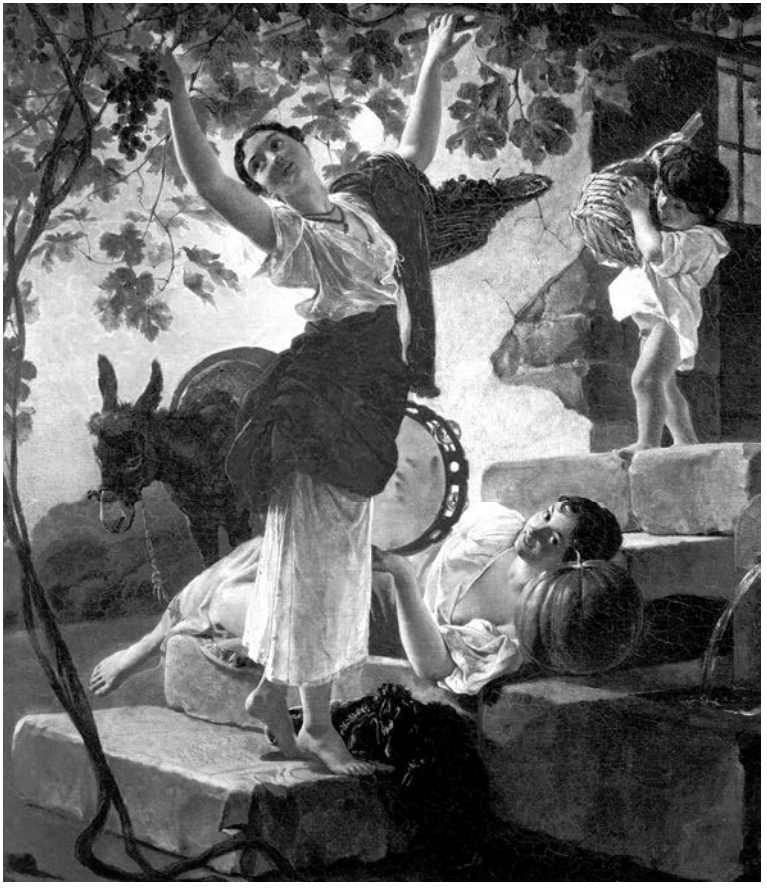
Лекции в Женевской академии посещали А. Строганов – будущий президент Петербургской академии искусств и директор Публичной библиотеки, братья Демидовы (один из которых – будущий меценат, основатель Ботанического сада в Москве, собиратель книг и произведений искусств). Здесь же обучался Г.А. Строганов (младший), будущий русский посланник в Стокгольме и Константинополе со своим крепостным – будущим архитектором А.Н. Воронихиным. Лекции в академии слушал публицист-славянофил С.П. Шевырев.

Со второй половины XIX в. и особенно с начала XX в. получать высшее образование за границей отправлялись не государственные стипендиаты и просители, а частные лица.

Среди причин отъезда на учебу за границу исследователи называют несовершенство самой системы высшего образования в России, которая отставала от Европы по количеству высших учебных заведений, а также отличалась негибкостью и неприспособленностью к современным реалиям жизни. Запад в этом смысле предоставлял более широкий выбор специальностей, которые ориентировались непосредственно на развитие модернизационных процессов и науки. Этим обусловливалось и то обстоятельство, что в российской системе наблюдался недостаток специализаций различного профиля, а также не было смешанных (многопрофильных) вузов, в которых бы гуманитарное образование предоставлялось параллельно с техническим и сельскохозяйственным. В результате, экономические, кадровые пробелы восполнялись специалистами из других государств, в особенности из Германии, а также студентами, получившими высшее образование за рубежом.

Кроме того, в России, наряду с социальным неравноправием и ограничениями в женском образовании, существовала проблема ограничений по национальной принадлежности, в первую очередь, в отношении еврейского и польского населения Российской империи. Ситуация осложнилась после известных событий 1881 г., за которыми последовали ограничения для евреев во многих областях повседневной жизни. В частности, в области образования в 1887 г. был принят циркуляр, ограничивший прием лиц еврейской национальности в университеты пятью процентами в черте оседлости и тремя процентами – в столицах (подобные нормы распространялись в том числе и для частных или свободных учебных заведений). Имело место ущемление прав польской молодежи при поступлении в учебные заведения. Лишь в связи с началом Первой мировой войны царское правительство своим распоряжением 1915 г. разрешило принимать в университеты всех участников войны без различия вероисповедания[6].

Среди причин отъезда молодежи из страны на рубеже XIX–XX в. следует назвать также нестабильность внутриполитической ситуации в России, когда вновь обострился университетский вопрос и «высшая школа стала ареной массовых расправ правительства с протестующим студенчеством и либеральной профессурой»[7], следствием которых стало лишение одних права продолжить обучение у себя на Родине, других –



К.П. Брюллов. Девушка, собирающая виноград в окрестностях Неаполя. 1827 г.

осуществлять свою профессиональную деятельность. После революционных событий 1905–1907 гг. наметилась тенденция массового исключения студентов из вузов или даже полное закрытие высших учебных заведений как, например, было с Петербургским технологическим институтом[8]. В результате, в эти годы в академических целях Россию покидало лишь небольшое число студентов, значительная же их часть пополнила категорию «политических эмигрантов», связавших свою деятельность за границей с революционными партиями.

Всего за рубежом к началу XX в. получили высшее образование свыше 8,5 тыс. российских подданных, более 3 тыс. из которых учились в Германии, свыше 2,5 тыс. – в Швейцарии и т. д. На медицинских и педагогических факультетах швейцарских и немецких вузов фактически все иностранки были русскими (в ряде случаев их число доходило до 50 %)[9]. Некоторое количество студентов из России обучалось также в Австрии, Италии, Англии. По социальному составу 85 % выехавших студентов были недворянского происхождения, как и в целом по России[10].

Так, в Женевском университете в 1900 г. из 819 студентов 557 было иностранцев, включая 220 русских. В зимний семестр 1905–1906 гг. русские учащиеся составляли 57 % от общего числа; среди них много было представителей еврейской молодежи. Здесь учились будущие советские академики – биохимик и физиолог Л.С. Штерн (экстраординарный профессор медицины Женевского университета), биохимик Б.И. Збарский[11].

После окончания Института путей сообщения в Петербурге для подготовки к преподавательской деятельности в основанном С.Ю. Витте Политехническом институте, на два года заграницу был направлен Б.А. Бахметев. Он провел год в Швейцарии, где в цюрихском Политехникуме изучал гидравлику, а затем год – в США, где изучал методы инженерной работы. Там же Бахметев работал на постройке канала Эри и практиковался в инженерном деле. Известно, что уже в те годы он активно увлекался политикой, разделяя взгляды социал-демократов. Прибыв на обучение за границу, Бахметев сочетал изучение инженерного дела с пропагандой социалистических идей. Обнаруженная О.В. Будницким в собрании Б.И. Николаевского рукопись Бахметева «Конспект занятий с рабочими по аграрной программе РСДРП», датированная 1904 г., свидетельствует о том, что занятия будущим дипломатом проводились по таким темам, как «Краткий очерк развития сельского хозяйства в капиталистическом обществе», «Капитализм в русской деревне», «Социал-демократическая аграрная политика в капиталистическом и докапиталистическом обществе», «Наша программа и программа эсеров». Среди обнаруженных бумаг сохранились также несколько десятков листков с записями Бахметева на тему: «Развитие русской социал-демо-

кратии», «Классовая борьба – диктатура пролетариата – социалистическая революция», речь на собрании в Нью-Йорке 12 марта 1905 г. о революционных событиях в разные времена и в разных странах, приходившихся на март месяц, например, в Германии в 1848 г., речь о русском пролетариате и др. То есть начинающий инженер вел социал-демократическую пропаганду в США среди русских эмигрантов, хотя в дальнейшем, как известно, пути Бахметева с социал-демократами разошлись, и 20 июня 1917 г. он прибыл во главе российской чрезвычайной миссии в США, став чрезвычайным и полномочным послом Временного правительства в этой стране[12].

Наряду со Швейцарией, основной страной миграции для желавших получить высшее образование за рубежом, была Германия, где достаточно мягкими (по сравнению с Россией) были условия приема в высшие учебные заведения (особенно в отношении евреев)[13]. Студентами Берлинского университета были И. Киреевский, Т. Грановский. В конце 1830-х гг. из бывших берлинцев в Московском университете образовалась «фракция гегелианцев»[14].

В Берлине существовало русское студенческое объединение «Помощь», которое оказывало материальную поддержку всем нуждавшимся. При нем имелась читальня «Салтыков» – место регулярных встреч и контактов русских студентов. Здесь же располагалась студенческая столовая, где неимущие получали еду бесплатно. В 1913 г. в Берлине состоялся конгресс русских студентов с участием 24 делегатов из 18 высших школ Германии, который проходил на русском языке по официальному разрешению властей[15].

В мае 1838 г. с целью пополнить образование, а также в знак неприятия российского уклада, основанного на крепостном праве, в Германию прибыл И.С. Тургенев. Находясь в Берлине до августа 1839 г., Тургенев слушал лекции в университете, занимался классическими языками, встречался с Т.Н. Грановским, Н.В. Станкевичем. После короткого пребывания в России в январе 1840 г. Тургенев отправляется в Италию, но с мая 1840 по май 1841 гг. он вновь оказался в Берлине, где знакомится с М.А. Бакуниным.

В России хорошо был известен Гейдельбергский университет. Население немецкого города Гейдельберг равнялось в середине XIX в. пятнадцати тысячам жителей, в числе которых

Гейдельбергский университет. Основан в 1386 г.

не менее трех тысяч были студенты, из них – от 400 до 500 человек – иностранцы. В этой среде первое место, как пишет Ю. Кашкин, занимала русская колония, потом шли американцы, англичане, меньше было французов и итальянцев. Сам Кашкин, прибывший в местный Университет для продолжения образования после закрытия в 1861 г. Петербургского университета в связи со студенческими волнениями, вспоминал: «Как хороша была тогдашняя, простая немецкая жизнь, с ее высокими идеалами, с ее культом свободы, поэзии и прав человеческой личности, с ее массой выдающихся ученых сил, разбросанных по множеству мелких и средних университетов, ибо в те времена Берлин еще не притягивал к себе лучших и даровитейших представителей немецкой науки»[16].

В местной русской колонии тогда были как юные студенты, так и молодые ученые, посланные разными университетами для усовершенствования в науках с тем, чтобы по возвращении занять разные кафедры. В числе молодых ученых Ю. Кашкин называет математика Столетова, философа Автократова, филолога Модестова. Знаменитый Николай Иванович

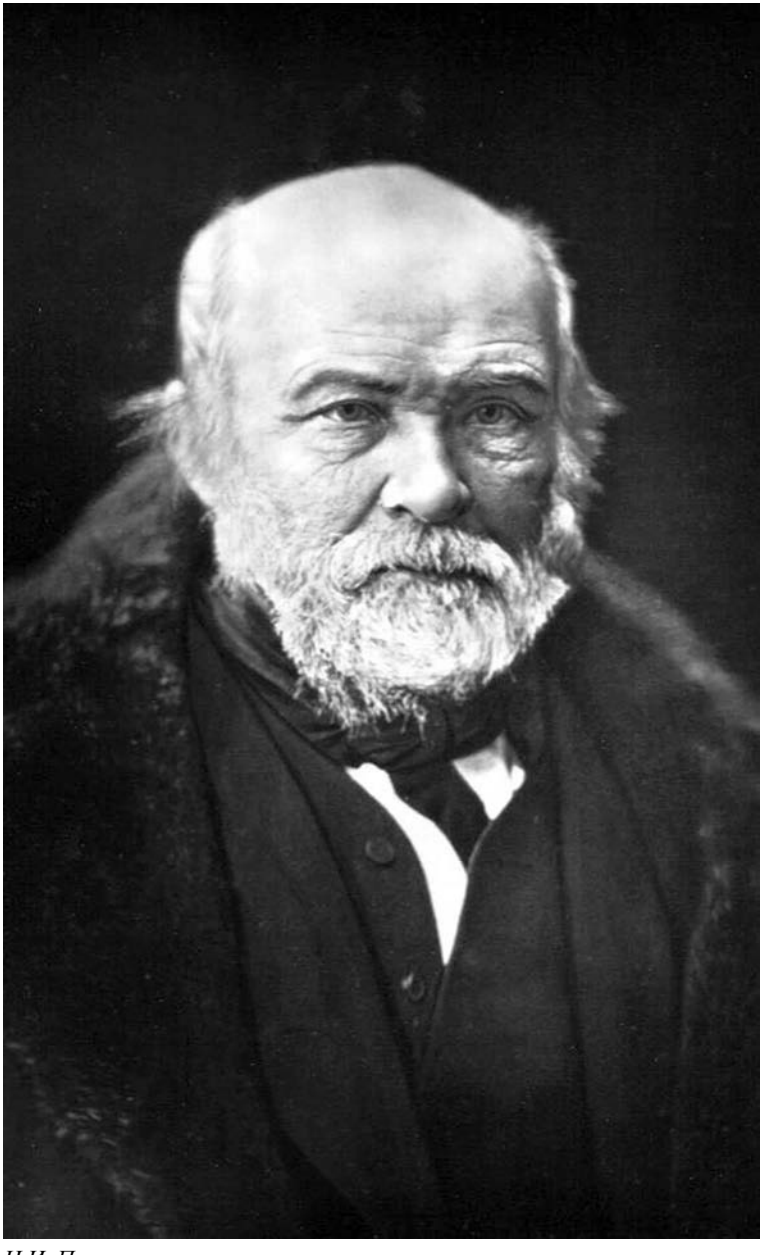
Пирогов был в то время командирован Министерством народного просвещения в Гейдельберг для наблюдения за молодыми русскими учеными и студентами.

Ученая молодежь собиралась в гостинице Russischer Hof Веттштейна, где у них проходило «некое подобие лекций с возражениями и прениями». В числе читавших лекции был Н.А. Неклюдов, мировой судья и председатель Петербургского мирового съезда (автор знаменитой книги «Руководство для мировых судей»), который здесь, как пишет Ю. Кашкин, «блестяще защищал свои этюды о преступности малолетних»[17]. Но постоянным сборным пунктом студенческой молодежи была кондитерская Frau Helwerth, при которой русские имели свои две комнаты, служившие им и библиотекой и читальней, а главное – «постоянной ареной для …бесконечных русских споров». Как признавал Ю. Кашкин, библиотека их состояла почти исключительно из запрещенных русских книг, а также из самых новейших французских, немецких и английских изданий, книг, брошюр и газет социалистического оттенка: на первом плане были «Колокол» и «Полярная Звезда» Герцена; кроме Герцена, были Огарев, Бакунин, а также Виктор Гюго, Жорж Занд, Пьер Леру, Прудон, Молешотт и известный зоолог Карл Фогт, Бюхнер и другие.

В 1869 г. в Гейдельбергский университет прибыла С.В. Ковалевская, отправившаяся потом к известному математику К. Вейерштрасу в Берлин. Однако в Берлине в университет не только не принимали женщин, но даже не позволяли им быть на лекциях вольнослушателями. После убийства Александра II и смерти мужа С. Ковалевская вместе с дочерью переезжает за границу окончательно и получает должность профессора в Стокгольмском университете[18].

С 1896 г., после окончания юридического факультета Петербургского университета, в Гейдельбергском университете учился известный критик, публицист и писатель Д.В. Философов. В конце XIX в. он стал одним из руководителей журнала «Мир искусства», который возглавлял его двоюродный брат С. Дягилев. В эти годы Философов сблизился по своим убеждениям с З. Гиппиус и Д. Мережковским и с 1906 по 1908 гг. жил, как и они, в Париже.

В 1911 г. студентом философского факультета Гейдельбергского университета был будущий известный историк



Н.И. Пирогов

С.Г. Пушкарев, уехавший осенью 1913 г. в Лейпциг, где продолжил образование на историческом отделении философского факультета[19].

В 1908–1909 гг., после обучения в Электротехническом институте Монтефо в Бельгии и получения специальности инженера-электрика, в Геттингенском и Берлинском университетах учился Г.А. Ботезат. В 1911 г. в Сорбонне им была защищена диссертация на тему «Исследование устойчивости самолета». После возвращения в Россию Ботезат преподавал воздухоплавание в Петербургском политехническом институте и офицерской воздухоплавательной школе. С 1914 г. он – главный конструктор авиационного отделения акционерного общества «Дека», автор проектов самолетов и вертолетов, один из первых разработчиков импульсной теории винтов. После революции Г.А. Ботезат эмигрировал в США[20].

С 1900 г. условия приема в немецкие вузы становятся жестче. Первым шагом к этому стало требование обязательной сдачи вступительного экзамена для всех иностранных абитуриентов; кроме того, русским студентам был сокращен доступ на медицинские факультеты. Возрастали требования со стороны студенческих кружков и объединений к властям с тем, чтобы они ужесточили правила приема в высшую школу. У немецкой высшей школы в союзниках находилась полиция, которая брала на учет всех студентов, которые были признаны в России «неблагонадежными», а некоторым просто не разрешали получать высшее образование в Германии. В германский вуз могли гарантированно поступить лишь выпускники классической школы. При этом даже они не во всех случаях имели право сдавать выпускные экзамены, чтобы не составлять конкуренции для немецких специалистов на внутреннем и внешнем рынках труда. От этого здесь многие в унынии, собираются переводиться в Россию». Кроме того, при поступлении необходимо было предъявлять справку о благонадежности студента. По словам Н.М. Щапова, администрация, например, Дармштадского политехникума относилась к российско-подданным студентам, которых было примерно 400 человек из 2 тыс., крайне недоброжелательно, что даже выразилось в повышении платы за обучение почти на 50 %[21].

С каждым годом притеснения русских студентов фактически во всех европейских странах так или иначе возрастали.

Прием абитуриентов из России ограничивался, стоимость обучения и проживания за рубежом росла, увеличивался полицейский надзор за участием студентов в общественной жизни. В заграничной прессе ясно звучали антирусские настроения.

Опасения полицейских органов были небезосновательны. Российское студенчество за рубежом принимало активное участие в общественно-политической жизни, создании библиотек-читален, кружков, различного рода союзов взаимопомощи. Например, в Германии в мае 1907 г. была учреждена русская читальня, просуществовавшая одиннадцать лет и превратившаяся постепенно в клуб для русских студентов. Позднее при ней зародилась касса взаимопомощи российско-подданных учащихся.

Немало студентов и студенток из России обучалось во Франции. Говоря о женском образовании за рубежом, А. Бродская (Скадовская), супруга известного скрипача А.Д. Бродского, обучавшаяся в свое время вместе с сестрой во Франции, отмечала: «…В шестидесятые годы, среди русских женщин началось движение за независимость и получение высшего образования. Не имея возможности осуществить это в своей стране, они уезжают за границу и вскоре заполнили многие университеты Швейцарии… По прошествии десяти лет русские женщины стали поступать в парижский университет. Там они, однако, встречались с большими трудностями. Не все профессора поддерживали женщин-студентов, многие игнорировали их на лекциях, особенно по медицине. Когда женщина появлялась в аудитории, раздавалось шипение, когда она уходила – аплодисменты. Но самые настойчивые вынесли эти и многие другие проявления враждебности и неодобрения, своей серьезной работой победив подобные предрассудки и предубеждения»[22]. Всего с 1890 по 1917 гг. в одном только Париже обучались более 1,5 тыс. студенток из России[23].

Приехавшие во Францию на учебу сестры Скадовские обосновались в известном Латинском квартале, где жили все студенты и где впервые им пришлось познать лишения и даже бедность. Но, вместе с тем, уже спустя месяц прилежные студентки достигли успехов в естествознании, химии, в качественном анализе почв, изучении камней, минералов, проводя целые дни в лабораториях, кроме времени, отводимого на лекции и на еду. «В мире нет более приспособленного места

для учебы, – заключала А. Бродская (Скадовская), – чем Париж. Сорбонна, Коллеж Франции, Ботанический сад – все эти и другие учреждения дают людям разных возрастов и социальных классов богатые возможности для выбора. Многие лекции доступны всем желающим, на посещение других требуется разрешение, которое, однако, легко предоставляется. За три года, которые мы провели в Париже, нам посчастливилось слушать таких прославленных ученых, как Сен Клэр де Вилль, Клод Бернар, великий химик Вурц и многих других. И на всё это мы не потратили ни единого франка! Мы платили лишь тридцать франков ежемесячно за практическую работу по химии в муниципальной лаборатории. Лучшие библиотеки и музеи были в нашем полном распоряжении, поэтому неудивительно, что мы всё время были поглощены лекциями и занятиями»[24].

Согласно межправительственным русско-французским соглашениям, заключенным в 1896 г. во время пребывания во Франции императора Николая II, французское Министерство высшего образования допускало в высшие учебные заведения страны выпускников русских гимназий при условии представления ими аттестата о среднем образовании с полным перечнем прослушанных курсов и оценок за них. В Министерство необходимо было представить нотариально заверенный перевод аттестата. Но, как отмечает Д.А. Гутнов, лишь относительно небольшая часть россиян, прибывавших во Францию, имела все основания без проблем перезачесть свой русский аттестат, не нарушая закона[25].

Многие студенты, будучи командированными с научной целью за границу плодотворно работали во французских архивах, библиотеках, участвовали в научных конгрессах и посещали лекции известных французских ученых. Всего в парижском университете Сорбонна, по данным А.Е. Иванова, обучалось 1,6 тыс. чел., в университете города Нанси – 450 чел. (на 1908 г.), Электротехническом институте г. Нанси – 49 чел. (в 1907 г.), в университетах Гренобля – 49 чел. (в 1907 г.), Лиона – 35 чел. (в 1913 г.)[26]. Русские студенты обучались также в университетах Лиля, Тура и Бордо. Д.А. Гутнов, ссылаясь на данные французской полиции, общее количество русских студентов в Париже, определяет цифрой 700 человек. Причину подобных расхождений в статистике исследователь объясняет тем, что полицейские отчеты оперируют цифрами легальных

студентов, но по разным причинам многие русские, действительно, учившиеся в высших учебных заведениях Франции или называвшие себя студентами, оставались не зарегистрированными официальными органами Франции[27].

Говоря об источниках существования русского студенчества во Франции, французские источники указывали на небольшие субсидии из России, от родителей или политических единомышленников; на доходы от переводов, литературной деятельности, посредничества от перепродажи книг, уроков французского языка соотечественникам и др.

Между тем статус студента позволял эмигрантам во Франции получать ряд социальных преимуществ, в частности, право проживания во французской столице, право на бесплатную койку в общежитии в течение зимних месяцев, бесплатные обеды в студенческих столовых и проч. В числе именовавших себя студентами были и те, кто, не являясь учащимся, посещал публичные лекции в высших учебных заведениях или же покупал входные билеты на занятия тех или иных профессоров.

Обучавшиеся во Франции студенты образовали Русское студенческое общество в Париже, которое существовало на небольшие членские взносы в 50 сантимов. Члены общества имели право на получение материальной помощи и ссуды. Кроме того, представители Русского студенческого сообщества создали на кооперативных началах собственную студенческую столовую, в которой «ежедневно столовалось до 250 человек»[28]. Обществом организовывались также поэтические и музыкальные вечера.

Особую роль играли за рубежом представители русской научной элиты, для которых центром европейской науки и культуры оставался Париж. Именно сюда, в первую очередь, стремились ученые из России. В 1840 г. в Латинском квартале жил «дедушка русской химии», Кавалер ордена Почетного легиона Франции Н.Н. Зинин. Ученый-химик А.М. Бутлеров в Париже проводил опыты и исследования в лаборатории известного химика Вюрца, благодаря которым в 1858 г. ему удалось получить новое химическое соединение – йодистый метилен, который стал источником многих научных открытий. Всего более двадцати выходцев из России в разные годы проводили исследования и ставили опыты в лаборатории Вюрца. В 1864 г. здесь работал Н.А. Меншуткин, которого впоследствии называли

одним из основателей химической кинетики. К.А. Тимирязев, как и Меншуткин, исключенный за участие в студенческих волнениях 1861 г. из Петербургского университета, продолжил учебу за границей лишь в качестве вольнослушателя. В 1868 г. он находился в Германии и во Франции, где приобретал опыт в лабораториях известных ученых. Статьи русского ботаника и физиолога активно публиковались в те годы во Франции.

На рубеже XIX–XX вв. научную элиту Франции пополнили представители российской профессуры, оказавшиеся в эмиграции по политическим причинам. В их числе, биолог И.И. Мечников; историк и правовед М.М. Ковалевский, правовед Ю.С. Гамбаров, историк-медиевист П.Г. Виноградов, этнограф и востоковед Н.В. Ханыков, географ М.И. Венюков, философ-позитивист Г.Н. Вырубов.

«Выбирая изгнание, – пишет Г.И. Любина, – многие выбирали для себя возможность плодотворных исследований, и для них эмигрантский период стал наиболее продуктивной порой творчества»[29].

Долгие годы после возвращения в 1863 г. из экспедиции по Малой Азии в Париже жил и работал географ, геолог и путешественник П.А. Чихачев, который путешествовал по Франции, Италии, Алжиру, Тунису, Алтаю и Северному Китаю и составил многочисленные географические и геологические карты и научное описание этих регионов, собрал археологические, ботанические, зоологические и палеонтологические коллекции. Начиная с 1845 г., почти все труды П.А. Чихачева были опубликованы в Париже. Его избрали в Парижскую академию наук, он стал членом Института Франции, сообщества пяти французских академий. Лишь немногие иностранцы удостаивались такой чести. В «благодарность Парижу» Чихачев завещал после своей смерти передать собранные им на протяжении многих лет научные коллекции Парижской Академии наук. На собственные деньги он учредил также премию Парижской Академии наук за лучшие исследования Азии[30].

В Париже неоднократно находился в командировках известный механик и математик П.Л. Чебышев, который выступал здесь с докладами на сессиях Парижской Академии наук, обменивался научными достижениями и мнениями с известными французскими математиками. В 1885 г. президент Франции Жюль Греви вручил ему офицерский орден Почетного легиона,

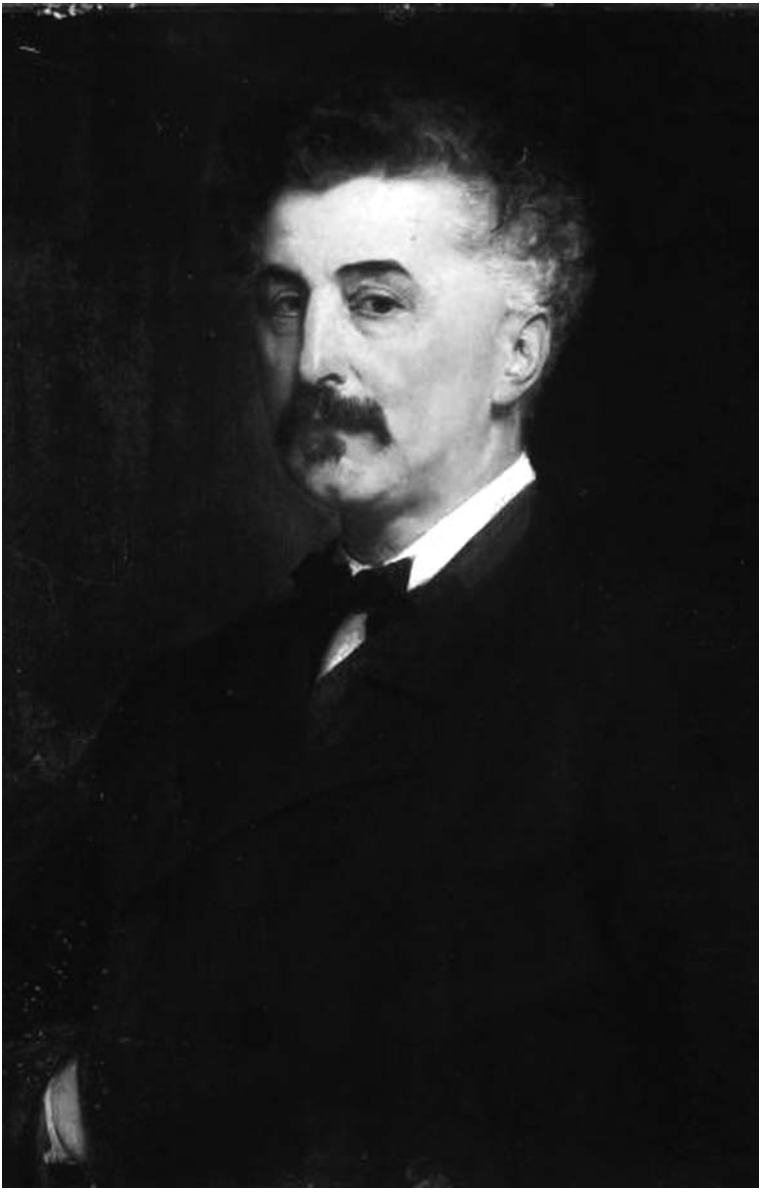
а пять лет спустя Чебышев был удостоен Командорского Креста этого ордена[31].

В 80-х годах XIX в. выходцы из России начали прибывать в Париж на учебу и на практику к Луи Пастеру, одному из основоположников медицинской иммунологии и микробиологии, который в то время приступил к исследованиям возбудителей заразных болезней людей и животных и к разработке методов борьбы с опасными инфекционными заболеваниями, предложив метод прививок против инфекционных заболеваний. Спустя шесть лет Пастер сумел доказать, что профилактическая вакцинация помогает и против бешенства. В 1886 г. во французскую столицу Париж приехал Н.Ф. Гамалея – молодой выпускник Петербургской Военно-медицинской академии, проработавший несколько месяцев у Пастера, где он изучал прививки против бешенства и методику их применения. По возвращении в Россию Н. Гамалея вместе с Я. Бардахом и И. Мечниковым, также обучавшимися в Париже у Пастера, стали инициаторами создания бактериологических станций, где впервые в стране стали делать прививки от бешенства.

Российские подданные внесли свой вклад в строительство Пастеровского институт, который был открыт в ноябре 1888 г. (первым его директором стал сам Луи Пастер). В первые годы после основания института в нем работали микробиолог С.Н. Виноградский, хирург Н.В. Склифосовский. И.И. Мечников, некоторое время возглавлявший институтскую лабораторию, после смерти Пастера остался работать в его институте и был назначен заместителем директора. До этого он стажировался в Германии, проводил исследования и опыты в Италии, изучал опасные микробы – возбудители чумы, холеры, столбняка и другие, знакомился с трудами по иммунологии. В эти годы он стал автором теории происхождения многоклеточных организмов.

В двадцать два года Мечников вместе с А.О. Ковалевским были удостоены престижной научной премии имени Карла Бэра. Молодые исследователи стали основоположниками новой отрасли биологии – сравнительной эволюционной эмбриологии. Работая во Франции, Мечников становится также создателем новой науки – геронтологии.

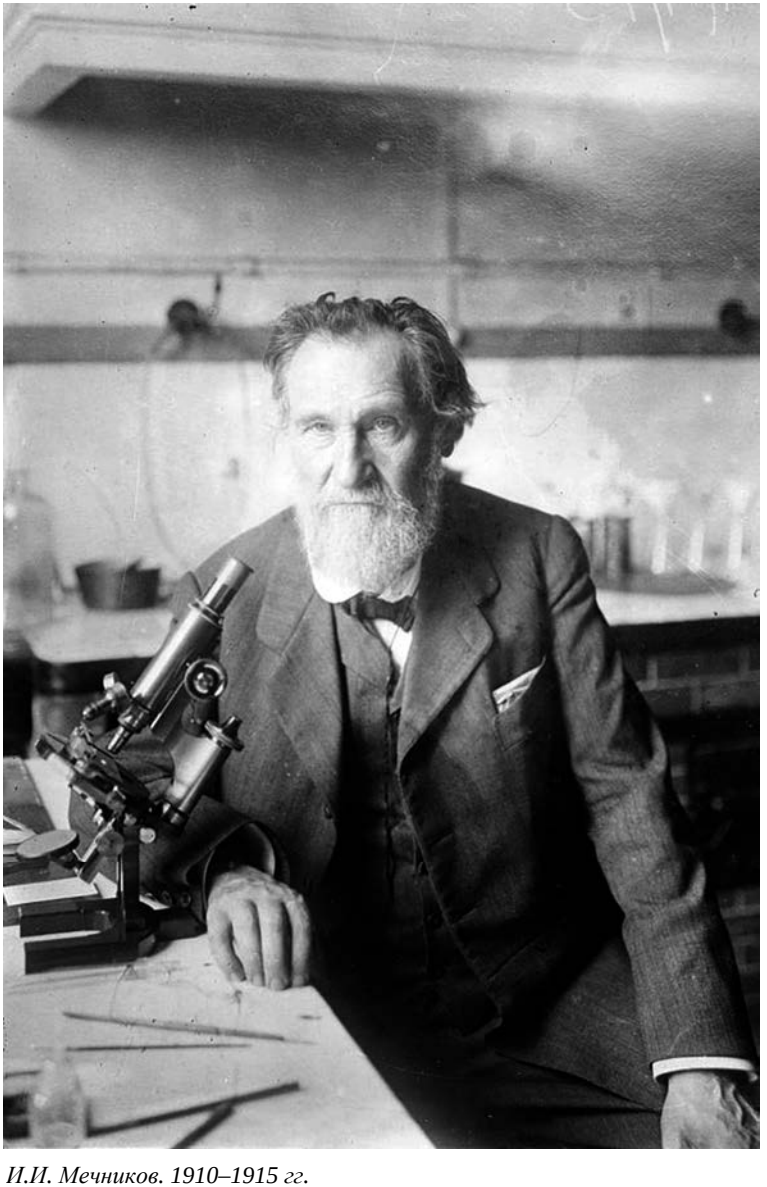
В 1908 г. И.И. Мечникову была присуждена Нобелевская премия. К этому времени он уже навсегда покинул Россию,



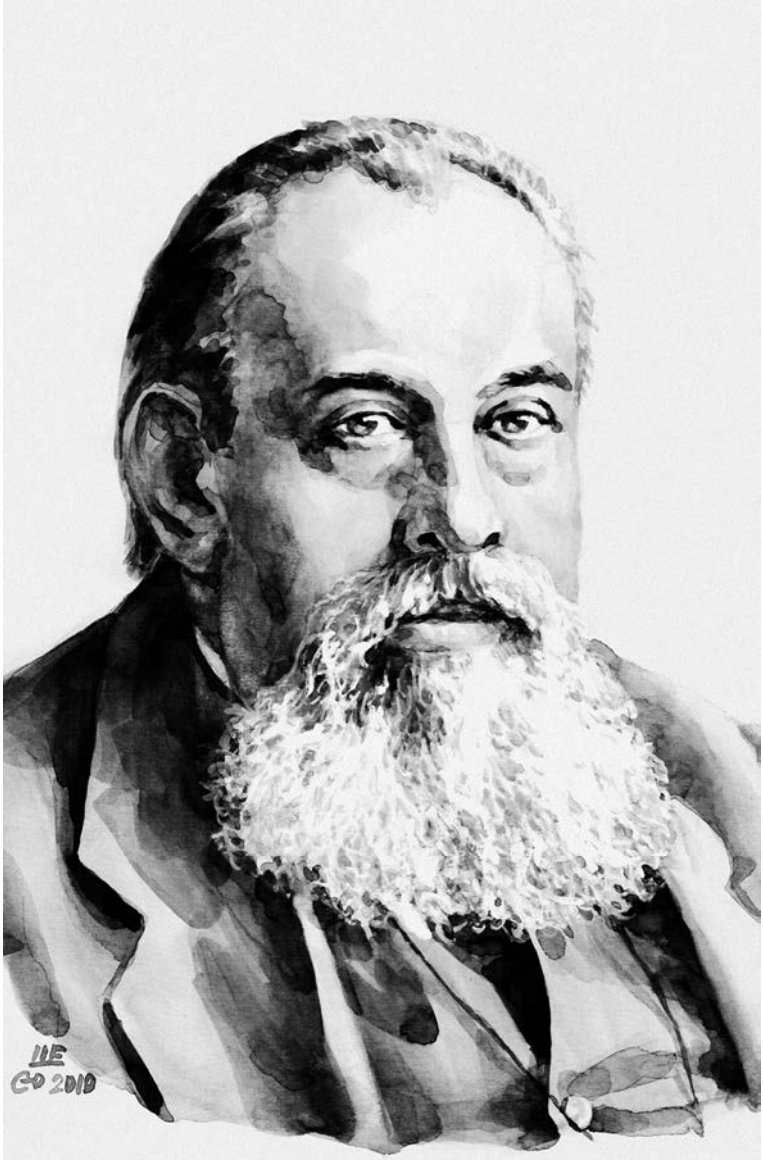
Бодри Поль Жак Эме. Портрет П.А. Чихачева

хотя связь ученого с родиной не прерывалась. Он переписывался и обменивался новыми научными разработками с Д. Менделеевым, К. Тимирязевым, И. Павловым, И. Сеченовым, а за 28 лет работы в институте Пастера под его руководством прошли обучение и практику более тысячи ученых и медиков из России. В частности, в 1889–1893 гг. под руководством И.И. Мечникова в Пастеровском институте работал врач-микробиолог В.А. Хавкин, являвшийся до этого приват-доцентом Женевского университета в Швейцарии. В 1893 г. по просьбе правительства Великобритании ученый выехал в Индию для борьбы с холерой, где основал Бактериологический институт в Бомбее, ныне носящий его имя. После 1915 г. В.А. Хавкин продолжил свою работу в Париже. В результате его исследований впервые были получены косвенные доказательства инфекционной природы холеры. В 1892 г. ученый предложил пользоваться убитой противохолерной вакциной, испытал ее на себе и затем применял в Индии. Выдающимся достижением мировой науки стала созданная российским ученым в 1896 г. вакцина против чумы[32].

Во Франции активно издавались научные работы ученых из России. Особо почетным для русского академического сообществ считалось участие в «трудах» Парижской Академии наук, а «напечатание одного-двух мемуаров в “Отчетах о заседаниях” этой академии», как писал проживавший с 1881 г. в столице Франции М.П. Венюков, считалось «чем-то в роде диплома на название почетного гражданина в ученой республике»[33]. В первом ряду ученых журналов Франции находился в те годы «Comptes rendus». «Из иностранцев русские едва ли не самые усердные вкладчики в этот французский журнал», – отмечал М.П. Венюков. Это объяснялось тем, что, с одной стороны, в те годы многие из них жили и работали в Париже, «как городе, представляющем все удобства для ученых трудов»; «другие, и большинство, хоть и живут дома в России, но не имеют средств рекламироваться в домашних изданиях, которых, начиная с публикаций с. – петербургской академии наук, никто заграницею не читает»[34]. Большинство русских ученых помещали свои труды в изданиях местных ученых обществ на русском языке или в двух-трех ученых журналах, издаваемых в Германии и опять-таки в Париже. Известно, что в Париже была предпринята попытка печатать по-французски



И.И. Мечников. 1910–1915 гг.



М.М. Ковалевский

особый журнал, составленный из трудов исключительно русских или, точнее, славянских ученых – «Славянский архив биологии». Вышло несколько его номеров, которые сочувственно были встречены.

За восемь лет, с 1881–1888 гг., Парижская академия наук поместила в своих «Comptes rendus» 103 мемуара русских ученых, принадлежавших 50 авторам. Наиболее активно издавали свои труды химик, имевший лабораторию в Париже, Лучинин, физики Венюков и Столетов, математик Максимович, ботаник 'Тимирязев и многие другие. Самой любимой у русских наукой, заключал Венюков, оказывалась «химия и в частности термохимия; за ней следует география и, в частности, физическая, т. е. земная физика»[35]. Многие русские ученые представляли свои труды Парижской академии наук в виде книг или карт либо входили в ученую переписку с ее членами. По выражению одного из французских историков, «русская научная община представляла собой довольно заметное явление в интеллектуальной жизни французской столицы 19 в.»[36].

Важную роль в русском научном сообществе за рубежом и во Франции, в частности, играл М.М. Ковалевский, где он вместе с Г.Н. Вырубовым и Е.В. де Роберти выступил в числе учредителей и активных участников Общества социологии в Париже. Ковалевский вошел также в состав Института Франции в качестве члена Академии нравственных и политических наук, был одним из учредителей Международного института социологии в Париже и Нового университета в Брюсселе[37].

В 1901 г. по инициативе М.М. Ковалевского и Ю.С. Гамбарова в Париже была открыта Русская высшая школа общественных наук, просуществовавшая до 1906 г. и представлявшая собой особый вид учебных заведений, которые называли «вольными» или «свободными» школами общественных наук. Это было общедоступное, малобюджетное учебное заведение, не ограниченное никакими сословными рамками и для которого была характерна максимальная свобода преподавания. Президентом школы стал И.И. Мечников, вице-президентами – Е. В. де Роберти и М.М. Ковалевский. Срок обучения в ней равнялся двум-трем годам; плата составляла – 30 франков в год. При этом в Русской школе неимущие имели право на бесплатное образование, а посетители отдельных лекций платили по 30 сантимов в год.

Бюджет школы складывался как из личных пожертвований, так из платы за конференции известных русских и зарубежных ученых, студентов и вольнослушателей, взносов профессоров школы и проч. Так, слушательница из Москвы после одной из лекций Ковалевского вручила ему чек в 30 тыс. франков; еще 1 тыс. франков была послана из Канн. Лет на шесть существование школы таким образом было обеспечено. В самом начале деятельности Школы М.М. Ковалевский в письмах А.И. Чупрову [не ранее 14 ноября 1901 - не позднее 12 декабря 1901 г.] отмечал, что их «дела идут отлично», «записалось постоянных посетителей двести человек»; «в их числе, приехавшие за, двумя-тремя исключениями, люди, не лишенные средств, исключенные студенты, люди, ранее выехавшие в Европу (Германию или Бельгию), не допущенные в университет евреи и еврейки, земские статистики, приехавшие пополнить свое образование, человек пятьдесят из них москвичи; остальные из всевозможных районов России, начиная с Владивостока»[38]. Контингент обучавшихся в Школе был представлен студентами, а также «сторонними посетителями», численно которых было больше чем собственно студентов, и, наконец, вольнослушателями (при этом более половины состава было представлено женщинами).

Лекции в Школе читались представителями русской профессуры, лицами «свободных профессий» (литераторами, журналистами, адвокатами и проч.), приглашенными иностранными преподавателями. Однако в профессорах чувствовался недостаток. В результате, как признавал М.М. Ковалевский, ему лично приходилось читать целых шесть лекций по таким разнообразным материалам, как история политических учений в древности, экономических учений в средние века, в эпоху Возрождения, социологических учений в конце прошлого столетия. Он занимался также подготовкой лекций по древнему русскому и английскому государственному праву[39].

Большой удельный вес в программе школы занимали курсы правового и экономического характера, но вместе с тем, как отмечалось, мало было обобщающих курсов, все больше были «отдельные уроки и лекции, совершенно между собой не связанные».

Школа предоставляла также трибуну для выступления членов различных политических организаций, выступавших с пропаган-

дой воззрений своих организаций и движений, как, например, это было с лекциями П. Струве, В. Чернова, В. Ленина. Среди слушателей школы были будущие большевики – Л.Д. Троцкий, Ф.А. Сергеев (Артем), В.Д. Бонч-Бруевич, Л.Б. Каменев и др. Давая оценку лекциям, в частности, Ленина, Л. Троцкий писал: «Будучи насквозь полемическими – против народников и аграрного социал-реформиста Давида, которых Ленин сопоставлял и сближал, – лекции оставались все же в рамках экономической теории, не затрагивая текущей политической борьбы, аграрной программы социал-демократии, социал-революционеров и пр. Такого рода ограничение лектор на себя наложил, считаясь с академическим характером кафедры»[40]. В период Первой русской революции политические страсти накалились как внутри русской колонии в Париже, так и среди слушателей школы, которая все больше превращалась в эмигрантский дискуссионный политический клуб, далекий от академизма.

Ковалевский приводил такой случай из своей практики, когда студенты школы попросили его прочесть им лекцию о русских событиях, а затем потребовали от него отчета, как он смеет не быть республиканцем в России. Лекция закончилась аплодисментами и свистками, а затем были получены угрожающие письма от каких-то социалистов-самозванцев. В результате Ковалевский прекратил чтение лекций, и школа была закрыта на какое-то время. Как бы в подтверждение поступков ученого, Боборыкин писал о М.М. Ковалевском: «Нигде за границей он не отдавался никакой пропаганде революционера или вообще политического агитатора: это стояло бы в слишком резком противоречии со всем складом его личности»[41].

К 1906 г. Русская высшая школа в Париже прекратила свое существование.

Активно развивались в рассматриваемый период связи представителей научный элиты России с другими странами Европы, в частности, с Германией, Италией, Англией, особенно, когда в середине XIX в. соответствующими указами для университетов была установлена возможность командировок сюда лучших выпускников «для приобщения к научной и профессорской деятельности». В частности, в 60–80-е годы XIX в. специализация в немецких физиологических лабораториях стала закономерностью для широкого круга выпускников медицинских, ветеринарных и биологических факультетов российских высших учебных заведений.

В Германии, на медицинском факультете в университете Мюнхена, а затем в Берлинском университете и на естественном отделении физико-математического факультета Гейдельбергского университета, обучался будущий ученый С.С. Чахотин. Располагавшаяся здесь лаборатория известного немецкого зоолога и паразитолога проф. Рудольфа Лейкарта служила некоторое время центром притяжения для молодых русских зоологов, включая И.И. Мечникова, посещавшего в конце 1859 г. занятия в Гейдельбергском университете. В начале 1902 г. в университете у профессора О. Бючли работал Н.К. Кольцов, который одновременно проводил цикл исследований по цитологии (организация клетки) на станциях Виллафранке (1902) и в Неаполе (1903).

Повышенный интерес в 50–80-е гг. XIX в. к физиологии в России при отсутствии необходимых условий там для работы побудил ученых использовать такие возможности в Германии. Так возникло два «русла» отечественной физиологии: одно составили работы, выполненные в России; другое было представлено трудами, подготовленными у немецких физиологов, где, по данным С.А. Чесноковой, специализировалось не менее 100 ученых из России, из них около 80 принимали участие в деятельности ведущих немецких физиологических научных школ К. Людвига в Лейпциге и Э. Дюбуа Реймона, Г. Гельмгольца, Р. Гейденгайна – в Берлине[42].

Наиболее выдающейся была школа К. Людвига, создавшего в Лейпциге институт физиологии, в лабораториях которого трудилось не менее 50 ученых из России (в т. ч. И.М. Сеченов, Ф.В. Овсянников, И.Ф. Цион, А.А. Шмидт, И.М. Догель, К.Н. Устимович и др.). Результаты их экспериментальных работ внесли важный научный вклад в исследования лабораторий Людвига и в развитие мировой физиологии.

К Дюбуа Реймону, создавшему на базе кафедры физиологии Берлинского университета физиологический институт (1877), также приезжало немало молодых специалистов, которых привлекала новая ветвь физиологии (не менее 18 из них были выходцами из России). Одним из наиболее ярких достижений наших соотечественников в период работы у Дюбуа Реймона считаются успешные исследования, проведенные Н.Е. Введенским, которые положили начало того прогресса в изучении физиологии возбудимых тканей, который в даль-

нейшем наряду с Введенским был связан с деятельностью А.А. Ухтомского, Б.Ф. Вериго и др.[43]

Огромный авторитет Г. Гельмгольца, разрабатывавшего вопросы физиологии нервов и мышц, зрения, слуха, также привлекал научную молодежь, стремившуюся работать под его руководством. В частности, в лабораториях Гельмгольца специализировалось не менее 25 физиологов, физиков и врачей из России. Примечательны в этой связи выполненные здесь работы И.М. Сеченова, впервые показавшего флюоресценцию хрусталика, и Н.И. Бакста, первым измерившего скорость проведения возбуждения по нерву у человека.

Эффективность научных контактов русских ученых в составе германских научных школ была высокой. Ведущие физиологи России приезжали в Германию реализовать собственные научные идеи. Существенный вклад ученых России в ходе работ в немецких физиологических лабораториях был внесен в исследование кровообращения и пищеварения (Ф.В. Овсянников, И.Ф. Цион, И.П. Павлов, И.М. Догель, Н.О. Бернштейн, С.А. Подолинский, М.И. Афанасьев). Успешно изучались вопросы физиологии крови (И.М. Сеченов, А.А. Шмитт), дыхания (Н.О. Ковалевский, П.П. Эйнбродт). К концу XIX в., благодаря работам Н.Е. Введенского и его школы, русские ученые заняли ведущее место в изучении физиологии возбудимых тканей. Они активно использовали приобретенный в немецких лабораториях опыт, привозили из Германии необходимые приборы для продолжения работ на родине.

Важную научную базу для практических опытов и исследований российских ученых представляла собой Неаполитанская Зоологическая Станция, основанная в 1872 г. ученым-зоологом А. Дорном. Среди работавших на станции ученых было много ведущих специалистов в самых разнообразных областях биологии, в том числе девять Нобелевских лауреатов. Среди побывавших на станции было более полутора сотен русских ученых. Как пишет С.И. Фокин, это была одна из крупнейших иностранных диаспор на станции. При этом хорошее отношении к русским объяснялось среди прочего и русским родством основателя станции А. Дорна (его жена была урожденной Барановской, дочерью бывшего саратовского губернатора, а один из четырех сыновей – Р. Дорн, продолживший дело отца на станции после его смерти, также женился на русской Т. Живаго)[44].

С.С. Чахотин с сыном Петром. 1961 г.

После того, как в конце 1873 г. по инициативе академика К. Бэра и ректора Санкт-Петербургского университета К.Ф. Кесслера, Государственным Советом был положительно решен вопрос о найме первого рабочего стола для русских биологов на Зоологической Станции Дорна в Неаполе, начиная с 1874 г., на это стали выделяться государственные деньги. С 1875 г. Россия стала арендовать на Станции уже два рабочих стола, плата за каждый из которых производилась из средств Министерства народного образования в размере 560 рублей. Очевидно, как пишет С.И. Фокин, что некоторая «переплата» первых лет позволила Дорну впоследствии идти навстречу русским зоологам, приезжавшим без финансовой поддержки правительства. С 1904 г. число русских столов было увеличено до 42.

При этом некоторые (в их числе такие известные ученые, как А.А. Коротнев, В.Т. Шевяков, Н.К. Кольцов, В.Д. Зеленский) посещали станцию по несколько раз. Всего, по данным С.И. Фокина, с 1874 по 1932 гг. наши соотечественники работали в Неаполе свыше 250 раз, занимаясь при этом эмбриологическими и сравнительно-анатомическими исследованиями[45]. Русские ученые еще некоторое время при новом, большевистском режиме, вплоть до конца 1920-х гг., продолжали посещать и вести свои научные изыскания на Станции.

Последним русским, занимавшимся исследованиями на Неаполитанской станции в начале 1930-х гг., был С.С. Чахотин – к тому времени известный русский биолог, один из основоположников современной экспериментальной цитологии и микрохирургии клетки, ученик академика И.П. Павлова. Однако ученый приехал туда уже не из России, а из немецкого Гейдельберга по окончании университета. При этом он оказался на Сицилии, в Мессине, где во время случившегося там землетрясения провел заживо погребенным под обломками полностью разрушенного дома 12 часов. Эта полная трагизма история нашла отражение в автобиографическом рассказе С.С. Чахотина «Под развалинами Мессины. Рассказ заживо погребенного в землетрясении 1908 года»[46].

Заметный след в науке оставили также российские ученые-гуманитарии. В декабре 1901 г., после отставки с должности профессора всеобщей истории Московского университета, за рубежом оказался известный российский историк П.Г. Виноградов. В 1903 г. он возглавил кафедру правоведения в Корпус Кристи (колледж Оксфордского университета) и тайным голосованием был избран профессором этой кафедры. Новинкой для колледжа Корпус Кристи было введение приехавшим из России профессором системы семинарских занятий. Большой опыт, приобретенный Виноградовым в молодые годы в качестве участника семинаров в Германии, а затем обогащенный в России уже в качестве преподавателя, обеспечил успех его начинания в Оксфорде. В 1907 г. Виноградов впервые ездил в США для чтения лекций в Гарварде, Медисоне, в Колумбийском университете. В Висконсине Виноградов пишет очерк «Итоги XIX века», опубликованный в качестве приложения к восьмому тому «Истории XIX века» Э. Лависа и А.Н. Рамбо. После поездки в США П.Г. Виноградов принял предложения своих коллег вернуться в Московский университет, что во многом объяснялось изменением ситуации на родине, когда в конце 1907 г. в университетах «увлечение политической борьбой и беспокойство, при которых невозможны были исследовательские занятия, прекратились, и наступила пора серьезной академической работы» [47]. При этом ученым было принято решение не оставлять кафедры в Оксфордском университете. Там он преподавал два семестра, а третий, дополнительный семестр в 1908–1911 гг., он посвящал московским студентам

в качестве сверхштатного профессора. Членом Британской и Российской Академий наук был историк-медиевист П.Г. Виноградов. В 1918 г. он принял британское подданство; после чего был посвящен в рыцарство и получил звание сэра.

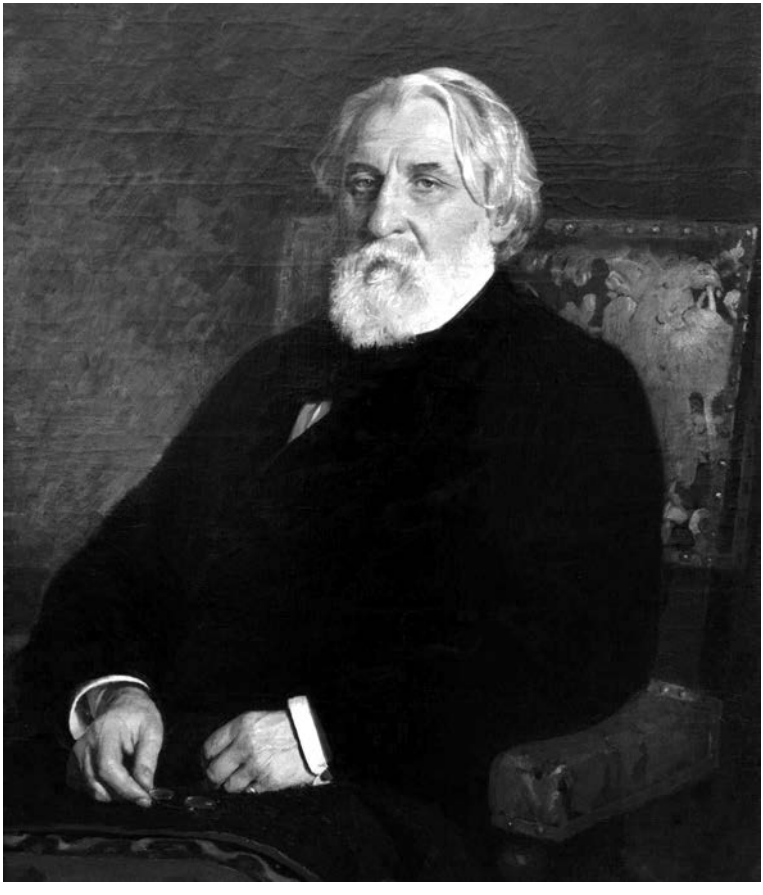
Другой известный историк Е.Ф. Шмурло, преподававший в Петербургском университете и занимавшийся исследованием истории русско-итальянских отношений, несколько раз приезжал в Италию для работы в архиве Ватикана. С сентября 1903 г. Шмурло становится ученым-корреспондентом историко-филологического отделения Российской академии наук при ватиканском архиве (переизбирался в 1908 и 1913 гг.) и до 1924 г. проживает в Риме, после чего перебрался в Прагу, где основал Русское историческое общество.

Признанием вклада русских ученых в мировую науку стало присуждение им в конце XIX – начале XX в. почетных званий в университете Кембриджа. В числе награжденных были биологи И. Мечников и А. Ковалевский, химик Д. Менделеев (1899), историк П. Виноградов, биолог К. Тимирязев (1909), физиолог И. Павлов (1912). В 1916 г. сразу трое известных русских ученых – историки А. Лаппо-Данилевский и П.Н. Милюков, экономист П.Б. Струве – получили почетные степени в Кембридже. В этом смысле русское академическое зарубежье выступало важным агентным ресурсом России, потенциал которого оказал заметное влияние на зарубежную науку и восприятие России в целом в мире.

Транскультурные диалоги Русского мира

Русский язык и русскоязычная культура за рубежом вместе с исторической памятью, с одной стороны, объединяли и конструировали Русский мир в различных странах Европы, Америки, Азии, с другой, – содействовали включенности диаспор в процесс межкультурного взаимодействия, в рамках которого устанавливался диалог разных «иных» культур при сохранении их права на «непрозрачность»[48].

Центром русского культурного дореволюционного зарубежья по праву считался Париж. Здесь, как писал в своих воспоминаниях М.Н. Семенов, проживали и богатые русские, как



И.Е. Репин. Портрет И.С. Тургенева. Париж. 1874 г.

старого типа – «прожигатели жизни», так и коллекционеры, меценаты, люди искусства. После ухода в отставку в мае 1845 г. за границу выезжает И.С. Тургенев, который с начала 1847 по июнь 1850 гг. живет в Германии и Франции, где становится свидетелем французской революции 1848 г., опекает больного Белинского во время его путешествия; тесно общается с П.В. Анненковым, А.И. Герценом, знакомится с Ж. Санд, П. Мериме и др. С июля 1956 г. Тургенев вновь часто бывает

за границей: в Париже, Англии, Германии. Во время своих поездок он пишет повести «Петушков», «Дневник лишнего человека», «Поездка в Полесье», «Ася». Еще в ноябре 1843 г. Тургенев знакомится с певицей Полиной Виардо (Виардо-Гарсия), любовь к которой во многом определила «внешнее течение его жизни». С 1863 г. до 1871 гг. они живут в Бадене, затем (по окончании франко-прусской войны) – в Париже, где Тургенев знакомится с Г. Флобером, Э. и Ж. Гонкурами, А. Доде, Э. Золя, Г. де Мопассаном и тем самым принимает на себя функцию посредника между русской и западной литературами. В 1878 г. на международном литературном конгрессе в Париже писатель был избран вице-президентом; в 1879 г. он становится почетным доктором Оксфордского университета. Одновременно Тургенев не прерывает контактов с русскими революционерами (П.Л. Лавровым, Г.А. Лопатиным), постоянно оказывая материальную поддержку эмигрантам[49].

В Париже в те годы жили также историк искусств В. Голубев, собиратель пушкинских рукописей и реликвий А.Ф. Онегин, историк К. Валишевский, являвшийся одновременно сотрудником петербургского «Нового времени»; один из сыновей московского коллекционера Щукина и его брат И.И. Щукин – также любитель искусств, который имел хорошую русскую библиотеку, собирал картины, преимущественно старой испанской школы. Он также сотрудничал в петербургском «Новом времени» под псевдонимом Jean Broche и в журнале «Весы»[50].

Неотъемлемой культурной частью русского Парижа являлся район Монмартра, где располагались многочисленные кафе, питейные заведения, мастерские художников. Здесь собирались поэты, музыканты, актеры, журналисты, среди которых всегда можно было встретить и выходцев из России. В 1876 г. в районе Монмартра снимал квартиру и имел свою мастерскую Илья Репин, который создал в ней портрет Тургенева, картину «Садко» и другие. В 1897 г. здесь проживал художник В. Борисов-Мусатов. Целый год в своем ателье на Монмартре работал и брал уроки у знаменитого педагога Фернана Кормона, Николай Рерих. Здесь он увлекся историческими сюжетами, не без влияния французских художников, в частности, автора стилизованных росписей на темы истории Пьера Пюви де Шаванна. В 1900 г. на парижскую всемирную выставку

Н. Рерих передал свою картину «Сходятся старцы». В 1908–1910 гг. он – постоянный участник выставок во Франции, Италии, Англии, Германии Голландии, Бельгии.

В 1906 г. Рерих был приглашен С. Дягилевым на выставку русской живописи в Париже, после которой он был избран членом парижского «Осеннего салона» и награжден орденом Почетного легиона, что явилось выражением глубокого интереса французов к творчеству художника, связанного с древнеславянскими и «истинно русскими темами». Также восторженно парижской публикой были приняты выполненные Рерихом декорации к «Половецким пляскам» (на музыку оперы Бородина «Князь Игорь»), поставленным М. Фокиным для первого балетного сезона Дягилева 1909 г. Он участвовал также в оформлении декораций для постановок в Париже оперы Н.А. Римского-Корсакова «Снегурочка» и балета И.Ф. Стравинского «Весна Священная». Вскоре Рерихи через теософию Елены Блаватской, которая к тому времени перенесла штабквартиру своего Теософического общества в Индию, увлеклись Индией и индийской философией (сюда семья Н. Рериха переедет в 1923 г.)[51].

На Монмартре в разные годы бывали Ф. Достоевский, А. Чехов, О. Мандельштам, П. Струве, С. Булгаков, а также Анна Павлова, Федор Шаляпин и др. На вечеринках монмартрской богемы можно было встретить Н. Гумилева, А. Ахматову, Вс. Иванова, М. Волошина и многих других. В доме № 13 на площади Эмиля Гудо (который называли «Плавающей прачечной») бывали К. Коровин, М. Шагал, З. Серебрякова, К. Сомов.

В Париже в те годы обучались живописи другие известные художники-символисты – М. Добужинский, И. Грабарь, Борис Анреп. Последний, обучаясь в академии Жюлиана в Париже, одновременно с занятиями живописью увлекся мозаикой (и даже работал на парижской фабрике Эбеля по изготовлению мозаики). В 1911 г. он переехал в Шотландию, где учился в Эдинбургском колледже искусств, а затем перебрался в Лондон. Здесь Б. Анреп познакомился и завоевал симпатии знаменитых английских художников и литераторов, провел первую персональную выставку, после чего начал получать заказы на оформление вилл. В 1914 г. он получил заказ на фрески для Вестминстерского собора. После начала войны, в 1915 г., Анреп

М. Волошин. Париж. 1905 г.

работал в Лондоне в Русском правительственном комитете по снабжению русской армии[52]. Художник все это время периодически наезжал в Петербург, регулярно переписывался со своими знакомыми и друзьями.

Центром объединения русских деятелей искусства в те годы стала парижская мастерская художницы Елизаветы Сергеевны Кругликовой, у которой был прием по четвергам, когда собиралось разношерстное общество – русские и французы, знаменитые и мало известные люди. Кругликова была гостеприимной хозяйкой, часто устраивала костюмированные вечера с обильным угощением. Сама она – женщина уже немолодая, как пишет в своих воспоминаниях А. Биск, выступала в мужском костюме, что по тому времени считалось смелостью, сочиняла куплеты и пела их на парижский лад[53]. Вячеслав Иванов, побывавший у Е.С. Кругликовой в Париже, посвятил ей сонет «Латинский квартал». В числе гостей парижской мастерской Е.С. Кругликовой были Бальмонт, Минский, Волошин (учившийся в те годы на факультете изящных искусств Сорбонны), дочки Плехановых и др.[54]

Душой русского художественного сообщества в Париже в эти годы был Максимилиан Волошин, жизненной целью которого стало приобщение к достижениям художественной и интеллектуальной культуры Западной Европы. Ради этого он совершил первые свои путешествия в 1899–1900 гг. во Францию, Италию, Австро-Венгрию, Германию, Швейцарию, Грецию. Но особенно его притягивал Париж, в котором Волошин видел центр европейской и мировой культуры. Здесь он с перерывами живет с апреля 1901 по апрель 1916 гг. В промежутках поэт странствовал в пределах «Средиземноморского мира», наездами бывая в обеих российских столицах, с заездом в свой «дом поэта» в Коктебеле. В Париже Волошин женился на художнице Маргарите Васильевне Сабашниковой (представительнице известного рода предпринимателей). Оба они учились здесь живописи. Маргарита посещала академию Коларосси, училась у художника Люсьена Симона. Волошин слушал лекции в Сорбонне, изучал историю искусства. В те годы он был также вхож в популярный среди русских салон художницы Александры Васильевны Гольштейн (известный как «Русский артистический кружок на Монпарнасе»), у которой брал уроки рисования и гравюры и которая свела его со знаменитым художником-символистом Одилоном Редоном[55].

Неутомимую жажду познания мира демонстрировал в начале XX в. и поэт Николай Степанович Гумилев, который прибыв в Париж, очень скоро покинул Сорбонский университет с тем, чтобы посетить загадочные страны. Первая поездка Гумилева состоялась в 1907 г., в ходе которой он посетил Стамбул, Измир, Порт-Саид, Каир (при этом, не имея ни денег, ни отцовского благословения). В 1908 г. была очередная поездка в Африку, во время которой поэту удалось добраться до Египта, а в 1910 г. побывать в центре материка – Абиссинии. В 1913 г. по собственному почину Н. Гумилев организовал еще одну экспедицию в Абиссинию, впечатления от которой нашли свое отражение в «Африканском дневнике» поэта. В нем он отмечал, что Африка гостеприимна как для белых, так и для черных, но вместе с тем, замечал он, «она ждет именно гостей и никогда не признает их хозяевами»[56].

Говоря о представителях русского Парижа, Боборыкин в своих воспоминаниях называет еще одно имя – Н. Вырубова, русского дворянина, помещика, выпускника Московского университета, который издавал здесь философский журнал, занимался научной и писательской деятельностью, сделался видным деятелем в масонстве и умер в звании профессора College de France, где занимал кафедру истории наук. Н. Вырубов получил французское гражданство. Но незадолго до того, в турецкую войну, он приезжал, как пишет Боборыкин, в Россию, заведовал санитарным отрядом на Кавказе, за что получил орден Владимира, а во Франции еще раньше был награжден крестом Почетного легиона[57].

Среди известных деятелей русской культуры, проживавших в Париже в период с 1906–1914 гг., были Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский. Во Франции они стали организаторами «суббот» – вечеров для русских эмигрантов-писателей, которые посещали поэт Минский, «поселившийся здесь после бегства с “порук” от страха за две свои «мэонические надстройки» в газете Ленина в 1905 году», Бальмонт, «покинувший Россию после своего стихотворения “Кинжал”, за которое, как его пугали, его могли арестовать», а также А. Белый, Д. Философов и др. Д. Мережковский в тот период устраивал собрания, на которых молодежь смело обсуждала религиозно-философские вопросы, а сам Мережковский играл роль «учителя»[58].

З. Гиппиус, Д. Философов, Д. Мережковский.

4

З. Гиппиус признавала, что в эти парижские годы они много работали. При этом связь с Россией, с русскими газетами и журналами не только не прерывалась, а стала даже теснее. Книги Дмитрия Сергеевича и самой Зинаиды Гиппиус, старые и новые, продолжали там выходить и тотчас ими получались, уже не говоря о большом количестве писем, которые постоянно приходили по французскому адресу. «Было впечатление, – пишет З. Гиппиус, – что мы Россию и не покидали, и не потому, что мы были не эмигранты, могли в любой день сесть в Nord-Express и почти на следующий быть в Петербурге. Нет, связь с Россией тогда не терял никто из русских. Самые серьезные политические эмигранты помимо постоянной связи письменной и газетно-журнальной имели возможность поехать в Россию немедленно и благополучно вернуться. Даже Савинков в предвоенные годы был в России несколько раз, поездки же людей менее известных совершались постоянно на наших глазах…»[59].

Русская художественная элита имела в Париже свои творческие организации. В частности, Русский артистический кружок на Монпарнасе, созданный в 1903 г. и просущество-

вавший вплоть до 1908 г., занимался устройством выставок, концертов, лекций, вечеринок, что сплачивало русскую колонию и одновременно знакомило французское общество с русским искусством. Членами кружка являлись А.М. Аничкова, А.Н. Бенуа, М.А. Волошин, М.В. Сабашникова, А.К. Шервашидзе[60].

Русское благотворительное общество (РБО), возникшее под покровительством российского посольства, заботилось об оказании помощи проживавшим во Франции русским студентам, художникам, литераторам. В число жертвователей-основателей РБО входили высокопоставленные чиновники российских представительств во Франции, финансисты обеих стран, родственники и друзья И.С. Тургенева, ученые и деятели искусств. Денежные пожертвования поступали в том числе от императора Николая II и членов его семьи. Так, в июне 1911 г. русская художница Мария Ивановна Васильева получила пособие (в размере 200 франков) для открытия частного учебного заведения – Русской академии живописи в Париже (позднее – Русская академия Т.П. Сухотиной-Толстой), где брали уроки будущие известные живописцы и графики[61]. В 1910 г. она стала также одним из организаторов Русского литературно-художественного общества в Париже[62].

В феврале 1914 г. в столице Франции был создан профессиональный «Союз литературных работников из России, живущих за границей», целью которого являлась защита профессиональных интересов его членов и организация кассы взаимопомощи. Председателем правления был избран В.К. Агафонов, членами являлись Г.А. Алексинский, В. Анграский, Ю. Делевский, А.В. Луначарский, М.Д. Орехов, Ю.М. Стеклов, В.М. Чернов и др. Союз, просуществовавший до 1917 г., имел кассу взаимопомощи, издавал сборники статей, много времени уделял рассмотрению дел о нарушении профессиональной этики.

Одним из самых известных представителей русского мира искусств в Европе и прежде всего во Франции, стал в начале XX в. С.П. Дягилев – антрепренер, искусствовед, один из организаторов художественного объединения «Мир искусства», который посещал парижские аристократические салоны и вечера, был частым гостем в мастерских художников на Монмартре.

С.П. Дягилев. Начало XX в.

Первой значительной акцией Дягилева в Европе стала выставка русской живописи в парижском осеннем Салоне 1906 г., которая имела огромный успех. После этого выставка была перенесена в Берлин (где ее посетил Вильгельм II со своим семейством), в апреле 1907 г. – в Венецию. Выставка ознакомила Париж и другие европейские города с историей русского изобразительного искусства. Особое внимание Дягилев уделил группе своих художников из «Мира искусства», в числе которых были Бакст, Бенуа, Борисов-Мусатов, Врубель, Грабарь, Добужинский, Коровин, Ларионов, Малютин, Малявин, Милиоти, Рерих, Сомов, Серов, Судейкин[63].

В 1907 г. С.П. Дягилев открыл в Париже русскую антрепризу под названием «Русские сезоны», начало которым было положено «Русскими историческими концертами». К ним Дягилев подготовил печатную программу, в которой наряду с портретами и их факсимиле давались сведения о русских композиторах – Глинке, Бородине, Кюи, Мусоргском, Чайковском, Римском-Корсакове, Глазунове, Скрябине, Рахманинове и др.; были представлены объяснения к исполнявшимся произведениям, портреты артистов в их главных ролях (особенно много было помещено портретов Шаляпина) и проч., что заметно облегчало знакомство иностранцев с русской музыкой. С. Лифарь сравнивал эффект этих концертов с «новым светом, Америкой, открытой Дягилевым Европе, почти вовсе не знавшей великого мирового явления русской музыки»[64].

В следующем году Дягилев привез в Париж русскую оперу, познакомив европейского зрителя с шедеврами постановок произведений М.П. Мусоргского, А.П. Бородина, Н.А. Римского-Корсакова. В этом сезоне триумфально прошел спектакль «Борис Годунов» Мусоргского с Шаляпиным в главной роли. «К этой постановке Дягилев долго готовился: ему хотелось представить Парижу подлинную Русь конца XVI – начала XVII века, – пишет С. Лифарь, – и для этого он изъездил всю крестьянскую Россию, собирая настоящие русские сарафаны, настоящий старинный русский бисер и старинные русские вышивки (всю свою постановку “Бориса Годунова” Дягилев впоследствии передал французской Opera)… Парижу, а через Париж – столицу мира и всему миру, было открыто новое русское чудо – чудо шаляпинского “Бориса Годунова”, которое до тех пор было известно только одной России»[65].

Афиша Русских сезонов

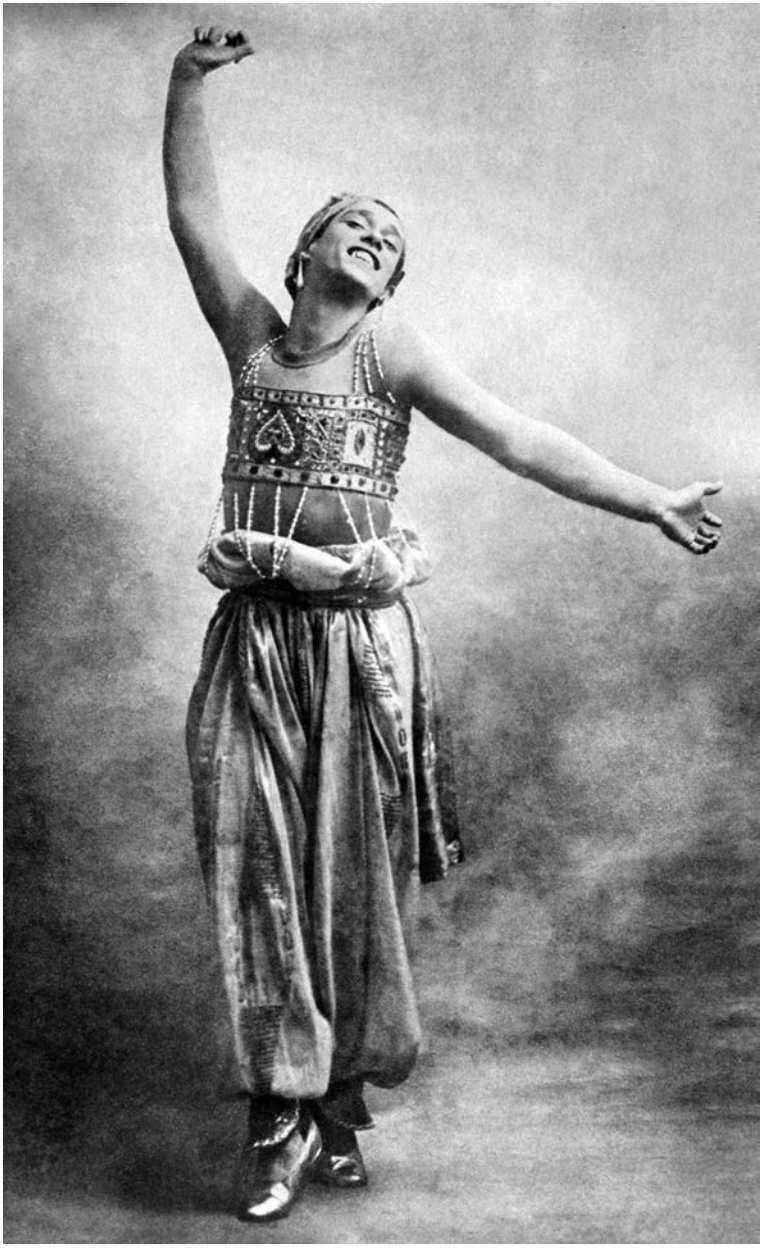
Большой успех имели также и декорации Головина, Юона, Бенуа.

В сезоне 1909 г. в антрепризе Дягилева появился балет. В балетных спектаклях участвовал цвет русской театральной культуры – танцоры В.Ф. Нижинский, А.П. Павлова, Т.П. Карсавина, балетмейстер М.М. Фокин, декораторы – художники А.Н. Бенуа, Л.С. Бакст, А.Я. Головин и др. Дягилеву удалось составить блестящую труппу, уговорив многих артистов императорских театров оставить их службу в России (таких, как Больм или Федорова), и даже звезды Мариинского театра, Кшесинская и Карсавина, не покидая театра, согласились принимать участие в «Русском балете» Дягилева. Т.П. Карсавина вспоминала о первом сезоне: «…Эти два месяца, проведенные в Париже, навсегда останутся для меня незабываемыми. Две недели, предшествовавшие нашим выступлениям, были тяжелыми, полными лихорадочного беспокойства, доходящего почти до истерики. Театр "Шатле", дом Мишеля Строгова, лавчонка, где торгуют в розницу дешевыми эмоциями, этот рай для консьержек, был потрясен до основания ураганом первого Русского сезона в Париже… "Ces Russes, oh, la la, tous un pcu maboule". (Эти русские, о-ла-ла, все они немного не в своем уме).

…Русский сезон, словно порыв свежего ветра, пронесся над французской сценой с ее устаревшей условностью. "La danse nous revient du nord" ("Танец вернулся к нам с севера") – заявлял …критик…»[66].

С 1909 и до 1913 гг. Дягилевские сезоны стали ежегодными и получили название «Русских сезонов за границей», которые создавали особую атмосферу русского мира Парижа. А. Бенуа так характеризовал их значение: ««Русский сезон» 1909 г. в Париже, представлявшийся для многих наших соотечественников не более, как «сравнительно удавшейся антрепризой», оказался на самом деле настоящим триумфом… И сразу образовался вокруг нашего дела сначала небольшой, а затем все ширившийся круг фанатических поклонников, «les fervents des russes», состоявший из французских критиков, литераторов и художников, которые лучше всяких реклам и рецензий понесли по городу благую весть о том, что в Шатлэ готовится нечто удивительное и прекрасное»[67].

Т. Карсавина. Фото. Нач. XX в.



В. Нижинский. Начало XX в.

Первое, что оценила парижская публика в «Русском балете», это была живопись, прежде всего театральная, второе – артистов-исполнителей: Вацлава Нижинского, Анну Павлову, Тамару Карсавину, Иду Рубинштейн, Федора Шаляпина.

«Божественный танцор» Нижинский поразил парижан, показав, по словам Лифаря, что может существовать самостоятельный мужской танец, что можно восторгаться не только грацией танцовщицы, но и «элевацией и божественностью танцовщика». Из танцовщиц Париж боготворил Тамару Карсавину и Анну Павлову

Начиная с 1910 г., Дягилев благодаря успеху балетных постановок предшествующего сезона отказался от оперы и в дальнейшем привозил в Париж только русский балет, пропаганда которого становится делом всей его жизни. Согласно концепции Дягилева, балетный спектакль представлял собой органический синтез всех форм искусства, каждая из которых привносила в театральное представление собственную составляющую: музыку, живопись, пластику, драматическое действие.

С помощью М.Ф. Кшесинской, участницы труппы, близкой ко двору, Дягилев сумел получить для этого сезона солидную субсидию (среди «спонсоров» был и император Николай II), а также найти покровителей среди французских меценатов. Сезон 1910 г. был первым балетным сезоном, а в 1911 г. Дягилев принял решение о создании отдельной балетной труппы, получившей название «Русский балет Дягилева», главным балетмейстером которой стал М. Фокин.

В Монте-Карло Дягилев создал для труппы свою театральную точку для репетиций, где готовились декорации, решались все художественные вопросы. Именно здесь началась подготовка новых постановок: «Петрушка» Бенуа–Стравинского–Фокина, продолжавший линию «Князя Игоря» и «Жар-птицы», «Видение розы» Вебера-Фокина-Бакста из «романтического цикла» «Сильфид» и «Карнавала» и др.

Дягилевым были заключены выгодные контракты с Метрополитан Опера в Нью-Йорке, театром Томаса Бичама в Лондоне, театром Колон в Буэнос-Айресе, которые стали основой для долгой работы в течение последующих сезонов 1911–1912 и 1912–1913 гг.

Но, если до 1912 года, как писал С. Лифарь, «Русский балет» был только русским», то после, не порывая со своими

А. Павлова

Эскиз Л.Н. Бакста к костюму Жар-птицы для Т. Карсавиной

русскими сотрудниками, Дягилев обращается к иностранцам: для балета Фокина «Голубой бог» либретто пишет Ж. Кокто, музыку – Р. Ган, «Фавн» создан на музыку Дебюсси, «Дафнис и Хлоя» – на музыку Равеля»[68]. Проживание Дягилева во Франции стала одной из причин того, что он сделал ставку на сотрудничество главным образом с французскими художниками и музыкантами.

За несколько лет до начала Первой мировой войны труппа Дягилева регулярно выступала на сценах Лондона, Рима, Милана, Мадрида, Парижа, Брюсселя, Берлина, Монте-Карло, позднее – в США, Аргентине, Бразилии, Уругвае. Первые южно-американские гастроли труппы Дягилева состоялись осенью 1913 г. Артисты признавали, что это было достаточно сложное путешествие и сложный гастрольный тур. В интервью, опубликованном в уругвайской газете «Эль Диа», Нижинский говорил об эмоциональном состоянии человека, который постоянно путешествует: «Безликие, унылые гостиницы, печальное ощущение от театра, который впервые в театральной глуши зажигает огонек путеводителя. Всегда в спешке, мы живем, как скитающийся еврей, скиталец еврей, который путешествует в спальном вагоне»[69].

В течение двух месяцев на сценах разных театров было поставлено 30 балетных спектаклей, из которых главное количество приходилось на Буэнос-Айрес[70], где около месяца выступления труппы проходили в известном театре Колон, открытом еще в 1857 г. и предоставлявшем время от времени свою сцену европейским балетным труппам. Говоря о театре, Карсавина называла его «образцовым». «Такой громадной сцены я еще не видела, – писала балерина, – а в уборных артистов проведена горячая вода и каждая уборная прекрасно мебилирована. В этом театре пели Шаляпин, Смирнов и все европейские знаменитости»[71].

Спектакли Русского балета под управлением П. Монте в Буэнос-Айресе, как писал С. Лифарь, имели громадный успех[72]. Впечатления Адольфа Бальма под названием «Как Дягилевский балет завоевывал Южную Америку» были размещены на страницах «Петербургской газеты»[73]. По признанию балетмейстера, труппа выступала в самых неблагоприятных условиях, начиная с того, «что приехали к концу сезона», а затем «пришлось с самого начала бороться с предубеждением,

Театр Колон. Буэнос-Айрес

и пущенным кем-то слухом, что у Дягилева идут порнографические балеты, что могло оттолкнуть известную часть местной публики, но, к счастью, актерам удалось доказать всю неосновательность ходивших слухов, и, когда поставили "Клеопатру", то публика выражала жалобу, что этот балет дали всего один раз. Между тем в "Клеопатре" совершенно отсутствовало на сцене трико, и никому и в голову не пришло говорить о неприличии». А. Бальм писал, что та же «Клеопатра» помогла в свое время переубедить императора Вильгельма, долго отказывавшегося посещать дягилевские балеты, в то время, как все германские принцы были постоянными гостями на спектаклях. Но однажды, увидев «Клеопатру», вспоминал Бальм, император Вильгельм не только отказался от своих прежних взглядов, но рекомендовал немецким ученым взять у артистов «урок археологии»[74].

Когда началась война и интерес к искусству в Европе упал, Дягилеву пришлось ограничиться лишь благотворительными концертами в пользу Красного Креста в Женеве.[75] В годы войны Дягилев, обосновавшийся в Италии, оказался в тяжелом материальном положении: над ним висели долги, провалилась «Весна священная» Стравинского. И здесь ему на по-

мощь пришла хорошая знакомая Коко Шанель, которая всегда восхищалась русским балетом, часто ходила в театр на выступления Нижинского. Дягилев получил от Коко чек на круглую сумму. С тех пор он не стеснялся обращаться за помощью к Коко, ставшей его близким другом. Дягилев ввел Коко в русский мир Парижа, и в доме Шанель на улице Камбон зазвучала русская речь. Как известно, после революции в России посетителей у входа в ее дом встречал бывший губернатор Крыма граф Кутузов, а великая княгиня Мария Павловна возглавила у К. Шанель мастерскую русской вышивки. Вскоре Дягилев переводит антрепризу в Нью-Йорк. В разгар войны, когда артисты и участники труппы, оказались в разных странах, Дягилеву удалось привлечь к работе уже ставшего знаменитым в то время Пабло Пикассо, женой которого стала участница дягилевской труппы Ольга Хохлова. Именно она во многом и способствовала этому театральному содружеству: Пикассо рисовал декорации, костюмы, расписывал театральные занавесы, гримировал солистов балета.

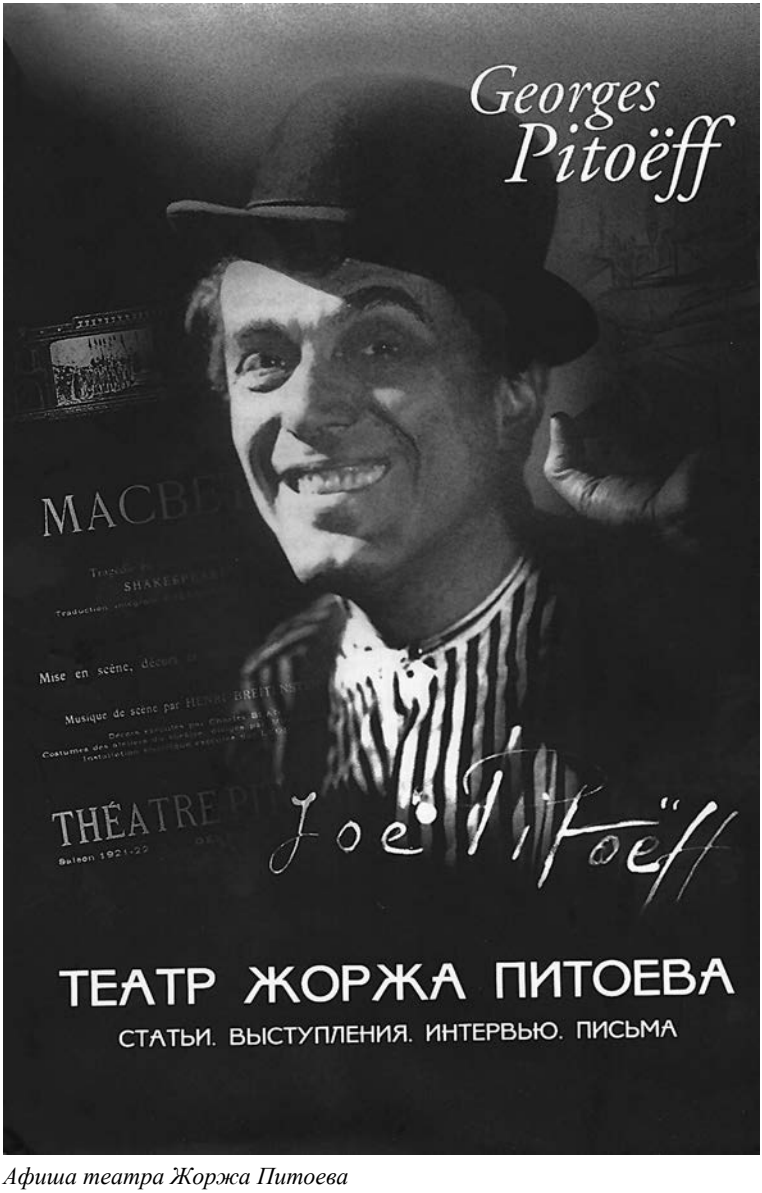
В 1917 г. труппа фактически распалась, т. к. большая часть артистов осталась в США. По возвращении в Европу Дягилев создает новую труппу, которая просуществовала до 1929 г. После революции многие артисты из труппы Дягилева нашли применение своим силам в Южной Америке и прежде всего в Аргентине, где, в частности, работала Б.Ф. Нижинская (сестра Нижинского), Л.Ф. Шолар и др. В целом русские гастроли за океаном способствовали развитию национального балета в США и ряде латиноамериканских стран, формированию здесь собственных балетных школ, самыми известными из которых стали школы И. Вершининой, Т. Лесковой и Ю. Шабелевского – в Бразилии, Т. Григорьевой – в Аргентине, Л. Ростова – в Перу, Н. Яворского – на Кубе.

Как писал А. Бенуа, история с Дягилевскими сезонами продемонстрировала, что «русские спектакли нужны были не только для нас, для удовлетворения какой-то “национальной гордости”, а что они нужны были для всех, для «общей культуры». И уже тогда было ясно, что с русского сезона 1909 года может начаться нечто вроде новой эры во французском и обще-западном театральном искусстве[76]. Сам Дягилев хотел, «чтобы не считали Россию страной экзотической, не дающей любопытным взорам Запада ничего, кроме живописного ба-

зара»[77]. Ничто не раздражало его более, чем этот взгляд на Россию.

Свое место в истории русского театра за рубежом занял еще один представитель отечественной культуры – Георгий Иванович (Жорж) Питоев – выходец из богатой торгово-промышленной армянской семьи, представители одной из ветвей которой в начале XX в. уехали на постоянное место жительства во Францию[78]. В 1913 г. здесь оказался и Георгий. Начавшаяся мировая война не позволила ему вернуться в Россию, и после женитьбы в 1915 г. на Людмиле Смановой (которая прославилась позже как известная французская актриса) он переехал в Швейцарию, где давал благотворительные спектакли в пользу русских пленных на русском языке, затем перешел на французский. С июля 1915 г. по январь 1922 г. Питоевы работали в Швейцарии, давая спектакли в основном в пригороде Женевы. В 1918 г. была создана Первая компания Питоева, названная в 1919 г. Театром Питоева. Швейцарский период, при всей его неустроенности, прежде всего материальной (отсюда – частая смена зданий, пьес, гастроли), был временем возмужания Питоева и его театра. В 1922 г. он вновь возвращается в Париж, где становится первым режиссёром, по-настоящему познакомившим французов с наследием А.П. Чехова. В 1927 г. Питоев вошел как равный в знаменитый «Картель», четверку ведущих французских режиссеров (Ш. Дюлленом, Л. Жуве, Г. Бати), занимавшихся развитием французского театра. Много позже в честь супругов Питоевых в Париже откроют мемориальную доску на фасаде театра «Матюрен». Память о Жорже Питоеве хранит и старый театр в Женеве, носящий его имя[79].

Важный вклад в пропаганду русского искусства вносили и многие другие работавшие за рубежом либо постоянно проживавшие отечественные музыканты, художники, литераторы. Некоторое время после длительного пребывания в Италии в 1833 г. в Германии находился М.И. Глинка. Именно здесь им были созданы романсы «Дубрава шумит» на слова В.А. Жуковского и «Не говори, любовь пройдёт» – по Дельвигу, вариации на тему «Соловей» Алябьева, а также попурри на темы русских песен. Потом еще дважды, в 1844 и 1852 гг., Глинка с коротким визитом приезжал в Берлин. По приказанию короля Фридриха-Вильгельма IV в его честь в Opernhaus давали оперу «Армида» Глюка[80].



Афиша театра Жоржа Питоева

В те годы в Германии было также хорошо известно имя выдающегося скрипача А.Д. Бродского – первого исполнителя скрипичного концерта П.И. Чайковского, скрипичной сонаты до минор Э. Грига и других произведений. Масштабы концертной, дирижерской, педагогической и просветительской деятельности Бродского позволяют включить его в число крупнейших музыкантов мирового уровня рубежа XIX–XX в.

Еще в юношеские годы А. Бродский был отправлен на учебу в Вену, где он начал активную музыкальную деятельность, работая в Придворном оркестре Франца Иосифа I, выступая сольно и в квартете. В 1883 г. Бродский по приглашению директора Лейпцигской консерватории стал профессором по классу скрипки; в его доме подолгу жили студенты или просто молодые музыканты, подающие надежды[81]. Одновременно Бродский получал постоянные предложения выступить с концертами в городах Германии и Австрии, где им исполнялся один из концертов П.И. Чайковского. Чайковский с глубоким интересом следил за судьбой произведения, которое привык называть «несчастным концертом», и не уставал выражать свою признательность Бродскому. Память об этом хранил его портрет в доме Бродского с дарственной надписью: «Воссоздателю концерта, признанного невозможным, от благодарного Чайковского»[82].

А. Бродский стал основателем одного из лучших европейских квартетов в Лейпциге – «квартета Бродского» (1883–1891). В качестве педагога он работал также в Лейпцигской консерватории.

Зимой 1887 г. Комиссия Гевандхауза – знаменитого концертного зала в Лейпциге, пригласила самого Чайковского для исполнения некоторых его сочинений. Тогда же композитор получил приглашения из других немецких городов и решил их все принять. Это был первый визит Чайковского за границу с целью дирижировать собственными произведениями. В чужой стране его, человека чувствительного и ранимого, приняла как родного чета Бродских.

Анна Бродская признавалась, что еженедельные концерты в Гевандхаузе и многие другие делали жизнь в Лейпциге чрезвычайно насыщенной. «Город посещали знаменитые музыканты, – пишет она в своих “Воспоминаниях”, – и круг наших знакомств ширился год за годом. Мы переехали в комфортабельный дом в лучшем районе Лейпцига. Хотя мы никогда не

Струнный квартет Бродского. Слева на право: Симон Спилман, Карл Фукс, Адольф Бродский, Чарльз Родон Вриггс

устраивали больших приемов, дом всегда был полон старых и новых друзей, что вносило в нашу жизнь особое очарование. Этому времени мы обязаны своим знакомством с Гансом фон Бюловым, Эдвардом и Ниной Григ… и многими другими…Что касается общества, то наша жизнь не была столь же благоприятной. Люди, которых мы знали в Лейпциге и с которыми имели дружеские связи, были к нам очень добры. Однако мы чувствовали себя иностранцами и всегда ими оставались. Мы так до конца и не привыкли ни к их местечковому патриотизму, ни к ярко выраженному разделению на различные слои общества»[83].

Время с октября 1891 по начало 1895 г.г. названо американским периодом в жизни Бродского, в течение которого он работал концертмейстером и солистом Нью-Йоркского симфонического оркестра под управлением Вальтера Дамроша, после чего музыкант принял приглашение от сэра Чарльза Халле занять должность профессора в музыкальном колледже

Г.А. Бакланов

в Манчестере и руководителя Халле-оркестра. Бродский с супругой отправились в Англию, которая фактически стала для них второй родиной. После смерти Чарльза Халле в октябре 1895 г. Бродский принял руководство колледжем, оставаясь на этом посту до конца своей жизни и одновременно продолжая выступать в качестве солиста и в составе квартета.

В Берлине в этот период жил и работал другой музыкант – симфонический и оперный дирижер С.А. Кусевицкий, который в 1909 г. основал здесь «Российское музыкальное издательство» в целях пропаганды творчества русских композиторов. Публикация произведений композиторов в этом издательстве гарантировала авторские права и приносила авторам гонорар (Россия в то время не была членом Международной конвенции по защите авторских прав)[84]. В 1920 г. Кусевицкий уехал в Париж, где основал свой оркестр и общество «Симфонические концерты Кусевицкого».

В дореволюционные годы за рубежом было также хорошо известно имя оперного певца Г.А. Бакланова, который с 1909 г. пел в Бостоне, Чикаго, Нью-Йорке, в 1910 г. – в Венской придворной опере, в 1911 г. – в Гамбурге, Кельне, Дрездне, Берлине, в 1912 г. – в Праге, в 1913 г. – в Париже. В 1911–1914 гг.

Бакланов – солист Бостонской оперы. После 1915 г. он становится эмигрантом. С этого времени и вплоть до 1930 г. Бакланов являлся первым баритоном Чикагской оперы.

В XIX в. Германию посещали В. Жуковский, Н. Огарев, Ф. Тютчев, И. Гончаров, И. Тургенев. Своеобразным духовным центром был в те годы круг русских «путешественников» и студентов, называемый в эмигрантских кругах «Кружком Станкевича».

С 1896 г. по 1914 гг. в Германии жил один из основоположников абстрактного искусства художник В.В. Кандинский, где он знакомится с русскими художниками Д.Н. Кардовским, М.В. Добужинским, К.С. Петровым-Водкиным, И.Э. Грабарем, М.В. Веревкиной. С 1897 г. он обучался живописи в частной студии А. Ашбе, в 1900 г. поступил в Мюнхенскую Академию художеств, где обучался у Франца фон Штука. В Мюнхене в 1901 г. Кандинский участвовал в создании объединения мюнхенских символистов «Pholanx». В том же году он создал художественное объединение «Фаланга», организовал при нём школу, в которой преподавал. Он много путешествовал по странам Северной Африки, Италии, Франции. В 1909 г. им было организовано «Новое мюнхенское художественное объединение», в 1911 г.– альманах и группа «Синий всадник», членами которой стали известные художники-экспрессионисты – Франц Марк, Алексей Явленский, Марианна Веревкина[85].

В начале XX в. русские художники постоянно выставлялись в Берлине (в 1903 г. – Валентин Серов; в 1904 г. – символист В. Борисов-Мусатов, в 1906 г. – Дягилевым была устроены выставка произведений М. Врубеля и К. Коровина). Здесь же проходила выставка художников объединения «Синий всадник» с участием В. Кандинского, К. Малевича, Н. Гончаровой[86].

Своеобразна и насыщена была культурная жизнь русских и на другом конце континента – в далеком Китае. Образовавшийся здесь Русский мир жил жизнью, близкой к жизни в своем отечестве. Уже в начале 1900-х гг. в Харбин – тогда еще маленькую полукитайскую деревушку, активно начали прибывать антрепренеры в целях организации театров и театральных постановок. Сюда приезжали певицы А. Вяльцева, А. Плевицкая – будущая мировая знаменитость и любимица Николая II. Театры в Харбине были достаточно скромными, вынужденными считаться со средствами. Их репертуар обычно

копировал репертуар российских провинциальных театров и больше равнялся на кассу. Но одновременно, как отмечал антрепренер Арнольдов, «театр воспитывал мысль и вкусы, а сам он приспосабливался к вкусам публики»[87]. В 1900 г. состоялось открытие летнего театра в Городском саду и Сада-театра Буфф (последний существовал до начала 1920-х гг.).

Из воспоминаний журналиста С.Р. Чернявского, приехавшего в Харбин в годы русско-японской войны, узнаем, что город в то время носил на себе отпечатки военного тыла: и «театр**,** как в зеркале, отражал кошмары военного быта»[88].

После русско-японской войны и с началом эксплуатации железной дороги, жизнь русской колонии стала стабилизироваться, у железнодорожников появилась потребность думать об отдыхе, культурной жизни и спорте. В 1907 г. открылся театра «Портсмут» в Новом городе, в котором прошли гастроли артиста императорских театров Мариуса Петипа. В 1910 г. здесь гастролировала В.Ф. Комиссаржевская с одним из ярких спектаклей «Нора».

Важную роль в развитии музыкальной и театральной жизни города сыграло в эти годы Коммерческое Собрание, учрежденное в 1902 г. группой коммерсантов. В здании Собрания проходили концерты симфонической музыки, театральные спектакли, постановки опереточной труппы и др. В 1907 г. открылась библиотека Собрания, просуществовавшая вплоть до конца 1950-х гг.

Еще одним важным событием в культурной жизни Харбина стало открытие в 1911 г. Железнодорожного Собрания (Желсоб), где в свое время выступали Л. Липковская, А. Мозжухин, А. Лабинский, С. Лемешев и многие другие известные артисты. Наряду с театрами в Харбине открывались кинотеатры.

Активно в «полосе отчуждения» начал развиваться спорт. С подачи русских зародилось такое неизвестное для Маньчжурии спортивное явление, как верховая езда. «Оно, – писали современники, – радовало сердце русского человека и было встречено местным населением с восторгом и присущим ему азартом… На этих “выездах” можно было видеть руководителей дороги, состоятельных людей в сопровождении дам в манто или длинных туалетах, с зонтиками, в замысловатых шляпках. (Местные жители говорили: “Хаокан” (кит. “красиво”), “шанго” (кит. “хорошо”) и прищелкивали языком)»[89].

В 1905 г. в Харбине было создано Общество любителей конного спорта (в дальнейшем «Общество поощрения коннозаводства в Сев. Маньчжурии»), где начали организовываться рысистые и скаковые состязания, для проведения которых в 1909 г. в г. Модягоу был построен ипподром. Появились и свои коннозаводчики (одним из первых был сам управляющий КВЖД Л.Д. Хорват). В разные годы в городе появляются спортивные общества и объединения, сооружаются велотрек, стадион, Яхт-клуб на набережной р. Сунгари и др.

При постройке КВЖД учитывалась также необходимость создания учебных заведений для детей служащих, для чего в 1906 г. был учрежден Учебный отдел Управления КВЖД, в ведении которого находились пятилетние начальные школы и Техническое училище (к тому времени в школах было 1886 учащихся и 38 преподавателей). Школы, в том числе частные, были как в Харбине, так и на всех крупных станциях железной дороги.

Из железнодорожных школ по постановке учебного дела наиболее известны были Харбинские коммерческие училища (мужское и женское), при котором открылись церковь, библиотека, обсерватория, гимнастический зал, многочисленные кабинеты-лаборатории. В 1913 г. в Харбине создается организация русских скаутов[90].

Там же действовали такие благотворительные организации, как Харбинское Благотворительное Общество, созданный в начале русско-японской войны Женский патриотический кружок под покровительством Государыни Императрицы Александры Федоровны (председатель – А.В. Надарова (жена генерал-лейтенанта Надарова). В ноябре 1905 г. члены кружка приняли постановление внести остававшиеся неизрасходованными средства в правительственное учреждение или в местный банк с тем, чтобы на проценты с капитала учредить стипендии для учащихся местных ремесленных или технических училищ. Определение числа стипендиатов и правил их присуждения было решено поручить особому Комитету, в составе «депутатов от военного ведомства, от Управления дороги, администрации училища и других сословий и жителей Харбина, но чтобы первые вакансии были предоставлены сиротам убитых нижних чинов Русско-Японской войны, а затем уже и вообще беднейшему классу населения Харбина, Маньчжурии и Приамурского округа»[91]. Стипендии для детей должны были

Учителя школ КВЖД. Начало XX в. ГА РФ

выражаться как в виде взносов за обучение, так и в виде суммы на оплату содержания в интернате.

Состав Комитета был указан в соответствующем приказе Главного начальника тыла от 25 февраля 1906 г. (председатель – представитель военного ведомства полковник Кияшко, позднее – генерал-лейтенант и Военный губернатор Забайкальской области). В силу принятого постановления в Харбинское отделение Русско-Китайского Банка было внесено 24 тыс. рублей в виде 4 % государственной ренты. Расписка на капитал впоследствии была передана Управляющему КВЖД и названная рента была перечислена банком на его счет, где и хранилась по «счету капиталов частных учреждений», достигнув, по наведенной справке, к 1907 г. с процентами суммы около 34 тыс. рублей. В связи с этим вице-председательница Кружка и «единственная постоянная старожилка Харбина» В.Д. Лачинова обратилась к Управляющему КВЖД с ходатайством о направлении переданной Кружком и размещенной в банке суммы (с процентами) на дело обучения сирот.

В обращении, в частности, говорилось: «Благотворительное Общество, воспитывая в Приюте мальчиков, лишено возможности – по неимению средств – обучать их какому либо

ремеслу, а между тем такое обучение при невозможности дать им надлежащее общее образование, было бы разумеется, наилучшим выходом в одном из самых трудных вопросов приютского дела и много способствовало бы тому, чтобы питомцы Харбинского Приюта выходили из него подготовленными к предстоящей им трудовой жизни в будущем и полезными гражданами. Такое обучение стало бы возможным при передаче …Обществу вышеназванной суммы …

Не намечая пока даже в общих чертах подробностей этого обучения и лишь упоминая, что его, быть может, удалось бы связать с существующими техническими классами при Главных Харбинских мастерских или с другими подобными классами, я беру на себя смелость только доложить Вашему Превосходительству, что при таком назначении памянутаго капитала была бы выполнена воля патриотического Кружка, а кроме того было бы сделано поистине большое дело для многих и многих детей – сирот и бездомных…»[92].

Среди научных и просветительских организаций, возникших в разные годы в русском Харбине, следует назвать также Харбинское общественное управление (печатный орган – «Известия Харбинского общественного управления» (1908–1917), Маньчжурское педагогическое общество (1910–1918), издававшее ежемесячный журнал «Просветительское дело в Азиатской России», Маньчжурское сельскохозяйственное общество (1912–1927) (печатный орган – журнал «Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии»), Общество русских ориенталистов (1909–1927), имевшее свой журнал «Вестник Азии», который стал ведущим научным изданием в регионе. Члены общества – востоковеды внесли важный вклад в изучение истории и общественной мысли Китая (в эти годы были изданы такие работы, как «Китай: Очерки из современной жизни Китая» А. Тужилина; «Современные общественные течения в Китае» А.В. Спицына; «Русское дело в Маньчжурии с 17 века до наших дней» Н. Штейнфельда; «КВЖД (1903–1913)» П.С. Тишенко и др.)[93].

Так на примере Русского мира можно было наблюдать, как в ходе социокультурной адаптации эмиграции, которая понимается как двуединый процесс трансформации социального и культурного, личность предстает не в качестве пассивного элемента, вписывающегося в изменившиеся условия её бытия,

а в качестве активного начала социокультурного адаптационного процесса, в ходе которого совершенствуются и возникают новые устойчивые социальные связи и институты, а в результате смешения культурных традиций в процессе межкультурного диалога происходит образование принципиально нового культурного синтеза.

Русская печать и библиотеки зарубежья

Важную роль в формировании культурного пространства Русского мира за рубежом играли русская печать и библиотеки. В сводном каталоге периодических изданий русской эмиграции в Европе за период с 1855 по март 1917 гг., составленном Т. Осоргиной-Бакуниной, числятся 287 наименований, представлявших в основном политическую оппозиционную прессу, но также литературные и художественные издания (например, двухнедельный журнал искусства и литературы «Сиріус» (ред. Н.С. Гумилев, Мст. Фармаковский и А. Божерянов, Париж), «Геліос» (издание коллегии художников при Русской Академии в Париже); студенческую прессу («Студень» [Студент. Революционно-социалистический студенческий орган, Берлин], «Студенческий бюллетень» (Берн), «Студенческий информационный листок» (Берлин), ежемесячный журнал «Голос зарубежного студенчества» (орган Союза русских студентов в Западной Европе) и др.)[94].

Принципиальное внимание организации периодических изданий в разных странах рассеяния уделяла российская политическая оппозиция. В 1853 г. А.И. Герцен основал в Лондоне Вольную русскую типографию и с 1855 г. издавал здесь альманах «Полярная звезда», а в 1857–1867 гг. совместно с Н.П. Огаревым – первую русскую революционную газету «Колокол». С «Колоколом» сотрудничал П.В. Долгоруков, издававший, в свою очередь, за рубежом несколько периодических изданий антисамодержавного характера, в их числе газеты «Будущность», «Правдолюбивый», «Листок», на французском языке – «Le Veridique»[95]. При этом сам князь оставался сторонником умеренной конституционной монархии. Некоторое время (до отъезда в Италию, как предполагается, на помощь

Гарибальди) наборщиком Вольной русской типографии работал князь Н.П. Трубецкой[96].

Журналист Л.П. Блюммер, прибывший за границу в 1861 г., издавал журналы «Свободное слово», «Весть», «Европеец», выходившие соответственно в Берлине, Брюсселе и Дрездене[97]. Родоначальником русской прессы в Америке считается бывший иеродиакон российской миссии в Афинах, затем сотрудник Вольной типографии Герцена, Агапий Гончаренко, эмигрировавший в США в 1864 г.[98]

Но вплоть до Первой русской революции центром эмигрантской политической печати оставалась швейцарская столица, где в те годы сосредоточилась «молодая эмиграция» во главе с Н. Утиным, продолжавшим после разрыва с Бакуниным выпускать газету «Народное дело», но уже как антибакунинский орган русской секции Интернационала в Женеве. В 1860-е гг. здесь выходили такие революционные издания, как «Община», «Работник». В 1879 г. в швейцарской столице П. Кропоткиным была основана революционная газета «Le Revolte». Свои издания здесь имели также русские социал-демократы, у которых выходили журнал «Рабочее Дело», газета «Рабочая Мысль», позднее – журнал «Жизнь».

Одновременно в стране появилось несколько эмигрантских издательств и типографий – типография М.К. Элпидина (участника «Земли и воли», члена женевской секции Первого Интернационала), издавшего первое собрание сочинений Н.Г. Чернышевского, поэму Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», «Исповедь» Л.Н. Толстого и др. После разгона правительственным указом русского Цюриха Элпидин приобрел библиотеку Сажина. Одним из организаторов типографии в Берне стал представитель «молодой эмиграции» В.И. Бакст. В 1869 г. в Женеве создается типография Трусова.

Из русской зарубежной прессы этого периода выделяются также издававшийся П. Лавровым в Цюрихе и Лондоне журнал «Вперёд» (1873–1877), газета П. Ткачёва «Набат», выходившая в Женеве и Лондоне (1875–1881), «Вестник Народной воли» (1883–1886), женевская газета «Зерно» (1880–1881), лондонская «На родине» (1882–1883), «Народная воля. Социально-революционное обозрение» (1879–1885) и др.[99] Участники группы «Освобождение труда» издавали за рубежом «Библиотеку современного социализма» и «Рабочую библиотеку».

После II съезда РСДРП в Женеве активизировали свою издательскую деятельность российские социал-демократы. Здесь появились зарубежные большевистские и меньшевистские печатные издания, например, газета «Социал-демократ», с 1904 г. издававшаяся группой политэмигрантов во главе с П.Б. Аксельродом; «издательство социал-демократической партийной литературы (кооперативная типография) В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина», где печатались газета «Вперед», продолжившая ленинскую «Искру», а затем «Пролетарий». В Женеве эмигрантами социал-демократического лагеря была создана собственная библиотека и начал формироваться по инициативе В.Д. Бонч-Бруевича архив партии (заложивший основы будущего Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС), которые по-французски назывались «Biblioteque Centrale Russe». Здесь были представлены многочисленные эмигрантские газеты и журналы на русском и иностранных языках, нелегальная пресса, в том числе из России.

Одним из направлений деятельности социал-демократов в эмиграции стала работа по распространению пропагандистской литературы как за рубежом, так и на родине. В.Д. Бонч-Бруевич делился своими воспоминаниями по поводу деятельности за границей группы «Рабочее Дело», которая занималась перевозкой литературы группы «Освобождения труда». В числе тех, кто перевозил в Москву первый номер социал-демократической газеты «Искра» и литературу группы «Освобождения труда» в большом чемодане с двойным дном, был друг Бонч-Бруевича, сын известного предпринимателя и владельца текстильных фабрик в Серпухове А.Н. Коншин. А вообще, как пишет Бонч-Бруевич, люди его круга, знакомясь в русских колониях, в университетах, на лекциях, в пансионах со случайно приехавшими русскими, «при первой возможности каждого снабжали литературой»[100]. На это особенно была отзывчива молодежь, и нередко, вспоминал Бонч-Бруевич, «нарядные маменьки с чопорными папеньками даже не подозревали, что везут в своих прекрасных чемоданах и кожаных английских сундуках целые пласты нелегальщины, заложенные в стенках, на дне, в вещах, в белье»[101]. Особое место в пропагандистской деятельности российских социал-демократов за рубежом занимала нелегальная работа в войсках, крайне затруднительная и опасная. Систематический характер она

приобрела в период русско-японской войны, когда в Японии оказалось большое число пленных русских солдат. С марта 1904 г. в Женеве начал выходить ежедневный бюллетень «Русско-японская война» – издание Женевской группы содействия РСДРП[102].

В Женеве в рассматриваемый период проживали лидеры будущей партии эсеров (братья М. и А. Гоц, В. Чернов, М. Натансон, И. Фондаминский, Н. Авксеньев, В. Зензинов и др.), которые создали многочисленные зарубежные издания, в том числе журнал «Вестник Русской Революции» и газету «Революционная Россия». Это была одна из первых массовых зарубежных российских газет, выходивших за рубежом в 1902–1905 гг. тиражом в 14–15 тыс. экземпляров. После подавления революции как по числу печатной продукции, так и по ее объему эсеры заняли лидирующее положение среди российской политической эмиграции. В 1908 г. в Париже они приступили к выпуску газеты «Знамя Труда», «Земля и Воля» (газета была рассчитана на крестьянство), «За Народ!» (газета была адресована военным). Из всех эмигрантских изданий эсеров тех лет «Знамя Труда» имела самый большой тираж: за год с июня 1909 по июнь 1910 г. было отпечатано 35,7 тыс. экземпляров, в том числе 24 тыс. экземпляров газеты было распространено в России, 11 тыс. – за границей[103].

С 1890 г. по 1905 г. созданное в Лондоне С.М. Степняком-Кравчинским Общество друзей русской свободы издавало и распространяло газету «Свободная Россия» на английском языке. В 1891 г. там же был организован Фонд вольной русской прессы (ФВРП)– издательская организация, которой руководил Кравчинский и которая ставила перед собой цель содействовать образованию, становлению и организационному оформлению всех оппозиционных партий, готовых выступить против абсолютизма. По заказам в типографии Фонда печатались народовольческие, народнические, социал-демократические, толстовские, либеральные произведения. В Англии, Франции, Бельгии, Швейцарии, Швеции, США Фонд имел свои книжные склады, в которых была сосредоточена литература самых различных идейных течений и направлений.

С 1893 по 1899 гг. ФВРП издавал и распространял «Летучие Листки» для осуществления «связей с друзьями и союзниками», наряду с которыми в эти годы выходили «Материалы

для истории русского социально-революционного движения», сборники «С родины на родину», газеты «Прогресс» и «Русский Рабочий», материалы в которых носили обличительный характер и были призваны показать необходимость борьбы против абсолютизма.

Весной 1906 г. в г. Нагасаки было основано издательство русских политэмигрантов «Воля» (редактор – В.К. Вадецкий), после чего стала выходить одноименная газета сначала как беспартийная, а затем как партийный орган социалистов-революционеров (редактор – Б.Д. Оржих), в которой могли печататься представители различных политических направлений. «Воля» стала первой бесцензурной газетой, предназначенной для массового читателя русской колонии в Японии и Китае, на нее была объявлена подписка в Токио и Шанхае. Наряду с информацией политического характера в газете публиковались и корреспонденции на бытовые темы, значительное место занимали объявления и коммерческая реклама, в том числе на японском языке. По оформлению «Воля» была очень похожа на легальные издания, выпускавшиеся под эгидой эсеров в России. Редактор В.К. Вадецкий главную цель своего издания видел в ниспровержении существующего в России строя революционным путем. В заявлении провозглашалось, что социалисты всех фракций могли принять участие в газете на основе тезиса: «Революция и социализм». Газета объявлялась чисто идейным изданием. Однако жизнь в эмиграции опровергла предположения редакции, количество чисто коммерческой рекламы постепенно увеличивалось, и со временем она стала занимать почти всю первую страницу[104].

Среди либеральных изданий в эмиграции был известен журнал «Современник», издававшийся с 1897 г. короткое время в Лондоне П.А. Дементьевым. В 1902 г. в Штутгарте выходит журнал «Освобождение» (редактор – П.Б. Струве), главным преимуществом которого перед другими газетами и журналами русских политэмигрантов было наличие мощной финансовой поддержки со стороны земцев, что позволило довести тираж издания до 10 тыс. экземпляров.

Заграничная пресса российских анархистов в начале XX в. была представлена печатными органами отдельных групп. Одним из опорных заграничных пунктов русских анархистов в те годы также становится Женева. Приверженцами толстов-

ского анархизма – В.Г. Чертковым и П.И. Бирюковым в Англии и Швейцарии были основаны собственные типографии, где издавались журналы «Свободное Слово» и «Свободная Мысль», которые пропагандировали идеи Толстого. Потому источниками их финансирования были деньги самого писателя и поступления от реализации изданий в России[105].

В 1900 г. в Женеве была создана русская анархическая группа под руководством студента-медика местного университета М. Дайнова. Другой студент-химик, сторонник Кропоткина Г. Гонелиа в 1903 г. организовал анархическую группу «Хлеб и воля» и издавал одноименную газету, пропагандировавшую среди прочего на своих страницах необходимость развертывания в России массового и децентрализованного террора. В 1905 г. появляются такие печатные издания анархистов, как «Черное Знамя» в Женеве; «Листки группы “Безначалие”», «Новый Мир», «Буревестник», «Листки “Хлеб и Воля”» – в Париже. Заметный рост численности анархистских изданий за границей произошел в период с 1907–1914 гг., когда был налажен регулярный выпуск таких газет, как «Анархист» и «Вестник» в Женеве, «Листки “Хлеб и Воля”» в Лондоне, «Рабочий Мир» в Цюрихе. С помощью таких газет, как «Голос ссыльных и заключенных русских анархистов» в Нью-Йорке и «В помощь» в Лондоне, осуществлялась через русских эмигрантов организация материальной помощи арестованным в России анархистам.

В зарубежье существовал также вид «авторской» прессы, издававшейся на личные средства редакторами-одиночками, не состоявшими ни в одной из политических партий. Это были издания главным образом антимонархической направленности, в их числе журнал «Народоволец» В.Л. Бурцева, газета «Накануне» Е.А. Серебрякова, журнал «Свобода» Е.И. Зеленского (Н. Надеждина), «Япония и Россия» Н.К. Судзиловского (Н. Русселя)[106].

Заметный след в истории журналистики оставил В.Л. Бурцев – общественный деятель, публицист, историк, издатель. Будучи участником народнических кружков, в 1888 г. он бежал из ссылки в эмиграцию в Швейцарию, где редактировал газету «Свободная Россия» (1889), а с 1900 г. издавал историко-революционные сборники «Былое». В 1905 г. Бурцев вернулся по амнистии в Россию, но в 1907 г. оказался во второй

эмиграции в Париже, где возобновил издание «Былого» (1908–1912 гг.). Он также издавал в 1909–1910 гг. газету «Общее дело», в 1911–1914 г. – газету «Будущее». Исходя из своего понимания текущего момента и уроков революции 1905–1907 гг. и не являясь формально членом какой бы то ни было политической партии, В.Л. Бурцев видел перспективу дальнейшего развития освободительного движения в объединении всех революционных сил без фракционности на платформе «свобода и социализм». Важнейшей для себя задачей он считал также разоблачение агентов охранки, внедренных в революционные организации. Разоблачение провокаторов, вскрытие механизма действий полиции стало одним из основных направлений «Общего дела». Издание состояло всего из двух газетных страниц, выходило обычно один раз в месяц. Большая часть материалов готовилась самим В.Л. Бурцевым. В 1911 г. Бурцев приступает к изданию новой газеты – «Будущее». Всего им было выпущено 10 номеров на русском и французском языках[107].

За границей выходило много изданий фракционных групп различных партий, как, например, газета социалистов-революционеров «Известия Областного комитета Заграничной организации» и журнал «Почин», печатавшиеся в Париже и занимавшие ликвидаторские позиции и осуждавшие руководство партии эсеров за нежелание отказаться от террора и попыток восстановления нелегальных организаций в России. Социал-демократические газеты «Революционная Мысль» и «Рабочий» издававались там же отзовистами[108]. Печатный орган меньшевиков-ликвидаторов «Голос Социал-Демократа», выходивший в 1908–1913 гг. в Женеве под редакцией П.Б. Аксельрода, Ф.И. Дана, Ю.О. Мартова, А.С. Мартынова, Г.В. Плеханова, стал фактически центральным печатным органом меньшевиков.

Позицию нефракционности отстаивала в те годы газета меньшевиков-партийцев «За партию», которая печаталась в 1912–1914 гг. в Париже при участии Г.В. Плеханова, С.А. Лозовского, А.И. Любимова. Аналогичной позиции придерживалась в те годы газета «Правда», выходившая в Вене в 1908–1912 гг., редактор которой – Л.Д. Троцкий призывал через свое издание все группы РСДРП к сотрудничеству. Сам Троцкий после того, как немецкая полиция отказала ему в виде на

жительство в Берлине, в течение семи лет (вплоть до начала Первой мировой войны) жил в Вене. В редакцию газеты входили также А.А. Иоффе, М.И. Скобелев, М.И. Урицкий, Парвус (А.Л. Гельфанд) и др., а на ее финансирование шли личные журналистские доходы Троцкого от других газет. Кроме того, для издания газеты, а больше для того, чтобы переправить несколько пудов «Правды» через границу, семья Троцкого была вынуждена закладывать семейные ценности, распродавать букинистам книги, купленные в более благоприятные дни[109]. Поступала также международная помощь газете от ЦК немецкой социал-демократической партии, латышских социалистов и других доброжелателей.

В годы Первой мировой войны, когда русская эмиграция разделилась на два лагеря – сторонников и противников войны, представители второго лагеря начали издавать в Париже газетный листок «Голос» – «величиной в четвертую часть газеты “Правда”», стоявший на позициях интернационализма. Несмотря на свой невзрачный вид, газета сразу привлекла внимание эмиграции. Уже в первых номерах «Голоса» начали появляться заметки Мартова, Луначарского, Покровского и др. После закрытия газеты, с января 1915 г., выходило новое издание – «Наше слово», в составе редакции которого были Троцкий, Мануильский, Покровский, Антонов-Овсеенко, Лозовский, Мартов, а также Сокольников и др. В числе внештатных сотрудников газеты числились ее лондонский корреспондент Г. Чичерин (в годы войны интернированный за антивоенную пропаганду), бывшие меньшевики, эволюционировавшие в сторону большевизма – А. Коллонтай, М. Урицкий, писавшие из Швеции и Дании. Редакторы и авторы не получали при этом ни постоянного жалованья, ни гонораров, а заработная плата наборщиков и типографов, как правило, задерживалась на много месяцев. Время от времени денежные пожертвования собирали и в без того бедных эмигрантских центрах, например, в Клубе русских эмигрантов, Библиотеке еврейских рабочих в Париже[110]. Вскоре газета уже стала известной в Швейцарии, Англии, благодаря чему начала поступать помощь сочувствующих и оттуда.

Появление газеты, вспоминал С. Лозовский, с негодованием было встречено русским посольством во Франции, которое обращалось не раз в военное министерство, указывая на то,

что в Париже выходит возмутительный листок, явно антипатриотического содержания, несомненно, на деньги германского генерального штаба, и что необходимо принять против этого меры[111]. Но, несмотря на двоекратное закрытие газеты, она продолжала распространяться все шире и шире: образовались группы сочувствующих в США, начали поступать статьи и заметки из далекой Австралии. «Мы, – писал Лозовский, – стали центром не только для эмигрантов. “Наше Слово” начало фигурировать также и на рабочих собраниях Парижа и других городов, идеи нашей газеты начали просачиваться в рабочие массы Франции. Делалось это таким образом: во всех уголках Франции было много русских рабочих, сочувствующих нам; они переводили отдельные статьи и заметки и делились ими с французскими рабочими. Я лично появлялся очень часто на рабочих собраниях, делал доклады, сообщения, выступал вместе с Троцким в “Комитете по восстановлению международной связи”, состоящем из синдикалистов и социалистов»[112]. С прибытием во Францию десятков тысяч русских солдат в годы Первой мировой войны отдельные номера «Нашего слова» появлялись в военном лагере под Марселем, после чего французская полиция под давлением российских властей 15 сентября 1916 г. постановила закрыть газету, а Троцкого выслать из Франции[113].

Степень межпартийного раскола была столь велика, что происходило объединение оборонцев и интернационалистов разных партий для борьбы друг с другом. Ярким примером подобного объединения является создание в Париже объединенного органа социал-демократов и социалистов-революционеров «Призыв», выходившего в 1915–1916 гг. В состав редакции вошли Г.В. Плеханов, Н.Д. Авксентьев, Г.А. Алексинский, А.В. Аргунов, И. Бунаков, Б. Воронов. На страницах газеты они доказывали, что в дни войны бойкот правительственных и думских органов – не выход из положения, а в случае победы Германии силы монархизма получат внешнюю поддержку от кайзера. «Призыв» провозгласил лозунг дня: «Путь к свободе – путь к победе»[114]. Газета пыталась объяснить рабочим необходимость жертв во имя победы и заключение классового мира в такой тяжелый для родины момент. Несмотря на патриотизм и призывы к войне до победы, «Призыв» подвергался цензурному преследованию военных властей

Франции, в результате многие номера газеты выходили с белыми полосами.

Особую группу партийных изданий представляли печатные органы, рассчитанные на российских трудовых эмигрантов, в их числе, парижская социал-демократическая газета «Рабочая Жизнь»; издававшаяся в Нью-Йорке в 1908–1909 гг. газета «Русско-американский рабочий» (орган Союза русских социал-демократических организаций в Америке), «Маньчжурский рабочий», издававшийся Харбинской организацией РСДРП.

Аналогичные издания, ориентированные на трудовых эмигрантов, учреждались политэмигрантами. Среди них выделялись прежде всего европейские газеты «Парижский листок», «Юг» (Ницца), «Пролетарское дело», «Русская газета», «Рабочая газета» (Женева), «Эхо» (Давос), «Общественные записки» (Берлин).

Немалую роль политэмигранты сыграли в создании русскоязычной прессы в США (газеты «Русский голос», «Русский рабочий», «Голос труда», «Новый мир», «Знамя» и др.) и в вовлечении русских иммигрантов в профсоюзное и забастовочное движение американских рабочих, а также в культурно-просветительскую работу среди российской колонии[115]. Издание русскоязычной социалистической газеты «Новый мир» было организовано весной 1914 г. С.М. Ингерманом, который одновременно был ее редактором и автором большинства передовых статей[116]. При участии Н.И. Бухарина и Г.И. Чудновского в США издавалась газета Русской федерации и Американской социалистической партии. Приоритетной задачей подобных изданий являлось оказание помощи соотечественникам в адаптации в незнакомой стране. Их тематика была связана, с одной стороны, с политической борьбой в России, с другой – с внутриэмигрантскими проблемами русских рабочих. Вместе с тем, без материальной поддержки со стороны какой-либо общероссийской партии или заграничной организации ни одна из подобных газет выходить не могла. Исключение составили нью-йоркская газета «Новый Мир» и выходившая в Брисбене (Австралия) газета «Известия Союза русских эмигрантов». В первом случае это объяснялось многочисленностью российской трудовой эмиграции в США, во втором – сплоченностью выходцев из России в Австралии вокруг Союза[117].

Свою газету имела русская колония на юге Франции. С 1893 по 1914 гг. в Ницце выходила еженедельная, политическая,

общественная и литературная газета «Русско-французский вестник». С 1913 г. здесь издается еженедельная общественно-политическая и литературная газета «Юг»[118]. С 1911 г. для русских эмигрантов, живших в итальянском городе Нерви, а также туристов и людей, приезжавших на лечение из России, начал издаваться на русском языке выходивший дважды в месяц бюллетень «Эхо Ривьеры», в котором публиковались статьи известных итальянских специалистов о методах лечения, в частности туберкулеза, материалы об итальянской культуре. Газета предоставляла также информацию с адресами клиник, отелей, расписанием поездов и проч.[119].

Потребности в информации русской эмиграции в Германии удовлетворяли выходившие в Берлине литературно-политическая газета «За рубежом», еженедельник «Русско-немецкий вестник» и «Заграничные отклики», а также ежемесячник «Русская мысль»[120]. В 1909–1910 гг. в Стамбуле выходила газета на русском языке «Стамбульские новости», которая освещала внутреннее и международное положение Турции[121].

Невозможно было представить без периодической печати и жизнь русской колонии Харбина. В 1901 г. здесь вышла первая русская газета «Харбинский листок ежедневных телеграмм и объявлений» (редактор-издатель – П.В. Ровенский), в 1903 г. – газета «Харбинский вестник» (редактор – К.П. Лазарев, в последующие годы – Н.В. Слюнин, П.С. Тишенко и др.). В 1905 г. вышло несколько номеров газеты «Маньчжурия» (редактор – П.В. Ровенский), в 1906 г. – газеты «Молодая Россия». В том же 1906 г. началось издание при Управлении КВЖД первой в Маньчжурии газеты на китайском языке «Юаньдунбао», на страницах которой администрация знакомила читателя с положением дел в регионе. Также в этот период выходят такие издания, как еженедельный журнал «Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке» (1908–1917), «Просветительское дело в Азиатской России» (1913–1919)[122]. При этом важную роль в деле сохранения языка и культуры в Харбине играла первая общедоступная библиотека, открывшаяся в 1901 г. В том же году появились клуб и специальная библиотека для работников Механических мастерских КВЖД, Железнодорожного Собрания, свою библиотеку имели служащие КВЖД.

В ряде регионов русского рассеяния развивалась православная пресса. Так, епархиальным печатным органом в США

с 1896 г. являлся журнал «Американский Православный Вестник», выходивший дважды в месяц на английском и русском языках, редактором которого на протяжении 18 лет был протопресвитер А. Хотовицкий. В Филадельфии на малороссийском языке (преимущественно для воссоединенных униатов) издавалась газета «Свет» – печатный орган Православного общества взаимопомощи, ставившая своей задачей поддержание духа народности, память об отечестве и защиту православия в американской пастве. С 1877 г. выходили журналы Русской православной миссией в Японии.

Наряду с периодикой настоятельной потребностью для живущих за границей русских являлась книга, которая связывала русского человека духовно с родиной. Особо следует отметить просветительско-издательскую деятельность Пантелеймонова монастыря на Св. Афонской Горе, где паломникам бесплатно раздавались специальные листки и брошюры назидательного содержания. В 1850 г. вышли в свет «Письма Святогорца о Св. Афонской Горе», в 1860 г. – «Афонский патерик» библиотекаря монастыря о. Азария (Попцова), а также книга «Вышний покров», в которой были собраны сказания о всех чудотворных иконах Афона. В 1865 г. у монастыря появилась собственная типография, а в 1878 г. был основан ежемесячный журнал «Душеполезные размышления» (с 1888 г. – «Душеполезный собеседник»), в котором, наряду со статьями духовного содержания, печаталась летопись жизни русского Афона. Благодаря этим публикациям русский Афон воспринимался читателями как неотъемлемая часть России на Востоке. Монастырь осуществлял также публикацию текстов Св. отцов, описания паломничеств прежних столетий и другие материалы. К середине XIX в. монастырская библиотека насчитывала 500 печатных книг и 60 рукописей, а к концу столетия – около 20 тыс. печатных книг и более 1 тыс. рукописей. Отбор и покупка рукописей у других монастырей осуществлялись благодаря трудам библиотекарей о. Азарии (Попцова) и особенно о. Матфея (Ольшанского)[123].

Русская книга часто была необходима по работе, в известных случаях потребность в ней ощущалась и при общении с иностранцами. Между тем русские отделы в европейских библиотеках были скудны и недостаточны, и не всегда они были доступны русским. Иностранцу всегда несравненно было легче

добыть книгу на иностранном языке в России – по крайней мере в университетах и крупных центрах, чем русскому добыть русскую книгу за границей. Поэтому в тех странах, где образовывались крупные русские колонии, появлялось и стремление создавать русские общественные библиотеки. Во Франции и Швейцарии, в Аргентине и Северной Америке основывались русские читальни и книгохранилища. Пользовались ими беженцы, эмигранты и просто русские, очутившиеся на чужбине.

К началу XX в. за рубежом сложилась инфраструктура эмигрантских архивов и библиотек. По инициативе князя И.С. Гагарина (который перешел в католичество и вступил в орден иезуитов) русскими иезуитами была создана Славянская библиотека в Париже (1855), известная как «Славянский музей» (Мюзе слав). Действовали также Заграничная библиотека Касаткина; архив-библиотека А.Ф. Онегина (60-е гг. XIX в.); вилла Волконской в Риме и созданная ею Аллея Воспоминаний; Русская библиотека в Гейдельберге (н.60-х гг. XIX в.); Русская библиотека им. Н.В. Гоголя в Риме (1902); Герценовская библиотека в Ницце; библиотека им. Г.А. Куклина в Женеве (1902) (после смерти владельца по его завещанию все было передано большевикам, которые после революции перевезли библиотеку в Россию); библиотека Н.А. Рубакина в Кларане (Швейцария); сеть заграничных партийных архивов РСДРП (партийный архив и библиотека в Женеве («Biblioteque Centrale Russe» – *франц*.), Краково-Поронинский архив и др.

Чрезвычайно важную роль в деле сохранения русского языка и отечественной культуры за рубежом сыграла Русская общественная библиотека в Париже (известная как Тургеневская библиотека) – одно из главнейших русских книгохранилищ за границей, тесно связанное с историей русского высшего женского образования, а также с историей русской политической эмиграции. Обстоятельство, ускорившее создание русской библиотеки в Париже, было связано с прибытием сюда массы учащейся молодежи для получения преимущественно медицинского образования и нуждавшейся в русских книгах и журналах. Решение о создании Русской Библиотеки в Париже было принято на собрании эмигрантской колонии 1 января 1875 г. Наряду с известным революционером Г.А. Лопатиным, главным инициатором учреждения библиотеки

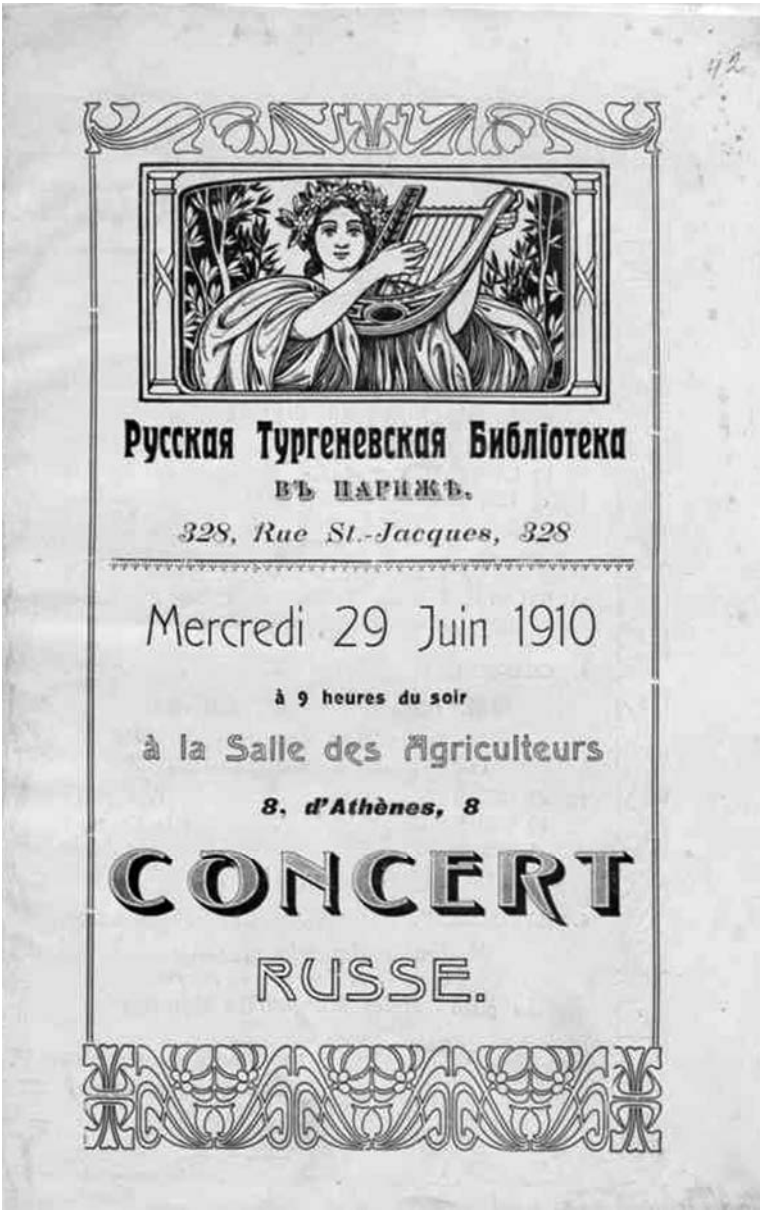
В Тургеневской библиотеке. Париж. 1910–1914 гг.

выступил полковник генерального штаба, автор известного сборника «Отщепенцы» Н.В. Соколов.

Вскоре состоялось первое обращение членов правления к И.С. Тургеневу с просьбой оказать содействие в снабжении библиотеки книгами и журналами. Тургенев откликнулся на просьбу Лопатина и передал большое количество книг, главным образом, своих собственных произведений. Эти книги, а также пожертвования самих эмигрантов, составили основной фонд библиотеки.

В письме к Стасюлевичу от 6/18 января 1875 г. И.С. Тургенев впервые упомянул о том, что в Париже «устраивается небольшая русская читальня»[124]. М.М. Ковалевский, разбирая бумаги скончавшегося в Париже русского ученого Г.Н. Вырубова, нашел письмо Тургенева от 17 февраля 1875 г., в котором он предлагал Вырубову взять билеты на устраиваемое им музыкальное утро 27 февраля 1875 г. Сбор с этого концерта, писал Тургенев, пойдет «на основание русской читальни для неимущих студентов».

Все годы своего существования Тургеневская библиотека служила преимущественно русским обитателям Латинского квартала и левого берега Сены, где русская колония состояла главным образом из политических эмигрантов и учащейся



Концертная афиша. 1910 г. ГА РФ

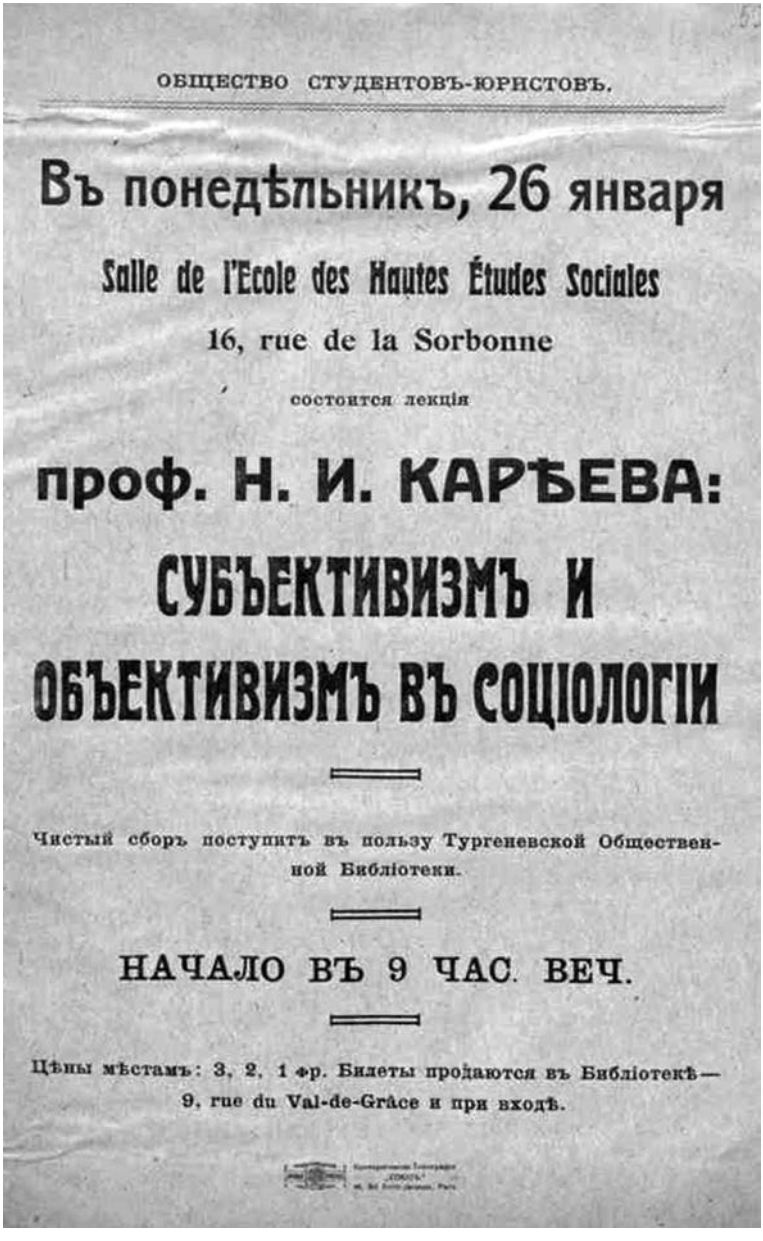
молодежи, при этом правый берег ее бойкотировал, консервативные круги русской колонии в Париже боялись компрометировать себя ее посещением. На вопрос, существует ли в Париже русская библиотека, в русском консульстве отвечали отрицательно, рассматривая Общественную библиотеку имени Тургенева скорее как «революционное учреждение»[125].

Прямая финансовая помощь Тургеневской библиотеке оказывалась уже упоминавшимся Русским благотворительным обществом, что позволяло в трудные годы поддерживать минимальный бюджет библиотеки (1,5 тыс. франков в год).

Средства библиотеки были крайне скудны, поэтому вплоть до 1910 г. сравнительно мало средств тратилось на покупку новых книг. Покупались преимущественно беллетристика, книги по истории, истории литературы, социологии. Отделы «Rossica», иностранной беллетристики, произведений русских писателей на иностранных языках и русской зарубежной, так называемой «нелегальной» литературы были созданы путем пожертвований. Если в начале 1900 г. в библиотеке было около 3,5 тыс. томов; то в 1913 г., перед войной, библиотечный фонд насчитывал уже 17,35 тыс. книг. Библиотека постоянно пополнялась за счет специально выписываемых из России новых изданий. После закрытия Русской высшей школы общественных наук в Париже Тургеневская библиотека унаследовала основную часть книг ее небольшой читальни. Кое-какие книги перешли из библиотеки Лаврова-Гоца, библиотеки Русского Юридического кружка и др. Возросло и число абонементов с нескольких десятков в начале 1880-х гг. до 2 тыс. человек в 1925 г.

Именно абонементная плата за чтение книг, как правило, составляла основной бюджет библиотеки. При этом она была невелика (6 фр. – в 1900 г.). Пользование читальней было бесплатным. Из-за скудости средств правлению библиотеки приходилось изыскивать всевозможные источники пополнения бюджета, для чего постоянно организовывались платные концерты, лекции, музыкальные вечера, празднование Рождества, масленицы и другие подобные мероприятия, доход от которых шел на поддержание книжного фонда.

В период Первой мировой войны книгами библиотеки пользовались русские солдаты, находившиеся в составе западно-европейских армий, в том числе попадавшие с фронтов



ОБЩЕСТВО СТУДЕНТОВЪ-ЮРИСТОВЪ.

Въ понедѣльникъ, 26 января

Salle de l'Ecole des Hautes Études Sociales

16, rue de la Sorbonne

состоится лекція

проф. Н. И. КАРѢЕВА:

СУБЪЕКТИВИЗМЪ И ОБЪЕКТИВИЗМЪ ВЪ СОЦІОЛОГІИ

Чистый сборъ поступитъ въ пользу Тургеневской Общественной Библіотеки.

НАЧАЛО ВЪ 9 ЧАС. ВЕЧ.

Цѣны мѣстамъ: 3, 2, 1 фр. Билеты продаются въ Библіотекѣ— 9, rue du Val-de-Grâce и при входѣ.

Объявление о лекции в поддержку Тургеневской Общественной Библиотеки. 1910 г. ГА РФ

в концентрационные лагеря. Благодаря содействию американского Христианского Общества Молодых людей (Y. M. C. A.), библиотека получила возможность высылать солдатам книги бесплатно. Американское Общество при этом оплачивало представленные счета, а от солдат требовалось лишь внесение залога в 3 франка за книгу. Операция эта проводилась в течение 1918–1920 гг. во французских лагерях Африки и Бельгии. После революции работа библиотеки продолжилась, она имела своих подписчиков уже не только во Франции, но и в Бельгии, Голландии, Италии, Испании[126].

Большую историко-культурную ценность в зарубежье представлял архив-библиотека А.Ф. Онегина, парижского старожила, собравшего богатейший материал по Пушкинской эпохе. Онегин в небольшой квартирке, где прожил одиноким более тридцати лет, превратил две небольшие комнаты в музей, посвященный Пушкиниане. Его коллекция включала в себя рукописи и предметы, принадлежавшие Жуковскому, неизданные рукописи и автографы, редчайшие издания, много томов газетных и журнальных вырезок, иконографию (которую описал М.Л. Гофман), богатейшее собрание писем. Онегин был также тонкий знаток и любитель искусства книги, человек большой культуры и начитанности. Он обращал внимание как каждый собиратель на драгоценные переплеты, редкие издания, интересную графику.

Вся повседневная жизнь А.Ф. Онегина также тесно переплеталась с воспоминаниями о Пушкине и его эпохе. Над его кроватью висел портрет А.О. Россет-Смирновой; на столе, на котором он постоянно писал, лежала под стеклом подлинная посмертная маска Пушкина; на бронзовых часах – бюст Пушкина; на камине – бронзовая модель неосуществленного памятника Пушкину работы Антокольского. И везде – на стенах, столах, комодах было множество картин, рисунков, скульптуры и разнообразнейших предметов, относящихся к Пушкину и его эпохе. Некоторые из этих предметов (коробки из-под конфет, из-под спичек с портретами Пушкина, грубые народные литографии, флаконы в форме бюста Пушкина, игрушечный пароходик с надписью «Пушкин» и т. д.) для поверхностного обозревателя казались ненужным «хламом», но, в действительности, предметы эти дороги были для собирателя как доказательство популярности поэта, того, что культ Пушкина

проникает в толщу населения. Обладая изрядным капиталом, Онегин жил впроголодь и без прислуги, считая, что капитал он пожертвовал для развития и сохранения пушкинианы и что он более ему не принадлежит.

Вспоминая о своих встречах в Париже со «стариком» Онегиным, известная балерина, участница Дягилевских балетных сезонов Т. Карсавина писала: «…Политический эмигрант, суровый и неприветливый старик, представлял собой весьма примечательную личность… Онегин жил в крошечной квартирке нижнего этажа на рю де Мариньан.

– Здесь ничего нельзя трогать, – такими словами встретил он меня у порога и стал показывать мне свою пушкиниану: портреты, посмертную маску поэта; великолепные издания его произведений, портрет Смирновой, которой поэт посвятил одно из своих прекраснейших стихотворений. Радуясь представившейся возможности блеснуть своими познаниями, я поспешно протараторила сонет, Онегин вежливо кивал в такт звучному ритму стихов.

– Умница! Никогда бы не подумал, что вы знаете его наизусть.

Мрачный, жалкий, одинокий, пользующийся репутацией скряги, он позволял себе есть только раз в день. В любое время года и в любую погоду Онегин ходил обедать в “Кафе де Пари”, он всегда оставлял несколько кусочков сахара, подаваемых к кофе, и кормил ими лошадей. Все остальное время в окне его квартиры виднелся его склоненный над столом силуэт – он постоянно ждал посетителей, которые придут посмотреть его музей, но к нему приходили очень редко»[127].

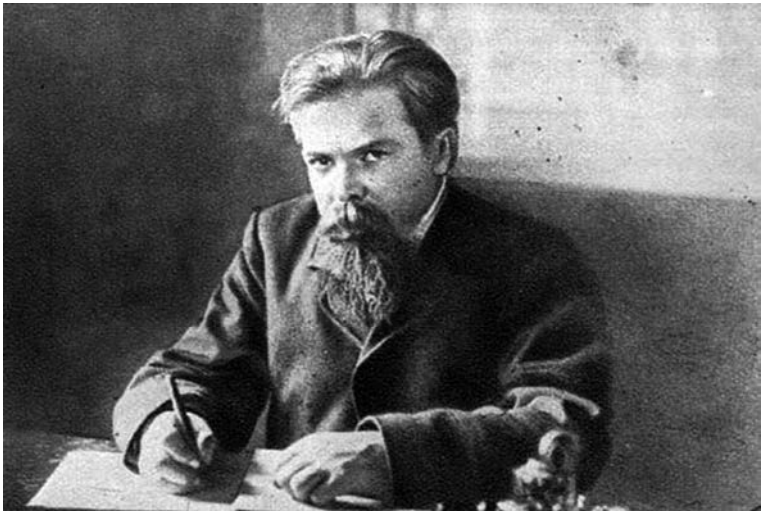
При этом сам Онегин казался окружающим «каким-то осколком исчезнувшей уже литературной и культурной эпохи»[128]. Он был чужд всякому шовинизму и национализму, далек от политики. Этим объяснялся характер завещательных распоряжений, столкнувших у его гроба представителей эмиграции и советского правительства. А.Ф. Онегин завещал свой архив-библиотеку Российской академии наук, которая приняла только часть коллекции, другая часть была куплена Библиотекой при школе восточных языков, часть погибла.

В 1907 г., после переезда из-за преследований в связи с революционной деятельностью в Швейцарию библиографа и писателя Н.А. Рубакина, его дом в Кларане становится центром всей русской политической эмиграции.

В начале Первой мировой войны, в сентябре 1914 г., Рубакин с целью объединить эмиграцию организовал в Монтре «Русский клуб», где выступали с рефератами об отношении к войне Г. Плеханов, В. Ленин, Н. Крыленко, толстовец П. Бирюков. В 1915 г. в связи с увеличением количества русских пленных в Германии Рубакин предложил немцам организовать небольшие библиотеки в немецких лагерях, где предполагалось ведение революционной пропаганды. На печатание книг на русском языке Рубакин получил гонорар от германского правительства в 10 тыс. франков[129]. В 1916 г. он основал в Женеве при Институте Жан-Жака Руссо секцию библиопсихологии, преобразованную позднее в Международный институт библиопсихологии в Лозанне.

Свои библиотеки имела русская колония в Италии. В 1902 г. по случаю 50-летия годовщины со дня смерти Н.В. Гоголя в Риме на доме, где жил писатель и где им были написаны «Мертвые души», была открыта эмигрантами мемориальная доска. К концу церемонии была собрана сумма, предназначавшаяся для открытия русской библиотеки на виа Сан Никола ди Толентино, которая была названа в честь Н.В. Гоголя. В нее поступали книги от частных лиц, от Клуба русских художников, в дальнейшем – от крупных издательств[130]. В 1905 г. библиотека преобразовалась в Общество.

Помимо Библиотеки имени Н.В. Гоголя, в Риме существовала также Студенческая библиотека, было создано Общество русской библиотеки-читальни имени Л.Н. Толстого (председатель правления – Г.И. Шнейдерот). Согласно Уставу, Общество ставило своей целью «оказание помощи его членам в их стремлении сохранить связь с умственной и общественной жизнью России»; «содействие их ориентировке в условиях чуждой им итальянской жизни и способствование взаимному общению русских, живущих в Риме»[131]. Созданная библиотека располагала довольно солидным для начала книжным фондом – до 1 тыс. названий, включая литературу об Италии. Деятельность Общества предполагала также «общение деловое» внутри русской колонии – на почве интересов, нужд и потребностей библиотечного дела и «общение идейное», для которого богатый материал давала та же библиотека. Организация такого общения в разнообразных формах и видах была возложена на особый орган – лекционный комитет, который занимался



Н.А. Рубакин

устройством лекций, рефератов, бесед, организацией экскурсий и осмотров достопримечательностей под руководством сведущих людей.

Говоря о полномочиях комитета, Г.И. Шнейдерот отмечал, что «инструкция, которой комитет руководствуется, решительно не допускает в его деятельности партийной исключительности, ибо имя Толстого, которое общество присвоило себе, и знаменует именно, что это общество не политическое и не партийное», но «не политическое только в том смысле, что оно не ставит себе никаких политических целей, ровно как не партийное только до известных пределов, – до тех, за которыми не партийность превратилась бы в отрицание самого Толстого, всего, что ему было свято и дорого и что символизируется его именем»[132].

Наряду с ролью русских библиотек за границей, историк эмиграции П.Е. Ковалевский отмечал особое значение русских отделов иностранных библиотек, где создавались коллекции русской книги и периодики. В частности, благодаря трудам директора Высшей школы восточных языков Поля Буайэ Библиотека Восточных языков в Париже была до революции од-

ной из самых богатых русскими книгами. Библиотека Славянского Института Парижского Университета обогатилась собранием академика Люи Леже, который получал из России не только все академические издания, но и многие журналы. Хорошо была известна во Франции своими коллекциями русских книг и периодических изданий Славянская библиотека, собранная трудами отца Пирлинга, и Национальная библиотека в Париже.

Но больше всего книг было в Русском отделении Библиотеки Британского Музея в Лондоне и американских библиотеках. Ценны были также приходские библиотеки во Франции и Германии. Среди них – библиотека Св. Владимирского Братства в Тегеле, под Берлином, Библиотеки при Соборе на рю Дарю, 12 и при церкви в Ницце. Русские библиотеки появились также в Оксфорде и при Лондонском Университете.[133]

Русская книга заняла важное место и в культурном пространстве Болгарии. В апреле 1878 г. первый гражданский генерал-губернатор Софии П.В. Алабин и его болгарский помощник Марин С. Дринов предложили императорскому комиссару князю Александру Михайловичу Дондукову-Корсакову организовать в городе публичную библиотеку. В результате 26 ноября 1878 г. в столице состоялось торжественное открытие общественной библиотеки, которая получила в дар книги от нескольких частных лиц Болгарии и России, в том числе от профессора Харьковского университета И.В. Платонова – свыше 2 тыс. томов. Со всех концов России видные общественные деятели и простые люди, славянские благотворительные общества и организации направили в дар болгарской библиотеке более 20 тыс. книг и журналов, заложив основы самой крупной современной болгарской публичной библиотеки[134]. Значительное количество русской литературы, издававшейся в Москве и Санкт-Петербурге в XIX в., имелось также в Народной библиотеке им. Ивана Вазова в г. Пловдив. В их числе были сочинения Ф.В. Булгарина (1861), А.С. Грибоедова (1873), полное собрание сочинений Д.В. Григоровича в восьми томах (1873), Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского и др.

В фондах личных библиотек Болгарии также имелась русская художественная и научная литература, включая книги по философии, социологии, политике на языке оригинала (напри-

мер, труды Г.В. Плеханова). Это были коллекции библиотек Н. Сакарова, академиков В. Стоянова и М. Балабанова, царской семьи Кобургов. Особо следует отметить библиотеку В. Стоянова – филолога, академика, одного из основателей Болгарского книжного содружества, у которого была самая большая коллекция полных собраний сочинений на русском языке И.А. Крылова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, изданных в Санкт-Петербурге и Москве.

В библиотеке царской семьи Кобургов хранились все книги на языке оригиналов, так как члены царской семьи владели многими иностранными языками и читали художественную литературу в подлинниках. В результате в ее фонде оказалось около 150 томов российских изданий[135].

Одна из лучших и богатейших русских библиотек к концу XIX в. сформировалась в Вашингтоне. Сегодня она является частью «Славянского Отдела» («Slavic Section») Национальной Библиотеки Конгресса США и под названием «юдинская» составляет самостоятельную «библиотеку в библиотеке»[136]. Коллекционер Г.В. Юдин, обладавший большими средствами, начиная с 1894 г., собирал редкие книги, старые бумаги, письма и проявлял при этом интерес к библиографии и истории как сибирской, так и общерусской. Постепенно в его «книгохранилище» накопилось до 80 тыс. томов и свыше 100 тыс. номеров архивных бумаг, особенно богаты были отделы по библиографии, русской и сибирской истории, русской литературе. После того, как у Юдина отказались приобрести библиотеку на родине, он вступил в переговоры с американцами, в частности, представителями Библиотеки Конгресса США, которые заинтересовались юдинской библиотекой, но не смогли договориться о цене. После событий, связанных с Первой русской революцией и поджогами в Вологде и Томске, коллекционер согласился продать ее американскому правительству за 40 тыс. долларов (хотя первоначально им была назначена цена в 150 тыс. долл.). Книги весили свыше трех тысяч пудов, и по просьбе американского правительства в распоряжение Вашингтонской библиотеки, куда перевозилась коллекция, были предоставлены пять товарных вагонов. По ценности и значимости американское правительство постановило считать, что «Юдин свою библиотеку пожертвовал американскому на-

роду» и в бумагах Библиотеки Конгресса она с тех пор значится как пожертвование.

Славянским отделом или *Юдинской библиотекой* заведовали двое русских – П.П. Спик и М.З. Винокуров, которые занимались разработкой фондов библиотеки, включающих в себя такие уникальные экземпляры, как рукописный букварь 1694 г., старейшие русские книги «Історія о ординах илі чінахъ воинскихъ паче же кавалерскіхъ» (1710); «Пріклады како пішутся комплементы разные на немецкомъ языкъ то есть, пісанія от потентатов къ потентаомъ» (1708), а также «Санкт-Петербургскія Въдомости» (1739). В библиотеке имеются все журналы екатерининской эпохи; один из четырнадцати известных экземпляров изданного в 1790 г. «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева. Здесь же представлены все первые издания Карамзина, Хераскова, Кантемира, Ломоносова, Жуковского. Несколько длинных полок занято первыми изданиями произведений А.С. Пушкина. В коллекции имеются также все периодические издания Петербурга и Москвы за весь XIX в., а также зарубежная литература. Подобрана коллекция специально уничтоженных цензурой книг, даже вырезанные цензурой журнальные статьи, которые как-то умел добывать Юдин. В коллекции оригинальных рукописей широко представлены документы по истории Сибири[137].

Таким образом, как показал рассмотренный материал, русская печать, издательское дело, создание библиотечных фондов за рубежом сыграли важную роль в деле сохранения родного языка, элементов русской культуры и национального самосознания. В такой форме институционализация культурной жизни зарубежной России продолжится в последующий период, приобретая новые черты в контексте сохранения идентичности в русскоязычном сообществе мира.

Путешествия за границу как новая культурная практика

В начале XVIII в. благодаря расширению политических, экономических, научных и культурных контактов со странами Европы появляется новая для России того времени культурная

практика – длительное путешествие по Европе (Grand tour). Однако рост количества длительных частных путешествий начинается лишь в 70-е годы XVIII в., чему отчасти способствовала отмена в 1762 г. обязательной дворянской службы. Особенностью таких путешествий явилось то, что они становятся явлением частной жизни. Как отмечает М.С. Стефко, в феномене европейского путешествия прослеживались основные тенденции развития русской дворянской культуры конца XVIII – первой четверти XIX вв., «движущейся от подражания зарубежным образцам к выработке собственных смыслов, обретающей своё лицо и своё место в европейской цивилизации»[138].

В потоке путешественников оказываются не только состоящие на службе, но и не служащие дворяне, литераторы, художники, в путешествия отправляются целыми семьями, или отправляют детей под попечительством воспитателя, в особенности в курортные места. Так, возникли русские колонии в Сан-Ремо и Лидо (Италия), Баден-Бадене и Висбадене (Германия), Ницце (Франция) и др. Известные государственные деятели, а также деятели культуры, духовные лица России еще в XVIII в. подолгу жили в разных европейских странах, знакомились с европейской культурой, светской салонной жизнью местной аристократии, одновременно знакомя Запад с элементами русской культуры и национальных традиций.

Начиная с 1738 г. и вплоть до своей смерти в 1744 г., в Париже в качестве российского посланника находился князь А.Д. Кантемир. Почти целое десятилетие (1768–1778 гг.) провел в Европе князь А.М. Белосельский-Белозерский: сначала в Берлине при русской дипломатической миссии, затем во Франции и Италии, где он приобщался к литературе и музыке, собирал произведения искусства. В 1779–1780 гг. князь был назначен русским посланником в Дрездене, в 1792–1793 гг. – Турине, и потому круг знакомств, через который дипломат устанавливал контакты европейцев с Россией, был достаточно представителен – Вольтер, Бомарше, аббат Ж. Делиль и др.

В 1752 г. в Европе с целью получения образования находился граф А.С. Строганов, который в течение двух лет жил в Женеве, где познакомился с Вольтером, затем посетил Италию, после чего почти год прожил во Франции. С 1752–1757 гг. слушал лекции в университетах Женевы, Болоньи

А. Варнек. Портрет действительного тайного советника президента Академии художеств графа А.С. Строганова. 1814 г.

и Парижа. Строганов, как и многие его соотечественники, путешествовал с образовательной целью. Его дневник, как и более поздние путевые записки 1770–1780-х гг., фиксируют то, что представляло для него интерес с точки зрения истории, политики, государственного управления, наук, искусств[139].

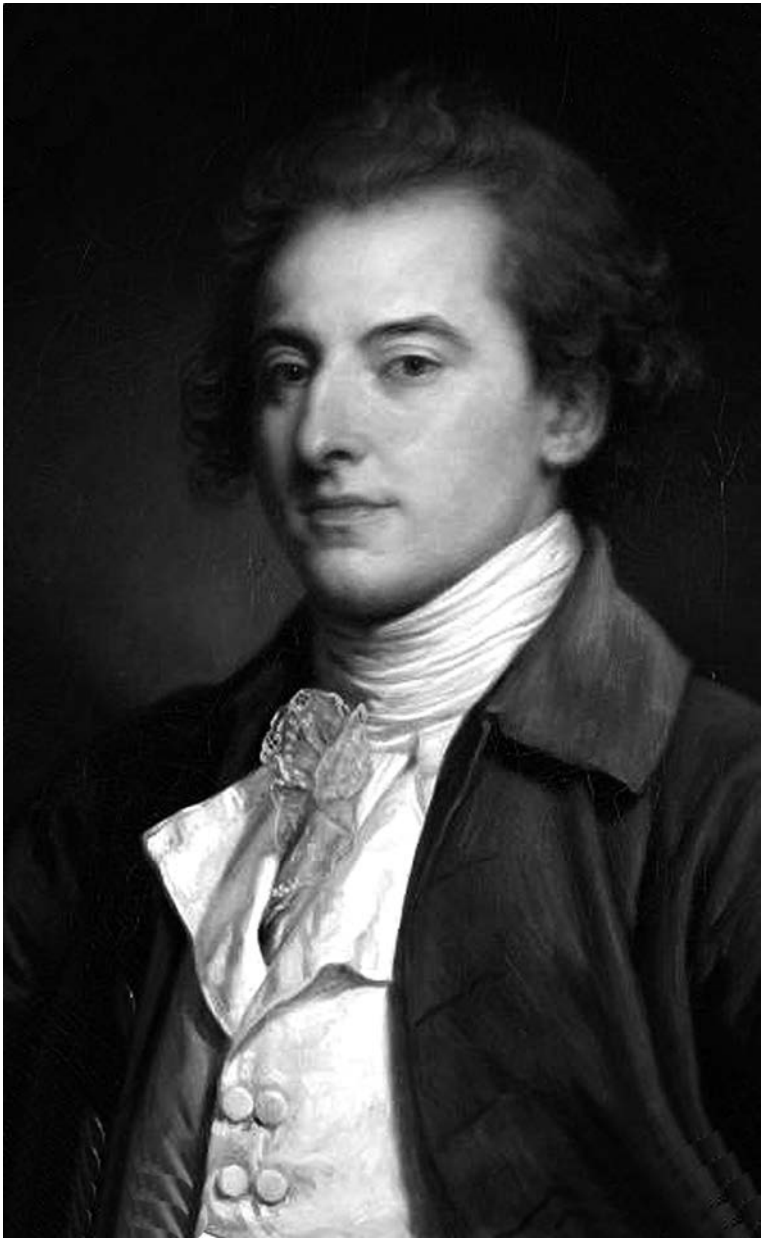
Баронесса Н.М. Строганова (урожденная княжна Белосельская) путешествовала в 1780–1782 гг. по Европе с девятилетним сыном А. Строгановым в обществе графа И.П. Салтыкова, его жены Д.П. Салтыковой и их двух дочерей. Они посетили за это время Берлин, Дрезден (где баронесса встречается со своим братом А.М. Белосельским, посланником при Саксонском дворе), Париж, Лондон, Вену. Находясь за рубежом, Н.М. Строганова вращается в аристократическом обществе: она была принята при дворе Фридриха Великого, при императорском дворе в Вене. В Париже баронесса присутствовала на заседании Французской академии во время чтения Делилем песни из его поэмы «Сады»; в Версале ее принимала Мария Антуанетта.

В это время в Париже находилась чета Шуваловых – граф А.П. Шувалов и его жена Е.П. Шувалова (урожденная княжна Салтыкова), которая сопровождала супруга в период его поездки во Францию в 1764–1766 и 1777–1781 гг.

Во время очередной поездки во Францию путешествия граф Шувалов познакомился с Вольтером, который в письме к графу А.Р. Воронцову лестно отзывался о своем госте и его стихотворении на французском языке, написанном по поводу смерти Ломоносова. Это стихотворение с предисловием было напечатано в 1765 г., и в том же году в «Journal Encyclopedique» появилось его «Epitre de m-r le comte de Schouvalov a m-r de Votaire». С этого времени у графа завязалась с Вольтером переписка, и он стал часто посылать ему свои стихотворные опыты. Кроме Вольтера, А.П. Шувалов в это путешествие познакомился с другим знаменитым человеком – швейцарцем Лагарпом.

В 1760–1763 гг. княгиня Н.П. Голицына (урожденная графиня Чернышова) жила в Париже, где ее отец был послом. В 1784–1790-х гг. она предпринимает путешествие по Европе, подолгу живет в Париже вместе с мужем и двумя дочерьми, где посещает аристократические салоны, устраивает в январе 1787 и 1788 гг. «балы» в своем доме, на которых собирается до

Портрет кн. Н.П. Голицыной. Гравюра Уильямса Петера с портрета Ф.Ю. Друэ. 1760 г.



Жан-Батист Грез. Граф Андрей Петрович Шувалов. 1776–1781 гг.

500 человек. Предметом поклонения княгини оставалась королева Мария-Антуанетта, с которой она общалась и до и в период революции, когда, в частности, Мария–Антуанетта предприняла попытку получить поддержку русского двора и лично Екатерины II. В 1782–1785 гг. в Страсбурге обучались сыновья Н.П. Голицыной. Екатерина II была недовольна длительным пребыванием княгини и ее семьи за границей и особенно выбором Франции в качестве места обучения детей, тем не менее, несмотря ни на что, княгиня еще два с половиной года не возвращалась в Россию[140].

В конце XVIII - начале XIX в. в Европе, в знаменитом курорте Теплице в Богемии (недалеко от Дрездена), проживала графиня Н.П. Головкина (супруга графа Ф.Г. Головкина – церемониймейстера при павловском дворе, а также французского писателя, романиста и автора мемуаров), где она посещала общество европейских аристократов и сама устраивала вечера в собственном доме, которые сравнивали со знаменитым салоном маркизы де Деффан. Головкина была первым автором русского романа, опубликованного по-французски, с характерным названием «Елизавета де С***, или История одной Россиянки, опубликованная одной из ее соотечественниц»[141].

Приблизительно в то же время, а именно в 1802 г., отправляется в Европу, в Париж, княгиня П.А. Голицына (урожденная графиня Шувалова, автор стихов на французском и переводов). Путь ее проходит через Висбаден и Страсбург. Затем после Парижа она посещает Вену, где ей предстояла встреча с матерью и мужем (камергером, князем М.А. Голицыном), а также сестрой Александриной (женой бывшего посланника австрийского двора в Петербурге князя Ф.-Ж. Дитрихштейна). О своем кратком, но насыщенном встречами визите в Париж она сообщала в письме, адресованном матери 9 января 1803 г.:

«…Я отнюдь не сожалею о Париже; хотя я начинаю понимать, что в нем можно жить довольно приятно, если бы таков был приговор судьбы […] Это, как хорошо говорил батюшка темница, в которой можно освоиться только спустя 2 месяца, чтобы затем провести в ней 3 летних месяца. Это может быть весьма любопытно[…] Я подружилась с маркизой де Галло, женой того, кто был в Петербурге, она часто принимает у себя маленькое общество иностранцев. К тому же приятно выходить в свет с женой посла, и вчера я была с ней и Марковым.

У консула Камбасереса, прием напоминал московский клуб. Ходят взад и вперед, задыхаются. Сегодня она пришла ко мне, как и г-жа Долгорукая и г-жа Замойская, которых я также часто вижу, а также Долгорукая и г-жа Замойская […]

Вчера я ужинала в Тюильри у первого консула […] Нас было 250 человек. Я сидела за ужином между напудренным генералом и министром юстиции, одетым, как раньше одевались канцлеры. Было много фраков, сеток на волосах, кружев, все это переняли вместе с пудрой. Буонапарте много говорил со мной и с княгиней Долгорукой – он стоял, а мы сидели – об итальянской музыке, спектаклях и т. д., и спустя полчаса ко мне подошли (префект выполнил это поручение) сказать, что я буду играть с Первым консулом в реверси. Я была вынуждена сказать, что не умею, и мне очень жаль, так как было бы любопытно составить партию с Буонапарте»[142].

Зиму княгиня П.А. Голицына вновь проводит в Париже, где аббат Делиль должен давать ее дочери Елизавете (в замужестве маркизе Терци) уроки литературы. Начавшаяся в 1804 г. война Франции с Англией затруднила перемещение по Европе, но княгиня добивается получения документов, позволивших ей беспрепятственно путешествовать. Позднее, в 1816–1823 гг., она поселяется в Париже, где встречается с княгиней Куракиной, которая находит в доме своей соотечественницы общество завсегдатаев.

После разгрома Наполеона поездки в Европу становятся модой. Наибольшее число среди дворян выезжало на лечение. По данным III отделения, которые приводит В.Я. Гросул, ежегодно во второй трети XIX в. за границу выезжало от 3 до 5 тыс. человек. Динамика зависела от международной ситуации. Так, после окончания Крымской войны, в 1857 г., цифра выехавших составила уже 15,102 тыс. человек, в 1859 г. – 26,303 тыс., в 1860 г. – 70,044 тыс.[143]

Великосветские салоны, которые держали высокообразованные дамы, посещавшие европейские столицы и общавшиеся там со светилами мира искусства и культуры, а также видными политиками, играли важную роль в организации повседневной жизни русских обитателей за границей. Хорошо было известно в высшем свете Общество, собираемое в доме княгини П.А. Голицыной. В числе ее зарубежных гостей были Шатобриан, Вальтер Скотт, Фенимор Купер и др. Художник

и архитектор Александр Брюллов (брат знаменитого Карла Брюллова) выполнил в парижском салоне княгини с натуры акварельный портрет Вальтера Скотта, признанный ныне одним из лучших изображений писателя.

Как уже отмечалось выше, свой салон осенью 1819 г. открыла в Риме княгиня Зинаида Александровна Волконская. Дочь князя Белосельского-Белозерского, княгиня Зинаида Александровна, родившаяся в Дрездене, получившая европейское образование и знавшая наряду с французским и английским, греческий язык и латынь, оказалась весьма восприимчива к западному духовному опыту, считала себя способной играть роль более деятельную, чем ту, которую церковь предписывала женщине в России[144]. Княгиня находилась вместе с мужем в свите Александра I во время заграничного похода русских войск 1813–1815 гг., блистала своим талантом певицы и актрисы на европейских конгрессах, она много путешествовала по Европе, подолгу жила в Париже. Среди посетителей салона княгини в Италии, помимо проживавших в столице художников (главным образом пенсионеров Петербургской Академии художеств), были члены императорской фамилии, российские меценаты, известные итальянские певцы и музыканты, а также русские путешественники, дипломаты. Среди последних – А.Я. Италинский, библиофил и собиратель арабских древностей (с 1817 по 1827 гг. – русский посланник в Риме); князь Г.И. Гагарин, писатель, знаток искусств (с 1827 г. – российский посланник в Италии). В римскую дипмиссию в те годы входили также молодые дипломаты – барон П.В. Ган и однокашник А.С. Пушкина по лицею Н.А. Корсаков.

В числе посетителей салона З. Волконской были граф Д.П. Бутурлин, бывший директор Эрмитажа, знаменитый библиофил, который по нездоровью в 1817 г. со всей семьей переселился в Италию; граф Г.В. Орлов, автор многотомных публикаций по истории итальянской музыки и русского искусства, который также прожил большую часть жизни во Франции и Италии. Здесь декламировали стихи, музицировали, пели, ставили русские пьесы и даже оперы, организовывались костюмированные римские карнавалы. В салоне устраивались музыкальные вечера с участием известных артистов, посещавших Рим, разыгрывались спектакли, в которых играла и пела хозяйка салона. В частности, княгиня для своего

О.А. Кипренский. Портрет З.А. Волконской. 1829 г.

домашнего театра написала музыкальную драму «Жанна д'Арк» по Шиллеру, в которой она исполняла основную партию[145]. Позднее, в 1829 г., оставив мужа и увлекшись молодым итальянцем, Волконская навсегда покидает Россию, переезжая в Италию, где около 1835 г. она переходит в католичество и посвящает свою дальнейшую жизнь религиозному служению (в 1853 г. в Риме Волконская вступила в Третий орден францисканцев[146].

Таким образом, благодаря русским аристократам, которые находились в постоянном контакте с европейской культурой, устанавливался межкультурный диалог со всей Европой. Проживавшие в разные годы в Европе В.К. Тредиаковский, граф А.П. Шувалов, А.М. Белосельский, княгини П.А. Голицына, З.А. Волконская и другие использовали свое творчество – стихи или романы, написанные на французском языке, но с патриотической составляющей, в качестве средства дать европейскому читателю представление о России, и «еще в большей степени представить себя как русского, открытого для европейского мира»[147].

Вторая половина XIX в., по сравнению с предшествующим периодом, стала временем наиболее интенсивного развития путешествий, становления своеобразного русского туризма как профессиональной отрасли. Один из популярных журналов середины XIX в. поместил статью «Туристы вообще и особенно русские», в которой о туризме говорилось как о новой реалии. «Туристы – явление нового времени», – такими словами начинал свое письмо в «Отечественные записки» Н. Ливенский. Он признавал, что и ранее люди выезжали из своей страны, но для них путешествие было подвигом, «сном на яву, превратившемся из сказки в реальность»[148].

К началу XX в. продолжилась старая традиция, согласно которой аристократические семьи обычно проводили конец осени в Париже. Как сообщала «Петербургская газета», в столице Франции в ту пору находились представители следующих аристократических семей Петербурга: генерал адъютант кн. В.С. Кочубей с женой (рожденной княжной Белосельской-Белозерской), княгиня М.А. Трубецкая (рожденная княжна Долгорукова) с дочерьми, княгиня О.К. Орлова (рожденная княжна Белосельская-Белозерская), граф С.Ю. Витте с женой, княгиня О.К. Орлова-Давыдова, графиня Менген, княгиня

Т.Н. Голицына, светлейший князь К.А. Горчаков, барон Д.А. Бенкендорф с женой (рожденной Закревской), И.В. Шереметев, граф В.Г. Бобринский с женой, графиня Шувалова (рожденная княжна Барятинская) и др.[149]

В начале 1900-х гг. в Париже жил и скончался Василий Александрович Шереметев – коллекционер старинных картин, бывший воспитанник Пажеского корпуса, состоявший при генерале Куропаткине в бытность его в Туркестане, но после женитьбы оставивший службу и поселившийся в Париже, где уже жил его дядя М.В. Шереметев, член парижского жокей-клуба «УнIона». В.А. Шереметев был женат на москвичке А.И. Кузнецовой, дочери известного миллионера Кузнецова, владельца крупной чайной фирмы. Обладая большими средствами, он успел собрать в своем парижском доме на улице Марбо обширную галерею ценных произведений старых мастеров итальянской и голландской школ, дружил с известным Анри Рошфором. Ежегодно в течение сезона чета Шереметевых устраивала оживленные и многолюдные приемы, обеды и балы, о роскоши которых говорили в свете[150].

В тот же период в Париже проживала княжна Марина Николаевна Енгалычева, которая, как писали о ней газеты, «усердно и с успехом пропагандировала русский национальный костюм на парижских великосветских вечерах, появляясь в русском сарафане и кокошнике, что вызывало восторг парижанок»[151]. Брат княжны князь Енгалычев был женат на дочери американского миллионера и жил постоянно в Америке.

На тот момент значительная колония из представителей русской аристократии сформировалась на Лазурном берегу. Русские приезжали сюда главным образом зимой из-за теплого климата. К середине 50-х годов XIX в. в Ницце (которая тогда еще не была французской территорией), по данным С.Ю. Нечаева, проживали 104 иностранные семьи, из которых русских было 30 семей, англичан – 19, французов – 24 и прочих национальностей – 21[152].

Большое количество мест в Ницце оказалось связано с именами членов царской семьи, которые закладывали здесь православные церкви, бульвары. В 1858 г. в Ницце открыла летний сезон великая княгиня Елена Павловна, вдова великого князя Михаила Павловича. С 1856 г. сюда со свитой часто стала приезжать вдовствующая императрица Александра Фе-

доровна (бывшая супруга императора Николая I). В результате русские арендовали здесь наемное жилье и приступили к строительству русского прогулочного бульвара и православной церкви на улице Лоншам. Вскоре ими был приобретен в г. Вильфранш (что в пяти километрах от Ниццы) участок пляжа, на котором была построена военно-морская база (рейд Вильфранша по аренде оставался базой для снабжения российского императорского флота вплоть до Первой мировой войны), где 360 военных моряков охраняли покой членов императорской фамилии. В 1857 г. в Вильфранше русскими был построен каменный дебаркадер и больница для моряков[153].

После смерти Александра II в Ниццу переехала княгиня Юрьевская (урожденная Екатерина Михайловна Долгорукая, морганатическая жена русского императора) с тремя своими детьми. Сюда же перебрался после отставки в апреле 1881 г. и в связи с ухудшившимся состоянием здоровья граф М.Т. Лорис-Меликов, продолжавший при этом выполнять обязанности члена Государственного совета[154].

В разные годы в Ницце жили поэт и дипломат Ф. Тютчев, русская художница М. Башкирцева. Н.В. Гоголь поселился в Ницце в 1843 г., откуда он писал В.А. Жуковскому: «…Ницца – рай… Спокойствие совершенное. Жизнь дешевле, чем где-либо… Сологубы здесь. Графиня Виельгорская тоже здесь, с сыном и меньшою дочерью… Я продолжаю работать, т. е. набрасывать на бумагу хаос, из которого должно произойти создание “Мертвых душ”»[155]. В Ницце, в Русском пансионе, подолгу жил А.П. Чехов, который писал здесь «Три сестры». Сюда приезжал П.И. Чайковский и ему оказывала помощь нестесненная в средствах Н.Ф. фон Мекк, вдова скончавшегося в 1876 г. барона фон Мекка.

В Ницце некоторое время проживал А.И. Герцен, который в это время сотрудничал с русской газетой «Неделя», отправляя в ее адрес статьи под рубрикой «Скуки ради». В 1851 г. в Ницце Герцен опубликовал одно из известных своих произведений – «Развитие революционных идей в России». Здесь, рядом с могилой первой супруги, А.И. Герцен был похоронен. Здесь же покоятся трое из его детей. Еще один сын Герцена от первой жены – А. Герцен стал профессором физиологии. В разные годы он работал во Флоренции и Лозанне. В 1888 г. в Ницце появился скрывавшийся после цареубийства (сначала

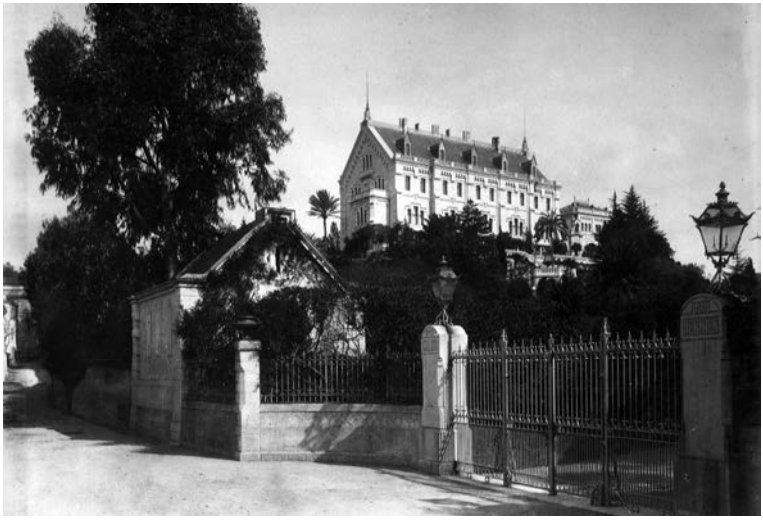
в Швейцарии, затем во Франции) Л.А. Тихомиров – бывший народоволец, отошедший затем от революционной деятельности.

Делясь впечатлениями о русских в Ницце, П.Д. Боборыкин приводит пример из жизни А.Л. Эльсница – уроженца Москвы, который учился медицине в Швейцарии и Франции, где приобрел степень доктора, женился на русской и став отцом семейства, устроился прочно в Ницце. «Долгое житье в Швейцарии и Франции вовсе не офранцузили его, – пишет П.Д. Боборыкин о своем знакомом, – и в его доме каждый из нас чувствовал себя, как в русской семье. Все интересы, разговоры, толки, идеалы и упования были русские. Он не занимался уже “воинствующей” политикой, не играл “вожака”, но оставался верен своим очень передовым принципам и симпатиям; сохранял дружеские отношения с разными революционными деятелями, в том числе и с обломками Парижской коммуны… Не думаю, чтобы его можно было считать правоверным марксистом, хотя в числе его ближайших знакомых водились и социал-демократы…»[156].

Следом за членами царской семьи на Ривьеру прибывали представители знаменитых российских фамилий – Апраксины, Кочубеи, Лобановы-Ростовские, Черкасские и другие, которые покупали здесь виллы, становились хозяевами роскошных особняков. В городе открывались русские отели, рестораны, театры, страховые компании, акционерные общества. У богатых русских на Лазурном берегу протекала бурная светская жизнь.

На Ривьере появляются крупные в те годы железнодорожные магнаты П.Г. фон Дервиз и К.Ф. фон Мекк, которые превзошли всех по богатству и роскоши устроенной ими здесь жизни.

В 1867 г. барон фон Дервиз построил собственную виллу «Шато де Вальроз» (в здании которой сегодня находится Университет г. Ниццы). Здесь барон основал свой театр и симфонический оркестр. Вывезенному из России архитектору А.М. Макарову он заказал театральное здание на 500 зрителей, в котором выступали 70 музыкантов и небольшой хор. 5 января 1879 г. на театральной сцене виллы Вальроз состоялась премьера оперы М.И. Глинки «Жизнь за царя». На вилле проходили «русские карнавалы», в театре – концерты, куда



Вилла Вальроз, вид с главного входа. Фото Ж. Жилетта. Около 1890–1900 гг.

приглашалось все высшее общество Ниццы, которые давались не только в светских, но и в благотворительных целях. Благотворительность семьи барона фон Дервиза осуществлялась в отношении неимущих как русских, так и уроженцев Ниццы. Распределением сумм занимались российский консул и православное духовенство Ниццы, а также представители местного муниципалитета. Сам барон однажды пожертвовал городу на общественные цели 60 тыс. золотых франков[157].

В парке Вальроз была размещена также деревенская изба (существующая и поныне) из киевских владений барона, которую он приказал разобрать и переправить в таком виде морем из Одессы и вновь собрать на месте.

Одним из центров культурной и общественной жизни французской Ривьеры стал Русский клуб в Ницце, в первую очередь, благодаря энергии и широкой поддержке его председателя графа Сумарокова-Эльстон и его супруги, урожденной Ознобишиной, сумевших «сгруппировать большинство выдающихся представителей русской колонии». В Русском клубе

П.Г. фон Дервиз

Деревенская изба в парке Вальроз

устраивались спектакли и концерты с участием артистов, приезжавших в Ниццу. Активное участие в деятельности Клуба принимали его казначей граф Морков, старшины Муравьев-Апостол-Коробин, Красильников, Аржанов, Чепелевский, адмирал Соловцов, управляющий делами светлейшей княгини Юрьевской. Членами Клуба были также г-жи Самарина, Ознобишина, баронесса Унгерн-Штернберг и др.[158]

Соседство Ниццы с королевством Монако, где расположено казино, также привлекало сюда многих русских, а вместе с ними, хотя и медленно проникала и русская культура. Все началось с гастролей Шаляпина, затем сюда прибыл Дягилев со своим балетом (на одной из террас казино установлен бюст С.П. Дягилеву). Здесь же неподалеку, на Лазурном берегу, в местечке Кап де Айль, около Монте-Карло, приобрела виллу М.Ф. Кшесинская. Свой дом она назвала «Виллой Алам», т. е. своим уменьшительным именем (если читать его справа налево). В одном из интервью Кшесинская заявила: «Я не скучаю, “назад” меня не тянет и сцена – вовсе не “моя жизнь”»[159].

После Венского конгресса 1815 г. заметно возрос интерес русских к Австрии и ее столице – Вене. Здесь с 1801 г. прожи-

вал граф А.К. Разумовский, назначенный послом в этой стране, в доме которого всегда собирались приезжие дипломаты, военные, деятели культуры. В 1806 г., после Тильзитского мира граф вышел в отставку и жил как частное лицо. Здесь он занялся устройством своей знаменитой картинной галереи и организацией концертов, в которых участвовал сам, играя вторую скрипку. Разумовский покровительствовал художникам, музыкантам, активно поддерживал их, в особенности Бетховена. Известно также, что на собственные средства Разумовский соорудил мост через Дунай, который долгое время носил его имя. Перед самой смертью под влиянием второй жены он перешел в католичество[160].

С 1863 г. в Вене поселился русский изобретатель, публицист, общественный деятель И.Н. Ливчак. В 1867 г. им было создано общество «Русская основа» для граждан Австрии русской национальности (галичан, буковинцев, угророссов) «с целью своего народно-русского литературного образования». Общество пропагандировало панславистские идеи, призывая к освобождению славян из-под власти Австро-Венгрии и объединению их вокруг России.

С 1863 до 1868 гг. Ливчак издавал сатирический журнал «Страхопуд», на страницах которого велась борьба с поляками и полонофилами. Кроме того, он был главным редактором литературных русскоязычных журналов, также издававшихся в Вене – «Золотая Грамота» (1864–1867) и «Славянская заря» (1867–1868), в которых отстаивались идеи «единства русских племен и русских наречий». Он полностью издал также роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». В 1870-х гг. из-за преследований местными властями Ливчак переехал в Россию (где он выступил также как автор изобретений в военной области – прицельного станка, оптического прибора – диаскопа (прототип перископа), отмеченного золотой медалью Парижской академии[161].

По-прежнему у русских путешественников XIX в. популярной оставалась Италия. Российские исследователи И.Н. Бочаров и Ю.П. Глушакова приводят в связи с этим текст письма от 1816 г. на имя маркиза Джузеппе Терци от графа Джулио Литты (известного в России как Юлий Помпеевич Литта), находившегося со времен Екатерины II на русской службе и женатого на племяннице Г.А. Потемкина (урожденной

Граф А.К. Разумовский

Энгельгардт). «Многие русские дамы, – писал Дж. Литта, – собираются путешествовать и ехать в Италию, чтобы укрепить здоровье и при этом сэкономить; среди них графиня Ростопчина со всей ее семьей, которая намерена обосноваться на несколько лет в Турине; графиня Головина, госпожа Свечина и ее сестра княгиня Гагарина»[162]. В письме сообщалось также, что в Италию направляется внучка Дж. Литты госпожа Потемкина, чье слабое здоровье требовало пожить молодой даме некоторое время в теплом климате. Ее в поездке сопровождала одна из княгинь Туркестановых и муж, гвардейский полковник Потемкин, который ушел в отставку, сохранив почетное право носить военную форму. В том же письме отмечалось, что «госпожа Гурьева и другие дамы намереваются ехать на воды в Теплиц, Карлсбад»[163].

В это время в Италии довольно многочисленной была колония творческих людей из России. Здесь жили живописцы О. Кипренский, П. Басин, Ф. Бруни, пейзажисты Ф. Матвеев, С. Щедрини, портретист В. Бинеман, скульпторы С. Гальберг, М. Крылов, архитекторы В. Глинка, Х. Мейер, К. Тон и Ф. Эльсон и др. В разные годы в Италии проживали Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, К.П. Брюллов, И.И. Мечников и многие другие.

В результате общественная и интеллектуальная жизнь русских эмигрантов в Италии сосредоточивалась в домах известных людей: в Неаполе и на Капри – в доме М. Горького, в Кави ди Лаванья – вокруг писателя В.А. Амфитеатрова, в Нерви – у врача А.С. Залманова, в Риме – в доме писателя М. Осоргина. Последний прожил в Италии десять лет (с 1907–1916 гг.), не прерывая связей с известной в России либеральной газетой «Русские ведомости» и журналом «Вестник Европы»[164].

В 1914 г. в Риме с целью объединения русской эмиграции было создано Общество им. А.И. Герцена, которое оказывало материальную помощь русским, проживавшим в разных городах страны (Риме, Флоренции, на Капри, на Ривьере), в форме безвозвратных и возвратных пособий и ссуд. Общество помогало также поддерживать духовные связи с Россией и осуществлять культурное сближение русских и итальянцев. Учредителями Общества являлись Г.И. Шрайдер, В.Н. Рихтер, А. Филипченко, А. Шухт и др.[165]

В Неаполе проживало небольшое количество выходцев из России (до 80 человек, главным образом студентов). Но самая

крупная русская колония еще в начале XX в., как пишет Н.П. Камолова, сложилась на Лигурийском побережье, в местечке Нерви, недалеко от Генуи, куда приезжала лечиться от туберкулеза не очень состоятельная часть русской интеллигенции. По донесениям полиции, в январе 1909 г. в Нерви насчитывалось 350 русских, в феврале того же года – 580, а в марте 1916 г. – около 800 человек. Русские проживали и в других курортных местечках Лигурийской Ривьеры: Сан-Ремо, Бордигьери и др.[166]

В 1872–1880 гг. на лечение в Европу выезжали родственники вдовы А.С. Пушкина Н.Н. Гончаровой, в их числе, ее племянник (старший сын брата) Дмитрий Дмитриевич Гончаров, который проходил курс лечения в Аахене (Германии), потом в Англии и Франции. Он же, являясь главой майората, финансировал из доходов родового имения (Полотняного завода) ближайших родственников, в том числе находившихся какое-то время за границей.

Родной брат Дмитрия Дмитриевича – Евгений Дмитриевич с женой Ольгой Карловной также в тот период «зимует в Висбадене», сняв квартиру там на год. Здесь же, на водах, находилась их сестра Екатерина Дмитриевна, которая затем посетила Париж и Лондон, где со времен Афанасия Абрамовича Гончарова и его торговли парусным полотном с Англией, постоянно находились представители этой семьи – Фомины**.** По приезде Екатерина Дмитриевна выражала надежду посетить Манчестер и встретиться с Бродским, В.Г. Чертковым[167].

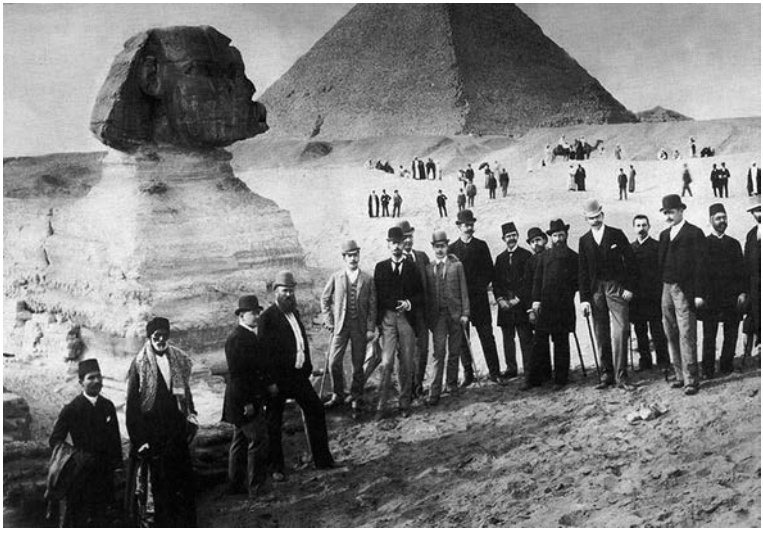
В письме от 26 октября 1880 г. Дмитрий Дмитриевич сообщал своей жене О.К. Гончаровой из Канн, что он встретил там на железной дороге Матильду Метман – старшую дочь Екатерины Николаевны Гончаровой и Жоржа Дантеса, познакомился с ее мужем, которые обещали навестить его в одно из воскресений. Но на встречу с родственником так никто и не пришел. «Я начинаю думать, – писал Д.Д. Гончаров, – что это недаром, объясняя присутствием сестры и маменьки нежелание Метманов видеться со мной… По рассказу сестры [Екатерины Дмитриевны] “в Коммуне Парижской была одна русская, Дмитриева, лицом похожая на сестру. Геккерны твердо уверены, что это была она, и одна из сестер, Mme Vandal (Берта)[168], говорила, как передали сестре, что во время Коммуны они ужасно боялись встретить в газетах имя сестры в числе расстрелянных”»[169].

Начиная с XII в. в России получила распространение легендарная или церковная традиция, основанная на наблюдениях, возникших в ходе посольств, военных походов и путешествий (хождений) в Святую землю и на Арабский Восток.

В период со второй половины XIX в и до начала XX в. происходит также расширение потока путешествующих ко Святым местам, посещавших по пути страны арабского Востока (Египет, Марокко и др). Этому способствовал целый ряд факторов: пробуждение интереса к региону в связи с обострением «восточного вопроса» в международной политике (Крымская война, русско-турецкая война 1877–1878 гг.), развитие научного и практического востоковедения, и, наконец, начало русского присутствия на Востоке, благодаря открытию в 1847 г. Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и регулярному функционированию других русских учреждений в церковных и культурных центрах региона, прежде всего Императорского Православного Палестинского Общества (с 1882 г.) под патронажем царской семьи.

В XIX в. со стороны россиян проявлялся постоянный интерес к Османской империи и особенно ее столице, что было связано главным образом с предшествующей историей и с сохранившимися здесь шедеврами византийского зодчества. В районе Капакей располагались Андреевское и Ильинское подворья, принадлежавшие до 1917 г. Московской патриархии, где останавливались русские паломники по пути в Иерусалим. В городе побывали тысячи русских людей – купцов, дипломатов, паломников, путешественников. В их числе, дипломат и писатель А.Н. Муравьев, русские художники К.П. Брюллов, И.К. Айвазовский, архитектор Н.Е. Ефимов, публицист В.П. Давыдов, ученый и путешественник П.А. Чихачев, поэт и критик П.А. Вяземский, Н.В. Гоголь, П.П. Гнедич. Подолгу здесь жили писатели К.Н. Леонтьев и И.А. Бунин, в Стамбуле изучал византийские архитектурные памятники известный русский археолог-византист Н.П. Кондаков и др.

Так, через практику путешествия происходило личное освоения европейского культурного пространства русским человеком. Потребность путешествовать для того, чтобы узнавать что-то новое, сформированная эпохой Просвещения, постепенно становится нормой жизни культурного человека того времени. Оказавшиеся за рубежом состоятельные и богатые



Цесаревич Николай Александрович (пятый слева) во время путешествия. Египет.1890 г.

русские благодаря великосветским салонам, кружкам, домам знатных особ сформировали общность, члены которой составляли единый круг и по характеру организации досуга и по восприятию культурно-эстетических ценностей. Подобная организация пространства культурного времяпровождения отражала уровень нравственности и добродетелей его участников. В рамках светских мероприятий происходило сохранение родного языка и национальной культурной традиции, а благодаря привлечению в этот круг иностранцев представители русского сообщества содействовали развитию межкультурного диалога, расширявшего возможности для преодоления стереотипов во взаимовосприятии народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Иванов А.Е.* Российское академическое зарубежье XVIII в. – начала XX в. (К постановке научно-исторической проблемы) // Источники по

истории адаптации российских эмигрантов в XX–XX вв. – М., 1997. С. 16.

[2] Россия и Италия. Вып. 4. Встреча культур. – М., 2000. С. 87.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 88.

[5] *Шестаков В.* Русские в британских университетах. Опыт интеллектуальной истории и культурного обмена. – СПб., 2009. С. 158, 161–165, 170–171.

[6] *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX века. Социально-историческая судьба. – М., 1999. С. 226.

[7] *Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. – М., 1981. С. 6.

[8] *Щапов Я.Н.* Русские студенты в западноевропейской высшей школе в начале XX века // Исторические записки. 1987. № 115. С. 196.

[9] Там же. С. 193–202.

[10] *Иванов А.Е.* Указ. соч. С. 360.

[11] *Шишкин М.* Русская Швейцария. Литературно-исторический путеводитель. – М., 2006. С. 106.

[12] *Будницкий О.В.* Б.А. Бахметев – дипломат, политик, мыслитель // Россика в США. Сб. ст. / Ред. А.В. Попов. – М., 2001. С. 11–12. [На IV съезде РСДРП (1906 г.) Бахметев был избран в состав ЦК партии от меньшевиков].

[13] *Иванов А.Е.* Указ. соч. С. 89. [Так, в Берлинском университете в 1904–1905 учебном году среди 360 русских студентов 261 человек был приверженцем иудаизма (около 72 %)].

[14] Русские в Германии =Russen in Deuschland. – Берлин, 2008. С. 19.

[15] Там же. С. 25.

[16] *Кашкин Ю.* В гейдельбергском университете // Голос минувшего. 1923. Март–апрель. С. 43–46.

[17] Там же.

[18] Русские в Скандинавии. Дания, Норвегия, Швеция. – Таллин, 2008. С. 161.

[19] См.: *Пушкарев С.Г.* Воспоминания историка. 1905–1945. – М., 1999. С. 30–46.

[20] Русский Архипелаг. Сетевой проект «Русского мира» http://gallery.archipelag.ru/grm/g/g.html

[21] *Щапов Я.Н.* Русские студенты в западноевропейской высшей школе в начале XX века // Исторические записки. 1987. № 115. С. 152.

[22] *Анна Бродская (Скадовская).* Воспоминания о русском доме. Адольф Бродский, Петр Чайковский, Эдвард Григ в мемуарах, дневниках, письмах / Серия «Образы былого». Вып. 5. Сост., подг. текстов и примеч. Е.В. Битеряковой, М.Н. Строгановой. – Феодосия. – М., 2006. С. 41–42.

[23] *Бурлак В.Н.* Русский Париж. – М., 2008. С. 196, 210–214.

[24] Там же. С. 42–43.

[25] *Гутнов Д.А.* Русская высшая школа общественных наук в Париже (1901–1906 гг.). – М., 2004. С. 44.

[26] *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX века... С. 376.

[27] *Гутнов Д.* Указ. соч. С. 43.

[28] Там же. С. 89.

[29] *Любина Г.И.* Русская научная эмиграция XIX века в Париже // Вопросы естествознания и техники. 2002. № 2. С. 293.

[30] *Бурлак В.Н.* Указ. соч. С. 208–209.

[31] Там же. С. 199.

[32] Русский Архипелаг. Сетевой проект «Русского мира» http://gallery.archipelag.ru/grm/g/g.html

[33] *Венюков М.П.* Русские в Парижской академии наук. – СПб., 1890. С. 1.

[34] Там же.

[35] Там же. С. 2–3.

[36] *Гутнов Д.* Указ. соч. С. 82.

[37] *Любина Г.И.* Указ. соч. С. 294–295.

[38] «Слушателей будет много…». Русская высшая школа общественных наук в Париже по письмам М.М. Ковалевского. 1901–1905 гг. // Исторический архив. – 1993. – № 6. – С. 171. Александр Иванович Чупров (1842–1908) – профессор кафедры политэкономии и статистики Московского университета, член-корреспондент Петербургской Академии наук, возглавлял либерально-народническое течение экономической мысли.

[39] Слушателей будет много…». … // Исторический архив. 1993. № 6. С. 172.

[40] *Троцкий Л.* Ленин и старая «Искра» // Силуэты: политические портреты / А. Луначарский, К. Радек, Л. Троцкий. – М., 1991. С. 21.

[41] *Боборыкин П.Д.* Воспоминания: В 2 т. Т. 1. – М., 1965. С. 537.

[42] *Чеснокова С.А.* Основные направления и тенденции развития физиологии России и Германии в XX в. и русско-научные связи. Автореф. на соиск. уч. ст…д. медиц. н. – М., 1979. С. 23.

[43] Там же. С. 12.

[44] *Фокин С.И.* Русские ученые в Неаполе. – СПб., 2006. С. 33.

[45] Там же. С. 35–36.

[46] См.: *Чахотин С.* Под развалинами Мессины. Рассказ заживо погребенного в землетрясении 1908 года. – Messina: Intilla editore, 2008.

[47] *Антощенко А.В.* Архивная коллекция академика П.Г. Виноградова в Библиотеке Гарвардской школы права // Россика в США. Сб. ст. / Ред. А.В. Попов. – М., 2001. С. 124–132.

[48] Россия–Бразилия: транскультурные диалоги / Отв. ред. И.А. Мальковская. – М,, 2012. С.15.

[49] http://ricolor.org/history/cu/lit/turgenev/1/

[50] *Семенов М.Н.* Воспоминания неврастеника // Из книги «Вакх и сирены». Пер. с ит., публ., вст. статья, прим. В. Кейдана // Диаспора: Новые материалы. Т. 8. – Париж–СПб., 2007. С. 45.

[51] *Носик Б.М.* С Невского на Монпарнас (Русские художники-мирискусники за рубежом). – СПб., 2010. С. 270.

[52] Там же. С. 241–242.

[53] *Биск А.* Русский Париж 1906–1908 годов // Русский Париж. – М., 1998. С. 47.

[54] Там же.

[55] *Носик Б.М.* Указ. соч. С. 332.

[56] *Бронгулеев В.В.* Африканский дневник Н. Гумилева // Наше наследие. 1988. № 1. С. 89.

[57] *Боборыкин П.Д.* Указ. соч. С. 538.

[58] *Биск А.* Указ. соч. // Русский Париж. – М.,1998. С. 52.

[59] Русский Париж. – М., 1998. С. 33.

[60] См. об этом: РГАЛИ. Ф. 2479. Оп.1.

[61] *Гутнов Д.* Указ. соч. С. 71.

[62] Русский Архипелаг. Сетевой проект «Русского мира» http://gallery.archipelag.ru/grm/g/g.html

[63] *Лифарь С.* Дягилев и с Дягилевым // Русский Париж. – М., 1998. С. 53.

[64] Там же. С. 58.

[65] Там же. С. 59.

[66] *Карсавина Т.П.* Театральная улица. Воспоминания / Пер. с англ. И.Э. Балод. – М., 2004. С. 209–218.

[67] *Бенуа А.* Воспоминания о балете // Русский Париж. – М., 1998. С. 78–79.

[68] Там же. С. 77.

[69] *Нижинская Р.* Вацлав Нижинский / Пер. с англ. Н. Кролик. – М., 2004 // http://belousenko.com/books/memoirs/nizhinsky_romola.htm

[70] Петербургская газета, 21 августа 1913 г.

[71] Петербургская газета, 19 ноября 1913 г.

[72] *Лифарь С.* Указ. соч. // Русский Париж. – М., 1998. С. 250.

[73] Петербургская газета, 9 ноября 1913 г.

[74] Там же.

[75] К 100-летию «Русских сезонов» в Париже / Сост. Л.Т. Штагер, Е.Л. Плюхина и др. – Тольятти, 2009. С. 34.

[76] *Бенуа А.* Указ. соч. // Русский Париж. – М., 1998. С. 61.

[77] Там же.

[78] [Отец Г.И. Питоева Иван Егорович был директором и режиссером Тифлисского театра, дядя – Исаия Егорович основал в Тифлисе Артистический кружок. Сам Георгий в 1902–1905 гг. учился в Московском университете и Институте путей сообщения, с 1905 г. – на юридическом факультете Сорбонны. В 1910 г. он – актер и режиссер Первого передвижного драматического театра П. Гайдебурова и Н. Скарской, освоил профессию художника-декоратора, механика сцены. В 1911 г. прошел курс ритмики в школе Э. Жак-Далькоза в Хеллерау (Германия). С 1913 г. жил за границей, сначала в Швейцарии, затем – во Франции, с которой связан качественно новый этап в творческой биографии актера и режиссера.].

[79] http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/teatr_i_kino/PITOEV_ZHORZH_GEORGI_IVANOVICH.html

[80] Русские в Германии =Russen in Deuschland. – Берлин, 2008. С. 20.

[81] *Анна Бродская (Скадовская).* Указ.соч. С. 11.

[82] Там же. С. 62.

[83] Там же. С. 77, 87.

[84] Русские в Германии =Russen in Deuschland. – Берлин, 2008. С. 24.

[85] Русский Архипелаг. Сетевой проект «Русского мира» http://gallery.archipelag.ru/grm/g/g.html [М.В. Веревкина, дочь героя Крымской и русско-турецкой 1877–1878 гг. войн, была учредителем Нового общества художников в Мюнхене. В 1915 г. она выехала в Швейцарию. С 1918 г. жила в Итальянской Швейцарии, в деревне Аскона, где в настоящее время открыт ее мемориальный музей].

[86] Русские в Германии =Russen in Deuschland. – Берлин, 2008. С. 19.

[87] Русский Харбин. 2-е изд. Документы. – М., 2005. С. 129.

[88] Там же. С. 125

[89] Там же. С. 224.

[90] *Шуйский В.* (Швеция). Политехник (Сидней). 1979. № 10. // Русский Харбин. 2-е изд. Документы. – М., 2005. С. 256–257.

[91] ГА РФ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 50. Л. 1–9 (текст приводится без исправлений).

[92] ГА РФ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 50. Л. 1–9.

[93] Русский Харбин… С. 300–307.

[94] Русская эмиграция в Европе = L' Emigration russe en Europe: Сводный каталог периодики на русском языке / Сост. Т.А. Осоргина, А.М. Волкова. – Париж: Б.и. Т. 1. (1856–1940), 1976. С. 1–100.

[95] Россия под надзором. Отчеты III отделения. 1827–1869… С. 585.

[96] *Гросул В.Я.* Русское зарубежье в первой половине XIX века / В.Я. Гросул. – М., 2008. С. 20–22.

[97] Россия под надзором. Отчеты III отделения. 1827–1869… С. 597–598.

[98] *Попов А.В.* Зарубежная Россия: русская дореволюционная эмиграция в XIX – начале XX вв. (Ч. 2) // http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/rus-em1/

[99] *Попов А.В.* Зарубежная Россия: русская дореволюционная эмиграция в XIX – начале XX вв. (Ч. 2) // http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/rus-em1/

[100] *Бонч-Бруевич В.* Как печатались за границей и тайно доставлялись в Россию запрещенные издания нашей партии. 2-е изд. – М., 1927. С. 13.

[101] Там же. С. 14.

[102] Русская эмиграция в Европе. L' Emigration russe en Europe: Сводный каталог периодики на русском языке. Т. 1. (1856–1940) / Сост. Т.А. Осоргина, А.М. Волкова. – Париж, 1976. С. 90.

[103] http://evartist.narod.ru/text5/19.htm#з_02

[104] *Хисамутдинов А.А.* Русская Япония. – М., 2010. С. 214–215.

[105] *Савченко А.И.* Пресса российской политической эмиграции в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дис…. д-ра ист. наук: Исторические науки. – М., 1998. С. 18.

[106] Там же. С. 22–23.

[107] http://evartist.narod.ru/text5/19.htm#з_02

[108] *Савченко А.И.* Указ. соч. С. 22.

[109] *Дойчер И.* Троцкий. Вооруженный пророк. 1879–1921 гг. – М., 2006. С. 202.

[110] Там же. С. 202.

[111] *Лозовский А.* Как мы издавали во время войны интернационалистские газеты в Париже: (из воспоминаний) // Печать и революция. 1923. № 5. С. 5.

[112] Там же. С. 10.

[113] Там же.

[114] http://evartist.narod.ru/text5/19.htm#з_02

[115] *Окунцов И.К.* Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. – Буэнос-Айрес, 1967.С. 200–202.

[116] Общественная мысль русского зарубежья… С. 323.

[117] *Савченко А.И.* Указ. соч. С. 24.

[118] Русская эмиграция в Европе= L' Emigration russe en Europe: Сводный каталог периодики на русском языке… С. 90, 100.

[119] *Комолова Н.П.* Италия в русской культуре Серебряного века: Времена и судьбы. – М., 2005. С. 43.

[120] Русские в Германии =Russen in Deuschland… С. 24.

[121] *Петросян Ю.А.* Русские на берегах Босфора: (Исторические очерки). – СПб., 1998. С. 155.

[122] Русский Харбин… С. 300–307.

[123] *Герд Л.А.* Русский Афон. 1878–1914. Очерки церковно-политической истории. – М., 2010. С. 24.

[124] *Делевский Ю.* Тургеневская библиотека в Париже // Библиографический ежегодник. Книга в 1921–1922 гг. – Петроград–Москва, 1923. С. 78.

[125] Исторический очерк за первые 50 лет существования Русской Общественной Библиотеки в Париже (1875–1925). *Сватиков С.Г.* Русская Общественная библиотека имени И.С. Тургенева в Париже // Оттиск из журнала «Голос минувшего на чужой стороне». Париж. 1926. № 2 // НИОР РГБ. Ф. 878. Картон № 4. Ед. хр. 1. Т. (1886–1936). Л. 122–130.

[126] *Делевский Ю.* Указ. соч. // Библиографический ежегодник. Книга в 1921–1922 гг. – Петроград–Москва, 1923. С. 79. В годы Первой мировой войны председатель правления Тургеневской библиотеки, доктор медицины Л.И. Шейнис сражался добровольцем в рядах французских войск. Он прошел всю войну. В 1917–1919 гг. был в составе французской военной миссии в России.

[127] *Карсавина Т.П.* Указ. соч. С. 202.

[128] *Унбеган Б.Г.* Русская периодическая печать в Париже до 1918 года // Временник. Т. 2. 1929 г. Россия и славянство. 1928. С. 72.

[129] *Шишкин М.* Указ. соч. С. 567.

[130] Русские в Италии. Культурное наследие эмиграции / Сост., науч. ред. М.Г. Талалая. – М., 2006. С. 361–362.

[131] ГА РФ. Ф. 6974. Оп.1. Д. 2. Л. 1–2.

[132] Там же. Л. 2.

[133] *Ковалевский П.Е.* Русские культурные ценности заграницей // Хранилища памятников культуры и истории Зарубежной Руси. – Сан-Франциско: Музей Русской Культуры в Сан-Франциско, 1966. С. 78–83 // http://ricolor.org/europe/stati/ruev/2/

[134] *Николова М.С.* Русская книга в Болгарии (1878–1912). – М., 2010. С. 93.

[135] Там же. С. 97.

[136] *Зензинов В.* Русское книгохранилище в Вашингтоне // Библиографический ежегодник. Книга в 1921–1922 гг. – Петроград – М., 1923. С. 27. [Геннадий Васильевич Юдин, принадлежавший к старому купеческому роду Юдиных города Чухломы Костромской губернии, родился в 1840 г. в Тобольской губернии. Всю свою жизнь прожил в Красноярске. Богатый сибиряк имел несколько золотых приисков в Западной Сибири, винокуренный завод, несколько домов в Красноярске и землю. Умер в 1914 г.]

[137] *Зензинов В.* Указ. соч. // Библиографический ежегодник. Книга в 1921–1922 гг. – Петроград–М., 1923. С. 30–31.

[138] *Стефко М.С.* Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры конца XVIII-первой четверти XIX веков. Автореф. дис. … к. ист. наук. Ист. науки. – М., 2010.С. 27.

[139] *Гречаная Е.П.* Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке XVIII – первая половина XIX века). – М., 2010. С. 140–141.

[140] Там же. С. 154.

[141] Там же. С. 271–272.

[142] Там же. С. 306 (перевод с француз.).

[143] *Гросул В.Я.* Указ.соч. С. 23–24.

[144] Там же. С. 128.

[145] Россия и Италия…С. 147.

[146] *Гречаная Е.П.* Указ. соч. С. 138–139.

[147] Там же. С. 101.

[148] *Ливенский Н.* Туристы вообще и особенно русские// Отечественные записки. –1859. – №34. – С.1.

[149] Петербургская газета, 3 ноября в 1913 г.; 13 ноября 1913 г.

[150] Петербургская газета, 1 ноября 1913 г.

[151] Там же.

[152] *Нечаев С.Ю.* Русская Ницца. – М., 2008. С. 13.

[153] Там же. С. 29–32.

[154] Там же. С. 132, 143.

[155] Н.В. Гоголь – В.А. Жуковскому, 2 декабря 1843 г., Ницца // Цит. по: *Герра Алэн*. Прогулки по русской Ницце. – Париж, 1995. С. 4.

[156] *Боборыкин П.Д.* Указ. соч. С. 536.

[157] http://www.rian.ru/religion/20100120/205321422.html

[158] Петербургская газета, 22 ноября 1913 г.

[159] Петербургская газета, 24 ноября. 1913 г.

[160] Русские в Австрии. – Вена, 2009. С. 58, 53–54.
[161] Там же. С. 61.
[162] Россия и Италия… С. 146
[163] Там же.
[164] *Комолова Н.П.* Указ.. С. 28.
[165] ГА РФ. Ф. 6975. Оп. 1. Д. 106. Л. 89.
[166] *Комолова Н.П.* Указ. соч. С. 40–41.
[167] «В Париже тоже занялись Пушкиным». Переписка Гончаровых из архива А.В. Луначарского / Сост. В.С. Мясников, Н.С. Антонова //Новая и новейшая история. – 1999. – № 3. – С. 85.
[168] Вторая из трех дочерей Е.Н. Гончаровой (Дантес-Геккерн) и Жоржа Дантеса.
[169] «В Париже тоже занялись Пушкиным». Переписка… // Новая и новейшая история. 1999. – № 3. – С. 87.

4

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ПОВСЕДНЕВНОСТИ РУССКОГО МИРА

Особое место в деле сплочения русских за рубежом занимала Русская православная церковь. Местом подвига монахов из всех стран восточно-христианского мира, включая Россию, была Св. Гора Афон, где русские монахи начали селиться с X в. В византийский период верховным главой всех афонских монастырей считался Византийский император, а духовным главой был Константинопольский патриарх. В тот период русские монахи на Св. Горе имели свои монастыри: Ксилургу (основан в XI в.) и Св. Пантелеймона (передан русским в XII в.). В 1423–1424 гг. Св. Гора была присоединена к Османской империи, хотя она была объявлена привилегированной территорией, тем не менее, тяжесть налогового бремени, постоянные пиратские набеги и обеднение христианского населения сказались на ухудшении материального положения и на сокращении монастырей. Лишь в XVI–XVIII вв. происходит возрождение афонских обителей, с одновременной эллинизацией православного населения, в результате чего к началу XIX в. практически все монастыри оказались в руках греков. Русские монахи жили в разных афонских монастырях, в то время, как в Пантелеймоновом монастыре с XIII–XIV вв. преобладали сначала сербы, а затем греки.

На рубеже XV–XVI вв. между русским правительство и Пантелеймоновым монастырем были установлены официальные отношения, после чего ученые выходцы со Св. Горы неоднократно посещали Москву. В свою очередь, Афон в XVII в. посетил Арсений Суханов, который привез в Москву греческие рукописи для церковной реформы патриарха Никона.

Свято-Пантелеймонов монастырь на Афоне

В начале XVIII в. на Св. Горе побывал русский паломник Василий Григорович-Барский. В том же столетии на Афон прибыл П. Величковский, который прожил там много лет, был учеником преп. Никодима Святогорца, положил в Молдавии начала Афонской монашеской традиции, от которой впоследствии произошло монашество Оптиной пустыни[1].

В конце XVIII в. русские монахи переселились в принадлежавшую монастырю прибрежную келлию в честь Воскресения Христова, где и был основан новый монастырь Св. Пантелеймона, хотя окончательное вселение русских монахов в монастырь состоялось только в 1839 г.

В 1841 г. был основан второй русский скит на Афоне, Св. апостола Андрея. В 1830-е гг. в скиту Св. пророка Илии поселились выходцы из Малороссии. Всего во второй половине XIX в. на Афоне было 20 монастырей, здесь также располагались скиты, келлии и отшельнические каливы.

Правовой статус русских обителей был при этом неопределенным. С точки зрения оттоманского государства русские насельники Афона являлись османскими подданными: им выдавались так называемые нуфусы (виды на жительство), фор-

мально приравнивавшие их к османским подданным. Но это подданство было больше номинальным. Русские монахи оставались на деле русскими подданными, сохраняли свои российские паспорта и пользовались покровительством русского правительства в лице его дипломатических представителей. Вместе с тем, согласно указу Св. Синода от 13 июля 1816 г., русские подданные, принявшие постриг за границей, не признавались как монахи в России.

В ответ Александр I издал другой указ, который разрешал богомольцам принимать монашество, но при условии, что они навсегда останутся за границей. В дальнейшем, лиц, постриженных за границей, принимали в русские монастыри в монашеском звании и своем сане после прохождения трехлетнего послушнического искуса, причем в каждом случае требовалось разрешение Св. Синода**.** После русско-турецкой войны 1877–1878 гг., согласно 62 статье Берлинского трактата, русские монахи Афона пользовались покровительством России через ее дипломатических представителей. Именно с 1878 г. начинается период наивысшего расцвета русского монашества на Афоне. Таким образом, сложилась ситуация со своеобразным двойственным статусом афонских монахов, который, с одной стороны, давал им большую степень свободы и возможность в России выступать в своем прежнем мирском звании, а, с другой стороны, позволял русским властям защищать монахов на Афоне только, когда они находили это целесообразным; в противном случае, делалась ссылка на то, что они турецкие подданные[2].

В весомую церковно-политическую единицу на православном Востоке Афон превращается во второй половине XIX в. Пользуясь моральной поддержкой русской дипломатии и материальной – из России, русское афонское монашество получило возможность развиваться и принимать новых братии.

Росло и число паломников на Св. гору Афон, среди которых в это время встречаются видные политические деятели, члены царской фамилии, в т. ч. великий князь Константин Николаевич (1845 г.), посланник в Константинополе В.П. Титов (1849 г.), посол Н.П. Игнатьев (1866 г.), великий князь Алексей Александрович (1867 г.). Резкое увеличение числа русских на Афоне связывают с двумя именами – духовника монастыря Св. Пантелеймона о. Иеронима и игумена архимандрита Ма-

кария; благодаря их трудам монастырь стал одним из величайших духовных источников русского народа конца XIX – начала XX в. В XIX в. на Афоне трудился известный историк христианского Востока архим. Антонин Капустин. Здесь работала экспедиция П.И. Севастьянова; славянские рукописи изучались казанским профессором В.И. Григоровичем. В конце XIX – начале XX в. на Афон неоднократно приезжали русские византинисты – А.А. Дмитриевский, Н.П. Кондаков, Ф.И. Успенский, В.Н. Бенешевич и другие с целью изучения письменных и археологических памятников, церковной архитектуры и живописи. Ученые останавливались при этом в русских обителях.

Наряду с Пантелеймоновым монастырем, Ильинским и Андреевским скитами, значительное число русских монахов, начиная со второй половины XIX в., селилось в небольших обителях, принадлежавших одному из 20 святогорских монастырей. «Пребывая в стенах русского монастыря святого Пантелеймона, там живал в какой-то атмосфере древнего русского благочестия, – писал генеральный консул в Македонии М.А. Хитрово, – сердце радуется, видя на далекой чужбине это благоустроенное, прекрасно управляемое громадное хозяйство в благочестивом деле русского Православия»[3].

Согласно официальной статистике численности населения Афона на ноябрь 1913 г., здесь проживало, в том числе в болгарской и румынской обителях, около 4,1 тыс. русских монахов. Всего монашеское население Афона составляло 7, 65 тыс. человек, соответственно русские из них насчитывали 53,5 %. Мирян на Афоне проживало около 1,3 тыс. человек. С началом мировой войны прекратилось открытое в 1891 г. движение пароходов Русского общества пароходства и торговли (РОПиТа), а, соответственно, и поступление денежной корреспонденции на Афон. Часть русского населения Афона была мобилизована на фронт; начался разлад и в самой среде монашества. В результате, с 1913 по 1916 гг. русское население Афона уменьшилось на 2,2 тыс. человек. В 1917 г. русских на Св. Горе оставалось 2, 46 тыс. человек (33,3 % от общего числа монахов). После Октябрьской революции была приостановлена всяческая помощь русским монахам со стороны государства, прекратился приток новых иноков из России, что свидетельствовало о «завершении золотого века русского Афона»[4].

В условиях развития международных и дипломатических контактов и по мере расширения круга русских, прибывавших за границу на отдых, учебу, лечение возрастала потребность в создании православных храмов, которые возникали при посольствах; при миссиях; при консульствах и которые в соответствии с Правовым положением «О русских православных церквах за границею и о их причтах», находились в ведении Министерства иностранных дел, под непосредственным покровительством и наблюдением российских посланников.

Русские православные церкви за рубежом (за исключением Америки и Японии, где существовали самостоятельные епархии) находились в ведении митрополита Петербургского. Процесс назначения священно-и церковнослужителей происходил по-разному: в приходских церквах причт назначался непосредственно митрополитом; в посольских, являвшихся собственностью русского государства, соответственно по рекомендации МИДа; в частных – по ходатайству их владельцев.

Таким образом, во время пребывания священно- и церковно-служителей за границей, они состояли под непосредственным покровительством и наблюдением российских посланников или консулов. Именно с ними решались вопросы благоустройства и благосостояния церквей, равно как и обеспечения причта; по делам же чисто духовным священнослужители состояли в прямых сношениях с духовным начальством, высшим и епархиальным.

История появления одной из первых русских церквей в Европе – в Стокгольме, обычно связывается со Столбовским мирным договором, заключенным между Россией и Швецией в 1617 г., после которого в столице Швеции возник русский гостиный двор, первый православный приход в котором открылся в одном из амбаров и стал именоваться «молитвенным». Первый священник прибыл сюда в 1651 г., а в 1670 г. православный храм был перенесен в здание Южной ратуши[5].

В XVIII в. появляются первые домовые и походные церкви: походная церковь при приезжавшем в Берлин российском посланнике графе А.Г. Головкине (1718 г.), домовая церковь в Мадриде при российском посланнике в Испании Н. Репнине (1760 г.), русская домовая церковь в Вене при после князе Голицыне (1762 г.). При этом в первое время церковь предоставлялась посланникам персонально и бралась ими с собой к месту новой службы.

В 1741 г. при чрезвычайном посланнике графе П.Г. Чернышеве в Берлине появилась церковь во имя Сретения Господня. Более прочно она закрепляется в 1764 г., при князе В.С. Долгорукове и именуется Св. Владимирской. Размещалась церковь в посланническом доме на Вильгельмштрассе. В дальнейшем церковь и причт претерпевали трудности во время Семилетней войны, войны России и Пруссии с Наполеоном, когда Берлин был занят французами, и в 1812 г., когда Пруссия была союзницей Наполеона. Церковная утварь в такие времена увозилась[6].

В 1713 г. на прусский престол вступил король Фридрих Вильгельм I, поддерживавший дружеские отношения с царем Петром I, который в ответ на просьбу Фридриха, набиравшего в свою армию великанов, послал ему 80 человек, из которых король выбрал в свои гренадеры 12, остальных разослал по другим полкам. В царствование Анны Иоанновны, в марте 1731 г., король в письме на имя вице-канцлера графа Остермана вновь сообщал о прибытии прекрасных, её императорским величеством подаренных рекрутов.

Императрицу Анну Иоанновну беспокоил вопрос удовлетворения духовных нужд несчастных русских, находившихся, главным образом, в Потсдаме. В 1733 г. король согласился давать содержание присланному сюда священнику Василию Щербацкому. К этому же времени стараниями короля была устроена церковь в виде двухэтажного деревянного здания. При о. Щербацком Потсдамская община состояла из нескольких сот человек. Императрица Елизавета Петровна прекратила подобные дары, потребовав, хотя и безуспешно, возвращения прежде отосланных людей.

В 1813 г., во время начавшейся тесной дружбы России с Пруссией, было принято решение восстановить в Берлине министерскую церковь, отправив туда прежнего священника Иоанна Чудовского.

Прусский король Фридрих Вильгельм III, связанный в те годы узами дружбы с императором Александром I, изъявил желание иметь в Потсдаме русских военных песенников, и ему в 1813 г. были присланы 4 фельдфебеля, 4 унтер-офицера и 13 рядовых. В 1815 г. к ним, совершившим с прусской армией поход во Францию, было прибавлено еще 7 солдат. В 1826 г. для оставшихся к тому времени в живых 12 русских певцов

Православный храм святого благоверного князя Александра Невского в Потсдаме

прусский король решил построить близ Потсдама колонию, придав ей национальный русский колорит и дав название Александровка. Русским песенникам были переданы 12 домов, в греко-российском стиле сооружен Александро-Невский храм, освещенный 10 июня 1829 г. прот. Иоанном Чудовским в присутствии императора Николая I и прусского короля.

Сам король Фридрих Вильгельм III имел также русского лейб-кучера Евлампия Бархатова (из-за трудности произношения превращенного в Бокова). Даже в походах 1813–1814 гг. король ездил с этим постоянным кучером в русских пролетках, на русских лошадях. Уйдя на покой, Боков жил в звании королевского надзирателя в сельце Никольском на берегу Гафеля (названном так в честь зятя короля, императора Николая I) в своем доме, где вся обстановка была чисто русская: киот с иконами, русская печь, русский рукомойник, корчага, чугун, ухват, кочерга. В большой комнате располагались полати. Боков, вплоть до своей смерти в 1857 г., носил русское кучерское платье, а его жена – немка, должна была носить кокошник и русский штофный сарафан. Такова была воля короля.

Боков был погребен в числе других русских около храма св. вел. кн. Александра Невского[7].

В 1837 г. император Николай I, супруга которого Александра Федоровна была дочерью прусского короля Фридриха Вильгельма III, приобрел в Берлине дом для своих в нем остановок, который впоследствии был передан в пользование посольства. С этого времени во дворе дома на Унтер ден Линден помещалась посольская церковь. В храме молились очень многие русские эмигранты, жившие в 20-х годах этого столетия в Берлине[8].

Обер-прокурор Святейшего Синода кн. П.С. Мещерский, извещая Синод 24 февраля 1833 г. об участии, которое император Николай I проявляет в отношении греческой церкви, сообщил о желании государя, чтобы в Греции находилась российская духовная особа в качестве священника российской миссии. Первым священником в том же году был назначен архим. Иринарх (Попов), впоследствии архиепископ, управлявший многими епархиями в России. В 1850 г. настоятелем посольской церкви в Афинах стал иеромонах Антонин (Капустин). Занимаясь раскопками и работая над письменными источниками, он остановил свое внимание на месте, на котором, по преданиям, находился Аристотелев Лицей, христиане же соорудили потом храм, называвшийся Ликодим (хорошо известен был в XI веке). В XV–XVI вв. там образовался Спасо-Никодимов монастырь. Застав на этом месте развалины, Антонин (Капустин) получил разрешение от короля Оттона и русского правительства восстановить этот храм. В 1855 г. архиепископ мантинийский Феофан освятил храм в стиле византийского зодчества XI в. Главный придел был посвящен св. Троице, правый – св. Никодиму, левый – свят. Николаю.

Присутствие русской церкви на территории Италии также отражало важные процессы, связанные с развитием дипломатических отношений России с итальянскими государствами, после завершения Рисорджименто – с объединенным Итальянским королевством, а также с возникновение на Апеннинах русских колоний в «католическом окружении», массовым движением в Италию русских паломников (в Бари) и курортников (в Сан-Ремо, Мерано)[9]. Первые государственные решения об открытии на Апеннинах православных храмов были приняты еще в 1797 г. (в Турине), в 1799 г. (в Неаполе) и в

1803 г. (в Папском государстве), но не одно из них не было исполнено на практике в результате бурных политических событий той эпохи. В итоге первым «дипломатическим» стал храм при миссии в Тоскане в 1823 г. Самыми же первыми русскими храмами, действовавшими на территории Апеннинского полуострова, стали домовые церкви русских аристократов – княгини Е. Голицыной (1817), графа Д.П. Бутурлина (1818) и Н.Н. Демидова (1823). В 1823 г. в Риме была учреждена посольская церковь во имя св. апостолов Петра и Павла, переименованная позднее во имя Святителя Николая Мирликийского.

До объединения страны наиболее веротерпимыми были Пьемонт и Тоскана. Закон пьемонтского королевства 1848 г. уравнял в правах религиозные конфессии, что позволило, в частности, русской колонии в Ницце выстроить в 1859 г. первый в Западной Европе приходской русский храм. С возникновением объединенного королевства этот закон был распространен на всю его территорию. С того периода в разных уголках Италии стали возникать русские церковные здания – однако еще долго католическое духовенство крайне сдержанно относилось к этому явлению.

В 1842 г. русский посланник в Вюртемберге кн. А.М. Горчаков добился устройства особой походной церкви для возглавлявшейся им дипломатической миссии. Ею пользовалась вторая дочь императора Николая I Ольга, вступившая в 1846 г. в брак с наследным принцем Карлом-Фридрихом-Александром Вюртембергским (с 1864 г. королем). Позднее эта церковь неоднократно сопровождала императора Александра II и императрицу Марию Александровну на воды в Вильбад, Киссинген и Швальбах, затем хранилась при постоянной церкви, которая была сооружена по воле императора Николая I.

В 1875 г. при Российской миссии в Тегеране была учреждена походная церковь, преобразованная в постоянную приходскую церковь и освященная 8 октября 1895 г. во имя св. Николая Чудотворца. В том же году в Персии были построены и затем освещены еще две церкви – во имя Благоверного князя Александра Невского, и при русском кладбище в селе Дулаб, также под Тегераном.

В 1892 г. князь А.Б. Лобанов-Ростовский, бывший послом в Вене, приобрел под посольские цели здание дворцового типа

на Райзенштрассе (где и ныне размещается российское посольство) и поддержал идею о строительстве православного храма Святителя и Чудотворца Николая, на строительство которого половину средств пожертвовал лично Александр III (освящение храма состоялось в апреле 1899 г.)[10].

Если посольские церкви предназначались прежде всего для сотрудников посольств в крупных европейских столицах, то церкви при надгробиях играли роль мемориальных памятников на могилах членов царской семьи за рубежом.

В поселке Ирем, в двух милях от Будапешта, был воздвигнут храм во имя св. муч. царицы Александры с приделом св. прав. Иосифа над гробом великой княгини Александры Павловны, супруги палатина венгерского Иосифа, внучки императрицы Екатерины II. В 1883 г. к столетию со дня рождения великой княгини императором Александром III храму был пожертвован новый иконостас, церковное облачение и утварь.

Елена, старшая дочь императора Павла I, с 1799 г. стала супругой Фридриха-Людвига, принца Мекленбург-Шверинского. В 1803 г. великая княгиня Елена Павловна скончалась. Пресвитер и ее духовник Гавриил Данков в письме к государственному канцлеру А.Р. Воронцову писал: «Его Светлость, по особенной своей любви и приверженности к блаженные памяти дражайшей супруге своей, усопшей великой княгине Елене Павловне, положил намерение построить маленькую русскую церковь (в Людвиглюсте) для постановления в оной гробницы блаженной великой княгини и чтобы притом ежегодно четыре раза в год совершаемо было в оной церкви поминовение по усопшей блаженной великой княгине». В летней резиденции Людвигслюсте было сооружено двухэтажное здание в виде удлиненного четырехугольника, к которому был пристроен особый мавзолей для скончавшихся особ Мекленбург-Шверинского дома. В нижнем этаже помещались усыпальницы, на втором – православная церковь во имя Апостолов Петра и Павла. Из русских великих княгинь в усыпальнице погребены тела Елены Павловны и Анастасии Михайловны, внучки императора Николая I (с 1879 г. супруги великого герцога Фридриха-Франца III).

В Веймаре существовали две церкви во имя св. Марии Магдалины – домовая и надгробная за городом, на протестантском кладбище. Первая сооружена была в 1804 г. великой

княгиней Марией Павловной (еще одной дочерью императора Павла I), гросс-герцогиней Веймарской и Эйзенахской, которая была придворной церковью, помещавшейся во дворце. После кончины великой княгини в 1859 г. церковь эта стала храмом Императорской российской миссии в Веймаре. В 1862 г. сыном покойной, великим герцогом Карлом-Александром рядом с протестантской церковью как надгробная церковь был сооружен православный храм в византийском стиле с пятью позолеченными главами.

В 1824 г., после кончины в 1818 г. жены короля Вюртенбергского Фридриха Вильгельма Екатерины (третьей дочери императора Павла I), вблизи столицы, на горе Ротенберг, где находились развалины старинного родового замка королей Вюртембергских, был сооружен храм во имя св. великомуч. Екатерины, под сводами которого покоятся великая княгиня Екатерина Павловна, её супруг, король Вильгельм I и их дочь Мария, графиня Нейперг.

Анна, младшая дочь императора Павла I, вышедшая в 1816 г. замуж за наследного принца Нидерландского Вильгельма, по прибытии в Гаагу также позаботилась об устройстве в своем дворце православной церкви. Во время её пребывания с супругом в Брюсселе в тамошнем дворце была устроена св. Владимирская церковь. После смерти королевы в 1865 г. церковь стала именоваться надгробной при Императорской миссии в Гааге. В летней резиденции Анны Павловны, в Сузтдейке, вплоть до ее кончины также существовала церковь королевы[11].

В 1855 г. в Висбадене была сооружена церковь во имя св. Елизаветы при надгробии великой княгини Елизаветыа Николаевны (дочери великого князя Николая Павловича) – первой жены герцога Адольфа Нассаусского.

В Карлсруэ (Баден) с 1865 г. существовала придворная православная Крестовоздвиженская церковь, помещавшаяся во дворце герцога Баденского Вильгельма и его супруги, великой княгини Марии Максимилиановны, дочери великой княгини Марии Николаевны.

В гор. Вэвэ (Швейцария) известным российским дипломатом графом П.А. Шуваловым был построен храм Св. великомученицы Варвары – в память покойной дочери Варвары Петровны, скончавшейся в 1872 г.

29 августа 1883 г. в присутствии Александра III, его супруги императрицы Марии Федоровны, наследников, а также датского короля Христиана IX в Копенгагене на месте, купленном русским правительством, было совершено освящение церкви во имя св. вел. кн. Александра Невского.

Дочь императора Александра II Мария с 1874 г. была супругой принца Великобританского и герцога Эдинбургского Альфреда. В Лондон великой княгине была отправлена домовая церковь во имя св. благоверного князя Александра Невского, которая первоначально была полковою гвардейскою во имя свят. Спиридония Тримифунтского (в день памяти которого 12 декабря 1777 г. родился император Александр I). Церковь в качестве походной сопровождала великую княгиню Марию Александровну на о. Мальту – место службы её супруга(в 1886–1887 гг.), и в путешествиях. По возвращению княгини в Лондон для церкви было выстроено помещение, и в 1879 г. она была освящена во имя Благовещения Божией Матери. С объявлением герцога Альфреда наследником Саксен-Кобург-Готского престола и с переездом герцогской четы в Кобург, церковь была перенесена в 1895 г. в Готу и освящена в 1895 г. во имя св. кн. Александра Невского. Иконостас лондонской церкви, резной, из дуба и с иконами проф. Неффа, а также плащаница были пожертвованы великой княгиней придворной церкви во имя Равноапост. Марии Магдалины в Дармштадте, отстроенной к 1899 г. по проекту академика Л.Н. Бенуа (на личные средства императора Николая II). Храм был сооружен в стиле старинных ярославских церквей, со звонницею и с тремя золочеными главами. В 1905 г., в связи с кончиной сына, а затем и супруга великой княгини, Готская церковь была закрыта, а бывший в ней иконостас передан в Наугейм в устроенную там церковь во имя свят. Иннокентия Иркутского.

Свою историю имеют православные храмы во Франции. В 1859 г. в Париже была построена Свято-Троицкая Александро-Невская церковь, освещенная в 1861 г. Проект церкви был выполнен известным архитектором, членом Императорской Санкт-Петербургской академии художеств Р. Кузьминым в традициях русской церковной архитектуры XV–XVII вв. С виду храм напоминает Собор Василия Блаженного в Москве. В нем в разное время на службах были российские императоры

Свято-Троицкая Александро-Невская церковь. Париж

Александр II и Николай II с императрицей Александрой Федоровной.

Особый интерес представляет судьба русских храмов в г. Ницца. В 1859 г. по инициативе вдовствующей императрицы Александры Федоровны здесь была построена первая церковь – Никольская, освещенная 12 января 1860 г. Все в храме, вплоть до иконостаса, было личным даром августейшей благотворительницы. В том же году поэтом и писателем князем П. Вяземским при храме была открыта библиотека, что превратило храм в очаг русской культуры и излюбленное место встреч российской интеллигенции[12].

В 1865 г., сразу же после смерти наследника русского престола цесаревича Николая Александровича, в особняке парка Бермон, император Александр II приобрел часть территории парка, где на месте кончины сына по его инициативе была построена часовня, освященная в 1868 г. в честь свт. Николая Чудотворца.

В 1896 г. вдовствующая императрица Мария Федоровна, которая в молодости была помолвлена с цесаревичем Николаем,

Собор Святого Николая на авеню Николая II. Ницца

поддержала инициативу своего духовника о постройке нового русского храма в Ницце. Позже, когда владельцем парка стал император Николай II, здесь по проекту архитектора М.Т. Преображенского в стиле соборов Василия Блаженного в Москве и Спаса-на-Крови в Санкт-Петербурге был построен храм, освященный в декабре 1912 г. в присутствии российского императора, пожертвовавшего на его сооружение личные средства[13]. В честь наследника престола Николая Александровича одна из улиц в Ницце была названа бульваром Цесаревича, а улица, ведущая к собору, сегодня носит имя царя Николая II – avenue Nikolas II.

В Германии в 1882 г. состоялось торжественное освящение Церкви «Преображения Господня» в Баден-Бадене. В предместье Берлина, Тегеле, имелся также кладбищенский храм во имя свв. Равноапостольных царей Константина и Елены. Он был построен на средства Свято-Князь-Владимирского Братства на приобретенном им в 1892 г. участке. На том же участке земли существовало кладбище, на котором были погребены

Церковь Преображения Господня в Баден-Бадене

многие русские эмигранты, жившие в Берлине в более позднее время (сюда из России была привезена земля, рассыпанная по кладбищу слоем в пять сантиметров)[14].

Само Свято-Князь-Владимирское Братство появилось в 1890 г. в Берлине при посольской Св. Владимирской церкви (основатель – священник церкви Алексей Мальцев), построенной в 1837 г. Членами общества были как русские, так и немцы. Одновременно поддерживались отношения Братства и с царским домом. Сам Александр III приветствовал идею основания братства и пожертвовал 5 тыс. рублей, что послужило основой фонда, а наследный великий князь Владимир стал покровителем объединения.

Братство заботилось о бедствующих эмигрантах, которые не могли устроиться на работу или, не имея денег на дорогу, вернуться в Россию. Объединение провозгласило своей целью помощь «бедствующим русским подданным всех христианских конфессий и людям православной веры всех наций», то есть оно заботилось не только о русских, но и поляках, сербах, греках, болгарах, румынах и православных немцах (потсдамских колонистах и староверах из Восточной Пруссии)[15].

В 1896 г. рядом с кладбищем, в Тегеле, Братство построило «Дом императора Александра» (в память Адександра III), который стал приютом для бездомных и безработных, особенно сирот и стариков «русского происхождения». Здесь для соотечественников, возвращавшихся из Америки и Бразилии, была создана возможность заработать на обратный путь домой в садоводческом хозяйстве, теплицах и типографии Братства. Нетрудоспособные получали единовременную помощь – железнодорожные билеты и поддержку на время пребывания и переезда. Объединение жертвовало средства также на помощь голодающим в России, при этом его поддержало и немецкое население. Так, был организован «Берлинский комитет помощи голодающим в России во время голода 1891/92 годов». А. Рубинштейн, который был почетным членом объединения, в 1892 г. дал благотворительный концерт в пользу бедных жителей Берлина; часть полученных средств от продажи билетов получило Братство. Объединение имело свою библиотеку. В «Доме императора» находился Музей русской истории за границей, где были собраны иконы, рукописи, монеты. Здесь имелись в наличии русские литургические тексты, учебники Закона Божьего, информационные календари для русских за границей[16].

Братство видело свою задачу также в создании православных церквей, способствовало сохранению русских памятников и русской культуры в Германии. За период с 1890 по 1914 гг. Строительный комитет Братства воздвиг семь храмов: свв. Константина и Елены в Тегеле (освящен в 1894 г.), Всех Святых в Бад-Гамбурге (1899 г.), Преп. Сергия в Бад-Киссингене (1901 г.), Архистр. Михаила в Герберсдорфе (1901 г.), Свт. Николая в Гамбурге (1901 г.), Свят. Иннокентия и Преп. Серафима Саровского в Бад-Наугейме (1908 г.) и Св. Марии Магдалины в Бад-Брюккенау (1908 г.)[17].

Таким образом, благодаря усилившемуся с благословения Санкт-Петербургского епархиального архиерея во второй половине XIX в. строительству храмов в Западной Европе, здесь к 1910 г. насчитывалось до 70 русских православных церквей, не считая частных.

В 1855 г. был освящен храм в честь Св. Елизаветы в Висбадене; в 1861 г. – храм Святой Троицы и Св. князя Александра Невского в Париже; в 1866 г. – храм Воздвижения Креста

Господня в Женеве; в 1874 г. – храм Св. Симеона в Дрездене; в 1876 г. – храм Св. Александры в Бад-Эмсе; в 1882 г. – храм Преображения Господня в Баден-Бадене; в 1883 г. – храм Св. Александра Невского в Копенгагене; в 1892 г. – храм Покрова Пресвятой Богородицы и Св. Александра Невского в Биаррице; в 1899 г. – храм Свт. Николая в Вене; в 1902–1903 гг. – храм Рождества Христова и Св. Николая во Флоренции; в 1912 г. – храм Свт. Николая и мученицы Александры в Ницце[18].

Русское духовное присутствие в мире было подтверждено также деятельностью православных Духовных миссий в Пекине, Иерусалиме, Урмии (Персия), Японии и Сеуле. Но в отличие от католических и протестантских миссий Россия начала предпринимать попытки установления православного присутствия в других странах значительно позже, лишь во второй половине XIX в. Деятельность Духовных миссий в Японии фактически началась в 1871 г., в Палестине в 1881 г., в Корее в 1897 г., в Иране в 1898 г. При этом синодальная (государственная) поддержка была минимальной.

Самой ранней из внешних, зарубежных миссий Русской православной церкви по времени основания была Пекинская миссия (1716 г.). Благодаря официальной поддержке китайского правительства в 1728–1730 гг. на территории русского посольского двора была построена Сретенская церковь. Особое место в истории Русской православной миссии занимала 18-я миссия во главе с архим. Иннокентием (Фигуровским), которая прибыла в Китай в 1897 г. и осуществила покупку участков земли и строительство храмов. К этому времени особенно благоприятная обстановка для проповеди сложилась на северо-востоке Китая – в Маньчжурии, после постройке КВЖД. В 1899 г. в Харбине проживало уже 14 тысяч российских подданных. Подворье русской миссии включало в себя библиотеки, богадельни, школы, русское кладбище, храмы.

В августе 1902 г. епископ Иннокентий с новым составом миссии после восстания ихэтуаней и причиненного им ущерба приступил к восстановлению и строительству новых храмов в Пекине, Шанхае, Тяньцзине, Харбине. «Жемчужиной Харбина» стали называть заново отстроенный Свято-Никольский собор.

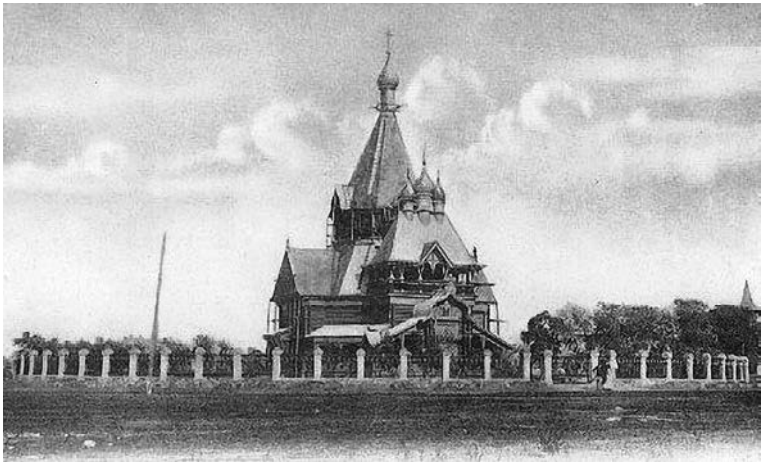
Миссия открыла кирпичный и свечной заводы, электростанцию, литографию, гальваническую, переплетную, меха-

ническую, ткацкую мастерские, типографию, мыловарню, пасеку, молочную ферму, магазины. Наряду с миссионерской деятельностью была развернута широкая благотворительная деятельность: создавались богадельни, приюты; во время русско-японской войны в Харбине было организовано братство для помощи русским воинам и их семьям. В 1917 г. миссия уже представляла собой весьма сложную структуру, в которую входили: Успенский мужской монастырь в Пекине, Крестовоздвиженский скит близ Пекина, женский Сретенский монастырь в Пекине, 5 подворий, 19 храмов, 32 миссионерских стана, семинария в Пекине, 20 школ[19].

Большинство храмов в дальневосточном русском зарубежье были выполнены в неорусском стиле. Среди них в Китае, как установила С.С. Левошко, были: Свято-Николаевский кафедральный собор (1899–1900), Иверская церковь (Пристань, 1907), Успенская церковь (1908), проект Соборного храма в Дальнем (до 1903), Храм Святых Мучеников (1904) и надвратная колокольня церкви Успения Божией Матери подворья Русской православной духовной миссии в Бейгуане (нач. 1900-х гг., предместье Пекина)[20].

О появлении неорусской стилистики, по мнению исследовательницы, свидетельствовал факт использования мозаики и изразцов в отделке храмовых интерьеров, витражей. Высокой оценки специалистов заслужили интерьеры почти всех храмов в Китае, которые включали в себя прекрасные иконостасы, высокохудожественные росписи, предметы церковного обихода[21].

Особое место в ряду культовых сооружений дальневосточного зарубежья занимала церковь в честь иконы Божией Матери Иверския, в которой художником В.А. Михайловым была создана роспись, далекая от традиционной иконографии, где вместо канонических сюжетов представлены сюжеты из русской воинский истории. На закрепленных на колоннах и по верху западной и северной стен мраморных плитах вписаны имена русских воинов, погибших в сражениях на Дальнем Востоке, а позднее по арочным сводам имена павших в Первую мировую и Гражданскую войнах. С.С. Левошко проводит аналогию между этим храмом, называя его Пантеоном воинской славы, и построенным в 1911 г. храмом-памятником Спаса на Водах в Санкт-Петербурге, посвященном русским морякам,



Свято-Николаевский кафедральный собор. Харбин. Фото нач. XX в.

погибшим в период русско-японской войны. В результате, храм как бы превращался в памятник русской истории, где сакральное сливалось со светским[22]. В деревянной Софийской церкви на Пристани (арх. С.К. Трейман, 1907) располагались полотна «Послы Владимировы в Софийском соборе в Царьграде» и «Крещение киевлян при Владимире». Главным храмом Харбина был Свято-Николаевский кафедральный собор, отстроенный в неорусском стиле (арх. – И.В. Падлевский). Украшение храмов напоминало формы московских и ярославских церквей XVII в., выстроенных в русско-византийском стиле.

Русское присутствие на Ближнем Востоке связано с деятельностью Русской духовной миссии в Иерусалиме (далее РДМ). По инициативе вице-канцлера графа К.В. Нессельроде в апреле 1842 г. в Палестину был направлен настоятель русской посольской церкви в Вене архимандрит (впоследствии епископ) Порфирий (Успенский Константин Александрович), известный исследователь истории раннего христианства и коллекционер древних памятников и реликвий. Помимо того, что Порфирий Успенский приобрел и привез в Россию уникальную коллекцию раннехристианских рукописей, он, «оценив

Епископ Порфирий (Успенский)

положение российских дел в Палестине… настаивал на учреждении официальной духовной миссии и доказывал необходимость самостоятельного российского консульства в этом районе». Вскоре Порфирий Успенский официально возглавил первую русскую духовную миссию на Святой Земле, учрежденную указом Св. Синода от 31 августа 1847 г.

Первый ее глава прилагал много усилий для укрепления православия в Палестине. В 1852 г. Патриарх Иерусалимский Кирилл передал ему заведование всеми православными училищами в Палестине и патриаршей школой. В 1854 г. из-за начавшейся Крымской войны члены миссии были вынуждены оставить Иерусалим, но в 1857 г. император Александр II утвердил решение о продолжении деятельности РДМ, новым начальником которой был назначен епископ Кирилл (Наумов). 28 июня 1864 г. состоялось освящение домовой церкви миссии в честь мученицы царицы Александры – первого русского храма на Святой Земле[23].

В 1858 г. для распоряжения деньгами, собранными в помощь паломникам, и устроения их быта, был учрежден Палестинский комитет во главе с вел. князем Константином Николаевичем, который приобрел несколько участков земли для постройки русского храма и приютов для паломников. Первым был заложен храм во имя Св. Троицы, освященный в 1872 г. и ставший главным храмом РДМ на Св. Земле. В 1882 г. по инициативе вел. кн. Сергея Александровича было основано Православное Палестинское Общество (с 1889 – Императорское Православное Палестинское Обществе (ИППО).

С 1864 г. новым начальником миссии был назначен насельник Оптиной пустыни архим. Антонин (Капустин), который возглавлял миссию в течение 29 лет, до 1894 г., и за время своего служения многое сделал для усиления русского присутствия на Святой Земле, а также для создания благоприятных условий пребывания здесь русских людей. С этой целью отец Антонин начал приобретать в собственность земельные участки по всей Палестине и строить храмы, монастыри и приюты для русских паломников.

В 1868 г. Россия купила первый участок земли с растущим на нем Мамврийским дубом, где был построен дом для паломников. В 1870 г. был приобретен еще один участок земли – на Елеонской горе, вблизи места Вознесения Господня, где

был построен храм во имя Вознесения Господня. В 1885 г. при храме Вознесения началось возведение колокольни «Иван Великий» или «Русская свеча». В селении Эйн-Карем, неподалеку от Иерусалима, на приобретенной земле был построен храм во имя Казанской иконы Божией Матери, освященный 14 февраля 1883 г. Через три года Горненская община приобрела статус женского монастыря, который действует до сих пор. Впоследствии были устроены и другие женские монастыри: Спасо-Вознесенский на Елеонской горе и Гефсиманский с храмом в честь св. равноап. Марии Магдалины. В 1886 г. был куплен большой участок в Яффе с гробницей св. прав. Тавифы, а в 1894 г. на этом участке был воздвигнут храм в честь св. ап. Петра. Там же был разбит большой фруктовый сад и построен дом для паломников. Два русских женских монастыря и 10 храмов (в Иерусалиме, Гефсимании, Кане Галилейской, Хевроне, на горе Кармил, в с. Мжедель, с. Яфа и др.), воздвигнутых трудами архимандритов Антонина (Капустина), и Леонида (Сенцова), последнего из ее дореволюционных начальников (1903–1918), обслуживали религиозные потребности русских богомольцев[24].

Значительную поддержку своим начинаниям архим. Антонин встретил в Императорским Православном Палестинском Обществе. В 1888 г. его председатель великий князь Сергей Александрович вместе с супругой великой княгиней Елизаветой Федоровной совершили паломническую поездку в Святую Землю, где присутствовали на освящении построенного храма св. Марии Магдалины в Гефсимании.

ИППО занималось, с одной стороны, распространением в России сведений о святых местах; с другой – заботилось об учреждении школ, больниц и странноприимных домов на Святой земле, оказывало помощь православным паломникам и местным жителям, церквям, духовенству. По инициативе Общества были снижены цены на проезд для богомольцев, путешествовавших из России в Иерусалим, открыты больница с амбулаторией в Иерусалиме, пять госпиталей в Дамаске, Назарете, Вифлееме, Хомсе и Бейт-Джале, которые оказывали медицинскую помощь всем нуждавшимся в ней, независимо от религиозной принадлежности. Кроме того, были открыты 8 подворий в Иерусалиме, Хайфе и Назарете, 101 учебное заведение, где обучалось 10,4 тыс. учащихся. Своей научной

Храм Св. Марии Магдалины в Гефсимании. Фото из альбома иеромонаха Тимона

и благотворительной деятельностью Общество содействовало развитию православия в Палестине и укреплению его связей с родственным ему великорусским православием[25].

В результате, как пишет Н.Н. Лисовой, совместными трудами Духовной Миссии, Иерусалимского Консульства (с 1858 г.), Палестинского Комитета (с 1859 г.), Палестинской Комиссии (с 1864 г.), наконец, Православного Палестинского Общества (с 1882 г.) была создана «Русская Палестина» – уникальная инфраструктура русских храмов, монастырей, подворий и участков земли, ставшая материальной основой русского присутствия на Святой земле[26].

В 1855 г. в Японии открылась первая дипломатическая миссия. По Симодскому договору 1855 г. на Хоккайдо было открыто консульство и российские корабли получили право заходить в порты Симода и Нагасаки. По второму, Эдосскому договору 1858 г., в столице начала действовать постоянная российская дипломатическая миссия. В 1859 г. сюда прибыл первый русский консул И.А. Гошкевич, трудами и попечением которого при российском посольстве в г. Хакодата была заложена

Русская больница ИППО в Иерусалиме. Фото Арх. М.И. Эпингера. 1863 г.

домовая церковь в честь Воскресения Христова, строительство которой было завершено в 1859 г. Это был небольшой деревянный храм, внутреннее убранство которого украшал выполненный в византийском стиле иконостас с иконами академической живописи.

Первым из числа служителей Русской православной церкви на японской земле был иеромонах (впоследствии архиепископ) Николай (Касаткин), который приехал в Японию в 1861 г. в качестве настоятеля церкви в Хакодате, где прослужил более пятидесяти лет. Первое десятилетие своего служения отец Николай ограничивался окормлением прихожан Воскресенской церкви в Хокадате – служащих консульства и моряков с российских кораблей, заходивших в порт. 14 января 1870 г. по ходатайству иеромонаха Николая была образована российская Духовная миссия.

После переезда в Токио в 1872 г. отец Николай приступил к строительству большого каменного здания для церкви и школы. В 1875 г. рядом было построено второе – для катихизаторского училища и семинарии. Позже при миссии открылось женское училище, первой директрисой которого стала М.А. Черкасова. С 1877 г. здесь стали выходить журналы.

Храм в честь Воскресения Христова в Токио

Несмотря на организованный в России по высочайшему указу в 1875 г. сбор пожертвований на нужды миссии, средств не хватало постоянно, и дело держалось исключительно на энтузиазме отца Николая и его помощников. Даже в деле сбора средств на сооружение храма Воскресения Христова в Токио о. Николай мог рассчитывать только на частные пожертвования, т. к. Синод и Министерство иностранных дел фактически отказали ему (всего было собрано 131 тыс. рублей). Главный престол храма Воскресения Христова (арх. М.А. Щурупов) был освящен 24 февраля 1891 г. Иконы для иконостаса были написаны известным придворным живописцем В.М. Пошехоновым и японской художницей, крещеной в 1879 г., Ямаситой Рина, которая обучалась иконописи в Петербурге.

К началу русско-японской войны в Японии уже насчитывалось 178 храмов и молитвенных домов. После окончания войны благодаря усилиям архиепископа Николая было построено еще несколько памятников-храмов на месте захоронения русских воинов[27].

Служивший в Японии архиепископ Николай одновременно был крупным ученым-ориенталистом, педагогом, переводчи-

ком и создателем национальной Японской православной церкви. Он блестяще знал иероглифы, свободно владел английским, читал в оригинале китайских классиков, что позволило ему глубоко изучить буддизм, синтоизм, китайскую философию. Результатом глубокого их изучения стал цикл статей «Письма из Японии» в «Московских ведомостях» и ряд серьезных исследований, опубликованных им в 1860-1870-е гг. в российских журналах. Самые крупные из них – «Япония с точки зрения христианской миссии» и «Сеогуны и микадо. Исторический очерк по японским источникам» стали событием в отечественном японоведении. Важнейшей стороной успешной деятельности Духовной миссии в Японии стало богослужение на национальном языке. Сильным по своему воздействию было и церковное пение, слушать которое специально приходили студенты университета и музыкальной академии г. Токио.

Выходившие в миссии периодика и отдельные издания знакомили широкую публику с русской литературой. Многие выпускники семинарии стали впоследствии переводчиками, заложившими основы русистики в Японии. Этому способствовало и то, что наиболее способных учеников миссия направляла для продолжения образования в Россию. Среди самых известных из них – Кониси Масутаро, лично знавший и консультировавший Л.Н. Толстого по китайской философии. В 1890–1893 и в 1897–1899 гг. в составе миссии работал архимандрит Сергий (Страгородский), будущий патриарх Московский. Свои впечатления о духовной жизни миссии он оставил в путевых записках «На Дальнем Востоке» и «По Японии».

11 мая 1891 г. во время путешествия наследника, цесаревича Николая Александровича в г. Отсу (Япония) на него было совершено покушение. После извинения императора Мутсухито, благодаря миротворческой миссии Владыки Николая конфликта между двумя странами удалось избежать, но в Токио цесаревич уже не поехал. На фрегате «Память Азова» он принял делегацию японской православной Церкви, которая вручила ему икону Воскресение Христово, а греческому принцу, спасителю Николая Александровича, икону Введение во храм (работы Ямаситы Рина).

Всего к 1912 г. в Японии насчитывалось 266 общин, 33,017 тыс. христиан, действовали семинария, женские училища в Токио и Киото. Епископ Николай за выдающиеся

Храм Воскресения Христова на о. Кадьяк (Аляска)

заслуги в деле распространения православия в Японии и за христианское подвижничество во время русско-японской войны был награжден орденом святого Александра Невского и возведен в 1906 г. в сан архиепископа с присвоением ему титула Японский[28]. Он был первым из европейцев похоронен на Центральном старинном кладбище в Токио, а к его могиле был возложен венок от императора Японии, что для иностранца являлось исключительной честью[29]. В 1970 г. архиепископ Николай Японский был канонизирован Русской православной церковью.

На Аляску, где формировалось пространство Русской Америки, Святейший Синод еще в 1793 г. назначил первую православную миссию, составленную из валаамских иноков во главе с архимандритом Иоасафом (Болотовым), которые не ограничивались одним только обращением туземцев в христианскую веру, но также обучали их огородничеству, садоводству, земледелию и другим необходимым занятиям.

В 1824 г. на о. Уналашку прибыл священник Иоанн Вениаминов (впоследствии митрополит Московский и Коломенский Иннокентий) – известный миссионер, выдающийся этнограф

и лингвист. Отец Иннокентий изучил алеутский язык, перевел на него Священное Писание и богослужебные книги. В Ново-Архангельске в 1840 г. была восстановлена епископская кафедра в Америке и отец Иннокентий был посвящен в епископа Камчатского, Курильского и Алеутского.

В 1845 г. на Аляске был выстроен кафедральный собор. К 1904 г. в округе было уже 20 церквей, 60 часовен, 20 священников. Приходы состояли в основном из эскимосов, креолов, алеутов и индейцев[30]. К концу российского владения Аляской и Алеутскими островами православие стало главенствующей религией алеутов и местных эскимосов[31]. После продажи Аляски Соединенным Штатам Америки благодаря отцу Иннокентию все храмы и земельные участки, принадлежавшие Русской православной церкви в Америке, удалось сохранить за ней, включая право и даже обязанность поддерживать православную веру на территории бывших русских владений. Прилагались усилия дать не только православным детям религиозно-нравственное воспитание, но и общее образование, что, конечно, не относилось ни к числу их прав, ни к числу обязанностей. 12 лет (с 1893–1904 г) по представлению тогдашнего епископа Алеутского и Аляскинского Николая в Северо-Американской православной миссии на острове Кадьяк находился на службе отец Тихон – отец будущего писателя Варлама Тихоновича Шаламова. Он состоял смотрителем при приютах, был руководителем Иннокентьевского братства, председателем общества трезвости им. св. Тихона Воронежского и св. Марии Египетской. «За крепкостоятельное служение на пользу православия среди инославия» отец Тихон был награжден золотым наперстным крестом и орденом Св. Анны 3-й степени. Уже после революции в России о. Тихон, испытывая нужду и спасая семью от голода, разрубил топором на куски подаренный ему крест. Чуть позже, в годы нэпа, семья неожиданно получила с Аляски чек на пять долларов от монаха Иосифа Шмальца, сменившего о. Тихона на о. Кадьяк, а деньги были собраны среди обращенных в православие алеутов. Это был еще один яркий пример той связи, которая не прерывалась между русским миром за рубежом и исторической родиной.

Однако с того момента, как Аляска перестала быть русской, не было никакого смысла, а также физической возможности

Митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Вениаминов)

у русской православной миссии поддерживать на Аляске русский язык и славянское богослужение. На 1905 г. из 10,59 тыс. человек, которые окормлялись церковью, только 59 были русские и в основном – представители духовенства. Речи славянских богословов местное население не понимало, поэтому зрело осознание необходимости признать английский язык «языком церкви и школы»[32].

В Соединенных Штатах Америки первый русский православный приход появился в 1870 г. в Нью-Йорке, когда туда прибыл посланный Святейшим синодом для исполнения церковной службы и треб бывший католический священнослужитель Николай Бьеринг, датчанин, принявший в Санкт-Петербурге православие. Вначале служба велась в частном доме, но затем была построена православная церковь.

В дальнейшем, с 1870 по 1905 гг., центром и средоточием церковной жизни на североамериканском континенте стал г. Сан-Франциско. В 1870 г. здесь была учреждена Алеутская и Аляскинская епархия, во главе которой были русские епископы, последовательно занимавшие американскую кафедру – Иоанн Митропольский (1870–1877), Нестор Засс (1878–1882), Владимир Соколовский (1888–1891), Николай Зиоров (1891 – 1898), Тихон Белавин (1899 –1907) – архиепископ (позднее – Патриарх Всероссийский), прославленный в лике святых. Давая высокую оценку их миссионерского служения на этой кафедре, патриарх Алексий II отмечал: «Служение этих архипастырей было поистине жертвенным и плодотворным. Под своим омофором они собрали не только русских, но и албанцев, арабов, болгар, греков, сербов и многих других. При их непосредственном архипастырском руководстве отсюда, из Сан-Франциско, Святая Православная вера распространилась по всей территории Соединенных Штатов Америки»[33].

В 70-е годы XIX в. вместе с появлением первых русских в Филадельфии возникло православное братство святого Андрея Первозванного, в мае 1897 г. появился приход во главе со священником отцом А. Хотовицким, который был священником Никольского собора в Нью-Йорке и одновременно выезжал на службы в православные общины, возникавшие практически по всему восточному побережью США. Первая литургия в Филадельфии состоялась 9 мая 1897 г. Эту дату принято считать днем рождения православного прихода собора. Сам отец

Владыка Тихон, архиепископ Алеутский и Аляскинский

Александр закончил свою жизнь трагически: по возвращению на родину, он был арестован и в 1937 г. репрессирован. В 1995 г. Русская православная церковь причислила протопресвитера отца Александра к лику святых.

В строительство храма в Филадельфии заметный вклад внесли русские моряки с крейсера «Варяг» и броненосца «Ретвизан». Список тех, кто пожертвовал средства на строительство собора, и сегодня находится на самом видном месте в соборе. 1 ноября 1899 г. на воду был спущен крейсер «Варяг». Перед уходом экипаж второго корабля – броненосца «Ретвизан» подарил будущему собору шесть больших икон. На иконостасе собора и сегодня можно прочитать надпись, сделанную по-русски: «Создан на пожертвования команды броненосного крейсера 1-го ранга “Ретвизан”, 1902 год». Именно из икон «Ретвизана» был создан в соборе первый постоянный иконостас. Освящение собора провел епископ Алеутский и Американский Тихон. Вскоре все узнали о героическом подвиге «Варяга». По погибшим в соборе состоялась торжественная панихида. С тех пор 9 февраля в Андреевском соборе поминальной молитвой чтят память русских моряков, героически погибших в неравном бою[34]. В период пребывания в Америке С.Ю. Витте в связи с окончанием русско-японской войны он лично передал 5 тыс. рублей на нужды православных церквей в Америке[35].

В 1898 г. во главе Алеутской и Аляскинской епархии православной церкви в США встал выпускник Петербургской духовной академии епископ Тихон (В.И. Белавин), будущий Патриарх Московский и всея Руси. В 1900 г. епархия была переименована в Алеутскую и Северо-Американскую.

В годы руководства епархией епископом Тихоном православие в США распространялось как за счет перехода в него 32 новых приходов униатской церкви, так и за счет наплыва в начале XX в. трудовой крестьянской иммиграции из России. Приходы Северо-Американской православной епархии были рассредоточены по всему континенту. За девять лет служения епископа Тихона число приходов возросло с 29 до 75. По переписи 1890 г. православная деноминация в США насчитывала всего 500 прихожан, но уже в 1896 г. число их (за счет «разных народностей и рас») выросло чуть ли не в 40 раз. Среди православных были русские, сербы, греки, болгары,

арабы-христиане из Сирии. При некоторых приходах действовали братства для помощи малоимущим. Еще в 1895 г. при епископе Николае (Зиорове) они объединились в Православное общество взаимопомощи.

Одним из главных дел святителя стало строительство кафедрального Свято-Николаевского собора в Нью-Йорке, возведенного в 1902 г. на пожертвования (Синод Русской православной церкви ассигновал на это 20 тыс. долларов).

Начало быстрого развития русских и сербских православных приходов в Америке также связывают с именем святейшего Тихона. Это определило изменение не только географических границ православной епархии в Северной Америке, но уже через два года после назначения его на кафедру в 1900 г. вслед за титулом епископа Алеутских островов и Аляски он получает титул епископа Алеутских островов и Северной Америки. Епископ Тихон был первым православным архиереем Америки, которому было присвоено звание доктора богословия в университете штата Висконсин. Это было выражением признания его духовно-просветительской и научно-богословской деятельности.

В 1905 г. епархиальный центр Алеутской и Северо-Американской епархии был перемещен из г. Сан-Франциско в Нью-Йорк. Епископ Тихон был возведен в сан архиепископа, став при этом первым в Америке православным архиепископом. По мнению Тихона, особого внимания и забот в те годы требовали Уналашка и Кадъяк, так как в первой был приют для девочек, а близ второго баптистский приют для мальчиков и девочек. Продолжая традиции святителя Иннокентия и будучи его преемником, епископ Тихон совершал трансконтинентальные миссионерские путешествия из Калифорнии на Аляску и с Западного побережья США на Восточное.

В приюты забирали православных детей-сирот, особенно от смешанных браков, а иногда и незаконнорожденных от американцев. Но нередко получалось так, что православным священникам не позволялось учить приютских воспитанников православной вере, поскольку это считалось вмешательством во внутреннюю жизнь приюта. Кроме того, на этой территории действовали иезуиты, епископальные и лютеранские миссионеры. С целью противоборства экспансионистским методам различных протестантских и католических миссий на Аляске

Свято-Тихоновский монастырь в штате Пенсильвания

святитель Тихон предложил открыть духовную семинарию в Америке для подготовки национальных кадров священнослужителей. В 1905 г., до отъезда святителя Тихона в Россию, были открыты духовная семинария в Меннеаполисе (штат Миннесота) и подготовительное духовное училище в Кливленде. Укреплению позиций православия и развитию миссионерской деятельности должно было послужить и открытие в 1905 г. первого православного Свято-Тихоновского монастыря в Саус Канаан (штат Пенсильвания), при освещении которого святитель Тихон говорил:

«Божиею поспешествующею милостию Православная Церковь все более возрастает и укрепляется в стране сей. В разных местах устрояются православные храмы, образуются приходы, братства, школы, открывается семинария, бурса, сиротский дом. Но все же жизнь нашей церкви здесь не была бы до сих пор полною: мы не имели учреждения, которое с давних веков является неразлучным спутником православной церкви и составляет ее украшение. Разумею монастыри, которыми так богата свято-русская земля. И вот, слава и благодарение Богу! Пробел этот ныне восполняется, и мы празднуем

днесь открытие Свято-Тихоновского монастыря и освящение первого монастырского храма»[36].

Итогом миссионерского служения святителя Тихона стали существенные изменения в устройстве, административной структуре и духовном развитии Православной церкви в Америке. Было построено множество храмов, монастырь, семинария, школы, приюты, возведены кафедральный собор во имя святителя и чудотворца Николая в Нью-Йорке, храм Пресвятой Троицы в Чикаго, храм в Бруклине во имя святителя Николая. Одновременно возникла сеть общественных и финансовых организаций для поддержки епархиального и приходского служения, приюта для сирот в Бруклине и монастырей – мужского Свято-Тихоновского в Пенсильвании и открытого в 1915 г. женского Свято-Покровского в Спрингфилде (штат Вермонт). В связи с образованием русской колонии в Детройте, когда сюда стали перебираться русские для работы в автомобильной промышленности, в 1907 г. здесь было образовано Братство св. Петра и Павла и начались службы при Епископальной церкви на Ливернойс, куда настоятелем был назначен о. Иоанн Кедровский. В октябре 1908 г. было куплено место и построена церковь Св. Петра и Павла; при церкви открылась школа и дом священника. В 1923 г. Братство Св. Петра и Павла было преобразовано в «Русское общество».

После перенесения кафедры из Сан-Франциско в Нью-Йорк и образования многонациональной епархии Северной Америки епископ Тихон предложил изменить статус миссионерской епархии, которая была непосредственно связана с помощью из России. Фактически встал вопрос о независимости ее от Русской православной церкви и создании условий для формирования Автокефальной Православной церкви в Америке. «Дело в том, – писал он, – что в состав ее (епархии) входят не только разные народности, но разные Православные Церкви, которые, при единстве в вере, имеют каждая свои особенности в каноническом строе, в богослужебном чине, в приходской жизни; особенности эти дороги для них и вполне терпимы с общей православной точки зрения. Посему мы не считаем себя вправе посягать на национальный характер здешних Церквей, напротив – стараемся сохранить таковой за ними, предоставляя им возможность быть непосредственно подчиненными начальникам их же национальности (сирийские, сербские

и греческие приходы и избрание для них епископов). В своей области каждый из них самостоятелен; но дела, общие для всей американской Церкви, решаются соборне под председательством русского архиепископа. Жизнь в Новом Свете по сравнению со Старым имеет свои особенности, с которыми приходится считаться и здешней Церкви, а посему этой последней должна быть предоставлена большая автономия (автокефальность), чем другим русским митрополиям»[37].

Таким образом, православие в Америке превращалось из эмиграционной Церкви в соборную Поместную Церковь. С этой целью в феврале 1907 г. в Майнфилде (штат Пенсильвания) был созван Всеамериканский Собор под председательством архиепископа Тихона с участием представителей православного духовенства и мирян, который постановил впредь называть церковь «Русская Православная Греко-Кафолическая Церковь в Северной Америке под юрисдикцией священноначалия от Церкви Российской». В 1907 г. Тихона сменил епископ Платон (Рождественский), а его, в свою очередь – епископ Евдоким (Мещерский, 1914–1917), при котором была создана довольно эффективная система приходских школ в Америке.

В период с 1891 г. до Первой мировой войны с Русской православной церковью в Америке воссоединилось около 120 униатских карпаторосских приходов. К концу 1912 г., по подсчетам православной миссии, в США насчитывалось более 210 тыс. православных, в том числе 63 тыс. русских, 29 тыс. выходцев из Буковины, 27 тыс. – из Галиции, 12 тыс. – из Закарпатья, 21 тыс. сербов, 20 тыс. сирийцев, 3 тыс. греков, 6 тыс. албанцев, 5 тыс. эскимосов, 3,1 тыс. алеутов, 2 тыс. индейцев, 120 американцев. Характерно, что, хотя Первая мировая война и приостановила иммиграцию в США, тем не менее число приходов православной церкви с 1914–1917 гг. выросло на 35[38.]. В результате, к 1918 г. Американская епархия располагала четырьмя викариатствами – Аляскинским, Бруклинским, Питтсбургским и Канадским; насчитывала три миссии (Албанскую, Сирийскую, Сербскую), 271 храм, 51 часовню, 31 благочиние, 257 священнослужителей, около 60 братств; имела Свято-Тихоновский монастырь в Саут-Канаане, сиротский приют при монастыре, духовную семинарию, церковные школы[39].

Собор американских святых: св. прп. Герман, свт. Иоанн (Максимович), свт. Иннокентий, св. прп. Ювеналий, святитель Тихон, св. Петр Алеутский

В 1877 г., в условиях начала массовой эмиграции безземельных крестьян России в Канаду, из Северо-Американской православной епархии сюда были направлены первые миссионеры, что привело впоследствии к созданию Канадской православной миссии (где первым православным миссионером был отец Владимир (Александров). В 1891 г. в страну прибыли поселенцы из Западной Украины, которые объединялись в приходские общины, воздвигали свои храмы и приглашали священнослужителей. Первый православный приход был открыт на севере провинции Альберты, недалеко от г. Эдмонтон в 1897 г. Его прихожанами стали бывшие униаты –

галичане и буковинцы. Отсюда началось их возвращение в лоно Матери Церкви под руководством протоиерея Алексея Тавта, прославленного Православной церковью в Америке в лике святых. Начало православия в Канаде связано также с именем свт. Тихона. В 1900 г. он открыл Канадскую миссию, во главе которой поставил свящ. Иакова Корчинского, сам лично способствовал постройке здесь храмов, которые освещал[40]. В этом была преемственность и развитие служения русских миссионеров на Американском континенте, начиная с валаамских иноков на Алеутских островах и Аляске, и среди них – первого православного святого Америки – преподобного Германа Аляскинского, святителя Иннокентия, митрополита Московского, Апостола Америки и Просветителя Восточной Сибири и других.

Среди иммигрантов, прибывших на южно-американский континент к концу XIX в., также значительную часть составляли выходцы из славянских стран – Сербии, Черногории, Герцеговины, Боснии, а также из Сирии, Малой Азии, Греции. Отсутствие православной церкви ущемляло их интересы в странах, где господствовало католичество. Римская-католическая церковь, пользуясь своим положением, нередко склоняла славян и греков к переходу из православия в католичество, когда последние обращались к церковникам для отправления своих самых священных треб.

По замечанию протоиерея Русской православной церкви в Аргентине отца Константина Изразцова, идея построить в далекой республике свой храм появилась следующим образом: «Достигнув материального благосостояния в новой стране, православные люди стали подумывать об удовлетворении своих нравственно-религиозных нужд, потому что во всей Южной Америке никогда ранее не существовало ни церкви православной, ни священника. Если людям приходилось обращаться в римско-латинскую церковь для совершения браков или крещения детей, то там их принуждали отрекаться от своей веры. Так в Аргентине появилось много семей с греческими и славянскими фамилиями, исповедующими католичество…»[41].

Важную роль в деле укрепления в Южной Америке православия сыграл дипломат, назначенный в 1885 г. чрезвычайным посланником при Аргентинской республике – А.И. Ионин. Идея основания православного храма в Буэнос-Айресе была

одобрена Александром III. При участии А.С. Ионина и обер-прокурора Священного Синода К.П. Победоносцева первая православная церковь в Южной Америке была открыта в Буэнос-Айресе 14 июля 1888 г. с причислением ее к императорской миссии и назначением ее настоятелем священника Михаила Иванова.

Первого (13) января 1889 г. в Буэнос-Айресе была совершена первая на всем материке Южной Америки православная литургия и несколько крещений уже взрослых детей, а после – и несколько бракосочетаний. «Нечего и говорить, что все православные ликовали, как в светлый праздник, – пишет пресвитер Константин Изразцов, – С присылкой русского священника полагалось начало существования новой церкви, которая и была устроена тесно и неуютно в двух комнатках нанятого обывательского дома»[42]. Все необходимое (престол, иконостас, церковная утварь, одежды и т. д.) было прислано из Мадрида, от церкви при российской миссии в Мадриде.

Тем временем колония православных в Буэнос-Айресе разрасталась. Аргентина превратилась в одну из ведущих переселенческих стран. Русское правительство со вниманием относилось к участию Православной церкви в экономической и политической жизни ла-платских республик. В 1891 г. Священный Синод назначил настоятелем церкви протоиерея Константин Гавриловича Изразцова, прослужившего более полувека на этом посту. Отец Константин также напоминал о необходимости учреждения постоянно действующей русской миссии в Буэнос-Айресе с особым, отдельным представителем, так как посланник в Бразилии одновременно был и посланником в Аргентине. Назначенный в 1895 г. на место А.С. Ионина новый русский посланник М.Н. Гирс решил перенести свою резиденцию из Рио-де-Жанейро в Буэнос-Айрес.

В начале своей деятельности о. Константин столкнулся с немалыми трудностями, и прежде всего – с финансовыми. Гирс поддержал проект о. Константина по созданию русского храма в Буэнос-Айресе. В своих донесениях министру иностранных дел князю А.Б. Лобанову-Ростовскому российский посланник отмечал благотворное влияние, которое оказывала церковь на православных, проживавших в Аргентине[43].

Стремясь укрепить православие в этой стране, о. Константин в конце 1894 г. в «Церковных ведомостях» высказался

Протопресвитер Константин Изразцов. 1900-е гг.

о необходимости поддержать строительство храма. О трудностях сбора средств на его постройку он рассказывал в одном из донесений:

«…На постройку храмов средств никаких; а на докучливые мои просьбы и мольбы всюду был один ответ: “денег нет”; и в Св. Синоде, и в Министерстве Иностранных Дел, в ведомстве которого находилась наша церковь, и в Епархиальном Управлении, я везде получил отказ. Толкнулся я и в Министерство финансов со своим докладом и просьбою об ассигновании 25.000 рублей на построение храма; путем личных переговоров в 1897 г. мне удалось убедить тогдашнего Министра Финансов г. Витте помочь мне осуществить начатое дело и он обещал дать эту сумму, если Обер-Прокурор Св. Синода напишет пару слов на карточке, что он находит это нужным. С легким сердцем бежал я к К.П. Победоносцеву поведать ему приятную весточку; но он меня принял далеко немилостиво и даже стал упрекать, что я обратился в чужое ведомство… и я опять остался у моря ожидать погоды… Осталось одно, если я не хотел сложить оружия – обратиться к общественной благотворительности и я не устрашился избрать этот тернистый путь… Собирал по домам, собирал и в Церквах после произнесения проповеди… В Москве взывал о своей нужде в 30 храмах с церковного амвона.

…Большую поддержку оказали мне газеты, печатая воззвания и краткие очерки об Аргентине, ее жизни и обычаях, чтобы ознакомить русских с этой далекой страной; некоторые из них открывали у себя прием пожертвований на мое начинание… В конце концов этот тернистый путь привел меня к подножию Трона и личному знакомству почти со всей Царской Семьей. Государь Император Николай Александрович, государыня Мария Федоровна и многие Великие Князья и Княгини самолично жертвовали мне свои лепты…»[44].

Лично император Николай II пожертвовал на создание храма в Аргентине из своих средств 5 тыс. рублей. Также на церковь пожертвовали вдовствующая императрица Мария Федоровна, среди крупных жертвователей были праведный Иоанн Кронштадтский, П.П. Боткин, Д.Ф. Самарин. Однако, что касается правительства, по признанию самого Константина Изразцова, кроме денег, выделенных на покупку участка в размере 18 тыс. рублей, оно не оказало более никакой поддержки.

Свято-Троицкий собор в г. Буэнос-Айрес

«И все здесь существующее, – отмечал К. Изразцов, – создалось чудом, из ничего, из мелких приношений русского народа и всех этих югословян, греков, сирийцев и прочих православных народностей, которые находили себе приют и утешение под покровом Русской Церкви в Аргентине»[45].

6 декабря 1898 г. на собранные средства началось строительство по проекту известного аргентинского архитектора того времени, племянника российского консула А. Кристоферсона. 23 сентября 1901 г. Свято-Троицкий храм с престолами во имя святого Николая Чудотворца и святой Марии Магдалины был торжественно освящен. Чтобы увековечить событие, поверенным в делах А.Е. Грегером были отчеканены бронзовые медали с изображением фасада церкви для раздачи присутствующим; несколько серебряных таких же медалей было послано в Санкт-Петербург для поднесения членам императорской фамилии[46].

Храм построен в стиле московских церквей XVII в. Его расписывали художники В. Беляев. В. Павлов, Г. Нестеров, А. Рябушкин; венецианская мозаика, размещенная на фронтоне, была подарена академиком И. Фроловым. Богатейший

майоликовый иконостас с древне-русским орнаментом был сделан в художественной школе им. Гоголя в Миргороде. Афонские старцы пожертвовали святые мощи.

При церкви располагались приходская школа (бесплатная; обучение вели на испанском языке, а молитвам каждого учили на его родном языке), приют для нуждающихся, бесплатная читальня и культурно-просветительский кружок для русских рабочих, а также любительский хор и драматическая труппа. Отец Константин вел сбор денег в пользу бедствующих и способствовал в период Первой мировой войны возвращению в Россию эмигрантов, пожелавших с оружием в руках защищать родную землю.

В начале 1900-х гг. роль храма при российской миссии в Буэнос-Айресе стала особенно значимой. Преемник Гирса А.Н. Шпейер возвратил резиденцию в Рио-де-Жанейро, и с того момента только Православная церковь так или иначе представляла интересы России в Аргентине и оказывала посильную помощь православным подданным Российской империи, которые активно начали прибывать в страну после 1905–1906 гг.

Что касается русского православия на африканской земле, то здесь из-за своей малочисленности русская община не имела своей церкви: в Египте православные на службу ходили в греческие церкви. Тем не менее Россия внесла свой вклад в строительство нового комплекса греческой Александрийской патриархии в Каире, открытого 26 ноября 1839 г. Деньги из России для Александрийской патриархии были направлены по т. н. «Палестинскому штату». Среди жертвователей были лично император Николай I, Святейший Синод, А.Л. Муравьев, графиня А.А. Орлова. На средства последней в Юрьевском монастыре писались иконы для патриаршей церкви Свт. Николая. В 1861 г. русско-подданные греки, купцы братья Рафаил и Анания Абед, основали в Каире частную школу, отданную ими под покровительство России. В ней, помимо греческого и арабского, преподавали русский язык[47].

Таким образом, согласно штатному расписанию Министерства иностранных дел за рубежом действовали русские православные церкви при посольствах (в Берлине, Вене, Константинополе, Лондоне, Париже, Риме, Токио, Мадриде), церкви при миссиях (в Афинах; Берне, Брюсселе, Бухаресте, Буэнос-

Айресе, Дармштадте, Дрездене, Карлсруэ, Копенгагене, Пекине, Стокгольме, Тегеране; церкви при консульствах (в Хакодате, в Чугучаке). Существовали также придворные церкви в Саксен-Кобурге и Штутгарте; при надгробиях в Висбадене, Гааге, Ироме, Флоренции. Всего к концу 1917 г. Россия имела за границей 227 православных храмов: из них в Западной Европе – 65, в Сирии и Палестине – 40, в Америке – 45, в Корее – 6, в Китае – 30, в Персии – 5, в Урмии – 27, в Японии – 9[48].

Русское православие за рубежом сыграло огромную роль в деле консолидации Русского мира. Оно глубоко связывало находившихся в рассеянии с отечественной культурой, историей, национальной традицией. Церковь служила также важным средством адаптации эмигрантов к новым условиям жизни. Вместе с тем следует признать, что в дореволюционный период (в отличие от последующих волн русской эмиграции) сами русские храмы за рубежом больше отражали присутствие заграницей традиционной, официальной России, поскольку процесс создания православного ядра в том или ином городе или стране инициировался «сверху» – представителями августейших особ, российских дипломатических миссий, известных аристократических фамилий, живших заграницей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Герд Л.А.* Русский Афон. 1878–1914. Очерки церковно-политической истории. – М., 2010. С. 10–11.

[2] Там же. С. 54–56.

[3] Там же. С. 26–27.

[4] Там же. С. 156–157.

[5] Русские в Скандинавии. Дания, Норвегия, Швеция. – Таллин, 2008. С. 151–152.

[6] *Тальберг Н.* Православное храмоздание Императорской России в Европе. (Исторический очерк) // Православный путь. Церковно-богословско-философский ежегодник. Приложение к журналу «Православная Русь». 1958. С. 137–163 // ricolor.org/europe/stati/mp/1/2004 Educational Orthodox Society «Russia in colors» in Jerusalem.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] *Талалай М.* Русское православие в Италии // http://zarubezhje.narod.ru/italy/

[10] Русские в Австрии: Вена. – Б.и., 2009. С. 66.

[11] Там же.
[12] *Герра Алэн.* Указ. соч. С. 6.
[13] http://www.rian.ru/religion/20100120/205321422.html
[14] Русские в Германии =Russen in Deuschland. – Берлин, 2008. С. 19.
[15] Там же.
[16] Там же. С. 19.
[17] Там же. С. 78.
[18] Там же. С. 80.
[19] *Ефимов А.Б.* Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. – М., 2007. С. 256–257.
[20] *Левошко С.С.* Русское религиозное искусство конца XIX – начала XX века и православные храмы в Русском Зарубежье на Дальнем Востоке первой трети XX в. К постановке проблемы. // Христианство на Дальнем Востоке: Сборник научных трудов. – Уссурийск, 2001. // По материалам сайта «Nature.web.ru Научная Сеть» // http://ricolor.org/rz/statii/mp/7/
[21] Там же.
[22] Там же.
[23] *Ефимов А.Б.* Указ. соч. С. 327, 329.
[24] Там же. 330 – 331.
[25] См. об этом: *Лисовой Н.Н.* Храмы Русской Палестины // К свету. Вып. 19. – М., 2002. С. 138–165
[26] *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX вв. Автореферат диссер…. учен. степ. доктора исторических наук. – М., 2007. С. 15.
[27] http://ricolor.org/rz/iaponia/mp/1/
[28] *Яковлев Н.А.* Русская духовная миссия в Японии и ее кафедральный собор в Токио // Христианство на Дальнем Востоке: Сборник научных трудов. – Уссурийск, 2001. С. 32–44 // http://ricolor.org/rz/iaponia/mp/9/
[29] *Ефимов А.Б.* Указ. соч. С. 293–295.
[30] Американский Православный Вестник. – Нью-Йорк. – № 7. 15–28 марта 1905. – С. 132.
[31] Русская Америка: По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков и др. очевидцев / Отв. ред. А.Д. Дридзо, Р.В. Кинжалов. – М., 1994. С. 7–23.
[32] Американский Православный Вестник. Нью-Йорк. № 17. 1–14 апреля 1905. С. 115.
[33] http://ricolor.org/rz/amerika/mp/1/
[34] http://ricolor.org/rz/amerika/mp/6/
[35] Американский Православный Вестник. Нью-Йорк. № 12. 12–28 июня 1905 г. С. 265.
[36] http://ricolor.org/rz/amerika/mp/1/
[37] http://ricolor.org/rz/amerika/mp/1/
[38] *Нитобург Э.Л.* История распространения православия в Америке // США и Канада. 2000. № 4 // http://ricolor.org/rz/amerika/mp/5/

[39] Православная Церковь в Америке. Глава из книги: *Скурат К.Е.* История Православных Поместных Церквей // http://ricolor.org/rz/amerika/mp/16/

[40] *Ефимов А.Б.* Указ. соч. С. 368.

[41] *Изразцов К.Г.* Православная церковь в Буэнос-Айресе при императорской российской миссии в Южной Америке. – СПб., 1904. С. 12.

[42] Там же. С. 12.

[43] Там же. С. 12–30.

[44] Состояние православной церкви в Южной Америке. Доклад протопресвитера Константина Изразцова Русскому Заграничному Синоду. – Б.-Айрес, 15–28 апреля 1929. 1929. С. 3.

[45] Там же. С. 4.

[46] *Изразцов К.* Указ. соч. С. 12–30.

[47] *Беляков В.В.* «К берегам священным Нила». Русские в Египте.– М., 2003. С. 99.

[48] *Чернявская Л.С.* Документы архива Министерства иностранных дел по истории русских православных миссий за границей // Отечественные архивы. – 2001. – № 4. – С. 30, 34.

5

РОССИЯ И РУССКИЙ МИР: СОЛИДАРНЫЕ СВЯЗИ

Связь с Россией в смысле лояльности и привязанности определяется как еще одна важнейшая черта Русского мира, хотя эта связь и была изменчивой и имела противоречивые смыслы и направленности[1]. Рассеянные по различным странам представители Русского мира не оставались безучастными к событиям, происходившим в них, а также на родине, особенно в годы военных испытаний. События XIX – начала XX в. обусловили появление за рубежом новой категории россиян – добровольцев в составе зарубежных воинских формирований, участников русских экспедиционных сил, военнопленных.

Так, в годы войны за независимость Южной Америки против Испании (1810–1825 гг.) в рядах армии С. Боливара сражался прапорщик Иван Миллер. В 1818–1819 гг. он принимал участие в освобождении Колумбии и Венесуэлы; в 1827 г. был рядом с Боливаром во время внутренних междоусобиц. Полковник Иван Минута участвовал в освобождении Венесуэлы и присоединении Панамы к Великой Колумбии. Участником боевых действий был также Михаил Роль-Скибицкий, награжденный за участие в битве при Аякучо[2]. Революционная практика С. Боливара оказала свое влияние и на декабристов – П. Пестеля, Н. Тургенева, братьев Бестужевых и др. Известно, что в 1816 г. у одного из них – Михаила Лунина, как сообщал его французский друг О. Оже, появилась мысль отправиться в Южную Америку и вступить «в ряды тамошних молодцов, которые теперь бунтуют»[3].

В период освободительной войны на Кубе против Испании 1895–1898 гг. во главе с Хосе Марти и последовавшей вслед за этим испано-американской войной 1898 г. за контроль в ре-

гионе, на Кубе находились в качестве наблюдателей при испанских и американских войсках два полковника русского Генерального штаба И. Жилинский и Н. Ермолов и лейтенант Д. Похвиснев – от русского Морского министерства. В отчете одного из них, а именно И. Жилинского, содержались сведения об участии троих русских добровольцев – Никиты Мелентьева, Евстафия Константиновича и Петра Стрельцова – в боевых действиях на стороне Кубы[4]. Как впоследствии выяснилось, все трое были воспитанниками Гатчинского сиротского института, связанными дружескими отношениями. Однако повоевать юношам не удалось по причине того, что они сразу же попали в плен к испанцам. После передачи их русскому консулу, все трое были отправлены на американском пароходе в Нью-Йорк, где они сразу же попали в круг русских революционно настроенных эмигрантов, что предопределило их политический выбор после возвращения домой.

Во второй половине XIX в. офицеры Генерального штаба русской армии нередко командировались в Африку в качестве военных наблюдателей с целью сбора материала о действиях колониальных войск и организации управления на покоренной территории. Так, в 1856 г. военное ведомство России командировало во Францию офицера и преподавателя Николаевской Академии Генерального штаба В.М. Аничкова и А.И. Беренса (последний принимал участие в покорении французами местечка Кабилии в Алжире). В 1874 г. в составе французских экспедиционных войск находился капитан Генерального штаба А.Н. Куропаткин, который в качестве агента французской армии участвовал в военных экспедициях французских войск в Сахару. По окончании своей командировки, оценивая колониальную систему управления, Куропаткин пришел к выводу о ее бесперспективности в политическом и экономическом отношениях. Как отмечают исследователи, предоставляемые российскими военными отчеты в Генеральный штаб царской армии являли собой в большинстве случаев пример именно антиколониальной публицистики[5].

В период итало-абиссинской войны 1895–1896 гг. в России по частной инициативе был проведен сбор средств для оказания медицинской помощи раненым и больным эфиопским солдатам. Сюда был отправлен отряд Российского общества Красного Креста в составе 41 человека. Русский санитарный

отряд открыл медицинские курсы для эфиопов и фактически положил начало медицинскому обследованию гражданского населения страны. В Аддис-Абебе был открыт Русский госпиталь, просуществовавший до 1906 г. Император Менелик II наградил участников отряда орденами и медалями[6].

На рубеже XIX – начала XX в. российские военнослужащие и военные медики приняли участие в англо-бурской войне 1899–1902 гг. в Южной Африке, выступив на стороне сражавшихся против англичан буров. Трансваальское правительство брало на себя содержание приезжавших в страну санитарных отрядов и поступавших на его службу добровольцев, которые примыкали к любому отряду, местному или иностранному, по большей же части группировались по национальностям. На стороне буров воевали представители различных стран, российских подданных среди них было не более десяти процентов. В целом, принято считать, как пишет Г.В. Шубин, что среди более, чем двух тысяч добровольцев из разных стран от 200 до 250 человек были выходцами из России. Пятеро офицеров-добровольцев погибли в боях, причем четверо из них сражались в партизанских отрядах буров[7]. Среди русских волонтеров были представители отставных офицеров разных родов войск и полков: Крафт, Никитин, Аугустус (Августус), Дрейер, Арнольдов, Шульженко и князь Багратион-Мухранский (попавший в плен к англичанам). Среди «статских» русских волонтеров выделялся состоятельный киевский адвокат Николаев, который привез с собой и за свой счет десять черногорцев, «сущих героев», поражавших всех своим гигантским ростом. Николаев платил им по 10 шиллингов (около пяти рублей) в сутки жалования, при этом потратил много денег на их вооружение первоклассными ружьями лучших английских систем[8].

Среди добровольцев были также братья Гучковы – Федор Иванович (отставной сотник Кубанского казачьего войска) и Александр Иванович – тогда член московской городской управы, почетный мировой судья, будущий руководитель партии октябристов (в бою был тяжело ранен в бедро и остался хромым на всю жизнь).

Особо отличились в ходе военной кампании полковник Е.Я. Максимов и капитан Ганецкий, командовавший Русским отрядом из 50 человек. Эти два русских героя, как их здесь на-

зывали, прославились своей храбростью и преданностью делу свободы и были известны всем бурам. Максимов принял командование сначала «Иностранным легионом» после гибели его командира французского полковника графа Виллебуа-Марейля, затем из-за внутренней борьбы между представителями различных национальностей, передал командование местному генералу, а сам стал начальником «Голландского корпуса» и в апреле 1900 г. принял участие в нескольких кровопролитных сражениях против англичан. В одном из боев Максимов был тяжело ранен в голову (спас его российский врач фон Ренненкампф) и в дальнейшем уже не мог принимать участия в боевых действиях, но в знак признательности буры и часть европейцев провозгласили подполковника «фехтгенералом» (боевым генералом)[9].

Сестра милосердия Софья Изъединова сообщала, что «в бурские коммандо шли исключительно люди дела, желавшие сойтись возможно ближе с местными жителями, многому у них поучиться и готовые делить с ними все невзгоды». «Это были, – пишет она в своих воспоминаниях, – преимущественно голландцы и, к нашей национальной похвале будет сказано, в значительном числе русские. Мне лично известны пребывавшие в разное время в бурских коммандах: лейтенант Штрольман [Строльман] – убит; капитан Шульженко, поручик [прапорщик], Диатропов [Диатроптов], сотник Гучков, поручик Никитин и штабс-капитан Никитин, поручик Августус, граф Комаровский, Арнольдов, Кравченко и несколько других…»[10].

Возвратившийся из Трансвааля В.И. Рубанов, который был волонтером в составе Русского отряда, также признавал: «Русский отряд, состоявший из 57 человек, обращал на себя всеобщее внимание – публика в его составе собралась интеллигентная, порядочная»[11]. Собственно русских в нем было до двадцати человек, а остальные – итальянцы, португальцы и немцы. Русские составили из своей среды оркестр и хор песенников, и бурам очень нравились русские песни и в особенности русский гимн, который они неоднократно заставляли повторять. О повседневной жизни Русского отряда под командованием Ганецкого писал и другой доброволец:

«Единственным нашим развлечением в лагере было пение: у нас составился недурной хор с довольно большим репертуаром. Буры, по вечерам, после молитвы, толпами приходили

к нашим палаткам слушать непонятные им песни. Вообще во время нашего пребывания в лагере буры относились к нам с большим уважением. Иногда они приносили огромную воловью кожу и на ней качали желающих (это качание служит выражением почтения). Днем часто – заходили в палатку два-три бура и задавали несколько, иногда наивных вопросов. Сколько у русского царя войска? Много ли земли? Почему русский царь не пришлет им на подмогу несколько десятков тысяч войска и т. п.»[12].

Наряду с добровольцами на помощь бурам был отправлен санитарный отряд Российского Общества Красного Креста (РОКК), находившегося под покровительством вдовствующей императрицы Марии Федоровны (матери Николая II). Начальником отряда был назначен доктор медицины, действительный статский советник Н.И. Кусков, состоявший помощником директора Мариинской больницы. К списку членов санитарного отряда РОКК затем присоединились добровольцы граф П.А. Бобринский и студент Н.Н. Кусков. Итого было послано в составе отряда тридцать три человека[13]. На снаряжение отряда и проезд было лишь первоначально истрачено более 100 тыс. рублей из казны Российского Общества Красного Креста, и, естественно, его руководство стремилось хотя бы частично покрыть эти расходы. Для некоторого возмещения расходов на посылку санитарного отряда РОКК организовывались благотворительные концерты. От Главного управления РОКК было назначено соответствующее содержание на все время командировки продолжительностью в шесть месяцев: врачам и агентам – по 450 рублей в месяц и 450 рублей на подъем, фельдшерам содержание каждому в месяц 100 рублей и на подъем по 100 рублей; санитарам на содержание каждому – по 50 рублей в месяц и на подъем по 50 рублей. Кроме того, назначалось также довольствие пищею и беспалатный проезд туда и обратно[14].

На собранные добровольные пожертвования был сформирован, оснащен и также отправлен в Южную Африку объединенный русско-голландский санитарный отряд**.** По возвращении на родину в конце сентября 1900 г. некоторые его члены получили награды[15].

В условиях разразившихся в начале XX в. войн, участницей которых была Россия, важной задачей ее государственных

Группа матросов, в том числе с крейсера «Варяг», в лагере для русских военнопленных. Лагерь в Мацуяме. Фото. 1905 г.[16]

и общественных организаций, духовных миссий и русской эмиграции за рубежом становится забота о военнопленных соотечественниках.

Так, к концу русско-японской войны в Японии оказались примерно 79,4 тыс. попавших в плен чинов российской армии и флота – от простых солдат, казаков и матросов до адмирала З.П. Рожественского, командовавшего эскадрой, разбитой под Цусимой. Первая партия российских военнопленных моряков с крейсера «Варяг» была доставлена в Японию 10 марта 1904 г., но больше всего было капитулировавших защитников Порт-Артура – почти 44 тыс. человек, около 21 тыс. сдались в ходе 20-дневной битвы на гаоляновых полях под Мукденом, чуть менее 5 тыс. – на Сахалине[17].

Важно заметить при этом, что традиционно в Японии не было понятия «пленный», поскольку самурай должен был или погибнуть в бою, или вспороть себе живот, если дальше сопротивляться не было возможности. Поэтому жителям страны пришлось от имени правительства специально разъяснять, что в соответствии с международными правилами русские пленные заслуживают не презрения и ненависти, а сострадания,

Раздача хлеба пленным. 1905 г.

поскольку они не преступники, а честно сражались за свою страну. Соответствующие указания печатались в газетах.

В результате в стране была создана разветвленная сеть лагерей, специальных госпиталей, медицинского обслуживания, питания, этапирования и транспортировки пленных. Часть лагерей формировалась как промежуточные, затем военнопленные перемещались в места длительного содержания. Лагеря в Японии располагались в 29 населенных пунктах, среди них города Иокогама, Киото, Кумамото, Мацуяма, Осака, Фукуока и др.

Нижние чины русской армии в лагерях содержались отдельно от офицеров. Большинство пленных жили в шатровых палатках, постройках барачного типа. Для высшего офицерского состава выделялись помещения буддистских храмов. Офицеры имели практически неограниченное право выходить за пределы мест заключения: они осматривали достопримечательности, посещали горячие источники, имели право выписывать себе семьи из России. Самый большой лагерь для «простых» (35 тыс. человек) находился под городом Осака. Второй по размерам лагерь (примерно 15 тыс.) располагался

Госпиталь лагеря русских военнопленных в г. Мацуяма. 1905 г.

в черте города Нарасино, предместье Токио. Лагерь Нарасино состоял из трех зон по 25 бараков. Две из них были отданы русским, а одна – национальным меньшинствам, среди которых было более тысячи поляков и прибалтов, по 200 с лишним мусульман и евреев. Японские власти осуществляли охрану, а внутри лагеря действовало самоуправление – главную роль при этом играли фельдфебели как старшие по чину. Они, например, предложили японцам самостоятельно наладить выпечку русского хлеба. Его с чаем давали на завтрак и ужин, а на обед полагался овощной суп и рис, к которому регулярно добавляли мясо или рыбу[18].

Помимо японского рациона все пленные получали деньги от российского правительства через посольство Франции в Токио. Унтерам в зависимости от количества лычек полагалось в месяц от одной иены до полутора, рядовым – по полиены. Участникам обороны Порт-Артура периодически пересылали и дополнительные пожертвования – иногда по 15 иен каждому. Для сравнения: в то время в Японии полтора килограмма риса стоили десятую часть иены. Пленные свободно

отправляли письма в Россию, которые предварительно читала цензура. В лагерной больнице отмечался достаточно высокий уровень гигиены, хотя смертельные случаи также были нередки[19].

Уделялось внимание и досугу пленных. В лагере Нарасино, в частности, были созданы самодеятельные оркестры, работала школа, где преподавал доброволец-офицер; предприимчивые пленные наладили швейные и сапожные мастерские. Русские пленные построили себе церковь, куда регулярно приезжал священник-японец из столицы. В свою очередь, мусульмане молились в мечети, католики – в костеле, евреи – в синагоге, свой молельный дом был даже у 94 протестантов-прибалтов.

С появлением в Японии первых русских пленных опеку над ними осуществляли представители Духовной миссии в Японии во главе с архиепископом Николаем Японским вместе с христианами-японцами и японскими священниками. В письме Преосвященного Николая к Преосвященному Тихону, Епископу Алеутскому и Северо-Американскому от 31 января 1905 г. сообщалось о контингенте военнопленных следующее:

«Кроме прежних больше трех тысяч человек ныне несравненно большее количество их перевозят из Порт-Артура, и размещают по разным городам, уже поместили в Хаматера, близи Осака 6 тыс., в Тенкачая, там же, 5 тыс., в Зишедзи 1300, в Даира на Кіусіу 2000, в Фукуока, на Кіусіу, 1000, в Мацуяша, на Сикоку, 2500 и проч. – всего до 20.000. В Порт-Артуре останется больных 18.556 человек, которые по мере выздоровления тоже будут перевозимы в Японию»[20].

При этом всех умерших от ран хоронили с воинскими почестями. Стараниями отца Николая была увековечена память русских солдат, оставшихся навеки в японской земле. На кладбищах городов Мацуяма и Осаки, где находились братские могилы, были построены часовни[21].

Все здания, где размещались пленные, по инициативе Японской православной миссии, снабжались иконами с лампадками, а иные кроме того – временными престолами и жертвенниками, на которых назначенные для того японские священники, знавшие русский язык, совершали Литургию. Для отправления религиозного культа были оборудованы и специальные сооружения. Так, Городская дума г. Сакае (где

В лагерной церкви. 1905 г.

были размещены порт-артуровцы) построила три часовни, украшенные внутри иконами, вынесенными из Порт-Артура. Священником там служил А. Савабе, сын о. Павла Савабе – первого по времени христианина в Японии и первого иерея, проживавшего на тот момент в Токио[22].

К военнопленным приходили священники, окончившие русские духовные академии и владевшие русским языком, особое внимание оказывалось русским в пасхальные дни. На престоле и жертвеннике обычно горели от 8 до 20 свечей, поэтому потребность в свечах была велика, о чем в своем письме сообщал епископ Николай, особенно в связи со Страстной неделей и Пасхой, когда важно было, чтобы пленные «имели утешение держать свечку». При этом своих средств (включая личные средства епископа) у миссии не хватало; церковь несла расходы на приобретение для военнопленных крестиков, церковного вина и елея, учебников и письменного материала для обучения безграмотных и проч.

В связи с материальными трудностями епископ Николай обратился в начале 1905 г. за помощью к Американской пра-

вославной миссии с просьбой выслать 970 фунтов свечей (послав на то приходящуюся по расчету 60 центов за фунт сумму в 582 ам. долл.), а также «пения Всенощной и Литургии Бахметева», книжки Пасхального Богослужения.

Американская миссия и сама не была богата средствами. Но, чувствуя потребность оказать помощь русским людям, «измученным, израненным, лишенным радости может быть надолго увидеть своих родных, свой дом, свою страну», архиепископ Тихон сделал распоряжение, помимо свечей, для духовных нужд русских пленных послать Преосв. Николаю 50 долл. из прибылей Епархиального склада, 50 долл. – из нештатных сумм и 100 долл. – из переходящих для Японской миссии[23]. При этом в журнале «Американский Православный Вестник» был размещен призыв к православным, проживавшим в Америке, со следующими словами:

«Братья, сестры, – люди русские! Только по свечечке, – по одной свечечке пошлите туда, вместо пасхального яичка, нашим соотечественникам – и вы сделаете много, очень много! А кто в силах– протяните и более щедрую руку… Нет свечечек под руками – посылайте деньгами: в С. Франциско купят. Пастыри! Поруководите пасомыми, дайте им добрый совет… Пасомые! Откликнитесь на совет пастырей, и наипаче последуйте примеру своего Архипастыря, который щедрою рукою возглавил полезное дело»[24].

Свечи из Америки пришли к Страстной неделе (21 ящик, включая книги). Помощь была получена также в виде религиозной литературы и брошюр от старцев Св. горы Афонской. От Северо-Американского духовного правления было получено 440 долл., собранных притчами церквей Алеутских. Также пришли два чека с письмом от Преосвященного Тихона на сумму в 360 долл. Кроме того, поступили пожертвования из Берлина, Москвы, Варшавы на сумму в 500 долл. Французский посланник в Японии принял участие в судьбе русских военнопленных, разослав на Пасху по всем местам военнопленных деньги; каждому нижнему чину при этом досталось по 25 копеек. В праздничные дни военнопленным рассылались пасхальные яйца и книжки «Пасхальное приветствие Японской православной церкви русским братьям» (всего было отпечатано 70 тыс. экз.)[25].

Есть сведения, что военнопленным в Японии деньгами и содействием помогали также представители католического

Занятия для рядового состава в школе лагеря русских военнопленных в г. Мацуяма.1905 г.

духовенства, иезуиты, которые нередко выступали в качестве духовников в приютах для военнопленных, были известны случаи их содействия бегству, например, дезертиров, которых переодевали в гражданское платье и отправляли из Иокогамы на канадских пароходах в Ванкувер[26]. По всей Японии существовало 22 приюта дезертиров, главным образом поляков и евреев, русских было меньшинство – их «выкрадывали» и отправляли пароходом, который два раза в месяц ходил в Канаду. Как писал Дж. Кеннан, так было перевезено 70 тыс. «лишних ртов для Японии»[27].

Содержание в плену рассматривалось также как удобное время для обучения военнопленных грамоте. Из России ждать учебники было долго, поэтому Духовной миссией в Японии было решено самим печатать буквари, а для чтения – тексты, состоявшие из молитв и басен. В Осака, Хамадера и других городах, если не во всех приютах, были устроены школы для безграмотных солдат. Учителями были унтеро-фицеры, фельдшеры, а где их недоставало – японцы-переводчики[28].

В Харбине в годы русско-японской войны было дислоцировано общество Красного Креста, где служили некоторые известные будущие политики и государственные деятели. В частности, А.И. Гучков занимался здесь организацией санитарных отрядов, размещением и снабжением госпиталей. Оставшись в Мукдене после проигранного сражения вместе с неэвакуированными солдатами, он курировал также работу по передаче госпиталей японскому командованию в соответствии с международными нормами. В Маньчжурии в качестве главы уполномоченных от земских организаций находился Г.Е. Львов, занимавшийся созданием здесь медицинских передвижных пунктов, полевых кухонь и т. д.[29] В это же время для русских Шанхай не переставал быть центром, откуда посылались запасы продовольствия в осажденный Порт-Артур; здесь находились на лечении многие из раненых солдат и офицеров; сюда прибыл расстрелянный в боях с японцами российский крейсер «Аскольд».

Одновременно во всех лагерях среди русских военнопленных радикальными партиями и движениями была развернута революционная пропаганда, распространялись листовки социалистического содержания. Так, Женевской центральной экспедиции РСДРП удалось найти пути к лагерям, в которых находились пленные солдаты, чему активно содействовал известный в эмиграции уроженец России, американский гражданин Н.К. Руссель-Судзиловский[30]. Руссель принял предложение «Общества Американских Друзей Свободы» отправиться в Японию к русским пленным, при этом «с горячей верой в победу Японии и поражение “петербургской камарильи”». Он получил от японского генерального Консульства самые лучшие рекомендации, а вместе с этим разрешение организовать Комитет помощи русским пленным, который снабжал их бельем, продуктами, письменными принадлежностями, но одновременно газетами и книгами[31]. Как отмечал Дж. Кеннан, приюты (так назывались места размещения военнопленных) были завалены революционной литературой, присылаемой Росселю как из Нью-Йорка Обществом Американских Друзей Свободы, так и от социал-демократов из Женевы, откуда для большей конспирации книги переупаковывались и поступали к доктору как посылки из Нью-Йорка, а не из Женевы[32]. После захвата японцами Сахалина, были освобождены

политзаключенные, из которых Руссель образовал «штаб» помощников и при их содействии пропаганда была расширена. Помимо распространения революционной литературы, Руссель собирал митинги военнопленных, организовал три-четыре революционных кружка, выпускал еженедельный иллюстрированный журнал для военнопленных «Россия и Япония» – единственное периодическое издание, доступное русским солдатам, выходившее в течение второго полугодия 1905 г. в г. Кобе.

Еженедельник начал выходить с помощью учеников японской православной семинарии и при покровительстве военного министерства страны с целью «удовлетворить жажду русских пленников к русскому слову». Большую часть иллюстраций составляли сцены из жизни военнопленных, а также сюжеты, связанные с Японией. В свою очередь, японцы через различные материалы пытались отстаивать собственную линию, но, как отмечал Руссель, превратить это издание в революционное «было уже моим делом»[33]. В связи с появлением подобного издания в Японии последовал протест русского правительства японскому, в котором заявлялось, что «подобное “развращение” солдат нечестно и непринято у цивилизованных народов даже во время войны и тем менее допустимо по заключении мира»[34]. Признав справедливыми претензии русского правительства, военное министерство в Токио лишило Русселя привилегии в сношениях с приютами пленных, но при этом не чинило особых препятствий в деле распространения им литературы среди них. В январе 1906 г. Н. Руселем был выпущен сборник под названием «В плену. Сборник на память о войне и плене», в который были включены различные пропагандистские статьи из журнала «Россия и Япония»[35]. После отправки военнопленных в Россию Руссель переехал на о. Минданаово.

Когда русский флот потерпел в ходе боевых действий целый ряд поражений, и многие матросы были интернированы в Шанхае, Сингапуре, Гонконге и в других приморских городах, социал-демократы тотчас устремили сюда свое внимание, снабдив соотечественников большим количеством литературы. Кроме того, по воспоминаниям В.Д. Бонч-Бруевича**,** пропагандистская литература размещалась в книжных магазинах приморских городов Индии, Китая и океанских островов, с тем расчетом, что сюда постоянно прибывали отечественные

суда, подготавливавшие путь эскадры адмирала З.П. Рожественского, а также всевозможные другие торговые суда. В результате, как отмечал Бонч-Брунвич, продажа литературы в этих местах шла достаточно бойко[36].

С момента вступления в силу Портсмутского мирного договора, подписанного по окончании русско-японской войны 23 августа 1905 г., начался взаимный обмен пленными, пребывание которых на чужбине, согласно документально подтвержденным счетам, обошлось царскому правительству в 46 млн рублей золотом[37].

В годы Первой мировой войны за пределами отечества также оказались солдаты и офицеры русской армии, военнопленные, беженцы.

Как известно, в этот период были сформированы и принимали участие в боевых действиях за пределами России крупные экспедиционные силы в лице бойцов 1-й и 3-й Особых бригад, направленных в 1916 г. на французский фронт и на Балканы в составе 45 тыс. человек. Обе бригады, находившиеся в подчинении 4-й армии генерала Гуро, проходили боевую подготовку во французском лагере Майи. К приезду русских была построена деревянная часовня, также необходимая в те годы для солдат и офицеров, как и походные кухни. На молебны собирались солдаты, офицеры, их сослуживцы французы и даже бельгийцы. Здесь русским пришлось привыкать к противогазам и особенно к французским каскам системы Адриана с двуглавым орлом. В России касок еще не было, но и во Франции люди предпочитали носить фуражки, а не тяжелые и громоздкие стальные шлемы. При этом русские вынуждены были осваивать не только методы ведения боя на французском фронте, но и продукты, которые поставляли им французские интенданты. Кормили сытно, однако не тем, к чему люди привыкли на родине. В новинку были макароны, непривычно изобилие свежих овощей, никогда не видели, например, салата-латука. В то же время русских солдат кормили хуже французских, в госпиталях раненых русских солдат содержали плохо, почта из России почти не доходила. В донесениях представителя русского правительства при французской армии Ф.Ф. Палицына Главковерху М.В. Алексееву отмечалось, что «чуждые солдатам условия жизни и отношений при

Беженцы из Галиции

Русские войска во Франции. Фото. 1916 г.

незнании языка очень сильно ими чувствуются, особенно в госпиталях»[38].

Как отмечает М.К. Чиняков, формирование и частично военный быт (включая серьезные изъяны почтовой связи с родиной) не были полностью продуманы царским военно-политическим руководством и потому несли в себе множество скрытых проблем для самого контингента. В этой связи по разному складывались и взаимоотношения между русскими солдатами, с одной стороны, и французскими солдатами и мирным населением, с другой[39]. Делу поддержания морального и боевого духа среди солдат посвящали свою деятельность русское духовенство, созданный французами «Комитет друзей русских солдат». Отрядным Комитетом русских войск во Франции при поддержке Американского Общества молодых людей была основана газета «Русский солдат – гражданин во Франции»[40]**.** В Париже в годы войны выходила также «Военная газета русских войск во Франции» – издание Главного управления генерального штаба, основанное Комитетом друзей русского солдата[41].

В самом начале мировой войны в Париже русскими эмигрантами с целью оказания материальной и иной помощи русским волонтерам, сражавшимся во французской армии, было учреждено «Общество помощи русским, сражавшимся под французскими знаменами» (1914–1918 гг., секретарь Информационного бюро общества – Л.А. Крестовская)[42].

Известно, что в годы войны в составе французской армии добровольцем сражался старший брат Я.М. Свердлова и приемный сын М. Горького Зиновий Алексеевич Пешков. До этого он еще в 1904 г. эмигрировал в Канаду; в 1907–1911 гг. жил у Горького на острове Капри в Италии, после чего вновь переехал в Канаду. В мае 1915 г. З. Пешков был тяжело ранен, лишился правой руки, и в августе 1916 г. его командировали в Америку для ведения пропаганды в пользу вступления США в войну. В 1917 г. Пешков был награжден орденом Почетного легиона «за исключительные заслуги по отношению к странам-союзникам», произведен в капитаны и направлен в составе военной миссии Франции в Россию[43].

Еще одну группу соотечественников за рубежом в годы Первой мировой войны составляли военнопленные, которые размещались в лагерях Австрии и большая часть – в Герма-

нии, где рядовые солдаты и офицеры также оказались в условиях чужой страны. В связи с началом войны, согласно второй Гаагской конвенции 1907 г., содержавшей особую главу «О военнопленных», государства обязаны были проявлять гуманное обращение с безоружными солдатами и офицерами противника.

К весне 1915 г. в Германии число военнопленных достигло полумиллиона, к чему страна оказалась не готова. Поэтому спешно начало осуществляться строительство лагерей, был установлен и определенный стандарт содержания военнопленных, благодаря чему начали складываться условия для формирования «лагерной культуры». Военнопленные получали право обмена корреспонденцией с родственниками и благотворительными комитетами, при этом письма и посылки заключенных освобождались от всех сборов; особое внимание уделялось свободе религиозных отправлений. В места содержания военнопленных получали доступ уполномоченные благотворительных обществ[44]. Как-то облегчить участь военнопленных были призваны оказавшиеся рядом с ними священники, выполнявшие свой долг в русской армии и оказавшиеся в плену, общее число которых, по приблизительным данным, составляло около 80 человек. Списки священнослужителей, попавших в плен, регулярно публиковались в «Вестнике военного и морского духовенства», который в 1917 г. был переименован в «Церковно-общественную мысль». Выполнение пастырских обязанностей в таких условиях было делом не только сложным, но порой и сопряженным с немалым подвигом. В первую очередь, это касалось богослужения. Находясь вдали от родины, в окружении враждебно настроенных, иноверных людей, пленные солдаты и офицеры испытывали тоску по всему, что было связано с Отечеством и Церковью. Богослужение давало возможность не только соединиться с Богом, но и окунуться в привычную атмосферу православного быта. Литургия, да и любое богослужение вообще, будь то молебен или панихида, имели в такой обстановке огромное значение. Однако совершать богослужения удавалось далеко не всегда. Одним из основных препятствий тому было явное нежелание лагерного начальства доверять духовное окормление военнопленных русским по национальности священникам. Русские пастыри не допускались, напри-

мер, в специальные лагеря для пленных украинцев, которых немцы старались привлечь на свою сторону[45]. В таких лагерях пленных не только не ограничивали в богослужениях, но даже разрешали строить храмы с колокольнями. Служили здесь православные священники, граждане Австро-Венгрии, в основном, галичане и буковинцы. Для окормления русских военнопленных немецко-австрийское командование также старалось выделить священников – граждан своих стран. Бежавшие из плена воины рассказывали, что в их лагере богослужение совершал чешский православный священник, которому руководство лагеря полностью доверяло. Неудивительно поэтому, что, по свидетельству тех же солдат, богослужение было единственным, в чем им не отказывали австрийцы.

Однако разрешение на проведение служб еще не значило, что они будут проходить беспрепятственно. «Местное лагерное начальство, – вспоминал пастырь, – в лице командиров, унтер-офицеров и даже нижних чинов всевозможными мерами всегда препятствовало свободному и спокойному отправлению богослужения. Определенного места для совершения богослужения не было отведено <…> Часто бывали такие случаи, что богомольцев преждевременно уводили до окончания богослужения за ничтожными надобностями, как, например, на перекличку и т. п. или же не отпускали певчих на богослужение; назначали, например, богослужение в той команде, которая в этот день наряжалась на лагерные и кухонные работы; из других же команд в таких случаях никоим образом не позволяли чинам приходить на богослужение, хотя бы даже они не были совершенно свободны. Бывали и такие случаи, что наружные часовые лагеря не давали мне и конвоиру пропуска в лагерь, выдерживали меня у лагеря по несколько часов, и я ни с чем возвращался в свое помещение – в городские казармы»[46].

Мешало богослужению и отношение немцев к православной святыне. Часто немцы присутствовали на службе в шапках и с сигарами в зубах, а на протесты с его стороны священника не обращали внимания. Среди русских пленных активно велась пропаганда штундо-баптизма. Однако, такую свободу давали далеко не всем пастырям. Были лагеря, в которых запрещалась не только проповедь, но даже разговоры с военнопленными. Пастыри вспоминали, что видеть соотечественни-

ков и не иметь возможности побеседовать с ними, было невыносимо тяжело. Недоверие к священникам со стороны немцев было настолько велико, что даже напутствовать разрешалось в исключительных случаях, например, когда больные были уже при смерти и не могли говорить. Были и другие ограничения. Запрещалось, например, поминать за богослужением Царя и Верховного Главнокомандующего Николая Николаевича, великого князя. На службах присутствовали переводчики, следившие, чтобы запрет не нарушался. Но, пожалуй, основным препятствием для совершения служб было отсутствие у священников необходимых принадлежностей и молитвословов. Священник А. Жукович, например, писал, что у него, а также у других священников, находившихся вместе с ним в лагере в г. Бурге – Иакова Цирус-Соболевского, Феодора Скальского и Александра Нелюбова, был только антиминс, крест и епитрахиль. Вследствие этого, священники совершали только молебны и панихиды, причем служить из-за отсутствия богослужебных книг, приходилось по памяти. Данную проблему решали иногда сами военнопленные, за свои деньги покупавшие книги, облачения и сосуды. Бывало, что и лагерное начальство шло навстречу. Священник А. Жукович вспоминал, что первую литургию в Стендале он впервые совершил на Рождество Христово 25 декабря 1915 г., то есть более, чем через год после его прибытия в лагерь. Служба была совершена благодаря военнопленным, которые за 200 марок пробрели облачения и сосуды, остальное выделили немцы. Ситуацию значительно улучшило учреждение Святейшим Синодом 13–20 января 1916 г. специальной комиссии «по удовлетворению религиозно-нравственных нужд русских военнопленных», которая имела право командировать в Австрию и Германию священнослужителей; снабжать находившихся в плену пастырей всем необходимым для богослужения, а также посылать военнопленным различную литературу[47].

Поскольку статус военнопленных в годы Первой мировой войны фактически был пересмотрен, поэтому они являлись не просто обезоруженным противником, но принудительно включались в экономическую деятельность страны-противника и призваны были восполнить образовавшийся в годы войны дефицит рабочей силы. С середины 1915 и вплоть до 1922 г. почти в 120 лагерях появилось несколько десятков тысяч

рабочих команд. Система принудительного труда спровоцировала, с одной стороны, столкновения рядовых и унтер-офицеров русской армии с враждебной средой, но, с другой – способствовала знакомству их с иной производственной и языковой культурой. Благодаря работе на немецких предприятиях, различным формам лагерного досуга, контактам с гражданским населением, пленными союзниками, представителями зарубежных благотворительных организаций, вчерашние крестьяне обучались грамоте, новым трудовым отношениям. В этом смысле плен, как отмечает изучавшая данную проблему О. Нагорная, превратился для них в «фактор эмансипации»[48].

Так, в австрийском лагере военнопленных Гредиг находилось до 4 тыс. человек, главным образом русских и сербов. В лагере Зигмундс хербер (Нижня Австрия) содержалось до 70 тыс. пленных, из которых 3,5 тыс. были задействованы на различных промышленных предприятиях и в крестьянских хозяйствах. Говоря об условиях жизни в этом лагере, следует отметить, что здесь имелась больница с современной операционной, хлебопекарня, где ежедневно выпекалось до 30 тыс. булок хлеба, скотобойня, банное помещение на 2 тыс. мест, канализация, работал собственный почтамт и телеграф. Однако с расширением военных действий и ухудшением эпидемиологической ситуации в лагерях возросла смертность из-за заболевания тифом, холерой (когда в отдельные дни умирали до 30–40 человек)[49].

Таким образом, часто несоответствие условий содержания санитарным нормам порождало в лагерях голод, эпидемии, высокую смертность. При этом русские военнопленные (в отличие от западноевропейских) практически не получали продовольственной помощи из России, были полностью привязаны к непривычному для них немецкому рациону, которого не хватало, отсюда – постоянное чувство голода, которое испытывали взрослые люди. В этой ситуации русские часто прибегали к тому, что выкупали продовольствие у своих западных «соседей», регулярно получавших посылки с родины. Просьбы о присылке какой-нибудь еды, а также табака постоянно звучали в письмах военнопленных в адрес родственников либо благотворительных организаций. Находившиеся в плену офицеры и генералы оказались в более благоприятных бытовых условиях. По результатам переговоров с русским прави-

тельством им было также установлено денежное содержание, дифференцированное по рангу (младший офицер получал 600 руб., старший – 900 руб., генерал –1, 5 тыс. рублей в год (по обменному курсу 1 марка – 44 копейки)[50]. Следствием сложных условий существования в плену стало порождение таких негативных явлений в рядах военнопленных, как криминализация поведения, снижение уровня бытовой культуры, алкоголизм, а на фоне революционной пропаганды, которую вели политэмигранты в лагерях для военнопленных, и политические разногласия. К концу плена уровень смертности среди русских военнопленных составлял до 7,3 %. Всего, согласно данным отечественных исследователей, в лагерях Центральных держав погибло 190 тыс. человек, из них в Германии – около 100 тыс. (по немецким данным – 72 тыс. человек), что превышало данный показатель пленных западноевропейцев[51].

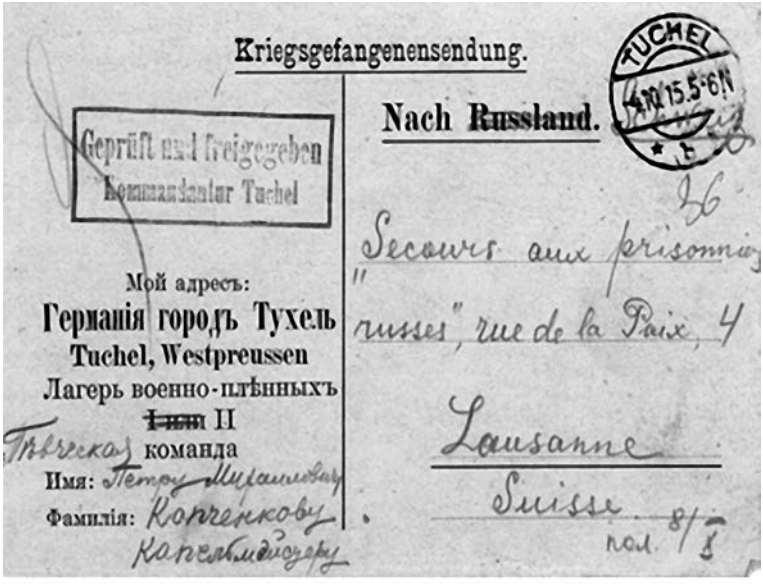
О том, что приходилось пережить русским в военном плену, свидетельствуют солдатские письма, которые, как удалось обнаружить, обычно писались на специальных почтовых карточках.

Военнопленные в своих письмах обращались с различного рода просьбами, в частности, просили жертвователей присылать нижнее белье, продукты питания, табак. Огромная нужда была в книгах, так называемый «книжный голод» испытывали и солдаты и офицеры: при этом, если офицеры, прапорщики просили присылать им научные книги (часто желая продолжить занятия по специальности, заняться изучением новых языков), то рядовые солдаты нуждались в самых разнообразных книгах – от азбуки до учебников средней школы. В минуты отдыха для «разумных развлечений» требовались также музыкальные инструменты, шахматы, шашки, лото.

При этом пленные обещали в письмах помнить тот день, когда их вспомнили, «побаловали», говоря о том, что «за подобные случаи они хватаются, как за связь, совсем было утерянную с Россией». Письма – искренние, трогательные, написанные с достоинством. Вот одно из них, которое датируется 29 мая 1915 г.:

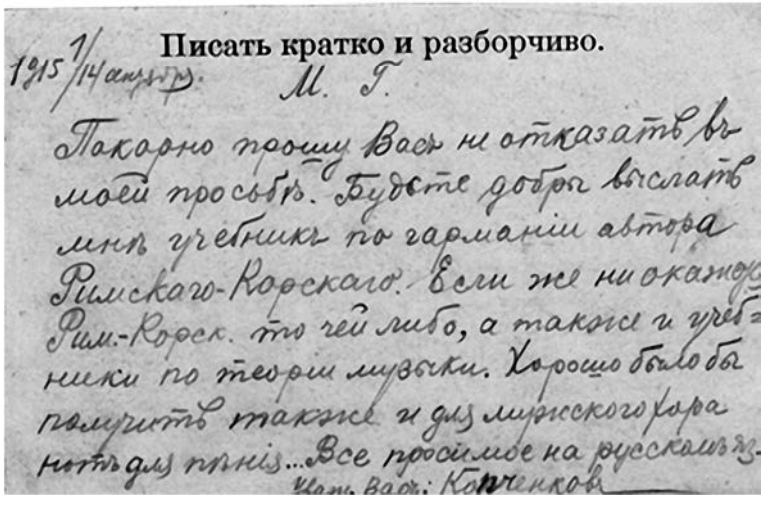
«Дорогая мама и все

…Голодаем в буквальном смысле этого слова, с каждым днем становится хуже. Пять месяцев не получаем ни писем ни



Почтовая карточка военнопленного (лицевая сторона). Лагерь для военнопленных Трухель. Германия. 1915 г. ГА РФ

Почтовая карточка военнопленного (обратная сторона). Лагерь для военнопленных Трухель. Германия. 1915 г. ГА РФ



посылок. Казенная пища на обед: суп из воды без жиров и несколько крупок, или кормовой брюквы, на второе кормовая брюква или морковь, и иногда картофель гнилой и $^1/_2$ соленого огурца и все это в очень ограниченном количестве; на ужин один суп и больше ничего. Два дня в неделю на обед по одной маленькой котлете, большая часть которой состоит из примесей совершенно чуждых мясу, почему и получается какой-то жидкой. Хлеба черного $4^1/_2$ ф. в неделю. Вот полное питание наше. Правовое наше положение обрисовывается так: мы стоим вне каких-либо законов, представляем скот, отданный в распоряжение существ, лишенных примитивного чувства сострадания. Не верьте никаким газетным сведениям и слухам пленных, т. к. лагеря пленных абсолютно недоступны постороннему глазу… что даже немецкие жители обитающие по соседству, абсолютно не знают нашего положения –так могут устраивать только в Германии. Если есть хоть малейшая возможность, высылайте черные сухари, крупу, масло хотя бы льняное, чай, вместо сахара хотя бы леденцов и мыло… В пересылочный лагерь Стральзунд я прислан из Гютерсло как больной для отправки в Россию, но местная медкомиссия меня нашла здоровым. Что это была за комиссия не поддается описанию… Доведите обо всем до сведения общества, правительства и русского посольства в Берлине, необходима командировка по лагерям военнопленных представителя посольства. Это пишу об офицерском лагере, можете ли представить, что же творится в лагерях для солдат. А здесь их два миллиона. От немцев мы уже ничего не ждали и ответственность ложится на вас родственников и на русское общество

…Если до осени не удастся отсюда выбраться то пришлите смены две или три белья, носков побольше и носовых платков, а также разных ниток для починок и для штопанья, даже у портных нет ниток…»[52]

Другое письмо было прислано из немецкого лагеря Квидлинбург:

«Дорогой Вася

… Я голодаю, как и все не имеющие постоянной поддержки посылками. Утром получаем литр черной бурды /кофе/ без сахару, полфунта хлеба в день на человека состоящий из картофеля, молотого мха и опилок; в 12-обед из моркови, бураков, брюквы или картофеля или бобов без мяса; в 6 ч. вечера

бурду Бог весть из чего – это изо-дня в день. Изредка пол селедки на человека. Одно время нас заставили отправлять открытки с отпеч. меню, никогда нами не получавшимся. Конечно отказались. Лично я работаю в почтовом для пленных отд. по отделу писем. Вообще в лагере оставлено минимальное число для хоз. работ–остальные отправлены на разные работы. Почти все отрасли труда исполняются пленными. Работают у Круппа и по устройству окопов и укреплений тыла… Обращение скверное. Режим и дисциплина суровые. Бьют и жалобы остаются без внимания. Я тоже не избег этого… Привязывают к столбу за ноги, туловище и шею-руки позади столба. На столбе доска с надписью причиной наказания. Это мы называем “Голгофой”… Много истощенных, больных, раненых и туберкулезных.

Просьба высылать старые книги и газеты и журналы до 1915 года – разрешено… Мы имеем маленькую библиотеку но все перечитано. Дороговизна здесь чертовская. В имеющейся лавке кроме искусств. консервиров. фр. сельдей, сол. огурцов, ничего нет… Мясо два раза в неделю. От недостатка в нашей пище жиров белка и прочего избытка крахмала и однообразной овощной пищи – у многих образ. отеки ног – специальная болезнь пленных. При организованности помощи с родины фр.-ам., англ. и бельг. они хотя и дорого избытки хлеба и консервов продают русским. Это единственный источник питания для имущих. А большинство русских – бедняки… Функционирующий в нашем лагере ком. помощи рус. пленн. пока еще мало получает поддержки, поэтому продукты раздают пока исключительно больным, раненым и чахоточным, белье и одежду – дают немцы и надобности в них нет… Нужно отдать справедливость посылки и письма в Германии доставляются исправно. Издают для пленных газету.

…Огонь в бараках /спим на полу/ горит до 8 ч. вечера, курить можно от 12 до 4 дня. Как в тюрьме… Интересно так ли живут и едят пленные у нас…»[53].

Но, как видно из писем, люди не замыкались в себе, несмотря на сложные условия, в которых оказались, и по мере возможности как-то старались наладить свой быт, объединялись по профессиональным интересам, занимались художественной самодеятельностью, чтением, самообразованием, т. е сумели сохранить свой «русский мир» внутри бараков военных лагерей,

а через переписку поддерживали постоянную связь с внешним миром, и, если было возможно, то и с родиной.

Так, в германском лагере в г. Тухель военнопленные создали Общество учителей**.** Один из его членов Н. Аравийский в письме от 15 февраля 1915 г. на имя г-жи Альшван, приславшей посылку в лагерь, пишет: « …Все было распределено между учителями. Присланные книги в большом употреблении и читаются… По учебникам многие восполняют свои знания. Установлен взаимный обмен книгами. Все учителя 1-го и 2-го лагерей знакомы мо мной и Т. Масальцевым… Вообще наше общество учителей Вам очень благодарно за посылки и письма. Если у Вас истощился запас книг на русском языке, то не откажите прислать на французском. Нужны словари немецкого и французского языков и учебники по математике, но если достать нельзя, то обойдемся без них. Еще раз глубоко Вам благодарны»[54].

В письмах звучали просьбы прислать «этимологию Смирнова, Синтаксис Кирпичникова, теорию словесности Ливанова, учебник по психологии Челпанова, русскую историю Елпатьевского, общую, древнюю, среднюю и новую историю Иванова или Знойко, геометрию Киселева», а также «Русскую историю Платонова, Всеобщую историю Кареева, учебник по естествознанию», «кое-что из Дарвина, Спенсера, Михайловского, а также по историческому материализму». Кроме того, оказались востребованы «учебники за курс городского училища», пособия по русскому языку, по высшей математике, дифференциальному исчислению или аналитической геометрии; «учебник по гармони автора Римского Корсакова», учебники по теории музыки, ноты для пения для мужского хора. Наконец, солдаты-пленники просили просто присылать книги для чтения, замечая при этом, что «самыми лучшими книгами для солдат… были бы брошюры Л.Н. Толстого, “книги из русских классиков”, а также «брошюры по вопросам научным, кооперативным, сельскохозяйственным и пр.», неоднократно говорилось, что среди военнопленных «нужда в книгах очень сильная»[55].

В письме от 26 мая 1915 г. член Общества учителей Т. Масальцев писал: «Среди русских пленных есть много неграмотных, желающих обучаться грамоте. Я и мои товарищи-коллеги принялись бы за это дело, но все попытки в этом на-

правлении останавливаются вследствие неимения азбук и писчей бумаги. Пришлите, если можно, десятка полтора азбук и сколько-нибудь писчей бумаги. Некоторые солдаты просят выписать мне евангелие. Кроме того, самая насущная просьба в табаке. Многие солдаты продают свою порцию хлеба и покупают табак… За всякую помощь солдаты будут много благодарны»[56].

В другом германском лагере Шпроттау сами военнопленные разработали Устав и создали в октябре 1915 г. «Комитет по воспомоществованию русских военнопленных», который просуществовал вплоть до осени 1917 г. Количество людей в лагере в разные годы колебалось от 1 до 9 тыс. человек (вместе с рабочими командами). К лету 1917 г. здесь заметно ощущался недостаток продуктов, табака, мыла, медикаментов для лазарета (включая туберкулезный). Собираемые комитетом средства состояли из денежных и натуральных (одеждой, продовольствием) пожертвований от различных благотворительных организаций, существовавших в России и за рубежом, а также от самих военнопленных и частных лиц. Из отчетов комитета за октябрь 1915 г. – июнь 1917 г. видно, что из продуктов питания военнопленные получали в виде помощи: сахар, чай, какао, шоколад, концентрированное молоко, табак, колбасы, консервы, бульон, бисквитную муку; из носильных вещей – носки, перчатки, кальсоны, рубашки, носки, платки; кроме того, поступали тетради, мыло и лично каждому присылалось Св. Евангелие. Среди жертвователей были Русский Красный Крест, Московский комитет по оказанию помощи русским подданным, возвращающимся из-за границы, Комитет Ее Величества, Комитеты помощи русским военнопленным в Лозанне, Лионе, Гааге и Лондоне; назывались персональные жертвователи, например, Г.И. Альбрехт (Москва), Г.И. Лазарев (Москва) и др.[57]

Важную роль в повседневной жизни военнопленных немецкого лагеря Шпроттау играла лагерная библиотека, книги для которой были присланы Московским комитетом, а также Союзом земств и городов. К 1917 г. книги поступили также из Франкфурта на Одере, из библиотек и средних учебных заведений Польши, от Лондонского, Лозаннского, Стокгольмского Комитетов помощи военнопленным. Общее количество присылаемых книг доходило до 5 тыс., в их числе была учебная,

научная литература (преимущественно по медицине, сельскому хозяйству). Присылались также книги на польском, французском, немецком языках, беллетристика, буквари, книги по богословию. Здесь же имелась своя переплетная мастерская.

Помимо библиотеки, духовные потребности в лагере удовлетворялись с помощью школ грамотности, занятия в которых проводились по трем категориям: систематически (для неграмотных, малограмотных и окончивших сельские училища и (или) школы подпрапорщиков); группами (по 100 чел.) и эпизодически (до 200 чел.). В лагере осуществлялись театральные постановки, организация концертов, популярных лекций. Так, совместно с англичанами была осуществлена постановка комедии Н.В. Гоголя «Женитьба», ставились также водевили и отдельные музыкальные номера[58].

Еще одна группа писем русских военнопленных в Германии была издана отдельной брошюрой. Вся подборка корреспонденций была адресована редакции «Русского вестника», выходившего в Берлине, и датировалась 1916 г.[59] Очевидно, что сама подборка и публикация писем, осуществленная в разгар мировой войны, имела определенный политико-пропагандистский смысл и была направлена, в первую очередь, на разоблачение царского режима. Тем не менее в них имелись факты, заслуживающие внимания в связи с изучаемой нами темой. В письмах, в частности, сообщалось о наличии в лагерях военнопленных почты, школ, специальных газет для пленных (тогда, как в «России этого никогда не увидит пленный, а про газету и нечего рассуждать»), о том, что здесь немцы «преследуют гигиенической чистотой» (тогда, как «даже в мирное время в русских полках страдают много от насекомых»)[60].

Действительно, как известно, в России из-за переполненности бараков в пунктах постоянного водворения военнопленные часто страдали от антисанитарии, в частности, насекомых. В официальных донесениях сообщалось: «Нет ничего труднее как уничтожить насекомых в бараках, раз они в нем заведутся. Пленные от них очень страдают. И в этом отношении особенно достойны сожаления те, которые у себя дома привыкли к образцовой чистоте. То, что для большинства является лишь неудобством, неприятностью, обращается в настоящую пытку для только что указанного меньшинства»[61]. Из-за скученности,

во время эпидемий среди военнопленных смертность также возрастала.

Говоря об организации быта в немецких лагерях для военнопленные сообщалось, что «во всех командах получаются в достаточном количестве газеты и журналы, которыми могут пользоваться пленные», имеется библиотека с книгами на русском и польском, «вспомогательная касса для нуждающихся». Пленным предоставлялись среди прочего шашки, шахматы, крокет и т. п. «удобства». В качестве последних называлось открытие для пленных школы немецкого, польского и русского языков, а также театра и специальной молельни, где совершались богослужения, когда приезжал русский или польский священник[62].

И еще одна выдержка из письма о «преимуществе» германского плена перед царским:

«…Мы военнопленные …имеем полную возможность изучать их высоко развитую технику с тем, чтобы потом применять в мирном развитии своей страны. И изучать ее не только наше право, но и святая обязанность, вытекающая даже из нашего солдатского долга.

В России есть земледельческое общество “Русское зерно”, которое на свой счет ежегодно посылает в Германию и Данию десятки русских крестьян с тем, чтобы они, изучив в этих странах земледельческую культуру, применяли ее и в России.

Этих заграничных командировок ждут сотни и тысячи русских крестьян. И вот нам, военнопленным живущим в Германии, в количестве многих десятков тысяч, а может быть и сотни и больше тысяч, большинство которых земледельцы, предстоит воспользоваться тем, о чем в мирное время только мечтают тысячи русских земледельцев. И вот мы, приобретя, в этом направлении богатый опыт и возвратясь на родину, можем принести большую и несомненную пользу и себе самим и обществу»[63].

Конечно, этот контингент русских за рубежом нуждался в особой опеке и заботе не только сто стороны своего государства, которое однако было далеко, но и соотечественников за рубежом. И это понимали находившиеся в Европе и Америке русские эмигранты и все иностранцы им сочувствовавшие, которые занялись организацией комитетов по оказанию помощи русским военнопленным.

Афиша концертной программы в помощь русским военнопленным. г. Лозанна. 1915 г. ГА РФ.

Salle des Amis de l'Instruction

Rue Bartolony 6.

30 DÉCEMBRE DE 2½ à 7 H.

FÊTE DE NOËL

enfantine russe

Au profit de la «Société de secours aux prisonniers de guerre russes».

Les enfants russes aux prisonniers de guerre russes

PROGRAMME :

1) Concert
2) «La chèvre», opéra enfantin
   musique de Lysenko
3) «Danses russes», en costumes nationaux
4) Danses et jeux de tous les enfants dans la Salle

Loterie et buffet

Imprimerie A. Gilbert, rue Diodens 1, Genève.

Афиша концертной программы Женевского общества помощи русским военнопленным. 1915 г. ГА РФ.

С октября 1915 г. в Берне, начала функционировать «Секция помощи военнопленным при Центральном Комитете помощи российским гражданам в Швейцарии», которой в гуманитарных целях было израсходовано 15,995 тыс. фр.[64] Главным комитетом Всеобщего союза юношеских христианских соединений в 1915–1918 гг. в Женеве издавался «Вестник военнопленного»[65]. 1 октября 1916 г. при содействии немецкого гражданина, бывшего московского купца В.И. Корнеля было создано Общество помощи русским гражданам в Берлине, просуществовавшее до 1924 г. и функционировавшее под общим контролем Отдела секретарей нейтральных государств при Международной организации Союза христианской молодежи по оказанию помощи военнопленным. Аналогичное Русское общество действовало в Дании и оказывало содействие военнопленным и интернированным. Начиная с 1915 г., здесь оказанием помощи русским эмигрантам и интернированным российским гражданам, бежавшим из лагерей военнопленных, занимался военный агент России в этой стране генерал-майор С. Потоцкий**.**

Помощь военнопленным поступала как от благотворительных организаций, так и от частных лиц. В письме, датированном 20 июня 1916 г., написанном Софьей Лорье члену ЦК помощи российским гражданам в Швейцарии К.М. Оберучеву сообщалось, что помощь материальная и духовная оказывалась «или лично знакомым, о которых знали, что они нуждаются, или тем, кого эти знакомые рекомендовали, как нуждающихся»[66].

«…Не хочется отказываться от личных посылок, личных писем, от мыслей и забот об отдельных лицах, которые уже стали как бы близкими и родными, – пишет С. Лорье, – …Конечно, то, что мы делаем – капля в море. У нас, трех “матерей”, человек 35–40 военно-пленных “детей”. Но мне кажется, что перед этим нельзя останавливаться. Если бы каждая женщина, не занятая на фронте в качестве сестры-милосердия взяла бы на свое попечение одного военно-пленного – то не было бы голодных и униженных в концентрационных лагерях… Недавно мы нескольким солдатам в Альшдамп послали по несколько франков; они поблагодарили, но просили денег больше не присылать, а вместо этого лучше прислать немного еды, т. к. деньги роли не играют, – покупать все равно нечего!»[67].

По справедливому замечанию Е.И. Пивовара, по окончании Гражданской войны военнопленные как особая социальная группа вынужденных мигрантов имела мощный импульс возвращения на родину, который и был реализован в начале 1920-х годов, другая часть обитателей лагерей, в основном представители офицерства, врачи, чиновники, предпочла остаться за границей и слилась с русскими зарубежными диаспорами[68].

Когда началась Первая мировая война, в странах Западной Европы также оказалось много русских, кто к тому времени проживал там постоянно или приезжал по делам либо на лечение или отдых. Для многих стран, в частности, например, для Швейцарии положение осложнилось тем, что сюда начали прибывать русские из Германии и Австрии, где они до этого проживали и откуда были вынуждены бежать («часто только с тем, что имели на себе») после многих мытарств и серьезных испытаний. В это тяжелое время в разных русских колониях Швейцарии организовывались Комитеты помощи своим согражданам, оказавшимся в беде. В августе 1914 г. на общем собрании русских был выбран Временный комитет помощи нуждающимся русским (с апреля 1915 г. – Временный комитет помощи российским гражданам) в Лозанне. К основным видами помощи относилось предоставление пособий для возвращения в Россию, выдача ссуд, обеспечение бесплатными квартирами, обедами и ужинами в кредит, со скидкой, бесплатно и т. д. Аналогичные комитеты были образованы в других городах Швейцарии (Берне, Давосе, Женеве, Монтре, Цюрихе).

Наибольший объем работы пришелся в эти годы на Бернский Комитет помощи российским гражданам, так как в этом городе располагалась русская миссия и сюда естественно стекались россияне с разных концов Европы. По инициативе Бернского Комитета 21–22 ноября 1914 г. в городе состоялся съезд представителей всех местных комитетов помощи русским соотечественникам. Было принято решение образовать Центральную кассу для оказания помощи отдельным лицам и в исключительных случаях – учреждениям. Для управления делами Центральной кассы был избран Центральный комитет (ЦК) помощи российским гражданам в Швейцарии (со штабквартирой в Берне). Председателем ЦК стал профессор

Н.М. Райхсберг, товарищем председателя – графиня Соллогуб, 1-м секретарем – К.М. Оберучев, 2-м секретарем – И.С. Фраткин[69].

Работа Центрального Комитета сводилась к выполнению поручений местных комитетов помощи в получении из Миссии временных свидетельств на жительство в Швейцарии, ввиду истечения сроков паспортов прибывавших в страну граждан; в получении небольших, выдаваемых из Миссии ссуд под паспорта, в содействии российским гражданам, уезжавшим в Россию при посредстве Миссии и т. д. Сохранились дубликаты расписок председателя Комитета помощи российским гражданам в Берне профессора Н.М. Райхсберга в получении денежных пособий для Комитета от Императорской российской миссии в Берне, датируемые августом – сентябрем 1914 г., на общую сумму в 1,6 тыс. франков[70].

Одновременно начались регулярные сношения Центрального Комитета в Берне с Московским Комитетом по оказанию помощи русским подданным, возвращающимся из-за границы. Его деятельность в связи с этим сводилась к выдаче ссуд лицам, уезжавшим в Россию и не имевшим средств на отъезд; а также к оказанию помощи военнопленным, выдаче денежных переводов по указаниям Московского Комитета, розыску военнопленных, установлению и облегчению сношений между ними и их родственниками[71]. Центральным комитетом за счет сумм Московского Комитета были выданы ссуды 58-ми возвратившимся в Россию лицам, среди которых было много семейных (общая сумма ссуд составила 6,945 фр.). За период с 1915 г. и по ноябрь 1916 г. была произведена 21 выдача денежных переводов на общую сумму в 7,361 фр.[72] На помощь Центральному Комитету приходили также швейцарские общественные организации и отдельные лица. Учащимся русским помогали патронаты при университетах. Отзывались и достаточно широко состоятельные русские, проживавшие в тот период в Швейцарии.

В сложном положении в связи с начавшейся мировой войной оказалась русская община в Египте**.** Ситуация ухудшилась после того, как 29 октября 1914 г. в войну вступила Османская империя. В ответ Англия, объявившая войну Турции, заявила, что Египет отделяется от нее и переходит под английский протекторат. После вступления Турции в войну в Египет из

Палестины хлынул поток беженцев с российскими паспортами. В декабре 1914 г. – январе 1915 г. в Александрию прибыли 3376 русских евреев. Египетские власти предоставили им временное жилье, продукты. По инициативе русского консула А.М. Петрова был создан Специальный комитет помощи русским беженцам. Вопрос с отправкой их на родину был весьма затруднен в связи с тем, что из-за военных действий кратчайший морской путь через Дарданеллы и Босфор оказался закрыт, а средствами для отправки беженцев через Европу либо через Владивосток российские дипломаты не располагали. В этой ситуации, заручившись поддержкой египетских властей, беженцы получили возможность остаться в Александрии и подыскивать себе работу. В декабре 1914 г. в этот город была эвакуирована также Русская духовная миссия в Палестине во главе с ее начальником архимандритом Леонидом. Вместе с ней прибыла группа православных паломников численностью 95 человек[73].

Из-за войны в самом Египте страну не могли покинуть туристы, паломники, пациенты хелуанских санаториев. В результате, общая численность русской общины в Египте существенно возросла. Согласно переписи населения 1917 г., в стране проживали 4225 российских граждан, причем больше половины из них – в Александрии. Изменился и национальный состав общины. Из-за многочисленных беженцев из Палестины доля евреев в ней стала еще выше. Британские военные власти предложили местному населению и проживавшим в Египте иностранцам заняться изготовлением оболочек для бомб и снарядов и медных гильз для патронов к винтовкам и пулеметам. В эту работу включились и многие российские подданные, в основном – беженцы из Палестины. Последние создали в 1915 г. небольшую фабрику, на которой работало до 30 человек.

В начале войны правительство России освободило от призыва в армию по мобилизации российских подданных, проживавших за границей. Однако огромные потери на фронтах вынудили вскоре отменить эту льготу. Согласно указу от 1 марта 1915 г. военнообязанные россияне должны были либо немедленно вернуться на родину, либо поступить на службу в войска союзников. Контроль за выполнением этого указа был возложен на российских консулов. Для россиян, живших

в Египте, возвращение на родину в условиях войны было крайне затруднительным. Альтернативой оставалась служба в британской армии, тем более что на территории Египта, на Синайском полуострове, она вела военные действия против турок. Русских призывников чаще всего отправляли в тыловые подразделения, а не на фронт, хотя известен также факт отправки русских подданных в британские части, сражавшиеся в Европе: 14 ноября 1916 г. из Александрии в Марсель на английском транспорте «Минневаска» отбыли 168 мобилизованных россиян[74].

Первая мировая война как глобальный конфликт коснулась и тех стран, которые не были затронуты театром боевых действий, в частности, Аргентины. С объявлением войны в 1914 г., как отмечал проживавший здесь протоиерей о. К. Изразцов, «прежняя широкая жизнь и заработок сразу изменился: многие кампании и общества прекратили свое существование или сократили деятельность и потому появилась масса безработных всех национальностей, которые не имели ни пропитания, ни приюта в холодные зимние месяцы»[75]. «На рынке была организована общая “чашка супу” для голодных из приношений разных торговцев, – продолжает отец К. Изразцов, – все благотворительные учреждения открыли свои двери для бесприютных; и я организовал тогда при Церкви “кружку чаю” с куском хлеба и ночлег. Ночевало по 50–80–100 и больше человек зараз; спали прямо на дощатом полу во всех комнатах, а по коридорам настилали ковры; тут бывали люди всех православных национальностей, и даже русские евреи. В 1914 г. мы дали приют девяти тысячам человек, в 1915 – двенадцати тысячам и в 1916 г. восьми тысячам, за три зимних месяца в каждом году.

Да, это было оригинальное зрелище! в больших жестянках люди варили себе SOI-DISANT чай, согревались горячим напитком с пятисентавочной булкой, а потом плечом к плечу укладывались по всем помещениям и коридорам, своим дыханием повышая холодную температуру до высоких градусов тепла. В шутку, а может быть и в серьез г. Посланник называл эту картину “Лембергом”…

Люди были в высшей степени признательны за этот приют под кровом Церкви»[76].

Отец Константин Изразцов рассказывал о той моральной помощи, которую ему удалось оказать во время войны своим прихожанам – югославянам и сирийцам, так как первые были большей частью австрийские подданные (из Далмации), а вторые – турецкие, потому и те и другие рассматривались как враждебный элемент. «Будучи в это время членом Дипломатического Корпуса, – пишет о. К. Изразцов, – в качестве атташе legation российской императорской миссии, я состоял в очень хороших отношениях со всеми Посланниками дружественных Держав, и очень, очень часто должен был ходатайствовать как перед нашим Посланником, так и перед иностранными, за наших прихожан, которых или увольняли со службы (югославян), или стесняли в торговле (сирийцев) и иногда секвестровали получаемый ими германский или австрийский товар, заказанный год или два тому назад»[77].

Таким образом, в XIX – нач. XX в. на большом географическом пространстве сформировалось многонациональное и многоконфессиональное сообщество, именуемое Русским миром, которое через русский язык, культуру, гуманитарный обмен, научное знание, способствовало сохранению национальной идентичности людей «вне отечества». Создаваемые его представителями институциональные структуры в зарубежье, включавшие в себя политические, культурные, гуманитарные и др. организации, русскоязычную периодическую печать, архивы и библиотеки сыграли важную роль в деле социально-экономической, политической и культурной адаптации соотечественников в странах рассеяния, служили важным фактором консолидации Русского мира за рубежом. Особое место в этом процессе занимала Русская православная церковь.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Русский мир: смысл и стратегия России / под ред. А. Владиславлева, В. Никонова. – М., 2007. С.7.

[2] *Марчук Н.Н.* История Латинской Америки с древнейших времен до начала XX века // http://mesoamerica.narod.ru/Latin/latin_america_history 13.html

[3] *Окунь С.Б.* Декабрист Лунин. – Л., 1962. С. 28.

[4] *Жилинский И.* Испано-американская война. Отчет командированного к американским войскам на Кубе. – СПб., 1989.

[5] *Сапронова М.А.* Страны Магриба в военных обзорах и путевых заметках русских путешественников XIX века // Российская история. 2009. № 2. С. 33.

[6] *Хренков А.В.* Очерк истории российско-эфиопских отношений (до 1917 г.) // Российско-эфиопские отношения в XX–XX в. Сб. док-ов. – М., 1998. С. 19.

[7] *Шубин Г.В.* Российские добровольцы в англо-бурской войне 1899–1902. – М., 2000. С. 133.

[8] Там же. С. 102.

[9] Там же. С. 129.

[10] *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия. – СПб., 1903. С. 194 // Цит. по.: *Шубин Г.В.* Указ. соч. С. 115.

[11] *Шубин Г.В.* Указ. соч. С. 83.

[12] Там же. С. 79.

[13] Там же. С. 168.

[14] Там же.

[15] Золотой медалью на анненской ленте были отмечены сестры милосердия Адель Аль, Ольга фон Баумгартен, Феодосия Зандина, Вера Макарова, Наталья Онкоева, Любовь Страховская, Амалия Тауц и санитар Филипп Епифанов. Серебряной медалью была награждена Ольга Тихомирова. Доктор Оттон Маркович Гольбек был награжден орденом Станислава 3-й степени, а Карл Августович Людиц (провизор) – орденом Анны 2-й степени.

[16] Все представленные фото сделаны в 1905 г. Русские военнопленные в Японии. 1905 г. Фото: Документы РГАКФД // Публикацию подготовила Е.Е. Колоскова. Отечественные архивы. 2005. № 6 // По материалам сайта «Архивы России» // http://ricolor.org/rz/iaponia/jr/ist/war/1/

[17] http://ricolor.org/rz/iaponia/jr/ist/war/3/

[18] Там же.

[19] Там же.

[20] Американский Православный Вестник. Нью-Йорк. № 4 (12–28 февраля 1905 г.) С. 64–65.

[21] *Яковлев Н.А.* Русская духовная миссия в Японии и ее кафедральный собор в Токио // Христианство на Дальнем Востоке: Сборник научных трудов. – Уссурийск, 2001. С. 32–44 // http://ricolor.org/rz/iaponia/mp/9/

[22] Американский Православный Вестник**.** Нью-Йорк. № 12 (12–28 июня 1905). С. 231.

[23] Там же. № 4. (12–28 февраля 1905). С. 65.

[24] Там же. С. 66.

[25] Там же. № 12 (12–28 июня 1905). С. 229–230.

[26] Из статьи Дж. Кеннана «Как русские солдаты были просвещаемы в Японии» (1915) // ГА РФ. 5825. Оп. 1. Д. 50. Л. 8.

[27] Там же. Л. 10.

[28] Там же. Л. 7,11.

[29] *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае. Международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). – М., 2005. С. 66, 70, 77.

[30] У Русселя была своя ферма на Гавайях, где он сделался известным и влиятельным, в июне 1905 г. был избран членом местного законодательного Собрания.

[31] ГА РФ. Ф. 5825. Оп.1. Д. 50. Л. 7–8.

[32] *Бонч-Бруевич В.* Как печатались за границей и тайно доставлялись в Россию запрещенные издания нашей партии. 2-е изд. – М., 1927. С. 67.

[33] ГА РФ. Ф. 5825. Оп.1. Д. 24. Л. 21.

[34] Там же. Л. 24.

[35] Там же. Л. 5.

[36] *Бонч-Бруевич В.* Указ. соч. С. 68.

[37] *Широкорад А.Б.* Русско-японские войны. 1904–1945 гг. – Минск, 2003. С. 426.

[38] *Корляков А., Горохов Ж.* Русский экспедиционный корпус во Франции и Салониках. 1916–1918. – Paris, 2003. С. 70.

[39] *Чиняков М.К.* Русские войска во Франции в годы Первой мировой войны (1916–1918): формирование, командный состав, участие в боевых действиях, военный быт. Автореф…дис. канд.ист.н. – М., 2006. С. 18–19. [Доведенные до крайности издевательствами французских офицеров, добровольцы подняли бунт в деревне Курландон (в 15 километрах от фронта) и избили несколько унтер-офицеров, отличавшихся особой жестокостью. Военный трибунал приговорил к смертной казни восемь русских бунтовщиков и одного армянина, которых расстреляли 21 июня 1915 г. Максимилиан Волошин писал, что Иностранный легион стал «местом каторги для русских эмигрантов, которые добровольцами вступили в него, чтобы воевать за Францию»].

[40] Русский солдат – гражданин во Франции. 14 сентября 1918 г.

[41] Русская эмиграция в Европе= L Emigration russe en Europe: Сводный каталог периодики на русском языке / Сост. Т.А. Осоргина, А.М. Волкова. – Париж: Б.и. Т. 1. (1856–1940), 1976. С. 36.

[42] См.: РГВИА. Ф. 15220. Оп 1.

[43] Русский Архипелаг. Сетевой проект «Русского мира» http://gallery.archipelag.ru/grm/g/g.html [С 1921 по 1926 гг. З.А. Пешков (Свердлов Ешуа Соломон Мовшев) (1884–1966) служил во французском Иностранном легионе в Марроко, в 1926–1930 гг. – в Министерстве иностранных дел Франции, с 1930 по 1937 гг. занимал административный пост в Ливане. Был одним из соратников де Голля, в 1941–1942 гг. в ранге полномочного министра представлял Свободную Францию в Южной Африке. В 1943 г. ему было присвоено звание бригадного генерала].

[44] *Нагорная О.С.* «Другой военный опыт»: русские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). – М., 2010. С. 30–31.

[45] http://www.sedmitza.ru/text/406638.html

[46] Там же.

[47] Там же.

[48] *Нагорная О.С.* Указ. соч. С. 397.
[49] Русские в Австрии: Вена. – Б.и., 2009. С. 61, 80.
[50] Там же. С. 100.
[51] *Нагорная О.С.* Указ. соч. С. 116.
[52] ГА РФ. Ф. 4789. Оп.1. Д. 122. Л. 1–1(об.). Машкопия. Орфография и сокращения сохранены.
[53] Там же. Л. 2–2(об.).
[54] Там же. Д. 2. Л. 44.
[55] Там же. Л. 2,19, 28, 36–37.
[56] Там же. Л. 10.
[57] ГА РФ. Ф. 6169. Оп.1. Д. 75. Л. 6(об.), 33–34.
[58] Там же. Л. 13(об), 35(об.) – 36.
[59] Русские военнопленные о своих впечатлениях в Германии: Сб. писем военнопленных в ред. «Русский вестник». – Берлин, 1917.
[60] Там же. С. 47–48.
[61] *Нуманов Б.И.* Содержание иностранных военнопленных на территории России в годы Первой мировой войны // Вестник РУДН. Серия «История России. 2009. № 2. С. 57.
[62] Русские военнопленные о своих впечатлениях в Германии… С. 143, 147.
[63] Там же. С. 68–69.
[64] ГА РФ. Ф. 6402. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.

*Оберучев Константин Михайлович (1864–1938) – военный историк, Главный начальник киевского военного округа, полковник, социалист-революционер, председатель Фонда помощи русским писателем и учёным в США и один из основателей Русского народного университета в Нью-Йорке.

[65] Русская эмиграция в Европе= L Emigration russe en Europe: Сводный каталог периодики на русском языке / Сост. Т.А. Осоргина, А.М. Волкова. – Париж: Б. и. Т. 1. (1856–1940), 1976. С. 34.
[66] ГА РФ. Ф. 6402. Оп. 1. Д. 25. Л. 11.
[67] Там же. Л. 11(об.).
[68] *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. – М., 2008. С. 159.
[69] http://hronos.km.ru/organ/ukazatel/wo.html
[70] ГА РФ. Ф. 6402. Оп.1. Д. 7. Л. 1–6.
[71] Там же. Д. 25. Л. 2.
[72] Там же. Л. 3.
[73] *Беляков В.В.* «К берегам священным Нила». Русские в Египте.– М., 2003. С. 129.
[74] Там же. С. 130.
[75] Состояние православной церкви в Южной Америке… С. 6.
[76] Там же.
[77] Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Феномен Русского мира, включающего в себя Россию и русское зарубежье, формировался исторически. Одним из механизмов его становления в XIX – начале XX в. стала эмиграция из страны, вызванная тяжелым социально-экономическим положением большой части населения, национальным и религиозным гнетом, политическими преследованиями в царской России. По своему характеру это была религиозная, национальная, политическая эмиграция, но в большей степени – трудовая, поглощенная хозяйственной деятельностью и экономическим выживанием. Первый тип миграции был представлен миграцией старообрядцев, затем русских сектантов, самой ранней национальной миграцией стала эмиграция нагайцев, крымских татар, затем – поляков, евреев, русских немцев, финнов, литовцев. Позднее ряды эмигрантов пополнились русскими, украинскими, белорусскими крестьянами. Десятки тысяч людей ежегодно выезжали на сезонные работы в Германию, Скандинавские и некоторые другие европейские страны. Во второй половине XIX в. – начале XX в., вплоть до Первой мировой войны наиболее массовая трудовая эмиграция направлялась в основном в Северную и некоторые страны Южной Америки, где быстрое промышленное развитие создавало емкий рынок дешевой неквалифицированной рабочей силы, а свободные земли давали возможность сезонной занятости сельскохозяйственным рабочим из России. В эти же годы эмиграция направлялась через восточные и юго-восточные границы в Китай (прежде всего в связи со строительством КВЖД), Японию, Новую Зеландию, Австралию; через южные границы русские прибывали также в Северную и Южную Африку, в Турцию, Персию. В первые полтора десятилетия XX в. эмиграция из страны еще более усилилась. К 1914 г. Россию покинуло еще около 2,5 млн человек, переселившихся в основном в страны Нового Света.

Поскольку многие десятилетия трудовая эмиграция запрещалась царизмом, то в обход законодательства возникла нелегальная эмиграция. В результате отношения между составляющими Русского мира – Россией и представителями русского зарубежья, не были простыми ни в XIX, ни в XX веках. В дореволюционный период, вплоть до 1905 г., эмиграция чаще классифицировалась как «недозволенное оставление отечества» с вытекающими отсюда последствиями: лишением материального состояния и вечным изгнанием из пределов государства. В данный период наблюдается отстраненность исторической родины от проблем диаспоры, сохранявшаяся с некоторыми отклонениями вплоть до 90-х годов XX века.

Заметную русскую колонию за рубежом представляла политическая эмиграция, состоявшая как из людей радикальных взглядов, так и либеральной оппозиции, не желавших мириться с экономическим и политическим бесправием, отсутствием гражданских свобод. Каждое ужесточение репрессий влекло за собой очередной отток за границу политических эмигрантов, направлявшихся в государства Западной Европы, а также в страны Нового Света. В их числе были представители народнических, социал-демократических течений, анархизма, либерализма, часть из них были беспартийными.

Правовое положение эмигрантов и степень их адаптации в разных странах имели свои особенности. Во Франции, Швейцарии, Англии, Швеции, ряде других европейских государств эмигранты жили достаточно спокойно и относительно обособленно, в отличие от США, где эмигранты из России (прежде всего анархисты, социал-демократы) были в большей степени интегрированы в политическую жизнь страны, в профессиональное рабочее движении. Кроме того, в США, Аргентине весьма заметным в рабочем движении было влияние большевиков, которые вели активную пропаганду среди соотечественников, становясь одновременно членами местных партийные организаций. Несмотря на сложности социально-экономического и правового порядка, российская, в первую очередь, политическая эмиграция сумела сформировать свой собственный мир, создать институциональные структуры, печать, наладив каналы связи как с Россией, так и за ее пределами, в результате чего влияние революционной России на общественное мнение зарубежных стран было заметным и более

сильным, чем влияние России официальной. Важнейшей составной частью интеллектуального, политического и литературного наследия русской эмиграции стала русская зарубежная периодическая печать.

Особую роль в процессах адаптации русских за рубежом сыграли прямые образовательные контакты России с университетами мира, и прежде всего с немецкими. Достаточно широко до Первой мировой войны практиковались за границей учеба русского студенчества, работа в научных учреждениях и университетах русских ученых. Через работавших в Европе русских ученых либо получавших образование в европейских университетах студентов и стипендиатов осуществлялась передача в Россию ценностей университетской культуры, происходило приобщение нашей страны к европейским нормам научности.

За рубежом проживала значительная колония представителей культурной элиты и людей свободных профессий. В этой среде действовал своеобразный механизм «перенесенной» культуры, благодаря которому поддерживались культурные контакты, постоянно укреплялась межкультурная общность. Здесь создавались условия для профессиональной деятельности артистов, художников, музыкантов: возникали художественные и творческие объединения, проводились выставки, концерты на зарубежных театральных площадках, организовывались русские библиотеки, издательства, музеи и т. п. Для многих деятелей культуры на рубеже двух веков была характерна так называемая «маятниковая эмиграция», когда, переезжая из страны в страну, они затем возвращались в Россию, хотя известно и немало случаев, когда, оказавшись востребованными за границей, люди уже навсегда оставляли отечество.

Культурная жизнь Русского мира развивалась главным образом за счет внутренних ресурсов, но также и благодаря меценатству и предпринимательству. Огромный вклад в дело пропаганды русского искусства за рубежом внес С.П. Дягилев. Его «Русские сезоны» за границей осуществляли ретрансляцию русской культуры в Европу и весь остальной мир, чему способствовало и то, что особенностью культуры Серебряного века была ее всемирность, с одной стороны, и особая «русскость» – с другой. Только так органично Россия могла быть вписана в общеевропейское культурное пространство.

Представители Русского мира внесли свой вклад и в экономическое развитие ряда стран рассеяния. Так, благодаря выходцам из России в странах латиноамериканского региона получили распространение различные виды сельскохозяйственных культур – высокосортной пшеницы, ячменя, гречихи, льна, подсолнечного масла, сметаны («русского крема»); русские познакомили местное население с невиданными доселе культурами пчеловодства и мёдоварения. Причастность к Русскому миру находила также отражение в русских названиях улиц, ресторанов, кафе, в архитектуре русских православных храмов на чужой земле.

О существовании взаимосвязи представителей русского мира и России свидетельствовали организованные эмигрантами в разных странах кампании по оказанию помощи жертвам политических репрессий на родине, пострадавшим от голода в России 1891–1893 гг., единомышленникам и «однопартийцам», находившимся в тяжелых материальных условиях, соотечественникам, попавшим в чрезвычайные обстоятельства (войн, плена и т. д.). Войны начала XX века, а также революции 1917 г. вызвали появление новых многотысячных потоков беженцев, военнопленных, интернированных, ожидавших помощи в деле возвращения домой и получавших эту поддержку, в том числе от различных эмигрантских организаций в Европе и Америке.

Особо следует сказать об участии русских в военных кампаниях XIX-начала XX в. за рубежом. Известны факты участия добровольцев из России в составе армии С. Боливара в войне за независимость южноамериканских государств против Испании, оказания помощи русского Красного Креста Абиссинии в период итало-эфиопской войны, выступления русских добровольцев в составе воинских формирований на стороне буров в ходе англо-бурской войны, наконец, участия частей русской армии в составе Русского экспедиционного корпуса во Франции и Салониках в годы Первой мировой войны. Эти и подобные им факты прибавляли славы русскому имени за рубежом.

Таким образом, процесс зарождения Русского мира вне границ Российской империи не был простым и легким. За время становления, вобрав в себя культуру и ценности многих народов, Русский мир научился адаптироваться к внешним

условиям, накопил политический, экономический, духовный потенциал и определенный опыт отношений с исторической родиной. В результате, к началу XX в. сложился феномен русскоязычного социокультурного сообщества, объединенного своей причастностью к конкретному государству – России и своей лояльностью к его культуре. Именно так – как единое, гомогенное (культурно одинаковое) сообщество выходцев из конкретной страны начал воспринимать нас и весь западный мир, для которого мы были, есть и остаемся русскими.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Библиографические пособия

1. *Бакич О.М.* Harbin Russian imprints Bibliography as history, 1898–1961. Materials for a definitive bibliography / О. Бакич. – New-Jork, Paris: Normann Rosspubl, 2002. 584 p.

2. Литература русского зарубежья в фондах библиотек Москвы. Краткий справочник / Ред. составитель И.В. Балдина. – М.: Рудомино, 1993. 39 с.

3. Руска емиграция в Бъолгария, 1878–2006: библиографски указател [съст. Елха Денева, Сергей Рожков]. – София: Нар. библ. «Св. св. Кирил и Мефодий», 2006. 11 с. (Болг.)

4. Русская эмиграция в Европе= L Emigration russe en Europe: Сводный каталог периодики на русском языке / Сост. Т.А. Осоргина, А.М. Волкова. – Париж: Б. и. Т. 1. (1856–1940), 1976. 342 с. Т. 2. (1940–1970), 1981. 152 с.

5. Сергей Павлович Дягилев. 1872–1929: Материалы к библиографии / сост. И. Кузнецова, А. Лапидус. Науч. ред., авт. вступ. ст., летописи жизни и деятельности С.П. Дягилева А. Ласкин. – СПб.: СПб. ГУКИ, 2007. 552 с.

6. *Сухарев Ю.Н.* Материалы к истории русского научного зарубежья / Ю.Н. Сухарев. В 2 кн. – М.: Рос. архив, 2002.

7. Catalogue methodique du Fonds Russe de la Bibliotheque / Redige por Alexandra Dumesnil. – Paris. Ancienne Librarie Schleicher Alfred Costes, editer. Publications de la «Societe de l, Historie de la Guerre», 1932. 734 p.

II. Справочные материалы

1. *Александров Е.А.* Русские в Северной Америке / Под ред. Е.А. Александрова, А.В. Терещука: биографич. словарь. Хэмден (Коннектикут, США) – Сан-Франциско – Санкт-Петербург: Конгресс Русских Американцев, 2005. 599 с.

2. *Антоколец Д.* Некоторые данные об Аргентинской Республике / Д. Антоколец. – СПб.,: Б. и., 1912. 148 с.

3. *Безделянский Ю.Н.* 99 имен Серебряного века. / Ю.Н. Безделянский. – М.: ЭКСМО, 2007. 640 с.

4. *Брунст Р.* Аргентина и Бразилия как страны эмиграции / Р. Брунст. – Прага, 1925.

5. *Воблый К.Г.* Заатлантическая эмиграция, ее причины и следствия. Опыт статистико-экономического исследования / К.Г. Воблый. – Варшава, 1904.

6. *Мальцев А.П.* Братский ежегодник. Православные церкви и русские учреждения за границей: справочная книжка с календарем на 1906 год / прот. А.П. Мальцев. – Пг.: Берлинское св. князь = Владимирское братство, 1906. 496 с. IV с.

7. *Оболенский В.В. (Осинский).* Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР / В.В. Оболенский (Осинский). – М.: ЦСУ СССР, 3-я тип. Транспечати, 1928. 138 с.

8. Общественная мысль Русского зарубежья. Энциклопедия. / Отв. ред. В.В. Журавлев; отв. секр. А.В. Репников. – М.: РОССПЭН, 2009. – 704 с.

9. *Патканов С.К.* Итоги статистики иммиграции в Соединенные штаты Северной Америки из России за десятилетие 1900–1909 / С.К. Патканов. – СПб., 1911. 85 с. Отд. оттиск из «Ежегодника России». – СПб., 1910 г.

10. *Патканов С.К.* Иммиграция из России в Соединенные Штаты за десятилетие 1900–1909 / С.К. Патканов // Ежегодник России. – СПб., 1911.

11. *Ребрин И.А.* Что нужно знать ходокам и переселенцам / И.А. Ребрин. – Харьков: Изд-во комитета Харьковского общества распространения в народе грамотности. 1909. 84 с.

12. *Романюк С.К.* Русский Лондон: первый и единственный путеводитель по местам, связанным с пребыванием русских в британской столице / С.К. Романюк. – М.: АСТ: Астрель, 2009. 479 с.

13. *Смолянский Г.* Мировая эмиграция и иммиграция / Г. Смолянский. – М., 1926.

14. Справочная книга для должностных лиц центральных и заграничных установлений Министерства иностранных дел. – СПб.: Типография Ретгера и Шнейдера, 1869. 990 с.

15. *Тизенко П.Д.* Эмиграционный вопрос в России, 1820–1910 / П.Д. Тизенко. Либава: типо-лит. «Либав. вестн.», 1909. 53 с.

16. *Хисамутдинов А.А.* О русских американцах, которые сделали Америку богатой Russian americans who enriched America: материалы к словарю/ А.А. Хисамутдинов. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2008. 243 с.

17. *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: библиографический словарь. / А.А. Хисамутдинов. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та. 2001. 384 с.

III. Периодическая печать

Журналы

1. Буревестник. Орган русских анархистов-коммунистов. Париж. 1906–1910.

2. Вестник каторги и ссылки. Журнал заграничных организаций помощи политическим ссыльным и заключенным России. Париж. 1914.

Газеты

3. Анархист. Орган русских анархистов-коммунистов. Париж. 1907–1910

4. Анархист. Орган дальневосточной группы анархистов-коммунистов. Харбин. 1908.

5. Борьба. Политическая и общественная газета. Париж. 1889. № 1–2.

6. Будущее. Ред. В. Бурцев. Париж. 1911–1914

7. Бунтарь. Орган русских анархистов-коммунистов. Париж. 1906. № 1.

8. Бюллетень. Изд. Женевской группы содействия РСДРП «Единение» (Заграничная лига). Женева. 1904–1905.

9. В помощь. Издание Федерации анархии, Красных Крестов Европы и Америки. Лондон. 1910–1914. (на евр. яз)

10. Великий океан. Ред А.П. Щербак. Сан-Франциско. 1914.

11. Вестник правды. Политико-религиозный журнал Ред. Коробов. Женева. 1878.

12. Вестник Бунда. Изд. заграничного комитета. Женева. 1904.

13. Вестник Маньчжурских армий. Издание штаба Главнокомандующего. И. о. ред. Д. Пиленко. Мукден. 1905.

14. Вестник заграничной федерации Групп содействия партии социалистов-революционеров. Орган дискуссионный. Изд. Центр. заграничн. бюро соц.-рев. Париж. 1912.

15. Воля. Политич., общ. и литер. газета / ред. О.Я. Кобецкий. Нагасаки. 1906.

16. Воля. Ежемесячный орган соц. – рев. в Америке. Нью-Йорк. 1915.

17. София-Восток. Газета политическая и литературная. Ред.-изд: Н. Дурново. 1879–1884.

18. Вперед. Р.С.-Д.Р.П Изд.«Пролетария». Варшава–Лондон. 1906–1914.

19. Вперед. РСДРП. Женева. 1905- 1916

20. Голос. Еженед. полит. и общ. газ. Печатано русской секцией Рабочих печатного дела при Фр. Синдикате в тип. И. Рираховского. Париж, 1914–1915

21. Голос социал-демократа. РСДРП. Отв. ред. Э. Николе, Женева. 1908–1919. Голос социал-демократа. РСДРП. Париж. / Отв. ред Б. Манер. 1909–1911.

22. Голос труда. Вых. ежемесячно. Беспартийный орган русских рабочих в Америке. Изд. Русской Рабочей группы в Нью-Йорке. 1911–1914.

23. Голос труда. Орган Федерации Союза русских рабочих США и Канады. Ежедневная раб. газета. Нью-Йорк. 1915–1919.

24. Типография партии РСДРП. Женева. Вых. непериодически. 1906-1919.

25. Досуги зааамурца. Орган харбин. воен. орг. (РСДРП). Харбин. 1908.

26. Европеец. Политико-лит. газета. Изд-е Бруно Винеке, Гл. ред Л.П. Блюммер. Дрезден. 1864–1919

27. За народ. Всеросс. Союз солдат и матросов. Изд. ЦК партии соцрев. Париж. Приложение. 1909–1914.

28. За партию. РСДРП. Париж. 1912–1914

29. Заграничные отклики. Общ., полит., литер. и экономич. газета. Берлин. 1912–1914.

30. Земля и воля. Изд. партии социалистов-революционеров. Париж, 1910–1912.

31. Знамя. Рабочая газета. Тип. «Знамя». Нью-Йорк. 1890.

32. Знамя труда. Центр. орган партии социалистов-революционеров. Париж. 1913

33. Искра. Центр. орган РСДРП. Штутгарт. 1901. 1902. Цюрих. 1903. Женева. 1905.

34. Колокол. Прибавочные листы к «Полярной звезде» Лондон. 1857.

35. Красное знамя РСДРП. Изд. русских социал-демократов. Женева. 1903

36. Красное знамя. Партия соц.-рев. Ред: А. Амфитеатров. Прилож. к «Голосу крестьянского союза». 1906

37. Листок освобождения. Вых. в неопред. сроки. / Ред-изд. Петр Струве. Париж. 1904.

38. Маньчжурский рабочий Изд. к-та харбинской орг-ции Российской соц.-дем. раб. партии. Харбин. 1908

39. Мысль. Полит., общ. и литер. газета. Ежеднев. Париж. 1914–1915.

40. Набат. Револ. газета / Под ред П. Грецко, Г. Турского. Вых.3 р. в месяц Париж. 1881.

41. Наше слово. Общ. и полит. газета. Ежедн. Париж. 1915–1916.

42. Новости. Ежеднев. общ. – полит. и литер. газета. 2-й год изд. Париж. 1915.

43. Новости борьбы. Изд. группы русских эмигрантов в Лондоне. 1905.

44. Новый мир. Русская рабочая газета. Еженед. Нью-Йорк. 1911–1913, 1916

45. Новый мир. Орган группы анархистов-синдикалистов-коммунистов. Париж. 1905

46. Общее дело / Изд-ся под ред. В.Л. Бурцева. Париж. 1909–1910.

47. Отклики Бунда. Изд. загр. ком. БУНДа. Женева. 1911

48. Прогресс. Лит.-полит. обозрение. Чикаго – Нью-Йорк. 1893

49. Пролетарий. Центральный орган РСДП / Отв. ред. В.И. Ленин. Женева. 1905.

50. Пролетарское дело. Изд. рабочих-коммунистов. Женева. 1905

51. Пролом. Урядовый орган Украинской громади в Нью-Йорке. 1914

52. Работник. Газета для русских рабочих. Союз русских социал-демократов. Женева. 1896

53. Рабочая газета. Орган Женевской беспарт. раб. орг-ции. Женева. 1908.

54. Рабочая газета. Париж. 1910–1912.

55. Рабочее знамя. Орган русских анархо-коммунистов. Лозанна. 1915–1917.

56. Россия и свобода. Общ.-полит. и лит. орган, издаваемый Г.А. Алексинским, бывш. чл. Гос. думы. Париж, 1915.

57. Русско-американский рабочий. Орган Союза Росс. соц.-дем. организаций в Америке. Нью-Йорк. 1908.

58. Русское слово. Русская прогрессивная газета. Нью-Йорк, Чикаго. 1911–1915, 1916

IV. Документальные публикации

1. *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: документальные хроники.– М.: Издательство Кулагиной-Intrada, 2009. 288 с.

2. Г.В. Плеханов и заграничный «Союз русских социал-демократов». Документы РГАСПИ. 1898. / публ. подг. к. и. н. Т.А. Богданов // Исторический архив. 2006. № 6**.** С. 50–75.

3. Густав Маннергейм и белая эмиграция. История в письмах. (Составители Л.В. Власов, М.А. Власова). – СПб.: Издательство «Европейский Дом», 2008. 208 с.

4. «Господин Плеханов – философ, человек науки…». Более того, он человек мира. Документы из швейцарских архивов. 1889–1894 гг. / Публ. подготовил Ш. Риндлисбахер. Перевод док. с франц. А.В. Шалаевой // Исторический архив. 2012. № 2. С. 3–25.

5. Евреи из России в Америке **[**Сб. ст., эссе и док-ов]. Иерусалим–Торонто–Москва. Кн. 2. – СПб.: ДНК, 2007. 337 с.

6. К пребыванию потемкинцев в эмиграции: (документы, письма и записи из тетради А.Н. Матюшенко). Ввод. статья Г.А. Арутюнова // Исторический архив. 1955. № 3. С. 134. 149.

7. *Лавров П.Л.* – годы эмиграции. Архивные материалы в 2 т. Отобрал, снаб-л примеч. и вступит. очерком Б. Сапир. / П.Л. Лавров. – Dordrecht–Boston: Reidal, 1974. [Russian ser. on social history]. Т. 1. 603 с. Т. 2. 669 с.

8. *Лишины А.К. и О.В.* Лев Мечников – революционный публицист и ученый: [вступ. ст. к публикации документов] / А. К. и О.В. Лишины // Литературное наследство. Т. 87. – М., 1977. С. 461–478. (Материалы из архива А.И. Мечникова).

9. Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты: политические портреты. –М.: Политиздат, 1991. 463 с.

10. *Мамырин Александр.* Письма земского врача / Публ. А.Б. Мамырина // Звезда. 2012. № 7. С. 146–165.

11. Планета Харбин: КВЖД, г. Харбин, 1898–1945 гг. / авт.-сост. А.И. Букреев, Т.В. Кузнецова и др. – Хабаровск: Частная коллекция, 1998. 56 с.

12. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 6. –М.: Юрид. лит., 1988. 431 с.

13. Россия в Калифорнии: Русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях. 1803–1850: в 2 т. Т. 1. / Сост. и подгот. текстов Истомин А.А. – М., 2007. 752 с.

14. Россия и Бельгия. Страницы истории: К 150-летию установления дипломатических отношений, 1853–2003: Док-ты и исследования. – М.: РАН Институт военной истории, АВП Российской империи МИД РФ. Сост. Намазова А.С. – М., 2003. 208 с.

15. Россия в Святой Земле: Док. и мат-лы. / Авт. вступ. ст. и сост. Лисовой Н.Н. в 2 т. – М.: МО, 2007. Т. 1. 741 с. Т. 2. 660 с.

16. Россия и Бразилия: 200 лет знакомства: свидетельства русских путешественников, ученых, дипломатов, артистов и литераторов. – М.: Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино, 2004. 491 с.

17. «Русский мир». Проект «Русский мир и Россия: модели и факторы единства и разъединения в XX веке»: Хрестоматия. База данных. – М.: Фонд «Русский мир». 2009. CD-Rom // Составители: Антошин А., Бордюгов Г., Бочарова З., Касаев А., Мосейкина М. (90 п.л.)

18. Российская интеллигенция на родине и в зарубежье: новые документы и материалы: сб. науч. ст./ сост. Т.А. Пархоменко; ред. К.З. Акопян. – М.: Б. и., 2001. 224 с.

19. Россия и Бельгия. Страницы истории: К 150-летию установления дипломатичес их отношений, 1853–2003: Документы и исследования. / РАН. Институт всеобщей истории. Архив внешней политики Российской империи МИД РФ. Сост. Намазова А.С. – М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2003. 208 с. Документы на франц. и рус. яз. и комм. к ним.

20. Россия и Италия: Русская эмиграция в Италии в XX веке. Вып. 5. – М.: Наука, 2003. 335 с.

21. Русская Америка: по личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков и др. очевидцев / Отв. ред. А.Д. Дридзо, Р.В. Кинжалов. – М.: Мысль, 1994. 373 с.

22. Русские военнопленные о своих впечатлениях в Германии: Сб. писем военнопленных в ред. «Русский вестник». – Берлин: Изд-во: М.В. Мейера, 1917. 150 с.

23. Русские в плену у австрийцев. [Высочайше учрежденная чрезвычайная следственная комиссия для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками]. Текст на фр. и рус. яз. – СПб.: Б. и., 1916. 32 с.

24. Русский Париж / сост. и ред. Т.П. Буслакова. – М.: МГУ, 1998. 528 с.

25. Русский Харбин: документы. 2-е изд. – М.: Издательство Московского университета / Издательство «Наука». 2005. 349 с.

26. *Савинков Б.В.* Во Франции во время войны, сентябрь 1914 – июнь 1915: в 2 ч. / Б.В. Савинков. Серия «Вглядываясь в прошлое». – М.: Издательство Государственная публичная историческая библиотека России, 2008. 399с.

27. «Слушателей будет много…»: Русская высшая школа общественных наук в Париже по письмам М.М. Ковалевского, 1901–1905 гг. / Публ. подг. Ю.С. Воробьева // Исторический архив. 1993. № 6. С. 170–177.

V. Мемуары

1. *Аксельрод П.Б.* Пережитое и передуманное / П.Б. Аксельрод. Кн. 1. Семидесятые годы. - Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1923. 444 с.

2. *Бенуа А.* Мои воспоминания / А. Бенуа. 2-е изд., доп. Репринт. воспроизведение изд. 1990 г. - М.: Наука, 1990–1993. Кн. 1–3. 712 с.; Кн. 4–5. 743 с.

3. *Бенуа А.* Дневник 1916–1918 годов / А. Бенуа. - М.: Изд-во «Захаров», 2006. 768 с.

4. *Беркенгейм А.М.* Аргентина и ее колонии / А.М. Беркенгейм. Ст. 1. Развитие колонизации и устройство земледельческих поселений. – М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнер и Комп. 1894. 52 с.; Ст. 3. Жизнь в пампасах Южной Америки [Из поездки в Аргентину] - М.: т-во тип А.И. Мамонтова**,** 1895. 30 с.

5. *Боборыкин П.Д.* Воспоминания: в 2 т. / П.Д. Боборыкин. - М.: Худ. лит. 1965. Т. 1. 567 с. Т. 2. 670 с.

6. *Бонч-Бруевич В.* Как печатались за границей и тайно доставлялись в Россию запрещенные издания нашей партии / В. Бонч-Бруевич. 2-е изд. - М.: Кооп. изд-во «Жизнь и знание». 1927. 115 с.

7. Воспоминания Р.М. Плехановой о жизни Г.В. Плеханова в Париже (1880–1881) // Новая и новейшая история. 1981. № 6. С. 132–143.

8. *Вертинский А.Н.* Дорогой длинною: [воспоминания, стихи и песни, рассказы, зарисовки, размышления, письма] / А.Н. Вертинский. - М.: Правда, 1991. 572 с.

9. *Вильчур М.Е.* В американском горниле. Из записок эмигранта / М.Е. Вильчур. – N. Y., 1914.

10. *Воллан Г. де* В стране миллиардов и демократии: Очерки и заметки / Г. де Воллан. – СПб.–М.: Вольф, 1907. 321 с.

11. *Владимиров М.М.* Русский среди американцев. Мои личные впечатления как токаря, чернорабочего, плотника и путешественника… 1872–1876 / М.М. Владимиров. - СПб., 1877. 237 с.

12. *Воробьева И.А.* Русские духовные миссии и Императорское православное палестинское общество в Святой земле в 1848–1917 годах: автореф. дис…. канд. ист. наук: 070003 / Моск. пед. гос. ун-т. - М., 1998.

13. *Ганич А.А.* Черкесская диаспора в Иордании: генезис и современное состояние: автореф. дис…. канд. ист. наук: 07.00.03 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. - М., 2003.

14. *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 7: Конец августа 1908–1909. / Максим Горький. - М.: Наука, 2001. 320 с.

15. *Зайцев Б.К.* Голубая звезда: повести и рассказы, из воспоминаний / Б.К. Зайцев. – М.: Московский рабочий, 1989.576 с.

16. *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю / А.А. Игнатьев: в 2 т. – М.: Изд-во «Правда», 1989. Т. 1. Кн. 1–3. 592 с. Т. 2. Кн. 4–5. 448 с.

17. *Кропоткин П.А.* Записки революционера / П.А. Кропоткин. — М.: Мысль, 1990. 526 с.

18. *Курбский А.* Русский рабочий у северо-американского плантатора. Воспоминания, очерки и заметки / А. Курбский. – СПб.: Хомиловскій, 1875. 448 с.

19. *Леонтьев К.Н.* Дипломатические донесения, письма, записки, отчеты. 1865–1872. / К.Н. Леонтьев. – М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет), РОССПЭН. 2003. 528 с.

20. *Леонтьев К.Н.* Дневники разных лет: (сост., подг. текст, прим. и имен. указ. А.П. Лебедева) / К.Н. Леонтьев. – М.: Советская Россия. 1992. 460 с.

21. *Лозовский А.* Как мы издавали во время войны интернационалистские газеты в Париже: (из воспоминаний) / А. Лозовский // Печать и революция. 1923. № 5. С. 1–13.

22. *Огарев Н.П.* Избранное / Н.П. Огарев. –М.: Изд-во «Художественная литература», 1977. 446 с.

23. *Попов П.И.* В Америке. Очерки американской жизни по личным наблюдениям автора, прожившего в Америке безвыездно двадцать три года (1872–1895) / П.И. Попов. – СПб: Попова, 1906. 322 с.

24. «Посоветовавшись с Георгием Валентиновичем…». Воспоминания Н.К. Гернет «Бегство В.И. Засулич в Англию в 1894 г.» / публ. подг. к. и. н. П.Ю. Савельев // Исторический архив. 2006. № 6. С. 45–48.

25. *Савинков Б.В.* Воспоминания / Б.В. Савинков. – М.: Московский рабочий, 1990. 446 с.

26. *Сажин М.П.* Русские в Цюрихе. (1870–1873 гг.) / М.П. Сажин // Каторга и ссылка. 1932. № 10(95). С. 24 –67.

27. *Скальковский К.* В стране ига и свободы. Путевые впечатления. Изд. 1-е. / К. Скальковский. – СПб.: Кн. магазин для иногородних. – СПб., 1878. 415 с.

28. *Степняк-Кравчинский С.М.* В лондонской эмиграции. / С.М. Степняк-Кравчинский / Публицистика, переписка. Сост, пер. с анг. и комм. М.Е. Ермашевой. – М.: Наука. 1968. 447 с.

29. *Семенов М.Н.* Воспоминания неврастеника. Из книги «Вакх и сирены». Т. 8. Пер. с ит., публ., вст. статья, прим. В. Кейдана / М.Н. Семенов // Диаспора: Новые материалы. – Париж–СПб.: Athenaeum, 2007. С. 7–72.

30. *Славинский Н.* Письма об Америке и русских переселенцах / Н. Славинский Изд. 1-е. - СПб.: Книжный магазин для иногородних, 1873. 303 с.

31. *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. Воспоминания / Л.А. Тихомиров / Сост., коммент. и предисл. Смолин М.Б. - М.: Изд-во журн. «Москва». 2000. 712 с.

32. *Тучкова-Огарева Н.А.* Воспоминания / Н.А. Тучкова-Огарева [Подгот. текста, вступит. статья и примеч. В.А. Пугинцева]. - М.: Гослитиздат, 1959. 382 с.

33. *Троцкий Л.* Дневники и письма / Лев Троцкий – М.: Изд-во гуманит. лит.: Изд-во стандартов. 1994. 254 с.

34. *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь**:** опыт автобиографии / Л.Д. Троцкий. - М.: Книга, 1990. Т. 1. 327 с. Т. 2. 344 с.

35. *Ю.О. Мартов и А.Н. Потресов*. Письма. 1898–1913 / Науч. ред., авт. предис. и комм. И.Х. Урилов. - М.: Собрание, 2007. 464 с.

36. *Ходасевич В.Ф.* Перед зеркалом / В.Ф. Ходасевич. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 480 с. Серия «Ностальгия».

VI. Исследования

1. *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае. Международные и политические аспекты истории (первая половина XX века) / Н.Е. Аблова. – М.: Русская панорама, 2005. – 431 с.

2. Австралия в русском восприятии, 1807–2007. Впечатления и образы. Идеи. / отв. ред. Ю.Г. Фридштейн, сост. и авт. вступ. ст. И.Н. Васильева-Южина. – М.: Рудомино, 2007. 335 с.

3. Александро-Невский кафедральный собор в Париже: памятка к столетию собора / сост. по материалам ключаря собора протоиерея Александра Чекана. - Париж: Приходской совет собора, 1961. 55 с.

4. *Ананян Е.В.* Начало эмиграции немцев Поволжья в Латинскую Америку / Е.В. Ананян // Латинская Америка. 2004. № 3. С. 97–101.

5. *Анастасова Е.Е.* Старообредците в България: Мит, история, идентичност / Анастасова Е.Е. – София, 1998. 135 с.

6. *Андреев А.Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половине XIX века / Андреев А.Ю. – М.: Знак, 2005.

7. *Андреевская С.И.* Деятельность Н.Я. Бичурина в качестве главы IX Российской духовной миссии в Китае (1807–1821): автореф. дис. … канд. ист. наук: 070002. – СПб., 2006.

8. *Арсеньев Ю.М.* Ленин и социал-демократическая эмиграция. 1900–1904 / Ю.М. Арсеньев. – М.: Мысль, 1971. 366 с.

9. *Архангелов* С.*А.* Наши заграничные миссии: очерк о русских духовных миссиях / С.А. Архангелов. – СПб.: Изд-во. П.П. Сойкин, 1899. 208 с.

10. *Архимандрит Киприан (Керн*). Дореволюционное русское духовенство за границей / архим. Киприан // Журнал Московской Патриархии. 1993. № 11. С. 60–72.

11. *Архимандрит Анатолий (Каменский*). Американские очерки / Арх. Анатолий (Каменский). – Одесса, 1908.

12. Архитектурное наследие Русского зарубежья. Вторая половина XIX – первая половина **XX** в. / Сост. и отв. ред. С.С. Левошко [Материалы международной конференции. 19–20 октября 2004] – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 365 с.

13. *Атаманенко С.А.* Образование меннонитских комитетов в США накануне эмиграции меннонитов юга России в начале 1870-х гг./ С.А. Атаманенко // Немцы России: Социально-экономическое и духов-

ное развитие 1871–1941 гг.: Материалы 8-ой международной научной конференции, Москва, 13–16 октября 2001 г. – М., 2002. С. 430–439.

14. *Баграмов Л.А.* Иммигранты в США / Л.А. Баграмов. – М.: Изд-во ИМО, 1957. 159 с.

15. *Бадерхан Ф.* Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX-первая половина XX века / Ф. Бадерхан. – М.: Ин-т востоковедения РАН.2001. 118 с.

16. *Беляков В.В.* «К берегам священным Нила». Русские в Египте.– М.: Гуманитарий, 2003. 304 с.

17. *Беляков В.В.* Гуманитарные связи России с Египтом (конец XX – середина XX века. – Саарбрюкен (Германия), 2011. 251 с.

18. *Биск А.А.* Русский Париж. 1906–1908 / А.А. Биск // Современник. Торонто. 1963. № 7. С. 59–68.

19. *Битюков К.О.* Российская иммиграция в США до первой мировой войны:: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.03 / Рос. гос. пед. Ун-т им. А.И. Герцена. – СПб., 1996. 26 с.

20. *Богина Ш.А.* Иммигрантское население США. 1865–1900 / Ш.А. Богина / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – Л.: Наука, Ленигр. отделение, 1976. 275 с.

21. *Богина Ш.А.* Иммиграция в США накануне и в период гражданской войны (1850–1865) / Ш.А. Богина. – М.: Наука, 1965. 251 с.

22. *Бонч-Бруевич В.* Духоборцы в канадских прериях / В. Бонч-Бруевич. Кн.14. Т. I. –Пг.: Изд-во «Жизнь и знание». Библиотека обществоведения. 1918. 256 с.

23. *Борис В.О.* Из истории украинской трудовой эмиграции из Галиции в Бразилию в 90-х гг. XIX в. / В.О. Борис. Укр. // Украинский исторический журнал. 1970. № 8. С. 68–71.

24. *Борисенок Ю.А.* Михаил Бакунин и «польская интрига»: 1840-е годы / Ю.А. Борисенок. –М.: РОССПЭН, 2001. 301 с.

25. *Боровков А.Н.* Русская колония в Мексике / А.Н. Боровков // Латинская Америка. 1987. № 9. С. 114–119.

26. *Бородин Н.А.* Северо-Американские соединенные Штаты и Россия / Н. А Бородин**.** – Пг.: Огни, 1915. 324 с.

27. *Бочарова З.С.* Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории. – М.: АИРО-XXI, 2011. 304 с.

28. *Бродский Р.М.* Трагедия русских переселенцев на Гавайские острова (1909–1912 гг.) / Р.М. Бродский // Учен. зап. Львов, гос. ун-та. Т. 27. Вып. 2. 1954. С. 129–145.

29. *Бродский Р. М* Русские эмигранты на Гавайях / Р.М. Бродский // Новая и новейшая история. 981. № 3. С. 172–177.

30. *Бурлак В.Н.* Русская Америка / В.Н. Бурлак. –М.: Вече, 2009. 382 с.

31. *Бурцев В.Л.* В погоне за провокаторами / В.Л. Бурцев.

32. *Васильев А.* Зарубежная Русь/А.Васильев. – Пг., 1905. 32 с.

33. *Вахрушев И.С.* Очерки истории революционно-демократической печати. 1873–1886 годов / И.С. Вахрушев. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1980. 233 с.

34. *Венюков М.И.* Русские в Парижской академии наук в 1881–1888 гг. / В.И. Венюков. –СПб., б. и., 1890. 3 с.

35. *Вертер Ф.* Козаки в Швейцарии / Ф. Вертер. – Орел. 1816.

36. *Вильчур М.Е.* Русские в Америке / М.Е. Вильчур. Н.-Й. [б. г.]

37. *Витвер И.А.* Бразилия и Аргентина / И.А. Витвер. – М.–Л.: Гос. изд., 1930. 506 с.

38. *Вишнякова Н.В.* Русская эмигрантская печать в США (1868–1917) / Н.В. Вишнякова //Страницы истории книжной культуры: Сб. работ мол. ученых. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. С. 179–206.

39. *Волк С.С.* Карл Маркс и русские общественные деятели / С.С. Волк. – Л.: Наука, 1969. 216 с.

40. *Волков А.* Иммиграция и колонизация в Аргентине / А. Волков // Мировое хозяйство и международная политика. 1927. № 7. С. 109–115.

41. *Воробьева И.А.* Русские миссии в Святой Земле в 1847–1917 годах / И.А. Воробьева. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2001. 175 с.

42. *Воробьева И.А.* Русские духовные миссии и Императорское Православное Палестинское общество в Святой земле в 1848–1917 годах: автореф. дис…. канд. ист. наук: Ист. науки: 07.00.03 / Моск. пед. гос. ун-т. – М., 1998. 16 с.

43. *Вострышев М.И.* Патриарх Тихон / Михаил Вострышев. 3 изд., доп. – М.: Молодая гвардия, 2004. 381 с. / (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; Вып. 877).

44. *Ганич А.* Национально-культурные объединения черкесов в Сирии, Иордании и США / А. Ганич // Диаспоры. 2001. № 1. С. 193–208.

45. *Граф Лелива* (*Е.Н. Матросов*). Заокеанская Русь (Социологическо-описательный очерк) / Граф Лелива (Е.Н. Матросов) // Исторический вестник. – СПб, 1897. Т. 67–69.

46. *Григорьев Д.Д.* От древнего Валаама до Нового света: Русская православная миссия в Северной Америке / Д.Д. Григорьев // Русская академическая группа в США. Записки. – Т. 21. – Нью-Йорк, 1998. С. 273–276.

47. *Григорьева Е.А.* Революционно-народническая эмиграция конца XIX века: автореф. дис…. канд. ист. наук: Ист. науки: 07.00.02 / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1970. 25 с.

48. *Гринев А.В.* Внешняя угроза Русской Америке: Миф или реальность // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 108–124.

49. *Гросул В.Я.* Русское зарубежье в первой половине XIX века / В.Я. Гросул. – М.: РОССПЭН, 2008. 703 с.

50. *Гросул В.Я.* Международные связи российской политической эмиграции во 2-ой половине XIX века / В.Я. Гросул. – М: РОССПЭН, 2001. 405 с.

51. *Гросул В.Я.* Российская политическая эмиграция в США в XIX в. / В.Я. Гросул. // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 49–69.

52. *Гросул В.Я.* Российская революционная эмиграция на Балканах в 1883–1895 гг. / В.Я. Гросул. –М.: Наука, 1988. 191 с.

53. *Гросул В.Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859–1874) / В.Я. Гросул. – Кишинев: Штиница, 1973. 539 с.

54. *Гусман Л.Ю.* В тени «Колокола»: русская либерально-конституционалистская эмиграция и общественное движение России (1840–1860 гг.) / Л.Ю. Гусман. – СПб.: Изд-во РГПУ, 2004. 376 с.

55. *Гутман И.А.* Жизнь колонистов в штате Сан-Пауло в Бразилии / И.А. Гутман. – Рига, 1908. 52 с.

56. *Гутнов Д.А.* Русская высшая школа общественных наук в Париже (1901–1906) / Д.А. Гутнов. – М.: РОССПЭН, 2004. 336 с.

57. *Гутнов Д.А.* Русская высшая школа общественных наук в Париже (1901–1906): автореф. дис…. д-ра. ист. наук: Ист. науки: 07.00.02 / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2006. 49 с.

58. *Гюлашанян Э.Г.* Академия наук и университеты Российской Империи: История международных научно-педагогических связей. 1724–1917 / Гюлашанян Э.Г.: автореф. дисс. …канд.ист.наук. – Невинномыск, 2003.

59. *Дейч Л.Г.* Русская революционная эмиграция 70-х годов / Л.Г. Дейч. – Пг.: Гос. изд. 1920. 88 с.

60. *Дик Е.Н.* Из истории российской эмиграции в Аргентину (конец 19 – начало 20 в.) / Е.Н. Дик // Латинская Америка. 1991. № 6. С. 79–86.

61. *Дик Е.Н.* Православие на Ла-Плате (Конец XIX – первая половина XX в.) / Е.Н. Дик // Латинская Америка. 1991. № 8. С. 86–91.

62. *Дик Е.Н.* Русский в пампах Аргентинской республики / Е.Н. Дик // Новая и новейшая история. 1991. № 5. С. 217–220.

63. *Дик Е.Н.* Иммиграционный аспект российско-латиноамериканских отношений / Е.Н. Дик // Латинская Америка. 1994. № 11. С. 95–97.

64. *Дик Е.Н.* Российско-латиноамериканские отношения конца XIX – начала XX в. (1890–1914): автореф. дис. … канд. ист. наук. Ист. науки: 07.00.02 / РАН Институт российской истории. – М., 1994. 22 с.

65. *Дик Е.Н.* Русские в Мексике: эмиграция и адаптация / Е.Н. Дик // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках. – М.: ИРИ РАН, 1996. С. 163–172.

66. *Дик Е.Н.* У истоков российской эмиграции в Мексике: 1906–1926 годы (По мексиканским источникам) / Е.Н. Дик // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. – М.: ИРИ РАН, 1997. С. 130–134.

67. *Дойчер И.* Троцкий. Вооруженный пророк. 1879–1921 гг. / И. Дойчер. Пер. с англ. Т.М. Шуликовой. – М.: Центрополиграф, 2006. 527 с.

68. *Дума Л.Э., Паэглите Д.Е.* Революционные латышские эмигранты за границей, 1897–1917 гг. / Л.Э. Дума, Д.Е. Паэглите. – Рига, 1975. Латв.

69. Еврейская эмиграция из России. 1881–2005 / отв. ред. О.В. Будницкий. – М.: РОССПЭН, 2008. 447 с.

70. *Ефимов А.Б.* Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви / А.Б. Ефимов. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. 688 с.

71. *Журавлева В.И.* Еврейская эмиграция из России в США на рубеже XIX–XX вв.: Образ чужого в сознании американцев / В.И. Журавлева // Новый исторический вестник. 2001. № 2.

72. Журналистика русского зарубежья. XIX–XX веков: учебное пособие / под ред. Г.В. Жиркова. – СПб.: Изд-во С-Петерб. ун-та, 2003. 320 с.

73. *Забелин С.Н.* Русские церкви в Европе / С.Н. Забелин // Российский архив. Вып. 9. 1999. С. 589–600.

74. *Забелин С.Н.* Русские церкви в Европе. Путевые заметки / С.Н. Забелин // Наше наследие. 1997. № 41. С. 98–112.

75. *Зазерский Е.Я., Любарский Л.В.* Ленин. Эмиграция и Россия / Е.Я. Зазерский, Л.В. Любарский. Документальное повествование. – М.: Политиздат, 1975. 479 с.

76. *Заринов И.Ю.* Путь длиннее века: поляки в Бразилии / И.Ю. Заринов. – М.: Изд-во ИЭИА, 1998. 118 с.

77. *Зацепина О.С., Ручкин А.Б.* Русские в США. Общественные организации русской эмиграции в XX–XXI вв. / Зацепина О.С.,Ручкин А.Б. – Нью-Йорк: RACH-C PRESS, 2011. 290 с.

78. *Игумен Александр (Зеркалов*). Русская Православная церковь в Персии-Иране (1579–2001 гг.) / Игумен Александр (Зеркалов). – СПб.: Сатис, 2002. 208 с.

79. *Изразцов К.Г., протоиерей.* Православная церковь в Буэнос-Айресе при Императорской российской миссии в Южной Америке / К. Изразцов. – СПб.: б. и., 1904. 52 с.

80. История Русской Америки (1732–1867): В 3-х тт.: Т. 1. Основание Русской Америки (1732–1799) / Отв. ред. акад. Н.Н. Болховитинов. – М.: Междунар. отношения, 1997. Т. 1. 480 с.; М., 1999. Т. 2. 472 с. Т. 3. 560 с.

81. *Итенберг Б.С.* Российская интеллигенция и Запад. Век XIX. Очерки / Б.С. Итенберг. – М.: Наука, 1999. 231 с.

82. *Кабузан В.М.* Русские в мире=Russians of the World. Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа / В.М. Кабузан. –СПб.: Рус-Балт. информ центр «БЛИЦ», 1996. 347 с.

83. *Кабузан В.М.* Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века / В.М. Кабузан. – М.: Наука, 1998. 268 с.

84. *Каневская Г.И.* Эмиграция с российского Дальнего Востока в Австралию:(по материалам дальневосточной прессы начала XX века) / Г.И. Каневская // Австралиада. – Сидней. 999. № 20. С. 34–36.

85. *Каневская Г.И.* Очерк русской иммиграции в Австралии / Г.И. Каневская (1923–1947 гг.). – Мельбурн: Университет Мельбурна, 1998. 84 с.

86. *Кардашев Ю.П.* Восстание. Броненосец «Потемкин» и его команда / Ю. П Кардашев. – М.: Б. и., 2008. 544 с.

87. *Кашкин Ю.В.* В гейдельбергском университете / Ю.В. Кашкин // Голос минувшего. 1923. март–апрель. С. 43–46.

88. *Кацолла Пьеро*. Русские в Санремо в период XIX–XX веков / Пьеро Кацола. 2-е изд. – М., 2005. 175 с.

89. *Кеппен А.* Научные достижения российской эмиграции в США / А. Кеппен // США: Экономика. Политика. Идеология. 1996. № 8. С. 86–96.

90. *Киперман А.Я.* Главные центры русской революционной эмиграции 70–80-х годов XIX в. / А.Я. Киперман // Исторические записки. Т. 88. 1971. С. 257–295.

91. *Киперман А.Я.* Разночинская революционная эмиграция (1861–1895). Пособие по спецкурсу / А.Я. Киперман**. –** Тамбов: Тамб. ГПИ, 1980. 158 с.

92. *Книжник И.С.* Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской Коммуны / И.С. Книжник. – М., – Л.: Наука, 1964. 258 с.

93. *Коваль М.* Украинцы на Кубе / М. Коваль. // Всесвіт. 1963. № 5. С. 40–42. Укр.

94. *Комолова Н.П.* Италия в русской культуре Серебряного века: Времена и судьбы / Н.П. Комолова. – М.: Наука, 2005. 470 с.

95. *Комолова Н.П.* Италия в судьбе творчестве Бориса Зайцева / Н.П. Комолова. – М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 1998. 82 с.

96. *Косинова О.А.* Педагогическая традиция российского зарубежья в Китае в конце 19 – первой половине XX в.(1898–1947) / О.А. Косинова. – М.: Б. и., 2008. 200 с.

97. *Корляков А.* Русский экспедиционный Корпус во Франции и в Салониках, 1916–1918. = Le Corps expeditionn Russe en France et a Salonique: Фотоальбом /А. Корляков, Ж. Горохов. – Париж: Имка-Пресс, 2003. 656 с.

98. *Королев Н.В.* Страны Южной Америки и Россия (1890–1917 гг.) / Н.В. Королев. – Кишинев: Штиница, 1972. 180 с.

99. *Костяшов Ю.В., Кретинин Г.В.* Россияне в Восточной Пруссии: В 2-х ч. биогр. словарь: в 2 т. / Ю.В. Костяшов, Г.В. Кретинин. – Калининград: Янтар. сказ. 2001. Ч. 1. 269 с.; Ч. 2. 255 с.

100. *Коханик Петр, протопр.* Начало Истории Американской Руси / протопресвитер Петр Коханик. 2-е доп. изд. Trumnull (Conn.): Hardi, 1970. 645 с.

101. *Коханик Петр, протопр.* Русское православное кафолическое общество взаимопомощи в Северо-Американских Соединенных Штатах. К XX-летнему юбилею. 1895–1915 / Сост. П. Коханик. – Нью-Йорк: Русское православное кафолическое общество взаимопомощи, 1915. 1716 с.

102. *Козьмин Б.П.* Русская секция Первого Интернационала / Б.П. Козьмин. – М: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 410 с.

103. *Корочкин В.М.* Русские корреспонденты Карла Маркса (А.А. Серно-Соловьевич и Н.И. Утин) / В.М. Корочкин. – М.: Мысль, 1965. 173 с.

104. *Крадин Н.П.* Харбин – русская Атлантида / Н.П. Крадин. – Хабаровск: Изд-во Хворов А.Ю., 2001. 352 с.

105. *Кретинин Г.В.* Под Российской короной, или русские в Кёнигсберге. 1758–1762 / Кретинин Г.В. – Калининград: Калининградское книжное издательство, 1996. 176 с.

106. *Кукушкин В.Е.* Славянская трудовая эмиграция из Российской империи в Канаду в начале XX века / В.Н. Кукушкин // Этнографическое обозрение. 2002. № 4. С. 126–139.

107. *Куприн Д.Л.* Эмиграция из России в конце XIX – начале XX вв.: Автореф. дис…. канд. ист. наук: Ист. науки: 07.00.02. / Московский городской педагогический университета. – М., 2000. 26 с.

108. *Курчевский Б.* О русской эмиграции в Америку / Б. Курчевский. – Либава, 1914.

109. *Лапин Е.* Настоящее и будущее еврейской колонизации в Аргентине Е. Лапин. – Спб.: Типо-Лотография А.Е. Ландау. 1894. 70 с.

110. *Лебедев Л.* «Колумбы Росские»: Апостольство Русской Православной церкви в Америке (XVIII – XIX вв.) / Лебедев Л. – М.: Русский хронограф, 2003. 192 с.

111. *Левошко С.С.* Русская архитектура в Манчьчжурии. Конец XIX – первая половине XX в. / С.С. Левошко. – Хабаровск: Изд. дом «Частная коллекция», 2003. 174 с.

112. *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. Исторический очерк о Русской духовной миссии в Палестине / Н.Н. Лисовой. – М.: Индрик, 2006. 512 с.

113. *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в.: Автореф. дис…. д-ра. ист. наук. 07.00.02. – М., 2002.

114. *Лишина А.К.* Русский гарибальдиец Лев Ильич Мечников / А.К. Лишина // Россия и Италия. Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. Сб. ст. / Отв. ред. акад. С.Д. Сказкин. – М.: Наука, 1968. С. 167–185.

115. *Ломанов А.В.* Проблемы культурной адаптации в деятельности христианских миссий в Китае: Автореф. дис…д-ра. ист. наук: Ист. науки: 07.00.03 / Институт Дальнего Востока Российской академии наук. – М., 2000. 42 с.

116. *Лопухин А.* Жизнь за океаном. Очерки религиозной, общественно-экономической и политической жизни в Соединенных Штатах Америки / А. Лопухин. – СПб., 1882. 401 с.

117. *Любина Г.И.* Русская научная эмиграция XIX в. Париже // Вопросы естествознания и техники. 2002. № 2. С. 281–299.

118. *Мазин К.А.* Российская эмиграция и российское зарубежье. XVIII век: политический и культурный феномен. – М.: Издательство МГОУ, 2009. 384 с.

119. *Мазин К.А.* М. Эмиграционные процессы и формирование русского зарубежья в XVIII в.): Автореф. дис. … д-ра ист. наук: Ист. науки: / Российский государственный университет туризма и сервиса. – М., 2010. 41 с.

120. Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв. Сохранение национальной идентичности и историко-культурного наследия / Институт славяноведения РАН. – СПб.: Алетейя, 2011. 488 с.

121. *Мосейкина М.Н.* «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. – М.: РУДН, 2011. – 388 с.

122. *Мусаев В.И.* Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. – 1930-е гг.)/ В.И. Мусаев. – СПб.:Изд-во Политехнического ун-та, 2007. 483 с.

123. *Мухин А.* Отход крестьян на заработки в Америку / А. Мухин // Агрономический журнал. Харьков. 1913. № 9–10. С. 148–154.

124. Население Нового Света: проблемы формирования и социокультурного развития. Сб. ст. / Отв. ред. А.А. Истомин / РАН Институт

этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1999. 252 с.

125. *Нечаев С.Ю.* Русская Ницца / С.Ю. Нечаев. – М.: Издательство «Вече», 2008. 376 с.

126. *Нитобург Э.Л.* Русские религиозные сектанты и староверы в США / Э.Л. Нитобург // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 34–55.

127. *Нитобург Э.Л.* У истоков русской диаспоры в Америке / Э.Л. Нитобург // США: Экономика. Политика. Идеология. – Культура. 1996. № 7. С. 84–95.

128. *Нитобург Э.Л.* Русские трудовые иммигранты в США (конец XIX в. – 1917 г.): адаптация и судьбы / Э.Л. Нитобург // Отечественная история. 2002. № 5. С. 63–75.

129. *Нитобург Э.Л.* Вклад русской иммиграции в науку, технику, культуру США / Э.Л. Нитобург // США. Канада. Экономика. Политика. Культура. 2002. № 10. С. 104–115.

130. *Нитобург Э.Л.* Русские в США. История и судьбы. 1870–1970. Этноисторический очерк / Э.Л. Нитобург. – М.: Наука, 2005. 490 с.

131. *Окулевич Г.* Русские в Канаде: история русских рабоче-фермерских клубов им. А.М. Горького (1930–1940) / Г. Окулевич. – Торонто, 1952.

132. *Окунцов И.К.* Русская эмиграция в Северной и Южной Америке / И.К. Окунцов. Буэнос-Айрес: Сеятель, 1967. 423 с.

133. *Омельченко Е.И.* К вопросу об организации Российской колонии / Е.И. Омельченко. – Н.-Й., 1917.

134. *Офросимов К.* Отхожий промысел за океаном / К. Офросимов. – Вильна, 1912.

135. *Паукова В.А.* Группа «Освобождение труда» и международное социалистическое движение (80–90-е годы XIX века) / В.А. Паукова. – Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1963. 66 с.

136. *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917) / З.И. Перегудова. – М.: РОССПЭН, 2000. 430 с.

137. *Петров В.П.* Российская духовная миссия в Китае / В.П. Петров. – Вашингтон: Русская мысль, 1968. 96 с.

138. *Петров В.П.* Русские в истории Америки / В. Петров. – Вашингтон: Рус. Амер. ист. о-ва,1988. 263 с.

139. *Петров В.П.* Русские в Америке. XX век / Виктор Петров. – Waschington: Рус. Амер. ист. о-ва, 1992. 149 с.

140. *Петров В.П.* Россия на Дальнем Востоке / В.П. Петров. – Tenafly, N. J.: Hermitage, 1996. 186 с.

141. *Петросян Ю.А.* Русские на берегах Босфора: (Исторические очерки) / Ю.А. Петросян. – СПб., 1998. 213 с.

142. *Петриковская А.С.* Российское эхо в культуре Австралии (XIX – первая половина XX века) / А.С. Петриковская. –М.: Ин-т востоковедения РАН, 2002. 199 с.

143. *Пиотровский А.А.* Остров слез (Эллис Айланд) / А.А. Пиотровский // Нива. 1913. № 44. С. 875. № 45. С. 891–893.

144. *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии / Е.И. Пивовар. – М.: Изд-во РГГУ, 2008. 545 с.

145. *Пирумова Н.М.* Бакунин / Н.М. Пирумова. – М.: Молодая гвардия, 1970. 399 с.

146. *Пирумова Н.М.* Александр Герцен – революционер, мыслитель, человек. – М.: Мысль, 1989. 254 с.

147. *Пирумова Н.М.* Петр Алексеевич Кропоткин. – М.: Наука, 1972. 137 с.

148. *Подалко П.Э.* Япония в судьбах россиян: Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии в конце XX – начале XX века / П.Э. Подалко. – М.: Институт востоковедения РАН: Крафт+, Киров, 2004. 352 с.

149. *Прошечкин С.Е.* Переселение немцев Поволжья в Южную Америку во 2-ой половине XIX в. / С.Е. Прошечкин // Вопросы краеведения: Материалы краеведческих чтений. Вып. 2. – Волгоград, 1993. С. 64–67.

150. *Прошечкин С.Е.* Реэмиграция немцев Поволжья в Латинскую Америку в 70-е гг. XIX в. / С.Е. Прошечкин // Историческая мысль в современную эпоху: Материалы II межвузовских исторических чтений, посвященных памяти В.А. Козюченко. Волгоград, 2–4 апреля 1996. – Волгоград, 1997. С. 69–74.

151. *Протоиерей Иоанн Недзельницкий.* Галицкие и угорские русские в Соединенных Штатах Северной Америки / прот. И. Недзельский. – Одесса, 1913.

152. *Плеве И.Р.* Начало эмиграции поволжских немцев в Америку / И.Р. Плеве // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871–1941 гг.: Материалы 8-ой международной научной конференции. Москва, 13–16 октября 2001 г. – М., 2002. С. 422–423.

153. *Путятова Э.Г.* Русские источники по истории трудовой эмиграции в Южную Америку в конце XIX– начале XX в. / Э.Г. Путятова // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. – М.: ИРИ РАН, 1997. С. 71–78.

154. *Путятова Э.Г.* Российские эмигранты в Аргентине (конец XIX – начало XX в.) / Э.Г. Путятова // Латинская Америка. 2005. № 4. С. 23–29.

155. *Путятова Э.Г.* Россия и Южная Америка: трудовая эмиграция и дипломатические отношения в конце X1X – начале XX вв. / Э.Г. Путятова. – СПб., 2006.

156. *Пушкарева Н.Л.* Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом / Н.Л. Пушкарева // Отечественная история. 1996. № 1. С. 53–65.

157. *Равич М.* Русская эмиграция в Америку / М. Равич // Наша заря. СПб. 1911. № 7–8. С. 85–97.

158. *Ребрин И.А.* О переселении в Бразилию / И.А. Ребрин. – Харьков, 1903.

159. *Рейтман М.* Знаменитые эмигранты из России: очерки о россиянах, добившихся успеха в США. (Исторические силуэты) / М. Рейтман. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. 320 с.

160. *Рогова А.В.* Идеи воспитания человека культуры в философско-педагогической мысли России и русского зарубежья: Вторая половина XIX – первая половина XX вв.): Авторефю дис…. д-ра пед. наук.: Педагогич. науки: 13.00.01. / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПб., 2004. 41 с.

161. *Росс Н.* Русская церковь на берегах Сены. От зарождения храма до 1917 года / Н. Росс. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 318 с.

162. Российские ученые и инженеры в эмиграции / под ред. В.П. Борисова. –М.: Институт истории естествознания и техники РАН. 1993. 188 с.

163. Россия–Бразилия: транскультурные диалоги / Отв. ред. и сост. И.А. Мальковская. – М.: ЛЕНАНД, 2012. 384 с.

164. *Рудницкая Е.Л.* Русская революционная мысль. Демократическая печать. 1864–1873 / Е.Л. Рудницкая. – М.: Наука, 1984. 330 с.

165. *Рудницкая Е.Л.* Французский «Kolokol» А.И. Герцена и Н.П. Огарева / Е.Л. Рудницкая. // Вопросы истории. 1981. № 7. С. 16–31.

166. *Рудницкая Е.Л.* Н.П. Огарев в русском революционном движении / Е.Л. Рудницкая. – М.: Наука, 1969. 459 с.

167. *Рудницкая Е.Л.* Русский бланкизм: Петр Ткачев / Е.Л. Рудницкая. – М.: Наука, 1992. 266 с.

168. Русская Православная Церковь в Северной Америке. Историческая справка. – Jordanville (N.-Y.): Holytrinity, 1954. 224 с.

169. Русская Православная Церковь Заграницей. 1918–1968: в 2 т. / Под редакцией графа **А.А**. Соллогуб. – Нью-Йорк: Издательство Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, 1968. Т. 1. 762 с. Т. 2. 763 с.

170. Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли / под ред. Ю. Шеррер, Б. Ананьич. – СПб.: Европейский Дом, 1997. 242 с**.**

171. Русские в Австралии [Историческая справка] / Ред. колл. жур. «Австралиада». – Сидней: Австралиада, 2008. 229 с.

172. Русские в плену у германцев. – Б. м. и г. 24 с.

173. Русские в Северной Америке: биогр. словарь / под ред. Е.А. Александрова. Хэмден и др. –Сан-Франциско-Санкт-Петербург: б. и., 2005. 599 с.

174. Русские харбинцы в Австралии: Юбилейный вып.: к 100-летию основания города Харбина, 1898–1998 КВЖД / Общ. Ред. Мельникова Н.А. // Приложение к журн. «Австралиада». Сидней. № 1. 1999. 93 с.; 2000. № 2. 131 с.

175. *Ручкин А.Б.* Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века / А.Б. Ручкин. –М.: Издательство Национального института бизнеса, 2006. 464 с.

176. *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. – Тверь: Федеральная архивная служба России; ВНИИДАД, 2002. 431 с.

177. *Савченко А.И.* Пресса российской политической эмиграции в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дис…. д-ра ист. наук: Исторические науки / Мос. гос. автомобильно-дорожный ин-т. – М., 1998. 32 с.

178. *Сватиков С.Г.* Русская общественная библиотека имени И.С. Тургенева в Париже (1875–1925) / С.Г. Сватиков // Голос минувшего. Париж. 1926. № 2. С. 259–271.

179. *Сватиков С.Г.* Русский политический сыск заграницею (По документам Парижского архива заграничной агентуры департамента полиции) / С.Г. Сватиков. – Ростов н./Д.: Ростовско-Нахичеванский комитет трудовой н.с. партии, 1918.75 с.

180. *Сватиков С.* Русские студенты в Гейдельберге / С. Сватиков // Новый журнал для всех. 1912. № 12.

181. Святыни Русского зарубежья в США. – М.: ИЭА РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 2006. 256 с.

182. *Семченко Н.А.* Русская община в Палестине после Первой мировой войны // Восточный архив. 2012. № 1(25). С. 53–62.

183. *Сень Д.В.* «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.) / Сень Д.В. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2001. 385 с.

184. *Сивков К.В.* Путешествие русских людей за границу XVIII веке / Сивков К.В. – СПб.: Энергия, 1994.134 с.

185. Собор Святителя Николая в Вене / Валерий Коновалов и др. – М.: РИЦ Северо-Восток, 2008. 156 с.

186. *Соколов А.*С. Экономическая и религиозная эмиграция из Российской империи в Америку в конце XIX века / А.С. Соколов // Факты и версии: историко-культурол. альманах: Исследования и материалы. – СПб.: ИМИСП, 2002. Кн. 3: Русское зарубежье: политика, экономика, культура. С. 7–13.

187. *Соколов А.С.* Российская трудовая иммиграция в Америке в последней четверти XIX в. / А.С. Соколов // Советская этнография. 1986. № 2. С. 95–104.

188. *Соколов А.С.* Русские в Америке в конце XIX века (Социально-экономические, общественно-политические и научные контакты. 1881–1900 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. ЛГУ им А.Н. Жданова. – Л.: Изд-во ЛГУ им А.Н. Жданова, 1985. 24 с.

189. *Соколов А.С.* Америка и русская революционно-народническая эмиграция 1880–1890-х гг. / А.С. Соколов // Вестник ЛГУ. 1984. № 20. Вып. 4. История, яз., лит. С. 25–30.

190. *Стрелко А.А.* Первые иммигранты-украинцы на латиноамериканском континенте / А.А. Стрелко // Латинская Америка. 1972. № 4. С. 86–92.

191. *Стрелко А.А.* Украинская трудовая эмиграция в странах Латинской Америки (Конец XIX – начало XX ст.): Автореф. дис…. канд. ист. наук: Ист. науки: 07.00.03 / АН УССР, Институт истории. – Киев, 1973.

192. *Стрелко А.А.* Трудящаяся иммиграция из России в Бразилии, конец 19 – начало 20 в. / А.А. Стрелко // Россия, СССР, Бразилия – 150 лет отношений. – М.: АН СССР, Институт Латинской Америки, 1980. С. 62–91.

193. *Стрелко А.А.* Славянское население в странах Латинской Америки (Исторический очерк) / А.А. Стрелко. – Киев: Наук. думка, 1980. 142 с.

194. Россия и Италия / отв. ред. Н.П. Комолова. – М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 1993. 456 с.

195. *Стефко М.С.* Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры конца XVIII-первой четверти XIX веков. Автореф. дис. … к. ист. наук. Ист. науки: / ИРИ РАН. – М., 2010. 28 с.

196. *Стрелянов П.Н.* Казаки в Персии. 1909–1918. / П. Н Стрелянов (Калабухов). – М.: Центрополиграф, 2007. 444 с.

197. *Тен В.А.* Иммиграционная политика США в XVII–XX вв. / Краткий исторический очерк / В.А. Тен. – М.: Диалог-МГУ, 1998. 136 с.

198. *Талалай М., Марабини. Цеггелер Б.* Русская колония в Мерано: к 100-летию Русского дома им. Бородиной / Б. Марабини Цеггелер. – М. Талалай. Bozen, 1997. 143 с. Текст на ит., нем., рус. яз.

199. *Тарле Г.Я.* Общественные организации русских выходцев в США и Канаде в конце XIX-начале XX вв. / Г.Я. Тарле // Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX – XX вв.). – М.: ИРИ РАН, 1999. С. 9–25.

200. *Тарле Г.Я.* Эмиграционное законодательство России до и после 1917 года (Анализ источников) / Г.Я. Тарле // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX – XX вв. – М.: ИРИ РАН, 1997. С. 31–62.

201. *Твардовская В.А., Итенберг Б.С.* Русские и Карл Маркс: выбор или судьба? / В. А Твардовская, Б.С. Итенберг. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. 216 с.

202. *Таратута Е.А.* С.М. Степняк-Кравчинский – революционер и писатель / Е.А. Таратута. – М.: Худож. лит., 1973. 543 с.

203. *Тишков В.А.* Исторический феномен диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв.: Сб. ст. / под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. – М.: ИРИ РАН, 2001. С. 9–44.

204. *Тишков В.А.* Русский мир // Стратегия России. 2007. № 6. http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii.html (персональный сайт В.А. Тишкова).

205. *Труска Л.С.* Эмиграция из Литвы в 1868–1914 гг. / Л.С. Труска // Академия наук Литовской ССР. Труды. 1961. Серия А.Т. 1 (10). С. 71–84.

206. Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. – Новосибирск: Наука, 1992. 324 с.

207. *Тудоряну Н.Л.* Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма (в Германию, Скандинавские страны и США) / Н.Л. Тудоряну. – Кишинев: Штинца, 1986. 311 с.

208. *Тудоряну Н.Л.* Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Ист. науки:: 070002 / ЛГУ им. А.Н. Жданова. – Л., 1988. 38 с.

209. *Тыкоцкий Г.Б.* Православные храмы Харбина / Г.Б. Тыкоцкий. – Екатеринбург, 1999. 128 с.

210. *Тудоряну Н.Л.* Русские на Гавайях в начале XX века: Материалы к спецкурсу «Российская трудовая эмиграция в конце XIX – начале XX века / Н.Л. Тудоряну. – Кишинев: б. и., 2000. 104 с.

211. *Тютюкин С.В.* Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста / С.В. Тютюкин. – М.: РОССПЭН, 1997. 375 с.

212. *Улевичюс П.В.* Эмиграция трудящихся Литвы в Южную Америку, экономические условия их жизни, прогрессивная общественная и культурная деятельность (1909–1940): Автореф. дис. … канд. ист. наук: Ист. науки: /Вильнюс. гос. ун-т им. В. Капсукаса. – Вильнюс, 1962. 16 с.

213. *Урилов И.Х.* Ю.О. Мартов. Политик и историк / И.Х. Урилов. – М: Наука, 1997. 469 с.

214. *Федорова С.Г.* Русское население Аляски и Калифорнии конец XVIII века – 1876 / С.Г. Федорова. – М.: Наука, 1971. 275 с.

215. *Федосова Э.* От беглых староверов к государственной колонизации. Формирование русской диаспоры в Прибалтике (XVIII–XX вв.) / Э. Федосова // Диаспоры. Независимый научный журнал. 1999. Вып. 2–3. С. 60–80.

216. *Фибих Дан.* Русские в Берлине. Семилетняя война (1756–1763) / Д. Фибих. –М.: Воениздат, 1941. 32 с.

217. *Филипов Ю.Д.* Эмиграция /Ю.Д. Филипов. – СПб., 1906.

218. *Фирстова В.Н.* Царская дипломатическая миссия в Берне и русская эмиграция / В.Н. Фирстова // Вопросы истории. 1973. № 6. С. 205–207.

219. *Фокин С.И.* Русские ученые в Неаполе / С.И. Фокин. – СПб.: Алетейя, 2006. 378 с.

220. *Хисамутдинов А.А.* Русские в Хакодате и на Хоккайдо, или Заметки на полях /А. Хисамутдинов. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2009. 461 с.

221. *Хисамутдинов А.А.* Новый свет: после продажи Русской Аляски // Берега. 2012. № 15. С. 5–8.

222. *Хисамутдинов А.А.* Русские в Бразилии / А.А. Хисамутдинов // Латинская Америка. 2005. № 9. С. 86–100.

223. *Хисамутдинов А.А.* Деятельность обществ американцев русского происхождения на тихоокеанском побережье Северной Америки и Гавайских островах. 1867–1980-е гг. Автореф. дис. … д-ра ист. наук: Ист. науки: 07.00.03 / МГИМО (университет) МИД РФ. – М., 2004.

224. *Хисамутдинов А.А.* Следующая остановка – Китай: Из истории русской эмиграции / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2003. 244 с.

225. *Хисамутдинов А.А.* В Новом Свете, или История русской диаспоры на Тихоокеанском побережье Северной Америки и Гавайских островах / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2003. 323 с.

226. *Хисамутдинов А.А.* По странам рассеяния: монография: в 2 ч. / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2000. Ч. 1: Русские в Китае. 360 с. Ч. 2: Русские в Японии, Америке, Австралии. 172 с.

227. Церкви в США: справочник: в 4 Вып. – М.: Ин-т США и Канады АН СССР, 1980. Вып. 1. 185 с.; Вып. 2. 195 с.; Вып. 3. 243 с.; Вып. 4. 203 с.

228. *Цимбаева Е.Н.* Русский католицизм: Забытое прошлое российского либерализма / Е.Н. Цимбаева. – М.: Эдиторнал УРСС, 1999. 182 с.

229. *Черненко А.И., Шляхов А.Е.* Участники первой русской революции в Аргентине / А.И. Черненко, А.Е. Шляхов // Латинская Америка. 1980. № 11. С. 103–107.

230. *Черненко А.М.* Российская революционная эмиграция в Америке (конец XIX в. – 1917 г.) / А.М. Черненк. – Киев: Выща школа, 1989. 202 с.

231. *Черненко А.М.* Российская революционная эмиграция в Австралии (1900–1917 гг.) / А.М. Черненко. – Днепропетровск, 1978. 230 с.

232. *Черненко А.М.* В.И. Ленин и заграничные большевистские организации в годы реакции и нового революционного подъема / А.М. Черненко. Уч. пособие. – Днепропетровск, 1969. 83 с. Укр.

233. *Чернявская Л.С.* Документы архива Министерства иностранных дел по истории русских православных миссий за границей / Л.С. Чернявская // Отечественные архивы. 2001. № 4. С. 29–34.

234. *Чернявский С.И.* История русского православия в Швейцарии (1817–1917) / С.И. Чернявский. – М.: Арбат-Информ, 2000. 237 с.

235. *Черняк А.Я.* Журнал русских студентов в Гейдельберге / А.Я. Черняк // Вопросы литературы. 1959. № 1. С. 173–183.

236. *Чо Хон Хван.* Русская православная миссия в Корее: автореф. дис…. канд. ист. наук: 070002 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 1997.

237. *Чочиев Г.* Северокавказская диаспора в Турции (социально-политические аспекты эволюции во второй половине XIX и в XX в.) / Г. Чочиев // Диаспоры. 2001. № 1. С. 162–192.

238. *Шевцов А.В.* Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века / А.В. Шевцов. –СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 1997. 315 с.

239. *Шейнбаум Л.С.* Русские в Аргентине (Из истории российской эмиграции) / Л.С. Шейнбаум // Латинская Америка. 1993. № 5. С. 113–120.

240. *Шлепаков А.Н.* Украинская трудовая эмиграция в США и Канаду / А.Н. Шлепаков. – Киев, 1958. Укр.

241. *Шлепаков А.Н.* Иммиграция и американский рабочий класс в эпоху империализма / А.Н. Шлепаков. – М.: Мысль, 1966. 50 с.

242. *Шлепаков А.Н.* Славянские группы в США / А.Н. Шлепаков // Национальные процессы в США. – М.: Наука, 1973. С. 278–291.

243. *Шубина С.А.* Русская православная миссия в Китае (XVIII – начало XX в.): Автореф. дис…. канд. ист. наук. Ист. науки: / Яросл. гос. ун-т им. П.С. Демидова. – Ярославль, 1998. 25 с.

244. *Щапов Я.Н.* Русские студенты в западноевропейской высшей школе в начале XX века // Исторические записки. 1987. № 115. С. 148–152.

245. *Щербатский А.И.* Русские в Америке / А.И. Щербатский. Н.-Й. [б. г.].

246. *Щербатский А.И.* Русская эмиграция в Соединенные Штаты/ А.И. Щербатский // Известия Министерства иностранных дел. Кн. VI. 1914. Пг., 1915.

247. *Щербатюк И.Е.* Социально-экономические причины эмиграции трудящихся масс Галиции, ее формы и последствия (вторая половина XIX – начало XX ст.): Автореф. дис…. канд. экон. наук/Киев. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко. – Киев, 1965. 26 с.

248. *Эйдинтас А.А.* Литовская эмиграция в страны Северной и Южной Америки в 1868–1940 гг. / А. Эйдинтас. АН ЛитССР, Ин-т истории. – Вильнюс: Мокслас, 1989. 217 с.

249. Юбилейный сборник в память 150-летия Русской Православной Церкви в Северной Америке: в 2 ч. / с архипаст. благословения его высокопреосвященства высокопреосвящ. Феофила, архиеп. Сан-Францисского, митр. всея Америки и Канады. – Нью-Йорк: Изд. Юбилейной комиссии, 1945. Ч. 1. 314 с.; Ч. 2. 280 с.

250. *Яновский С.Я.* Русское законодательство и эмиграция // Журнал Министерства юстиции. 1909. № 4. С. 47–114.

251. *Яровой О.А.* Валаамский монастырь и православная церковь в Финляндии, 1880–1920-е гг.: из истории финнизации правос. конфессии): автореф. дис. … канд. ист. наук: 070002 / Петрозав. гос. ун-т. – Петрозаводск, 1999.

VII. Литература на иностранных языках

1. *Bauer G.* Geschichte der deutschen Ansiedler an der Wolga seit ihre Einwanderung nach Russland bis zur Einfuhrung der allgemeinen Wehrpflicht (1766–1874) nach geschichtlichen Quellen und mimdlichen Uberlieferungen / G. Bauer. – Saratov, 1908.

2. *Berokoff J.L.* Molocans in America. – Los Angeles, 1968.

3. *Beratz G.* Die deutsche Kolonien an der unteren Wolga in ihrer Entstehung und ersten Entwicklung / G. Beratz. – Saratov, 1915.

4. *Brepohl F.W., Fugmann W.* Die Wolgadeutschen im Brasilianischen Staate Parana / F.W. Brepohl, W. Fugmann. Festschrift zum Funfzig-jahr-jubilaum ihrer Einwanderung. – Stuttgart, 1927.

5. *Brepohl F.W.* Die Einwanderung der Wolgadeutschen in Brasilien (1872–1879) / F.W. Brepohl. – Ponta Grossa (Parana), 1932.

6. Bottin mondain de la societe russe…: Annuaire des descendants de, ancienre societe russe: successeur de Almanach de Saint-Petersbourg, 1910–1914. – Paris: Societe du Bottin mondain. 1996. 1996. 316 p.; 1999. 1999–2000. 304 p.

7. *Govorchin Gerald Gilbert.* From Russia to America with love: A Stuady of the Russian Immigrants in the United States / Gerald Gilbert Govorchin. – Pittsburgh, 1993.

8. *Graniowski K.* The Main Stages in the History of Polish Inmigrants in South America / *K. Graniowski* // Polish Western Affairs. Poznan. 1976. № 2.

9. Fort Ross: Indians-Russians-Americans. – Jenner, Calif.: Fort Ross interpretive assoc., 1980. 41 p.

10. *Gisinger A.* From Catherine to Khrushchev. The Story of Russian's Germans / A. Gisinger. – Winnipeg, 1974.

11. *Gold S.M.* German-Russians in North Dakota: Their History and Politics / S.M. Gold. Honorary Thesis, University of North. – Dakota. Grand Forks, 1967.

12. Graefe I.B. Zur Volkskunde der RuBlanddeutschen in Argentinien / I.B. Graefe. – Wien, 1971.

13. *Graefe I.B.* Cultural changes among Germans from Russia in Argentina / I.B. Graefe. – New York, 1978.

14. *Vila Villar*. Los Rusos en America / E.V. Villar. – Sevilla: Escuela de Estudios Hispano=Fmericanos, 1966. 104 p.

15. *Degenhart M.E.* Children Without a Fatherland: the Volga German's in Russia and America / M.E. Degenhart. Senior Thesis, Lake Forest College, 1982.

16. Encounters under the Southern Cross. Two Centuries of Russian-Australian Relations 1807–2007. – Adelaide, Crawford House Publishing, 2007. 419 p.

17. La historia de los judios del Uruguay. – Montevideo, 1986.

18. Migration from the Russian empire: Lists of passengers arriving at the Port of New York / Edited by Ira A. Glazer. Baltimor: Genealogical Publishing Company, 1995. Vol. I.: Jan. 1875 – Sept. 1882. XXXII, 703 p.

19. *Remi Adam.* Histori des soldats russes en France (1915–1920): Les damnes de la guerre / Adam Remi. – Paris, 1996. 383 p.

20. Russian and Soviet in Manchuria and other Mongolia, 1911–1931. – Durham, 1959. XX. 494 p.

21. *Saicky Ivan.* Osudova setkani: Cesi v Rusku a Rusove v Cechach, 1914–1938 / Ivan Saicky. – Praha, 1999. 271 p.

22. *Haim A.* Argentina y la historia de la imigracion judia. – Jerusalem, 1983.

23. *Hardwick S.* Russian refuge: religion, migration and settlement on the North American Pacific Rim / S. Hardwick. – Chicago, 1993.

24. *Hoerder D., Rossler H.* Distant Magnets: expectations and Realities in the Immigrant Experience, 1840–1930 / D. Hoerder, H. Rossler. Holmes & Meier, 1993.

25. *Hollatz D.* Die Auswanderung der Kolonisten nach Sudamerika / D. Hollatz // Forschungen zur Geschichte und Kultur RuBlanddeutschen. Teil 1. 1997. № . 7. S. 165–185; Teil 2. 1998. № 8. S. 39–46.

26. *Hutchinson E.P.* Immigrants and their children, 1850–1950 / E.P. Hutchinson. – N. Y., 1956, 1976.

27. *Kanevskaya G.I.* Russian Migrant Community in Australia / G.I. Kanevskaya // Monograph series under the general editorship of Nina Christesen. Russians in Australia.Melbourne: University of Melbourne. 1998. № 24. 84 p.

28. *Karlovich R.A.* We fall and rise: The Russian language periodical press in New York city from 1889–1914 / R.A. Karlovich. – N. Y., 1981.

29. *Kopp T.* Wolgadeutsche Siedeln in Argentinischen zwischenstromland / T. Kopp. – Marburg, 1979.

30. *Koch F.* The Volga Germans: In Russia and America. 1860–1917 / F. Koch. – University of Nebraska Press, 1977.

31. *Long J.* From Privileged to Dispossessed. The Story of Russian's Germans / J. Long. – Winnipeg Manitoba, 1976.

32. Migration from the Russian Empire. List of passengers arriving at the port of New York 1875–1901. – Baltimore, Maryland, 1995.

33. The Press of labor migrants in Europe and North America 1880 to 1930. – Bremen, 1985.

34. *Remi A.* Histori des soldats russes en France (1915–1920). Les damnes de la guerra. – Paris: L Harma Hau. 1996. 383 p.

35. *Riffel J.* Die Russlanddeutschen insbesondere die Wolgadeutschen am La Plata. (Argentinien, Uruguay und Paraguay) / J. Riffel Festschrift zum 50 Jahrigen Jubilaum ihrer Einwanderung. – Buenos Aires, 1928.

36. *Rock K.*W. Germans from Russia in America: The First Hundred Years. / K. W, Rock. Fort Collins. – Colorado, 1976.

37. Russian immigrants. 1860–1915 by Helen Frost. – N.Y., 2003.

38. *Sinner P.* Germans in the Land of the Volga / P. Sinner. Lincoln. – Nebraska, 1989.

39. *Scheurmann R.D., Chifford E Trafzer*. The Volga Germans Pioneers of the northwest / R.D. Scheurmann, E Trafzer Chifford. – Moscow, Idaho, 1980.

40. *Schlesinger A.M.* The Rise of the City. 1878–1898 / A.M. Schlesinger. – New York, 1933.

41. Skupiska staroobrzedowcow w Europie, Azji i Ameryce: Ich miejsce i tradycje we wspolczesnym swiecie. – W-wa, 1994.

42. Tang P.S. Russian and Soviet in Manchuria and Other Mongolia. 1911–1931. – Durham: Univrsity of North California press. 1959 – XX. 494 p.

43. *Young P.V.* The Molocan Community in Los Angeles // The American Journal of Sociology. 1929. Vol. 35. № 3.

44. *Urry J.* The Mennonites in Russia and the Soviet Union: Recent Perspectives from English Language Sources / J. Urry // Forschungen zur Geschichte und Kultur RuBlanddeutschen. 1995. № 5. P. 129–135.

VIII. Диссертационные исследования

1. *Ананян Е.В.* Эмиграция немцев Поволжья в Америку в 70-е годы XIX в.: предпосылки, причины и результаты. Дисс…. канд. ист. наук: Ист. науки. – Волгоград, 2004.

2. *Борлакова Ф.А.* Карачаево-балкарская эмиграция: этапы формирования и этнокультурной эволюции: вторая половина XIX – первая половина XX в.: диссертация… кандидата исторических наук: / Борлакова Ф.А. – Карачаевск, 2009.

3. *Каневская Г.И.* История русской эмиграции в Австралии (конец XIX в. – вторая половина 80-х гг. XX в.). Дис…. док-ра. ист. наук: Ист. науки. – М., 2008.

4. *Никитин Т.Н.* Российская политическая эмиграция конца XIX века: идейная борьба между марксистами и революционными народниками: Дис…. канд. ист. наук: Ист. науки. – М., 1991.

5. *Подрез С.В.* Генезис и проблемы современного положения российской диаспоры в Латинской Америке: Дис. … канд. ист. наук: Ист. науки. – М., 2005.

6. *Путятова Э.Г.* Русско-аргентинские отношения конец 19 – начало 20 в.: Дис. … канд. ист. наук: Ист. науки. – Л., 1989.

7. *Руденко В.А.* Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине: Дис. … канд. ист. наук: Ист. науки. – М., 1975.

8. *Талалай М.Г.* Русская Православная Церковь в Италии с начала XIX века до 1917 года.: Дис. … канд. ист. наук: Ист. науки. – М, 2002.

9. *Хайруллина П.А.* Русская Православная Церковь в США: поиск путей модернизации и деятельность свт. Тихона (Беллавина): Последняя треть XIX – нач. XX вв.: Дис…. канд. ист. наук: Ист. науки: – Челябинск, 2004.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абаза А.Н. – 46
Абед А. – 304
Абед Р. – 304
Аблова Н.Е. – 53, 62, 346
Авксентьев Н.Д. – 212, 217
Автократов – 158
Агафонов – 87
Агафонов В.К. – 186
Адамович М. – 95
Адольф Нассаусский, герцог – 272
Айвазовский И.К. – 253
Аксельрод П.Б. – 76, 211, 215
Алабин П.В. – 230
Александер фон – 123
Александр I – 35, 137, 240, 264, 267, 273
Александр II – 121, 124, 159, 244, 270, 273, 274, 282
Александр III – 57, 126, 131, 136, 271, 273, 276, 277, 300
Александр Невский – 269, 273, 277, 278, 288
Александра Павловна, великая княгиня – 271
Александра Федоровна, императрица – 35, 206, 244, 269, 274
Алексеев Е.И. – 52
Алексеев М.В. – 322
Алексей Александрович, великий князь – 264
Алексий II – 291
Алексинский Г.А. – 84, 186, 217
Аль А. – 345
Альбертини – 72
Альбрехт Г.И. – 334
Альфред, принц – 273
Альшван – 333
Алябьев А.А. – 199
Амфитеатров В.А. – 251
Ананян Е.В. – 148, 149
Анастасия Михайловна, великая княгиня – 271
Анграский В. – 186
Аничков В.М. – 309
Аничкова А.М. – 186
Анна Иоанновна – 267
Анна Павловна, великая княгиня – 272
Анна Федоровна, великая княгиня – 38
Анненков П.В. – 179
Анреп Б. – 181
Антоколец Д. – 147
Антокольский М.М. – 226
Антонова Н.С. – 261
Антонов-Овсеенко В.А. – 216
Антощенко А.В. – 256
Аравийский Н. – 333
Аргунов А.В. – 217
Аржанов – 248
Арнольдов – 310, 311
Артамонов Л.К. – 43
Аугустус – 310, 311
Афанасьев М.И. – 175
Ахматова А.А. – 181
Ашбе А. – 204

Б

Баграмов Л.А. – 115, 148
Багратион-Мухранский – 310
Баженов В.И. – 151, 152
Базаров А.А. – 84
Бакланов Г.А. – 203, 204
Бакст В.И. – 210
Бакст Л.Н. – 193
Бакст Л.С. – 188, 190
Бакст Н.И. – 175
Бакунин М.А. – 67, 70, 72, 73, 75, 81, 157, 159, 210
Балабанов М. – 231
Балод И.Э. – 257
Бальм А. – 196, 197

Бальмонт К.Д. – 183, 184
Баранов А.А. – 45
Бардах Я. – 166
Бархатов (Боков) Е. – 268, 269
Басин П. – 251
Бати Г. – 199
Баумгартен О. фон – 345
Бах А.Н. – 76
Бахметев – 318
Бахметев Б.А. – 156, 157, 255
Бахметев Ю. – 153
Башкирцева М. – 244
Белинский В.Г. – 179
Белосельский А.М. – 235, 242
Белосельский-Белозерский А.М. – 233, 240
Белый А. – 184
Бельский М.И. – 151
Беляев В. – 303
Беляков В.В. – 61, 95, 146, 307, 347
Бенешевич В.Н. – 265
Бенкендорф Д.А. – 243
Бенуа А.Н. – 186, 188, 190, 193, 198, 257
Бенуа Л.Н. – 273
Беренс А.И. – 309
Бернар К. – 163
Бернштейн Н.О. – 175
Бетховен Л.В. – 249
Бецкой И.И. – 152
Бинеман В. – 251
Бирюков П.И. – 214, 228
Биск А. – 183, 257
Битерякова Е.В. – 255
Бичам Т. – 193
Блаватская Е. – 181
Блюммер Л.П. – 210
Боборыкин П.Д. – 33, 61, 67, 70, 73, 75, 144, 145, 173, 184, 245, 256, 257, 260
Бобринский В.Г. – 243
Бобринский П.А. – 312
Богданов А.А. – 83, 84
Божерянов А. – 209
Боливар С. – 308, 351
Больм А.Р. – 190
Бомарше П.-О. – 233
Бонч-Бруевич В. – 138, 150, 173, 211, 258, 321, 322, 346
Борисов-Мусатов В. – 180, 188, 204
Бородин А.П. – 181, 188
Ботезат Г.А. – 161
Боткин П.П. – 302
Бочаров И.Н. – 249
Браун И. – 48
Браун М. – 48
Браун С. – 48
Брешко-Брешковская Е.К. – 76
Бродская (Скадовская) А. – 162, 163, 201, 255, 258
Бродский А.Д. – 162, 201–203, 252, 255
Бронгулеев В.В. – 257
Брук А.С. – 109, 147
Бруни Ф. – 153, 251
Брюллов А. – 152, 240
Брюллов К. – 153, 240, 251, 253
Буайэ П. – 229
Будницкий О.В. – 124, 147, 149, 156, 255
Булавин К. – 134
Булатович А.К. – 43
Булгаков С.Н. – 99, 181
Булгарин Ф.В. – 230
Бунаков И. – 217
Бунин И.А. – 253
Бурлак В.Н. – 255, 256
Бурцев В.Л. – 78, 84, 145, 214, 215
Бутлеров А.М. – 164
Бутурлин Д.П. – 240, 270
Бухарин Н.И. – 218
Бьеринг Н. – 291
Бэр К. – 166, 176
Бюлов Г. фон – 202
Бюхнер Г. – 159
Бючли О. – 174

В

Вадецкий В.К. – 213
Вазов И. – 230
Валишевский К. – 180
Варфоломеевский – 47
Васильев Е. – 133, 147
Васильева М.И. – 186
Введенский Н.Е. – 174, 175
Вебе К.И. – 49
Вейерштрас К. – 159
Величковский П. – 263
Вендгаузен В.Л. – 49
Венюков М.И. – 165
Венюков М.П. – 168, 171, 256
Веревкина М.В. – 204, 258
Вериго Б.Ф. – 175
Вернадский В.И. – 100

Вершинина И. – 198
Ветошников – 72
Виардо П. – 180
Виельгорская – 244
Виллебуа-Марейль – 311
Вилль С.К. де – 163
Вильгельм I – 272
Вильгельм II – 188, 197
Вильгельм Баденский, герцог – 272
Вильгельм, принц Нидерландский – 272
Виноградов П.Г. – 165, 177, 178, 256
Виноградский С.Н. – 166
Винокуров М.З. – 232
Витте С.Ю. – 51, 156, 242, 293, 302
Владиславлев А. – 344
Власов П.М. – 43
Водопьянов В.А. – 52, 62
Волкова А.М. – 258, 346, 347
Волконская З.А. – 153, 221, 240, 242
Володарский В. – 92
Волошин М.А. – 181, 183, 186, 346
Вольтер Ф.-М. – 233, 235
Воронихин А.Н. – 153
Воронов Б. – 217
Воронцов А.Р. – 235, 271
Врубель М.А. – 188, 204
Вурц – 163
Вырубов Г.Н. – 165, 171, 184, 222
Вюрц – 164
Вяземский П.А. – 253, 274
Вяльцева А. – 204

Г

Гагарин А.А. – 50
Гагарин Г.И. – 240
Гагарин И.С. – 68, 221
Гагарина – 251
Гайдебуров П. – 257
Галло де – 238
Гальберг С. – 251
Гальперин Л.Е. – 95
Гамалея Н.Ф. – 166
Гамбаров Ю.С. – 165, 171
Ган П.В. – 240
Ган Р. – 196
Ганецкий – 310, 311
Ганзен Ф.К. – 49
Гардер Р.О. – 49
Гарибальди Дж. – 70, 210
Гаупт Н.А. – 50
Гейденгайн Р. – 174
Гейман С.С. – 55
Гейнс Н.К. – 89
Гельмгольц Г. – 174, 175
Герд Л.А. – 259, 305
Герман Аляскинский – 299
Герман Б.В. – 93
Гернет Н.К. – 78, 81, 145
Герра А. – 260, 306
Герцен А.А. – 244
Герцен А.И. – 37, 65, 68, 70, 72, 73, 75, 159, 179, 209, 210, 244, 251
Гетрункевич А.И. – 106
Гинцбург Г. – 127
Гиппиус З. – 86, 146, 159, 184, 185
Гирс М.Н. – 300, 304
Гирш М. де – 86, 126
Глазунов А.К. – 188
Глинка В. – 152, 251
Глинка М.И. – 188, 199, 245
Глушакова Ю.П. – 249
Глюк К.В. – 199
Гнедич П.П. – 253
Гоголь Н.В. – 35, 221, 228, 230, 231, 244, 251, 253, 260, 304, 335
Годунов Б. – 188
Голицын – 266
Голицын Д.А. – 152
Голицын М.А. – 238
Голицын Ю.Н. – 68
Голицына Е. – 270
Голицына Н.П. – 235, 238
Голицына П.А. – 238, 239, 242
Голицына Т..Н. – 243
Головин А.Я. – 190
Головин И.Г. – 65, 67, 190
Головина – 251
Головкин А.Г. – 266
Головкин Ф.Г. – 238
Головкина Н.П. – 238
Голубев В. – 180
Гольбек О.М. – 345
Гольштейн А.В. – 183
Гонелиа Г. – 214
Гонкур Ж. – 180
Гонкур Э. – 180
Гончаренко А. – 210
Гончаров А.А. – 252
Гончаров Д.Д. – 252
Гончаров Е.Д. – 252
Гончаров И.А. – 41, 204
Гончарова Е.Д. – 252
Гончарова Е.Н. – 252, 261

Гончарова Н. – 204, 252
Гончарова О.К. – 252
Гордеев А.С. – 94
Горохов Ж. – 346
Горчаков А.М. – 270
Горчаков К.А. – 243
Горький М. – 84, 251, 324
Гофман М.Л. – 226
Гоц А. – 212, 224
Гоц М. – 212
Гошкевич И.А. – 284
Грабарь И.Э. – 181, 188, 204
Грановский Т. – 157
Греви Ж. – 165
Гревс И.М. – 100
Грегер А.Е. – 303
Гречаная Е.П. – 16, 260
Грибоедов А.С. – 230
Григ Н. – 202
Григ Э. – 201, 202, 255
Григорович В.И. – 265
Григорович Д.В. – 230
Григорович-Барский В. – 263
Григорьева Т. – 198
Гросул В.Я. – 68, 73, 144–146, 239, 258, 260
Гудо Э. – 181
Гумилев Н.С. – 181, 184, 209, 257
Гурвич И.А. – 92
Гуревич Н. – 92
Гурьева – 251
Гутман И.А. – 148
Гутнов Д.А. – 34, 61, 88, 145, 146, 163, 255–257
Гучков А.И. – 53, 310, 320
Гучков Ф.И. – 310, 311
Гюго В. – 159

Д

Давыдов В.П. – 253
Дайнов М. – 214
Дамрош В. – 202
Дан Ф.И. – 215
Данков Г. – 271
Дантес Ж. – 252, 261
Дарвин Ч. – 333
Дашкова Е. – 153
Дебюсси К. – 196
Де-Воллан Г.А. – 49
Дейч Л. – 81
Дейчер И. – 83, 86
Делевский Ю. – 186, 259
Делиль Ж. – 233, 235, 239
Дельвиг А.А. – 199
Дементьев П.А. – 106, 213
Демидов Н.Н. – 270
Деникин А.И. – 53
Дервиз П.Г. фон – 245, 246
Десницкий С. – 153
Деффан де – 238
Джавид-паша А. – 119
Диас П. – 32
Диатропов – 311
Дик Е.Н. – 61, 62, 109, 147, 149, 150
Диксвель Ш.Б. – 55
Дитмарс – 70
Дитрихштейн Ф.-Ж. – 238
Дмитриевский А.А. – 265
Добужинский М.В. – 181, 188, 204
Догель И.М. – 174, 175
Доде А. – 180
Дойчер И. – 145, 259
Долгорукая Е.М. – 244
Долгоруков В.С. – 267
Долгоруков П.В. – 68, 209
Дондуков-Корсаков А.М. – 230
Дорн А. – 175, 176
Дорн Р. – 175
Достоевский Ф.М. – 35, 72, 181, 230, 231
Дрейер – 310
Дридзо А.Д. – 62, 306
Дринов М.С. – 230
Дурново П.Н. – 126
Дымченко П.А. – 94
Дюлленом Ш. – 199
Дягилев С.П. – 159, 181, 186–188, 190, 193, 196–198, 204, 248, 257, 350

Е

Евдоким (Мещерский), епископ – 297
Екатерина II – 116, 153, 238, 249, 271
Екатерина Павловна, великая княгиня – 272
Елена Павловна, великая княгиня – 243, 271
Елизавета Николаевна, великая княгиня – 272
Елизавета Петровна, императрица – 267
Елизавета Федоровна, великая княгиня – 283
Елпатьевский – 333

Енгалычев – 243
Енгалычева М.Н. – 243
Епифанов Ф. – 345
Ермолов Н. – 309
Ефимов А.Б. – 306, 307
Ефимов Н.Е. – 253

Ж

Жак-Далькоз Э. – 257
Живаго Т. – 175
Жиганов В.Д. – 62
Жилинский И. – 309, 344
Житков И. – 142
Житловский Х.О. – 92
Жуве Л. – 199
Жукович А. – 327
Жуковский В.А. – 199, 204, 226, 244, 260
Жуковский Н.И. – 35, 73, 75, 232

З

Забелин М. – 142
Залевский – 87
Залманов А.С. – 251
Занд Ж. – 159
Зандина Ф. – 345
Засс Н. – 291
Засулич В.И. – 76, 78, 81, 83, 86, 145
Захаров А.Д. – 152
Збарский Б.И. – 156
Зеленский В.Д. – 176
Зеленский Е.И. – 214
Зензинов В. – 212, 260
Зинин Н.Н. – 164
Зиоров Н. – 291, 294
Знойко – 333
Золя Э. – 180

И

Иванов – 333
Иванов (Семенов) В. – 44
Иванов А.Е. – 163, 254–256
Иванов Вс. – 181
Иванов Вяч. – 183
Иванов М. – 300
Иванов Н.И. – 94
Игнатьев Н.П. – 264
Изразцов К. – 299, 300, 302–304, 307, 343, 344
Изъединова С. – 311, 345
Ингерман С.М. – 91, 218
Иннокентий, митрополит – 288, 289, 294, 298, 299
Иоанн (Максимович) – 298
Иоанн Кронштадтский – 302
Иоасаф (Болотов), архимандрит – 288
Ионин А.И. – 299
Ионин А.С. – 122, 148, 300
Иордан Ф.И. – 152
Иоффе А.А. – 216
Иринарх (Попов) – 269
Италинский А.Я. – 153, 240

К

Кабузан В.М. – 59, 62, 63, 109, 113, 132, 147–149
Казаков (Свиягин) К. – 76
Камбасерес – 239
Каменев Л.Б. – 173
Камолова Н.П. – 252
Кандинский В.В. – 204
Каневская Г.И. – 63
Каневская Г.Н. – 57, 146
Кантемир А.Д. – 232, 233
Капустин А. – 265, 269, 282, 283
Карамзин Н.М. – 35, 232
Кардовский Д.Н. – 204
Кареев – 333
Карно М. – 78
Карсавина Т.П. – 190, 191, 193, 196, 227, 257, 259
Касаткин – 221
Кашкин Ю. – 158, 159, 255
Кедровский И. – 296
Кейдан В. – 256
Кельсиев В.И. – 72
Кеннан Дж. – 319, 320, 345
Кесслер К.Ф. – 176
Кинжалов Р.В. – 306
Кипренский О. – 153, 251
Киреевский И. – 157
Кирилл (Наумов), епископ – 282
Кирилл, патриарх Иерусалимский – 282
Кирпичников – 333
Киселев – 333
Кистяковский Б.А. – 99
Кларк П.И. – 98
Клейнберг Е.Г. – 49
Ковалевская С.В. – 159
Ковалевский А.О. – 166, 178
Ковалевский М.М. – 72, 75, 145, 165, 171–173, 222, 256

Ковалевский Н.О. – 175
Ковалевский П.Е. – 229, 260
Кокто Ж. – 196
Колесник В.И. – 148
Коллонтай А. – 92, 216
Кольцов Н.К. – 174, 176
Комаровский – 311
Комин-Александровский М.А. – 94
Комиссаржевская В.Ф. – 205
Комолова Н.П. – 84, 145, 259, 261
Кондаков Н.П. – 253, 265
Константин Николаевич, великий князь – 264, 282
Константин, великий князь – 38
Константинович Е. – 309
Коншин А.Н. – 211
Корляков А. – 346
Кормон Ф. – 180
Корнилов Л.Г. – 53
Коровин К. – 181, 188, 204
Королев Н.В. – 148
Коротнев А.А. – 176
Корсаков Н.А. – 240
Корчинский И. – 299
Коскуль, граф – 123
Котляревский С.А. – 100
Кочубей В.С. – 242
Кравченко – 311
Красильников – 248
Краснов П.Н. – 43, 61
Крафт – 310
Кржижановский Г.М. – 95
Кристоферсон А. – 303
Кролик Н. – 257
Кропоткин П.А. – 75, 84, 210, 214
Кругликова Е.С. – 183
Крупская Н.К. – 86, 93, 95
Крыленко Н. – 228
Крылов И.А. – 231
Крылов М. – 251
Кузнецов И. – 243
Кузнецова А.И. – 243
Кузьмин Р. – 273
Куклин Г.А. – 221
Купер Ф. – 239
Куракина – 239
Куропаткин А.Н. – 243, 309
Курчевский Б.О. – 106, 147
Кусевицкий С.А. – 203
Кусков Н.И. – 312
Кусков Н.Н. – 312
Кускова Е.Д. – 99
Кутузов С. – 198
Кшесинская М. – 190, 193, 248
Кюи Ц. – 188

Л

Лабинский А. – 205
Лавис Э. – 177
Лавров П. – 67, 75, 180, 210, 224
Лагарп Ф.С. де – 235
Ладыгин А.Н. – 106
Лазарев Г.И. – 334
Лазарев К.П. – 219
Лапин Е. – 30, 61
Лаппо-Данилевский А. – 178
Ларионов М.Ф. – 188
Лачинова В.Д. – 207
Левошко С.С. – 51, 62, 279, 306
Леже Л. – 230
Лейкарт Р. – 174
Лейкина-Свирская В.Р. – 255
Лемешев С. – 205
Ленин В.И. – 83, 84, 86, 95, 145, 173, 184, 211, 228, 256
Леонтьев К.Н. – 253
Лермонтов М.Ю. – 231
Леру П. – 159
Лескова Т. – 198
Ливанов – 333
Ливенский Н. – 242, 260
Ливчак И.Н. – 249
Липковская Л. – 205
Лисовой Н.Н. – 284, 306
Литвинов С.В. – 55
Литта Ю.П. (Джулио) – 249, 251
Лифарь С. – 188, 193, 196, 257
Лобанов-Ростовский А.Б. – 270, 300
Лозовский А. – 259
Лозовский С.А. – 215–217
Ломоносов М.В. – 232, 235
Лопатин Г.А. – 84, 180, 221, 222
Лорис-Меликов М.Т. – 244
Лорье С. – 339
Лосенко А.П. – 151
Лоудон Р. – 49
Лубков В. – 142, 143, 150
Луговой Л.И. – 55
Луначарский А.В. – 84, 87, 145, 186, 216, 256, 261
Лунин М. – 308, 344
Луцкой В.В. – 50, 81
Луцкой С.В. – 50
Лучинин – 171

Львов Г.Е. – 320
Львов Н.Н. – 100
Любимов А.И. – 215
Любина Г.И. – 165, 256
Людвиг К. – 174
Людиц К.А. – 345

М

Мазин К.А. – 135, 148–150
Майер С. – 131
Макарий, архимандрит – 265
Макаров А.М. – 245
Макарова В. – 345
Маккинли У. – 28
Максимов Е.Я. – 310, 311
Максимович – 171
Малевич К. – 204
Маликов А.К. – 89
Мальковская И.А. – 256
Мальцев А. – 276
Малютин С.В. – 188
Малявин Ф.А. – 188
Мандельштам О.Э. – 181
Маневич И.А. – 149
Мануильский Д.З. – 216
Мария Александровна, великая княгиня – 273
Мария Александровна, императрица – 270
Мария Антуанетта – 235, 238
Мария Максимилиановна, великая княжна – 272
Мария Николаевна, великая княжна – 272
Мария Павловна, великая княгиня – 198, 272
Мария Федоровна, императрица – 273, 274, 302, 312
Марк Ф. – 204
Марков – 238
Мартенс Л. – 92
Марти Х. – 308
Мартов Ю.О. – 83, 215, 216
Мартынов А.С. – 215
Марчук Н.Н. – 344
Масальцев Т. – 333
Масутаро К. – 287
Матвеев Ф. – 251
Машкевич Н.В. – 50
Мейер Х. – 251
Мекк К. фон – 244, 245
Мекк Н.Ф. фон – 244
Мелентьев Н. – 309
Менген – 242
Менделеев Д.И. – 168, 178
Менелик II – 43, 310
Меншуткин Н.А. – 164, 165
Мережковский Д. – 146, 159, 184, 185
Мериме П. – 179
Метман М. – 252
Мечников – 70
Мечников И.И. – 165, 166, 168, 171, 174, 178, 251
Мечников Л.И. – 75, 97
Мещерский П.С. – 269
Миклухо-Маклай Н.Н. – 56, 57, 63
Милиоти – 188
Миллер И. – 308
Милюков П.Н. – 65, 144, 178
Минский – 183, 184
Митропольский И. – 291
Михаил Иаврович, великий князь – 243
Михаил, великий князь – 35, 46
Михайлов В.А. – 279
Михайлов М.Л. – 70
Михайловский Н.К. – 333
Модестов – 158
Мозжухин А. – 205
Молешотт Я. – 159
Монте П. – 196
Мопассан Г. де – 180
Морков – 248
Морозов – 87
Муравьев А.Л. – 304
Муравьев А.Н. – 253
Муравьев-Апостол-Коробин – 248
Мусоргский М.П. – 188
Мутсухито, император – 287
Мясников В.С. – 261

Н

Нагорная О. – 328, 346, 347
Надаров И.П. – 206
Надарова А.В. – 206
Наквасин Д.И. – 55
Наполеон I – 239, 267
Натансон М. – 212
Неклюдов Н.А. – 159
Некрасов И.Ф. – 134
Некрасов Н.А. – 210
Нессельроде К.В. – 280
Нестеров Г. – 303
Нефф – 273

Нечаев С. – 61, 81, 243, 260
Нижинская Б.Ф. – 198
Нижинская Р. – 257
Нижинский В.Ф. – 190, 192, 193, 196, 198, 257
Никитин – 310
Никитин, поручик – 311
Никитин, штабс-капитан – 311
Николаев – 310
Николаевский Б.И. – 156
Николай I – 35, 65, 135, 244, 268–271, 304
Николай II – 163, 186, 193, 204, 273–275, 287, 302, 312
Николай Александрович, цесаревич – 274
Николай Николаевич, великий князь – 327
Николай Павлович, великий князь – 272
Николай Японский (Касаткин), архиепископ – 50, 285–288, 316–318
Николай, епископ – 289
Николова М.С. – 260
Никон, патриарх – 262
Никонов В. – 344
Ниманов Б.И. – 347
Нитобург Э.Л. – 146, 148, 150, 306
Новгородцев П.И. – 100
Норамбуэна К. – 48, 61, 62
Носик Б.М. – 256, 257

О

Оберучев К.М. – 339, 341, 347
Оболенский (Осинский) В.В. – 60, 147, 149
Овсянников – 87
Овсянников Ф.В. – 174, 175
Огарев Н.П. – 68, 70, 159, 204, 209
Оже О. – 308
Ознобишина – 248
Окунцов И.К. – 60, 147, 259
Онегин А.Ф. – 180, 221, 226, 227
Онкоева Н. – 345
Орехов М.Д. – 186
Оржих Б.Д. – 48, 213
Орлов Г.В. – 240
Орлова А.А. – 304
Орлова О.К. – 242
Орлова-Давыдова О.К. – 242
Осоргин М.А. – 84, 251
Осоргина Т.А. – 209, 251, 258, 346, 347
Осоргина-Бакунина Т. – 209

П

Павел I – 271, 272
Павлов В. – 303
Павлов И. – 168, 178
Павлов И.П. – 175, 177
Павлова А. – 34, 181, 190, 193
Падлевский И.В. – 280
Палицын Ф.Ф. – 322
Парвус А. – 216
Пастер Л. – 166, 168
Патканов С.К. – 104, 147
Пестель П. – 308
Петипа М. – 205
Петр I – 267
Петров А.М. – 342
Петров-Водкин К.С. – 204
Петросян Ю.А. – 61, 259
Петрункевич И.И. – 100
Печерин В.С. – 65
Пешков З.А. – 324, 346
Пешкова (Горас) Г.К. – 52, 62
Пивовар Е.И. – 16, 61, 148, 340, 347
Пикассо П. – 198
Пирогов Н.И. – 159
Писемский А.Ф. – 72
Питоев Г.И. (Жорж) – 199, 200, 257
Питоев И.Е. – 257
Питоев Ис. Е. – 257
Платон (Рождественский), епископ – 297
Платонов И.В. – 230, 333
Плеве И.Р. – 148, 149
Плевицкая А. – 204
Плеханов Г.В. – 75, 76, 78, 84, 85, 91, 215, 217, 228, 231
Плюхина Е.Л. – 257
Победоносцев К.П. – 300, 302
Подзаходников П.И. – 97
Подзолкин П.И. – 94
Подолинский С.А. – 175
Покровский М.Н. – 84, 216
Поляков Ю.А. – 61, 132
Полянский З.М. – 50
Попов А.В. – 146, 255, 256, 258
Попов К.С. – 55
Порфирий (Успенский), архимандрит – 42, 280, 282
Потемкин – 251
Потемкин Г.А. – 249

Потемкина – 251
Потоцкий С. – 339
Похвиснев Д. – 309
Пошехонов В.М. – 286
Преображенский М.Т. – 275
Прокопович С.Н. – 99
Пругавин К.С. – 89
Прудон П.Ж. – 159
Птицын А.Н. – 61, 150
Путята А.Д. – 57
Путятова Э.Г. – 130, 147, 149
Пушкарев Н.Л. – 147
Пушкарев С.Г. – 161, 255
Пушкарева Н.Л. – 102
Пушкин А.С. – 226, 230–232, 240, 249, 252, 261

Р

Равашоль – 78
Радек К. – 145, 256
Радзивилл А. – 49
Радищев А.Н. – 232
Радомысленский (Зиновьев) Г.Е. – 76
Радченко – 52
Разумовский А.К. – 249
Райхсберг Н.М. – 341
Ракитников Н.И. – 87
Рамбо А.Н. – 177
Рамос П. – 113
Расст Л. – 49
Рахманинов С.В. – 188
Рачковский П.И. – 78
Ребрин Р.А. – 148
Рединг Ю.А. – 55
Редон О. – 183
Реймон Э.Д. – 174
Ренненкампф фон – 311
Репин И.Е. – 180
Рерих Н. – 180, 181, 188
Римский-Корсаков Н.А. – 181, 188, 333
Рина Я. – 286, 287
Рихтер В.Н. – 251
Роберти Е.В. де – 171
Робертсон Дж. – 57
Ровенский П.В. – 219
Рожественский З.П. – 313, 322
Розен Р.Р. – 49
Розенталь И. – 95
Роль-Скибицкий М. – 308
Россет-Смирнова А.О. – 226, 227
Росси К. – 152
Ростов Л. – 198
Ростопчина – 251
Рошфор А. – 243
Рубакин Н.А. – 221, 227, 228
Рубанов В.И. – 311
Рубинштейн А. – 277
Рубинштейн И. – 193
Руссель-Судзиловский Н.К. – 320, 321, 346
Ручкин А.Б. – 146, 147
Рябушкин А. – 303

С

Сабашникова М.В. – 183, 186
Савабе А. – 317
Савабе П. – 317
Савинков Б.В. – 84, 185
Савченко А.И. – 258, 259
Сажин – 210
Сакаров Н. – 231
Салтыков И.П. – 235
Салтыкова Д.П. – 235
Самарин Д.Ф. – 302
Самарина – 248
Санд Ж. – 179
Сапронова М.А. – 345
Сбруев В.В. – 146
Сватиков С.Г. – 35, 61, 259
Свердлов Я.М. – 324
Свечина – 251
Севастьянов П.И. – 265
Сезиомов И.С. – 41
Семенов М.Н. – 178, 256
Сергеев Ф.А. (Артем) – 97, 173
Сергей Александрович, великий князь – 282, 283
Сергий (Страгородский), архимандрит – 287
Серебряков Е.А. – 214
Серебрякова З. – 181
Серно-Соловьевич А.А. – 70
Серов В.А. – 188, 204
Сеченов И. – 168, 174, 175
Сидорова М.В. – 144
Симмонс М. – 149
Симон Л. – 183
Сиротин А.С. – 94
Скарская Н. – 257
Склифосовский Н.В. – 166
Скобелев М.И. – 216
Скородумов Г.И. – 151
Скотт В. – 239, 240
Скрябин А.Н. – 188
Скурат К.Е. – 307
Слепцов А.А. – 70

Слюнин Н.В. – 219
Смирнов – 196, 333
Смит А. – 65, 153
Соколов А.С. – 146
Соколов Н.В. – 222
Соколовский В. – 291
Сокольников Г.Я. – 216
Соллогуб – 341
Соловцов – 248
Соловьев В.С. – 17
Сомов К. – 181, 188
Спенсер Г. – 333
Спик П.П. – 232
Спицын А.В. – 208
Сталинский – 87
Станкевич Н.В. – 157, 204
Старов И.Е. – 152
Стасов В.В. – 72
Стасов В.П. – 152
Стасюлевич М.М. – 222
Стеклов – 87
Стеклов Ю.М. – 186
Степняк-Кравчинский С.М. – 75, 89, 212
Стефко М.С. – 233, 260
Стоклицкий А. – 92
Столетов А.Г. – 158, 171
Стоянов В. – 231
Стравинский И.Ф. – 181, 193, 197
Страховская Л. – 345
Стрелко А.А. – 132
Стрельцов П. – 309
Строганов А. – 153, 233, 235
Строганов Г.А. – 153
Строганова М.Н. – 255
Строганова Н.М. – 235
Строгов М. – 190
Струве П.Б. – 98–100, 173, 178, 181, 213
Судейкин С.Ю. – 188
Судзиловский Н.К. – 214
Сумарокова-Эльстон – 246
Сумароков-Эльстон – 246
Суханов А. – 262
Сухарев А. – 16
Сухотина-Толстая Т.П. – 186
Сюннерберг Г.Г. – 56, 62

Т

Талалай М. – 305
Тальберг Н. – 305
Тарле Г.Я. – 147, 148
Тауц А. – 345
Тен В.А. – 28, 60
Терци Дж. – 249
Тизенко П. – 60
Тимирязев К.А. – 165, 168, 171, 178
Титов В.П. – 264
Тихомиров Л.А. – 245
Тихомирова О. – 345
Тихон (Белавин), архиепископ – 291, 293–299, 318
Тишенко П.С. – 208, 219
Тишков В.А. – 16, 64
Ткачев П. – 210
Ткачев П.Н. – 75
Толстой Л.Н. – 35, 137, 141, 210, 214, 228, 229, 287, 333
Толстой М.Л. – 137
Тон К. – 152, 251
Тредиаковский В.К. – 242
Трейман С.К. – 280
Трепов Ф.Ф. – 78
Третьяков И. – 153
Троцкий Л.Д. – 81, 83, 86, 145, 173, 215–217, 256, 259
Трубецкая М.А. – 242
Трубецкой Н.П. – 68, 210
Трусов – 210
Тудоряну Н.Л. – 149
Тужилин А. – 208
Тургенев И.С. – 61, 70, 157, 179, 180, 186, 204, 222, 224, 251, 259
Тургенев Н.И. – 65–67, 144, 308
Турчанинов И.В. – 89
Тютчев Ф.И. – 35, 204, 244

У

Ульянова О. – 48, 61, 62
Унбеган Б.Г. – 259
Унгерн-Штернберг – 248
Урицкий М.И. – 216
Успенский Ф.И. – 265
Устимович К.Н. – 174
Утин Н.И. – 73, 75, 210
Ухтомский А.А. – 175

Ф

Фармаковский М. – 209
Федорова – 190
Феофан, архиепископ – 269
Филиппов Ю.Д. – 19, 60
Филипченко А. – 251
Философов Д.В. – 159, 184, 185
Фиркс Ф.Г. – 49

Флобер Г. – 180
Фогт К. – 159
Фокин М. – 181, 190, 193
Фокин Н. – 193
Фокин С.И. – 175, 176, 196, 256
Фондаминский И. – 212
Франк С.Л. – 99
Франц Иосиф I – 201
Фраткин И.С. – 341
Фридрих Великий – 235
Фридрих Вильгельм I – 267
Фридрих Вильгельм III – 267–269
ФридрихВильгель VI – 199
Фридрих-Людвиг, принц Мекленбург-Шверинский – 271
Фридрих-Франц III, великий герцог – 271
Фролов Д. – 149
Фролов И. – 303

Х

Хавкин В.А. – 168
Халле Ч. – 202, 203
Ханыков Н.В. – 165
Хейфец Л.С. – 146
Херасков М.М. – 232
Хисамутдинов А.А. – 62, 258
Хитрово М.А. – 265
Хованский И.А. – 133
Хорват Д.Л. – 52, 53, 206
Хотовицкий А. – 220, 291, 293
Хохлова О. – 198
Хренков А.В. – 62, 345
Христиан IX – 273

Ц

Цион И.Ф. – 174, 175

Ч

Чайковский Н.В. – 89
Чайковский П.И. – 37, 188, 201, 244, 255
Чахотин П.С. – 176
Чахотин С.С. – 174, 176, 177, 256
Чебышев П.Л. – 165, 166
Челпанов – 333
Чепелевский – 248
Черкасов М.А. – 285
Черненко А.М. – 146
Чернов В.М. – 84, 173, 186, 212
Чернышев П.Г. – 267
Чернышевский Н.Г. – 70, 73, 210
Чернявская Л.С. – 307
Чернявский С.Р. – 205
Чертков В.Г. – 214, 252
Чеснокова С.А. – 174, 256
Чехов А.П. – 181, 199, 244
Чжицен В. – 62
Чиняков М.К. – 324, 346
Чихачев П.А. – 165, 253
Чичерин Г.В. – 216
Чочиев Г. – 118, 148
Чудновский Г.И. – 218
Чудовский И. – 267, 268
Чупров А.И. – 172, 256

Ш

Шабелевский Ю. – 198
Шаванн П.П. де – 180
Шагал М. – 181
Шаламов В.Т. – 289
Шаламов Т. – 289
Шаляпин Ф. – 181, 188, 193, 196, 248
Шамиль – 117
Шанель К. – 198
Шатобриан Ф.Р. де – 239
Шевич С.Е. – 92
Шевырев С.П. – 153
Шевяков В.Т. – 176
Шейнбаум Л.С. – 110, 147
Шейнин – 55
Шейнис – 87
Шейнис Л.И – 259
Шелгунов Н.В. – 70
Шелихов Г.И. – 44, 45
Шервашидзе А.К. – 186
Шереметев В.А. – 243
Шереметев И.В. – 243
Шереметев М.В. – 243
Шестаков В. – 61, 255
Шидловский А. – 51
Шиллер Ф. – 242
Широкорад А.Б. – 346
Шишкин М. – 61, 145, 255, 259
Шмальц И. – 289
Шмидт А.А. – 174
Шмидт Э.А. – 49
Шмитт А.А. – 175
Шмурло Е.Ф. – 178
Шнейдерот Г.И. – 229
Шолар Л.Ф. – 198
Шпейер А.Н. – 304
Шрайдер Г.И. – 251
Шредер – 47
Штагер Л.Т. – 257

Штакельберг Ф.А. – 49
Штейнфельд Н. – 208
Штерн Л.С. – 156
Штрольман – 311
Штук Ф. фон – 204
Шубин Г.В. – 149, 310, 345
Шубин Ф.И. – 151
Шувалов А.П. – 235, 242
Шувалов П.А. – 272
Шувалова В.П. – 272
Шувалова Е.П. – 235
Шуйский В. – 258
Шульженко – 310, 311
Шумяцкий Б.З. – 94
Шухт А. – 251

Щ

Щапов Н.М. – 161
Щапов Я.Н. – 255
Щедрини С. – 251
Щербаков А. – 48
Щербакова Е.И. – 144
Щербацкий В. – 267
Щукин И.И. – 180
Щурупов М.А. – 286

Э

Эбель – 181
Эдисон Т.А. – 106
Эйнбродт П.П. – 175
Элпидин М.К. – 210
Эльсниц А.Л. – 245
Эльсон Ф. – 251
Эспальтера А. – 142
Эспальтера Х. – 142

Ю

Ювеналий – 298
Югович А.И. – 51
Юдин Г.В. – 231, 232, 260
Юон К.Ф. – 190

Я

Явленский А. – 204
Яворский Н. – 198
Яковлев Н.А. – 306, 345
Яновский С.Я. – 21, 24, 60, 149

Русский мир в XX веке
в 6-ти томах

Том 1

Мосейкина М.Н. У истоков формирования Русского мира. XIX – начало XX века.

Том 2

Бочарова З.С. Феномен зарубежной России 1920-х годов.

Том 3

Бочарова З.С. Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России.

Том 4

Антошин А.В. На фронтах Второй мировой и «холодной» войн: русские эмигранты в 1939 – начале 1950-х гг.

Том 5

Антошин А.В. От Русского Монмартра – к Брайтон-Бич: эволюция Русского мира в 1950-е – начале 1980-х гг.

Том 6

Бордюгов Г.А., Касаев А.Ч. Русский мир и Россия: формирование нового типа отношений. 1986–2000 гг.

Русский мир в XX веке
В 6-ти томах

Марина Николаевна МОСЕЙКИНА

Том 1

У ИСТОКОВ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОГО МИРА.
XIX – начало XX века

ISBN 591022236-8

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
Редакция издательства «Алетейя»:
СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,
тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru
Отдел продаж:
fempro@yandex.ru, тел. (812) 951-98-99
www.aletheia.spb.ru

Книги издательства «Алетейя» в Москве можно приобрести в следующих магазинах:

«Историческая книга», Старосадский пер., 9.
Тел. (495) 921-48-95

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Фаланстер», Малый Гнездниковский пер., 12/27.
Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин «Циолковский», Новая площадь, 3/4, подъезд 7д.
Тел. (495) 628-64-42

«Галерея книги „Нина“», ул. Бахрушина, д. 28. Тел. (495) 959-20-94

Подписано в печать с оригинал-макета 27.01.2014
Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 24,5
Тираж 1000 экз. Зак.